

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes various landmarks, streets, and waterways. Labels in French and Russian are visible, such as 'Isle', 'Apothicairenie', 'La Petite Nevka R.', 'Grande', 'Neva R.', 'La Fontanka R.', and 'Courrier de la Fonderie'. The map is oriented with the river flowing from the top right towards the bottom left.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

БЮЛЛЕТЕНЬ

8

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 8

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 8

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Рецензенты:

В. А. Лапшин (директор ИИМК РАН)
И. Л. Тихонов (директор Музея истории СПбГУ)

Ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев
Перевод: А. В. Гилевич

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук:
(охранная археология). [№] 8 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2018. – 264 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 8 / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House ООО «Periphery», 2018. – 264 pp. : ill.

ISBN 978-5-907053-11-3

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Восьмой номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2015–2018 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The eighth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2015–2018 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-907053-11-3

УДК 902/904
ББК 63.4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах</i>	
Раскопки неолитической стоянка Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации)	9
<i>Д. В. Герасимов, Е. С. Ткач, Е. Н. Гончарова</i>	
Обследование «Kukkonkirko» – «Петушиной церкви» в Гатчине	21
<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев</i>	
Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2015–2016 гг.	27
<i>Е. Р. Михайлова, К. В. Шмелев, В. Ю. Соболев, Д. Н. Мурзенков, И. А. Федоров, И. И. Тарасов</i>	
Раскопки селища Владимировка 1 в Приозерском районе Ленинградской области в 2017 г.	39
<i>К. С. Роплекар</i>	
Археологическая разведка в Усть-Луге Кингисеппского района Ленинградской области	47
<i>К. С. Роплекар, Е. Л. Кириллов, И. В. Стасюк</i>	
Исследования на территории музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре и на Левашовском мемориальном кладбище в 2017 г.	55
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Е. К. Блохин</i>	
Археологические разведки на Ижорском плато	67
<i>И. В. Стасюк</i>	
<i>Археологические исследования на северо-западе России</i>	
Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия)	69
<i>М. М. Шахнович</i>	
Раскопки церкви Воскресения Христова в г. Петрозаводске в 2017 г.	81
<i>М. М. Шахнович</i>	
<i>Археологические исследования в регионах России</i>	
Новый мезолитический могильник в Вологодской области Усть-Колпь 11	91
<i>Н. В. Косорукова, Т. Р. Садыков</i>	
Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.)	97
<i>В. Л. Мыц, С. Л. Соловьев</i>	
Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг.	123
<i>А. В. Поляков, И. П. Лазартов, Ю. Н. Есин</i>	
Поселение XVIII в. «Усадьба Рассохватый-1» на границе Воронежской и Ростовской областей	140
<i>Р. В. Филиппенко</i>	

Междисциплинарные исследования

Монетный клад 40-х гг. XVII в. с территории Курского детинца	156
<i>К. В. Горлов, Р. С. Веретюшкин</i>	
Клад петровского времени из окрестностей Новой Ладogi: результаты комплексного исследования	175
<i>К. В. Горлов, А. В. Плохов, Л. М. Дмитренко, С. В. Хаврин, Н. Ф. Морозова</i>	
Новые данные о реставрационно-строительных работах на памятнике наскального искусства Томская писаница в конце 1960-х – середине 1970-х гг.	215
<i>К. В. Конончук, А. Ф. Покровская</i>	
Деревянные обувные колодки в раннесредневековой Ладoge и использование колодок в средневековье	219
<i>А. В. Курбатов</i>	
Реставрация кладовой керамики начала XVIII в. из Новой Ладogi	237
<i>Н. С. Курганов</i>	
Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С. А. Дубинского	241
<i>С. А. Семенов</i>	
Исследования мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики на поселении Йылгылы-депе в Туркменистане	248
<i>Н. Ф. Соловьева</i>	
Список сокращений	263
Список авторов	264

CONTENTS

Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs

**Excavations at the Neolithic site of Berezovo 2 in North-Western Ladoga region
(field observations and preliminary interpretations)9**

D. V. Gerasimov, E. S. Tkach, E. N. Goncharova

Investigation of ‘Kukkonkirkko’ – ‘Cock church’ in Gatchina21

E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev

**Field investigations of the Prof. G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical
Sociology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University 2015–201627**

*E. R. Mikhaylova, K. V. Shmelev, V. Yu. Sobolev, D. N. Murzenkov,
I. I. Fedorov, I. A. Tarasov*

**Excavations at the settlement of Vladimirovka 1 in
Priozersk district of Leningrad Oblast in 201739**

K. S. Roplekar

Archaeological survey in Ust-Luga, Kingisepp district of Leningrad Oblast47

K. S. Roplekar, E. L. Kirillov, I. V. Stasyuk

**Investigations in the territory of N. K. Roerich’s Museum-Estate in Izvara and
at the Levashovo Memorial Cemetery in 201755**

S. A. Semenov, St. A. Vasil’ev, E. K. Blokhin

Archaeological surveys on the Izhora Plateau67

I.V. Stasyuk

Archaeological Investigations in Northwestern Russia

**Excavations at the estate of the Adriano-Andrusovsky monastery in 2017
(Olonets district of the Republic of Karelia)69**

M. M. Shakhnovich

Excavation of the Church of Resurrection of Christ in Petrozavodsk in 201781

M. M. Shakhnovich

Archaeological Investigations in Russian Regions

A new Mesolithic burial ground of Ust-Kolp 11 in Vologda Oblast91

N. V. Kosorukova, T. R. Sadykov

**Population of the Taman Peninsula in the Middle Ages
(materials from excavations of 2016)97**

V. L. Myts, S. L. Solovyev

**Investigations by the Sayan Expedition of IIMK RAS at
sites of the Early Bronze Age on Itkol Lake in 2016-2017123**

A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov, Yu. N. Yesin

**Settlement of the 18th century ‘Estate Rassokhovaty-I’ at the boundary
between the Voronezh and Rostov Oblast140**

R. V. Philippenko

Interdisciplinary Studies

A coin hoard of the 1640s from the territory of the Kursk detinets	156
<i>K. V. Gorlov, R. S. Veretyushkin</i>	
A hoard of Peter's time from surroundings of Novaya Ladoga: results of an interdisciplinary study	175
<i>K. V. Gorlov, A. V. Plokhov, L. M. Dmitrenko, S. V. Khavrin, N. F. Morozova</i>	
New information on the restoration-construction works at the site of rock art Tomskaya Pisanitsa in the late 1960s – mid-1970s	215
<i>K. V. Kononchuk, A. F. Pokrovskaya</i>	
Wooden footwear lasts in early mediaeval Ladoga and the use of lasts in the Middle Ages	219
<i>A. V. Kurbatov</i>	
Restoration of a storeroom of pottery of the early 18th century from Novaya Ladoga	237
<i>N. S. Kurganov</i>	
From Petersburg to Leningrad. The landmarks of the professional fate of the archaeologist S. A. Dubinskiy	241
<i>S. A. Semenov</i>	
Specialized workshop of the Early Chalcolithic Period site Yilgynly-depe in Turkmenistan	248
<i>N. F. Solov'yova</i>	
List of Abbreviations	263
List of Authors	264

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Раскопки неолитической стоянка Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации)¹

Д. В. Герасимов, Е. С. Ткач², Е. Н. Гончарова

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-9-20

Археологические раскопки неолитического поселения Берёзово 2, проведённые в 2018 г. ИИМК РАН, представляются важным событием в истории исследований каменного века в Северо-Западном Приладожье. Впервые для данной территории памятник каменного века был исследован полностью на большой площади с соблюдением всех требований современной археологической методики. Подобные проекты единичны в масштабах всего Северо-Запада России и прилегающих территорий Финляндии и Эстонии.

История археологических исследований на территории Северо-Западного Приладожья насчитывает около 150 лет, опубликованы детальные историографические обзоры (Uino, 1988, 1997, 2003; Герасимов и др., 2003; Герасимов, 2006). Первые исследователи археологических древностей в Северо-Западном Приладожье А. Талльгрэн (Aarne M. Tallgren) и Т. Швиндт (Theodor Schwindt) известны, прежде всего, как специалисты по бронзовому и железному векам (Schwindt, 1893). Тем не менее, благодаря их работам были выявлены и введены в научный оборот первые материалы по

каменному веку – эпохе раннего металла с этой территории. Огромный вклад в изучение каменного века Приладожской Карелии и Карельского перешейка внёс С. Пяльси (Sakkari Pälsi). Инспектируя в качестве представителя Национальной службы древностей (финск. Museovirasto, англ. National Board of Antiquities) принадлежавшую Финляндии часть Карельского перешейка и Северное Приладожье, он выявил несколько десятков стоянок периода неолита (Pälsi, 1915; 1918). На ряде памятников были проведены археологические раскопки, полученный материал стал эталонным для изучения каменного века не только Карельского перешейка, но и значительной части Восточной Балтики и Карелии на многие десятилетия. Реконструкция неолитического жилища, предложенная С. Пяльси по материалам раскопок поселения Питкяярви (Räisälä Pitkärvi), до настоящего времени является предметом обсуждения специалистов (Seitsonen, 2006).

Не менее значительная роль в изучении рассматриваемой территории принадлежит А. Европеусу (Aarne E. Europaeus, в 1930 взял фамилию Äygrää), также проводившего инспекции и археологические раскопки от имени Национальной службы древностей. Материалы, полученные в ходе работ Национальной службой древностей Финляндии, хранятся в настоящее время в Национальном историческом музее Финляндии (National Museum) в Хельсинки.

В 60–80-х гг. XX в. археологические работы на этой территории проводили В. И. Тимофеев, А. И. Сакса, С. И. Кочуркина, А. Н. Кирпичников (Кирпичников, 1974; Кочуркина, 1981; Тимофеев, 1993; Saksa, 1998; Сакса, 2010). В последние два десятилетия активные археологические исследования ведутся здесь в рамках ряда российских и международных исследовательских проектов с участием российских и зарубежных научных учреждений.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта НИР Формирование древнего и современного населения Евразии и Америки по данным этнологии, физической антропологии и археологии (МАЭ РАН, 2017-2019) и направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0011 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. E-mail: jeni90@mail.ru.

В ходе этих работ было локализовано значительное количество археологических памятников, известных по результатам исследований предыдущих лет, и выявлено несколько десятков новых археологических объектов (Lavento et al., 2001; Герасимов, 2006; Герасимов и др., 2003; Nordqvist et al., 2008).

Не менее четверти из надежно локализованных археологических объектов каменного века изучалось археологическими раскопками разной площади. Наиболее масштабные раскопки памятников каменного века проводились в первой половине XX в. в первую очередь силами Национальной службы древностей Финляндии. Обычно при раскопках поселений большими площадями использовалась методика, вполне передовая для того времени и достаточно широко используемая и в наши дни. Слой разбирался условными горизонтами с помощью штыковых лопат тонкими срезами с фиксацией находок по квадратам 2×2 или 1×1 м.

Современная методика раскопок памятников каменного века призвана получить полную информацию об особенностях залегания археологического материала и вмещающих отложений. Этим обусловлено все более активное привлечение методов естественных наук для изучения культурного слоя, в том числе в полевых условиях. Культурный слой теперь разбирается, как правило, мелким раскопочным инструментом по литологическим слоям, с разбивкой на условные горизонты. Вынимаемый грунт просеивается через сито поквадратно или с большей детализацией. Находки фиксируются в единой трехмерной системе координат, ведется детальная документация планиграфии для каждого разбираемого горизонта, а также многочисленных разрезов, отбирается большое количество образцов для анализа различными естественнонаучными методами.

Эта методика позволяет получить данные для решения значительного количества исследовательских задач, касающихся хронологической и культурной атрибуции археологических находок, выявления этапов заселения памятника, реконструкции природных обстановок прошлого, системы жизнеобеспечения древнего населения и т.д. Применение современной методики при раскопках археологических памятников дает также возможность обоснованно определять функциональное назначение памятников, изучать структуру поселений, хозяйственные зоны и связь с ними определенных типов артефактов. Однако такого рода задачи можно решать лишь на основании анализа результатов раскопок на достаточно большой площади. Полное же соблюдение методики позволяет вести раскопки на большой площади лишь с привлечением значи-

тельных сил и средств – в рамках многолетних научных проектов с постоянным финансированием, либо при осуществлении спасательных археологических раскопок.

В ходе реализации научных проектов последних десятилетий в Северо-Западном Приладожье, на территории Ленинградской области и Республики Карелия, раскопки были проведены на нескольких десятках археологических памятников каменного века. Однако в большинстве случаев вскрытая площадь ограничивалась несколькими квадратными метрами. Это позволяло детально изучить стратиграфию и характер залегания культурного слоя (слоев), получить типологически представительную коллекцию археологического материала, а также образцы для датирования и данные для палеогеографических реконструкций. Раскопки на площади более 50 кв. м единичны.

Таким образом, развитие методов археологических исследований и требований к их тщательности ведет к тому, что для изучения одинаковых площадей культурного слоя требуется все больше временных, человеческих и финансовых ресурсов. В упрощенном виде масштабы и тщательность исследования археологических памятников при равных ресурсах составляют обратную пропорцию (Герасимов, 2015).

К настоящему времени в Северо-Западном Приладожье известно около 200 стоянок и поселений каменного века – эпохи раннего металла (Lavento et al., 2001; Герасимов и др., 2003; Nordqvist et al., 2008). Зафиксированы древние искусственные земляные объекты: «жилищные западины» (остатки котлованов неолитических жилищ) и «охотничьи ямы» (Lavento et al., 2001; Герасимов, 2006; Герасимов и др., 2003, 2006; Halinen, Mõkkönen, 2009). Выделены условно долговременные поселения и кратковременные промысловые стоянки, местонахождения отдельных артефактов. В ряде микрорегионов проведены раскопки поселений малыми площадями с широким привлечением методов естественных наук, включая геологию, геоморфологию, палеозоологию, палинологию, геохимическую индикацию палеоландшафтов. На многих памятниках выявлены комплексы разных хронологических периодов, в том числе замкнутые комплексы на многослойных стратифицированных памятниках (Герасимов, 2006; Герасимов, Кулькова, 2003; 2006; Герасимов и др., 2003; 2006; Halinen et al., 2008).

Накоплены и систематизированы данные о ландшафтной приуроченности памятников различных

типов, формах и размерах остатков предположительно жилых сооружений каменного века (Mökkönen, 2009; 2011). Разработана локальная береговая хронология (Герасимов, Субетто, 2009).

Тем не менее, вплоть до настоящего времени на этой территории не было ни одного памятника каменного века, на котором были бы проведены археологические раскопки с соблюдением всех требований современной методики изучения таких объектов на площади, позволяющей исследовать структуру древнего поселения и его функциональные особенности.

Стоянка эпохи неолита Берёзово 2 расположена в черте д. Берёзово Приозерского района Ленинградской области (рис. 1; 2). В 540 м к северо-западу

от стоянки Берёзово 2, на северо-восточной окраине д. Берёзово расположен могильник Берёзово 1 (Hannola Lipola), в 1884 г. Т. Швиндтом здесь были изучены четыре погребения эпохи средневековья (Schwindt, 1893. S. 102–103). Стоянка Берёзово 2 была выявлена в 2013 г. в ходе работ Карельского археологического отряда МАЭ (Кунсткамера) РАН по обследованию земельного отвода под проектируемую автомагистраль «Сортавала». Участок, где находится стоянка, был отмечен как перспективный для выявления археологических объектов каменного века уже на подготовительной стадии работ, в соответствии с разрабатываемой для данного микрорегиона моделью изменения береговых линий Ладоги в голоцене (Герасимов, Субетто, 2009). Культурный слой мощностью до 40 см, содержащий типологически выраженные

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников Берёзово 1 и 2

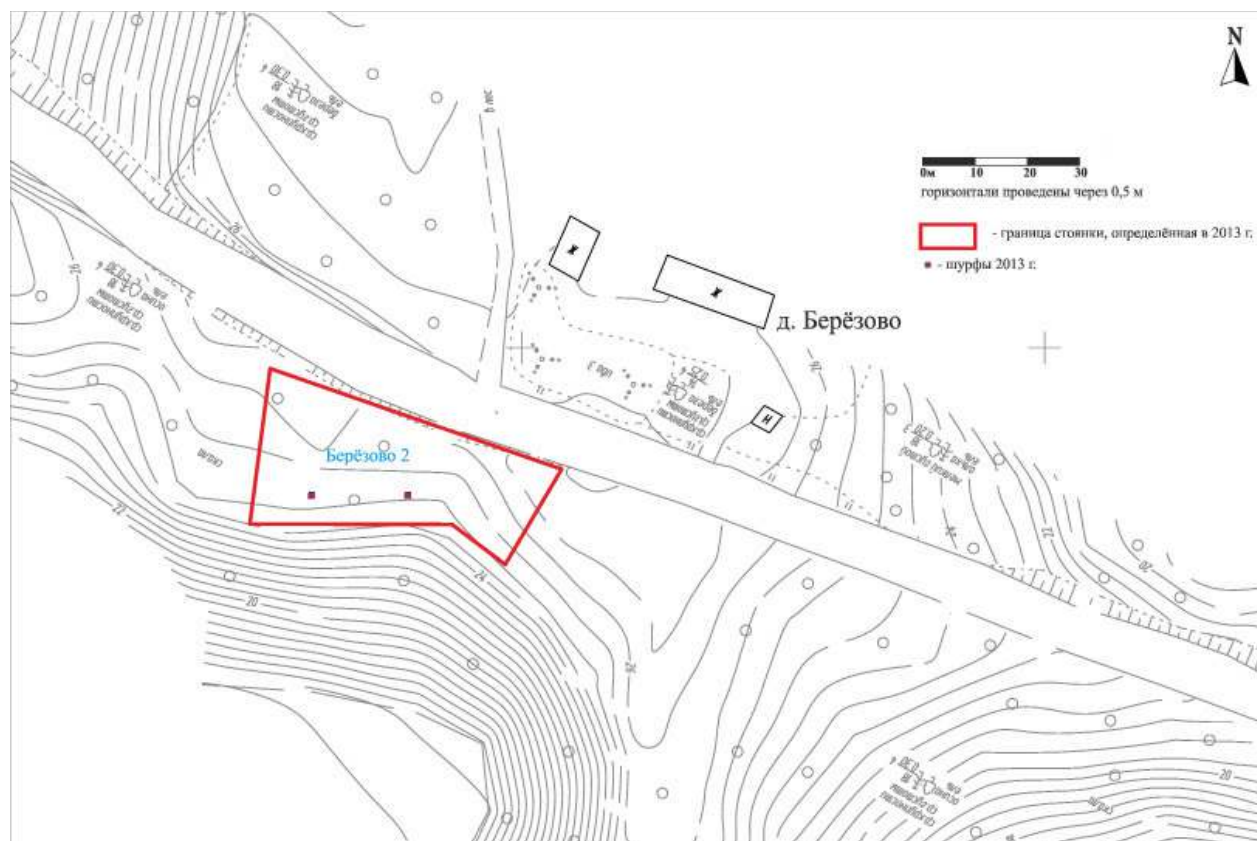

Рис. 2. Берёзово 2. Топографический план

археологические находки, был зафиксирован в двух шурфах на краю древней береговой террасы высотой 24,5 м над уровнем моря (рис. 2).

Стоянка расположена на верхней части вытянутой возвышенности с крутым западным бортом и пологим восточным (измененным при строительстве старой дороги?), ориентированной по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток (рис. 3). Непосредственно к западному склону примыкает болото с остаточным озером. Судя по современному рельефу, можно говорить о небольшом заливе, существовавшем в этом месте в период максимальной трансгрессии Ладоги. Возвышенность сложена водно-ледниковыми отложениями, сформированными в финальную стадию последнего оледенения. В разрезе карьера, подходящего непосредственно к памятнику, наблюдается чередование слоев от мелкого песка – суглинка до валунного крупнозернистого песка (рис. 4). Слои залегают волнисто, наклонно с размытами и незначительными вертикальными смещениями. В отложениях представлено большое количество хорошо окатанных валунов размерами до полуметра, реже больше. В теле возвышенности встречаются отторженцы, сложенные слоистыми

глинами. Неоднородностью внутреннего строения обуславливается неоднородность поверхности, определенной как материк.

Территория стоянки занимает небольшую котловину, вытянутую по оси северо-запад – юго-восток, и открытую в южном направлении (рис. 3). Край террасы с абсолютной высотой бровки 24,5 м ориентирован преимущественно с запада на восток. Центральная часть котловины заполнена вкладкой сортированного песка мощностью до 20 см. Эти отложения могут быть интерпретированы как наносы одной из трансгрессивных фаз истории Ладоги.

Стоянка Берёзово 2 расположена в северной геоморфологической провинции Карельского перешейка. Для этой территории характерен сельговый (холмисто-грядовый) рельеф. Сельги – гряды высотой в десятки метров, с крутыми склонами и сглаженными вершинами, которые сложены кристаллическими породами (как правило, различные виды гранитов и гранито-гнейсов). Они ориентированы в направлении северо-запад – юго-восток, что обусловлено простиранием разломов и направлением движения четвертичных покровных ледников. Сельги разделены узкими заболоченными

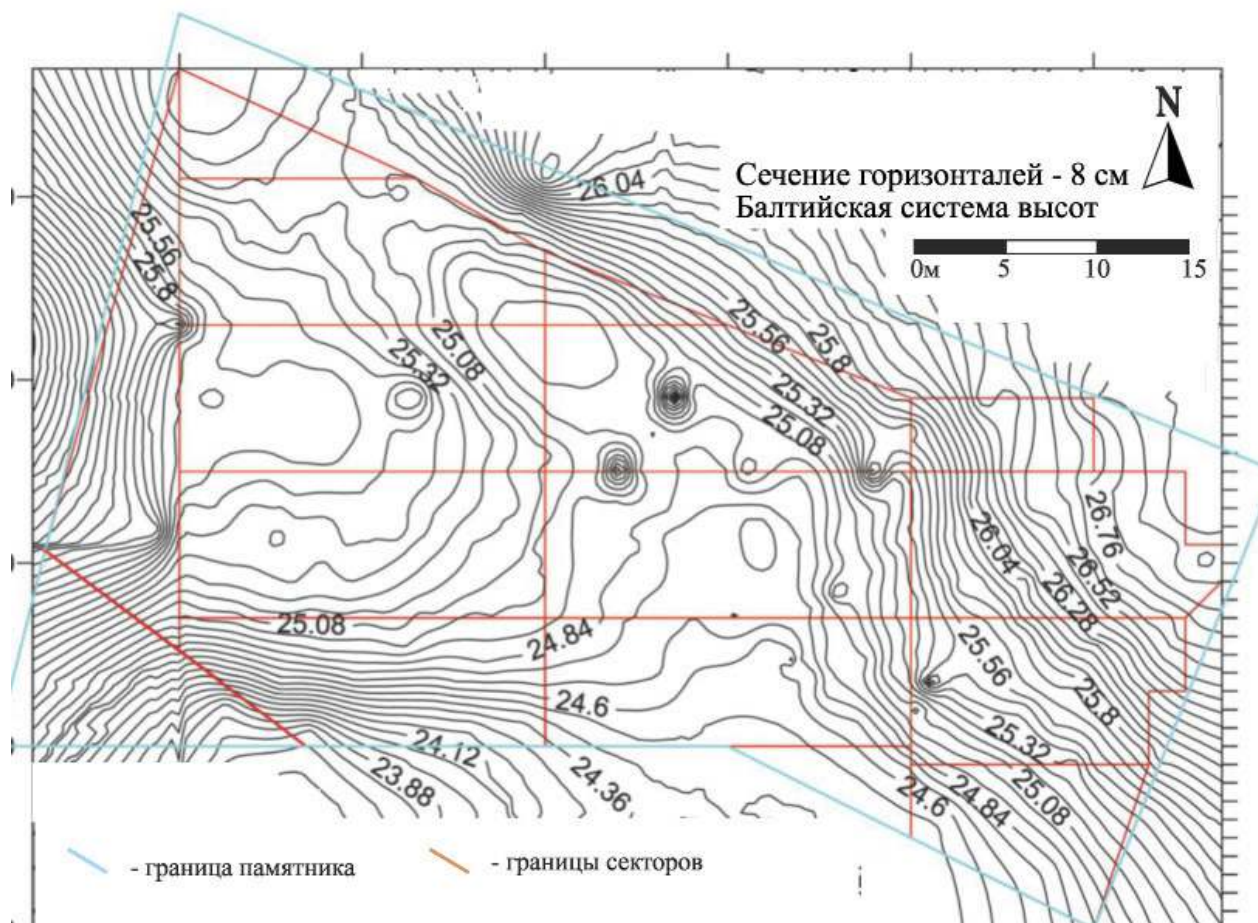

Рис. 3. Микрорельеф современной поверхности территории стоянки Берёзово 2

ми ложбинами и более широкими плоскодонными долинами типа грабен, которые заняты озерами и протоками, и выходят на окончания ладожских шхер. Абсолютные высотные отметки в этой провинции постепенно понижаются к югу, а сельговый рельеф постепенно как бы «тонет» в этом направлении, погружаясь под толщу четвертичных наносов. Склоны долин террасированы, отражая осцилляции уровня воды в Ладоге в разные периоды ее истории, террасы сложены озерно-ледниковыми отложениями (Болтрамович, 2003).

Изменение береговых линий Ладоги происходило под влиянием двух факторов (Saarnisto, Siiriainen, 1970; Saarnisto, 2008; Герасимов, Субетто, 2009): осцилляции уровня Балтийского моря в различные периоды его существования; изостатическое поднятие, которое вся Фенноскандия испытывает на протяжении послеледниковья. Поднятие идёт неравномерно, наиболее интенсивно проявляясь в северо-западной части Ботнического залива и затухая к периферии. Большая часть территории Карельского перешейка и

Северо-Западного Приладожья освободилась от воды после спуска вод Балтийского Ледникового озера около 9500 лет до н.э.

Наиболее ранние свидетельства появления человека в регионе относятся к стадии Анцилового озера (8500–7000 лет до н.э.). Береговые линии времени максимума Анциловой трансгрессии фиксируются вблизи памятника Берёзово 2 на высотных отметках около 25 м над уровнем моря. В ходе трансгрессии уровень Анцилового озера превысил порог стока Хейнийокского пролива, и акватория Ладоги вошла в состав Балтики. Максимальный уровень Анцилового озера датируется между 8500 и 8300 лет до н.э., после чего переполненный водоём находит сток через образовавшиеся Датские проливы. В процессе регрессии Анцилового озера Ладога вновь отделяется от акватории Балтики. В регрессивную фазу Анцилового озера урез воды в северо-западной части Ладоги около 7800–7600 лет до н.э. был не выше современной отметки 21 м над уровнем моря.

Около 7000 лет до н.э. наступает стадия Литоринового моря, продолжавшаяся до 3100 лет до н.э. Урез Ладоги в период стабилизации после 7000 лет до н.э. не превышает 20–21 м над уровнем моря. Судя по данным исследований донных отложений, солёная морская вода не проникала в Ладожское озеро даже в пору Литоринового максимума около 5000 лет до н.э., хотя уровень моря мог быть ниже порога стока Ладоги всего на 1–2 м.

Изостатическое поднятие вызвало перекося ванн крупнейших водоёмов региона. Около 3900 лет до н.э. произошёл прорыв в южном направлении вод озера Сайма (современная южная Финляндия), прежде стекавшей непосредственно в море. Теперь сток осуществлялся через образовавшуюся реку Вуокса в Ладожское озеро. Повышение порога стока Хейнийокского пролива – Ветокаллио – в районе пос. Вещево и увеличение водосбора Ладоги после образования р. Вуоксы вызвали трансгрессию, получившую название Ладожской. Перекося ванны Ладожского озера стал также причиной перелива воды из глубоководной северной в мелководную южную часть и затопление значительных территорий в Южном Приладожье. Ладожская трансгрессия достигла своей кульминации около 1200 лет до н.э., после чего произошёл прорыв воды в южной части Карельского перешейка и образовалась река Нева. После прорыва Невы и резкого падения уровня Ладоги произошла трансформация системы расселения. Археологические памятники раннего железного века – раннего средневековья фиксируются в Северном Приладожье на террасах высотой 10 м над уровнем моря. Вероятно, после рубежа эр уровень Ладоги был близок к современному.

В то же время территории севернее оз. Суходольское (настоящее время уровень озера Суходольское 7 м над уровнем моря) были заняты озером Вуоксенранта (Saarnisto, 2008). Озеро было искусственно спущено в 1818 г. после прорытия канала через песчаную перемычку, отделявшую его от Ладоги. Позднее, вследствие взрыва полуострова Кивиниеми и спуска вод Вуоксы в оз. Суходольское в 1857 г., порог стока (Васкеланкоски) был размыт и уровень озера стал ещё ниже. Уровень оз. Суходольского до 1818 г. отличался от современного, по разным оценкам, на 9–11 м, т.е. составил 16–18 м над уровнем моря (Исаченко, 2001).

Таким образом, наиболее вероятным временем формирования вкладки сортированного песка и поверхности террасы, на которой находится стоянка Берёзово 2 (рис. 3), представляется время максимума Анциловой трансгрессии (середина IX тыс.

до н.э.). После этого поверхность террасы никогда более ладожскими водами не затоплялась.

Во время функционирования поселения Берёзово 2 край террасы с высотой 24,5 м, вероятно, являлся краем берегового уступа, урез воды проходил на несколько метров ниже: береговой склон на данном участке достаточно крут. Однако, береговая хронология позволяет установить лишь весьма широкие хронологические рамки для возможного времени функционирования поселения – со времени завершения кульминации Анциловой трансгрессии (после 8200 лет до н.э.) и до прорыва р. Невы около 1200 лет до н.э. На протяжении этого периода береговая линия находилась вблизи края террасы и не превышала современных абсолютных отметок 21–22 м.

Стоянка была расположена на южной оконечности небольшого (около 1 км в поперечнике) острова во внутренней части архипелага, на песчаном хорошо дренируемом пляже южной экспозиции, защищённом склонами с запада, севера и востока. За пределами вкладки сортированного песка, сформированной ладожскими наносами, находятся склоны котловины, сложенные флювиогляциальными отложениями, и, соответственно, хуже дренируемые. Таким образом, границы стоянки весьма хорошо выражены геоморфологически – это края котловины и край террасы. Установленные в результате шурфовки и геоморфологических наблюдений границы стоянки представляют собой пятиугольник, ограниченный с северной стороны автодорогой, с юга краем террасы, с запада и востока возвышенностями водно-ледникового происхождения. Общая площадь стоянки составляет около 2000 кв. м (рис. 2; 3).

Поскольку памятник попадал в полосу землеотвода автомагистрали «Сортавала», в 2018 г. экспедицией ИИМК РАН он был исследован археологическими раскопками практически полностью. Невскрытой осталась площадь около 200 кв. м, находящаяся за пределами полосы земельного отвода автомагистрали. Общая вскрытая площадь составила 1723 кв. м (рис. 4). Раскопки производились по секторам методом плавающей траншеи с севера на юг (от периферии памятника к его центру). После завершения фиксации разобранных до материка секторов на их площади помещался отвал из новых разбираемых секторов (рис. 5). Всего в пределах границ памятника было размечено 15 секторов, ориентированных по сторонам света, размерами 8 × 20 м (либо меньше на крайних секторах, примыкающих к границам исследуемого объекта).

Фиксация стратиграфии велась по стенкам секторов и краям раскопа, таким образом, на площади

Рис. 4. Геологическое строение холма, где расположена стоянка Берёзово 2. Разрез дорожного карьера. Вид с юга

раскопа изучено пять полных разрезов поперёк края террасы и семь вдоль. При необходимости проследить детали залегания культурного слоя и особенности земляных структур закладывались дополнительные разрезы. Культурный слой разбирался мелким раскопчным инструментом по горизонтам мощностью 5–7 см; при возможности проследить поверхность литологического слоя

мощность горизонтов могла варьироваться. Для каждого горизонта проводилась графическая и фотофиксация особенностей планиграфии. Фотофиксация планиграфии по площадям секторов и по общей площади производилась при помощи квадрокоптера Phantom 3Pro с фотокамерой DJI FC6310. Выявленные земляные структуры разбирались отдельно с поверхности, на которой контуры структур отчётливо фиксировались. Структуры разбирались частями, близкими к половине для получения профиля по длинной оси, меньшими секторами для получения дополнительных профилей (рис. 6). Выявляемые артефакты по возможности фиксировались на месте, кроме того, весь вынутый грунт просеивался по горизонтам, по квадратам 1×1 м (на участках с повышенной плотностью находок по квадратам 50×50 см) через сито с ячейкой 3,5 мм. Разметка раскопа, фиксация находок, обмеры поверхностей горизонтов и выявленных земляных структур производились при помощи лазерных тахеометров. Из заполнения нескольких выявленных древних антропогенных земельных структур отобраны образцы угля для датирования. По площади раскопа отобраны образцы для фосфатного анализа.

Рис. 5. Берёзово 2. Вид на раскоп в процессе работ

Рис. 6. Берёзово 2. Профиль заполнения структуры 26 в секторе 959/90. Вид с запада

На вскрытой площади прослежена следующая стратиграфия (рис. 7): под дёрном мощностью 5–7 см залегает гумусированный тёмный песок (почвенный слой) мощностью около 10 см, подстилаемый позднеледниковыми флювиогляциальными отложениями, слагающими тело всхолмления, на котором расположена стоянка. Археологические материалы залегают в дерново-почвенном слое и проникают на 15–20 см в толщу подстилающего жёлто-красного несортированного песка, насыщенного гравием и валунами. На некоторых участках под слоем гравелистого песка простираются линзы светло-серой глины (позднеледниковые отложения), которая является материком. На других участках гравелистые пески разной размерности залегают на глубину в несколько метров, и даже десятков метров, что видно в разрезе котлована будущей дороги непосредственно рядом

Рис. 7. Берёзово 2. Стратиграфия южной стенки сектора 983/50. Вид с севера

с границами памятника. На этих участках слой гравелистого песка разбирался до прекращения появления находок, с контрольным просевом дополнительного нижнего горизонта. Плотность находок повышается в сторону края террасы и к центральной части стоянки. На восточной, северной и западной периферии плотность находок падает, вблизи границ находки иссякают (рис. 8).

На всех исследованных секторах вдоль северо-восточной границы памятника, соответствующей краю дороги, прослежены техногенные отложения, залегающие непосредственно на прорытом дорожной техникой материке – дорожная подушка действующей дороги. Стратиграфия северных и восточных разрезов примыкающих к дороге секторов демонстрируют, что периферийный край распространения культурного слоя стоянки на примыкающих к дороге секторах и на оставшейся примыкающей к краю дороги площади, занятой дорожной насыпью, был уничтожен при строительстве действующей дороги.

Распределение находок по площади и прослеженный характер залегания культурного слоя свидетельствуют о том, что раскопом изучена вся площадь стоянки, включая периферию, за исключением небольшого участка в юго-западном углу, выходящего за пределы полосы земледелия строящейся автомагистрали «Сортавала». Наибольшая концентрация находок соответствует вкладке сортированного песка в нижней части котловины и вблизи края террасы. В тыловой части террасы, на расстоянии около 20 м от её края прослежены остатки древнего жилища (рис. 9). Оно представляло собой котлован глубиной около 40 см, размерами 7 × 4 м, занимающий естественное понижение с хорошо дренируемым грунтом, прикрытое склонами с севера, запада и востока. Данных для реконструкции перекрытия нет. Заполнение – красноватый песок, насыщенный кальцинированными костями. В юго-восточной части стоянки вблизи края террасы зафиксирована хозяйственная зона с многочисленными ямами-кострищами, заполненными галькой и валунами (рис. 6). Встречены скопления охры (рис. 10).

У северо-восточной границы стоянки, примерно в 15 м к северо-востоку от жилища прослежено скопление изделий из сланца разной степени готовности, многочисленные отходы производства – практически полный технологический контекст изготовления подвесок с двумя перехватами (блэсен?) и наконечников с ромбическим сечением (рис. 11; 12). Этот участок может рассматриваться как специальная функциональная зона. Всего

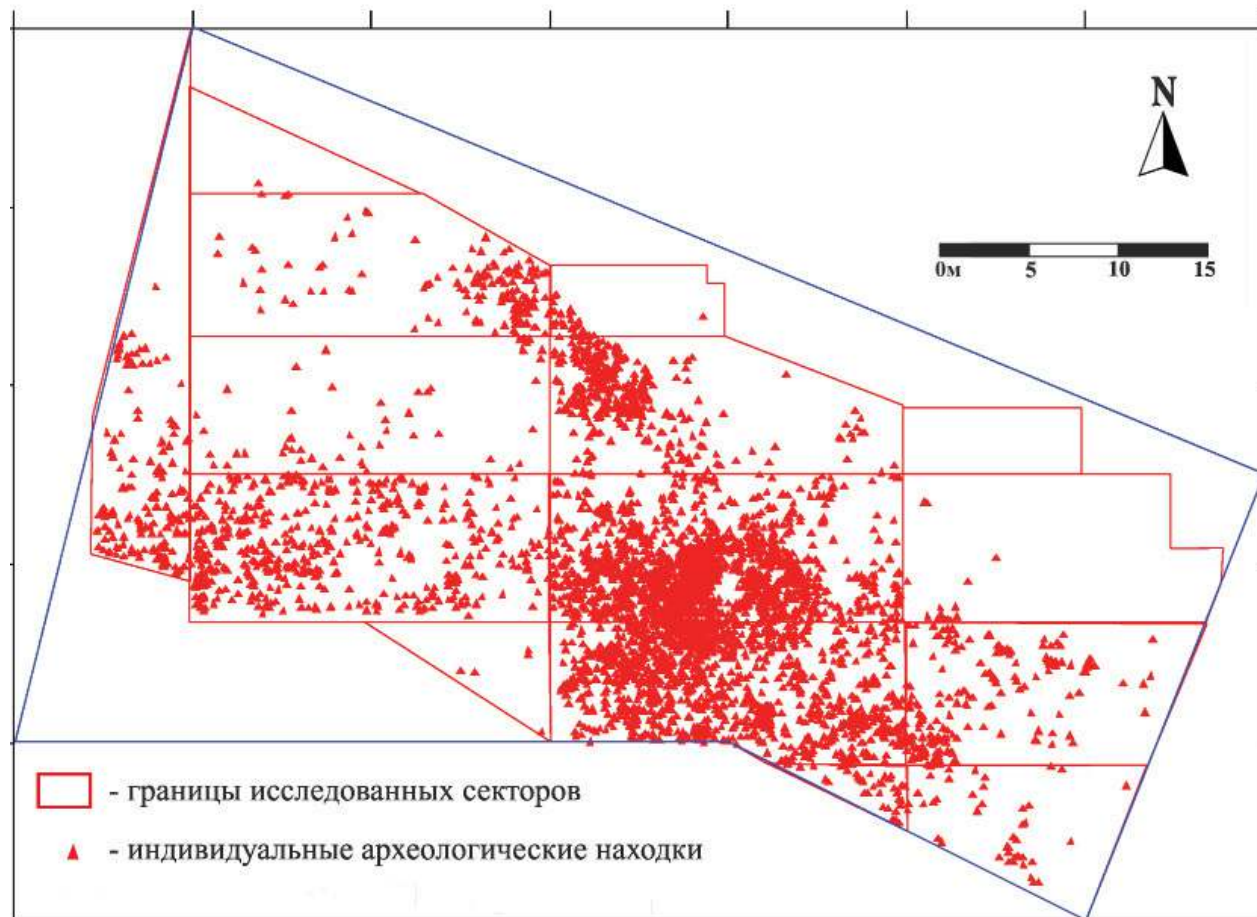

Рис. 8. Берёзово 2. Распределение индивидуальных находок по площади раскопа

Рис. 9. Берёзово 2. Поверхность заполнения котлована древнего жилища в секторе 975/50. Вид с юга

Рис. 10. Берёзово 2. Пятна охры в заполнении структуры 59 (сектор 967/70). Вид с юга

зафиксировано 4558 индивидуальных находок (рис. 8). Подавляющее число находок представлено продуктами и отходами биполярного расщепления кварца. Получена представительная коллекция биполярных кварцевых нуклеусов и отщепов.

Найдена серия кварцевых скребков. Помимо упомянутых выше наконечников стрел и подвесок найдены сланцевые топоры и тёсла (рис. 13), каменные плитки со сверлинами. Достаточно представительна серия изделий из импортного

Рис. 11. Берёзово 2. Подвеска из сланца

Рис. 14. Берёзово 2. «Навершие булавы» в квадрате 967/73. Вид с юга

Рис. 12. Берёзово 2. Фрагменты сланцевых наконечников стрел

Рис. 15. Берёзово 2. Развал керамики в квадрате 967/77. Вид с запада

Рис. 13. Берёзово 2. Сланцевое тесло

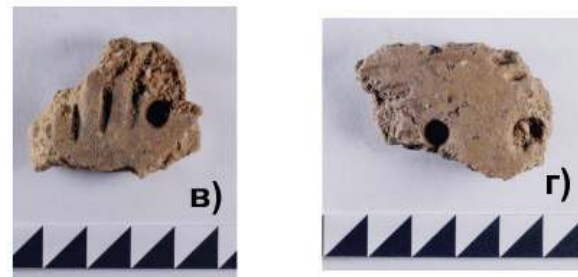
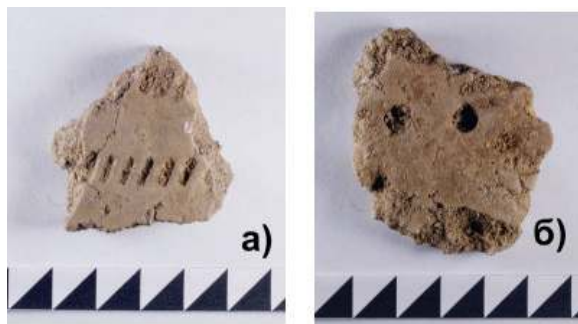

Рис. 16. Берёзово 2. Керамика

кремня. Следует отметить находки двух сверлённых шаровидных изделий из песчаника (так называемых «наверший булавы» – «mace heads») (рис. 14). Встречены многочисленные развалы керамических сосудов (рис. 15). Керамика представлена типичной и поздней гребенчато-ямочной, а также асбестовой типа пёлья (рис. 16). В изобилии найдены фрагменты кальцинированных костей, в том числе с морфологически выраженными элементами, что позволяет в будущем реконструировать состав охотничьей добычи обитателей стоянки.

подавляющее число типологически выраженных находок, включая сланцевые подвески и наконечники, типы керамики, находки янтаря, обилие импортного кремня, хорошо соответствуют второй половине IV тыс. до н.э. Однако находки «наверший булав» достаточно надёжно датируются ранним – поздним мезолитом, и не встречаются в контекстах моложе VII тыс. до н.э. (Герасимов, 2006; Крийска, Герасимов, 2014).

Таким образом, хотя в целом комплекс на основании типологии укладывается хронологически во вторую половину IV тысячелетия до н.э., не исключено присутствие поздне(?) мезолитического компонента. Аналогичная ситуация наблюдалась на поселении Большое Заветное 4 (Räisälä Joksemajarvi W), выявленном в 1999 г. и исследовавшимся совместной экспедицией ИИМК РАН и Университета Хельсинки (Финляндия) в 2002 г. (Lavento et al, 2001; Тимофеев и др., 2003; Halinen et al., 2008). На террасе с абсолютной высотой 23 м жилище позднего неолита (конец IV тыс. до н.э.) было впущено в культурный слой мезолитической стоянки. Детальный анализ археологического материала из раскопок Берёзово 2 и радиоуглеродное датирование образцов угля и фаунистических остатков позволят в дальнейшем прояснить данный вопрос.

Таким образом, полевые наблюдения на раскопках археологического памятника Берёзово 2 позволяют заключить, что объект представляет собой остатки поселения каменного века с непо потревоженным культурным слоем, жилищными и хозяйственными структурами и функциональными зонами. Это первое в регионе поселение, полностью изученное раскопками широкой площадью с соблюдением всех требований современной методики производства полевых археологических работ. Важно отметить, что определённые в 2013 г. на основании геоморфологических наблюдений границы памятника полностью подтвердились в результате проведённых раскопок. Можно предположить, что на памятнике исследована мастерская по производству сланцевых изделий.

Данные, полученные в ходе раскопок, весьма существенны для исследований материальной культуры, структуры коммуникаций и системы жизнеобеспечения населения лесной полосы Восточной Европы во второй половине IV тыс. до н.э.

Можно с уверенностью заключить, что в результате проведённых полевых работ после камеральной обработки коллекции археологического материала и выполнения естественнонаучных анализов ото-

бранных образцов в научный оборот будет введён археологический комплекс, который может рассматриваться как опорный для исследований по позднему каменному веку региона Финского залива и Ладожского озера.

Источники и литература

- Болтрамович С. Ф., 2003. Геолого-геоморфологические аспекты изучения памятников каменного века – эпохи раннего металла на Карельском перешейке // Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область). Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб.
- Герасимов Д. В., 2006. Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ /Кунсткамера/ РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Т. 1.
- Герасимов Д. В., 2015. «Мал золотник, да дорог!»: об опорных комплексах каменного века – эпохи раннего металла юго-восточной части региона Финского залива // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб. (Замятинский сборник. Вып. 4.)
- Герасимов Д. В., Кулькова М. А., 2003. Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Герасимов Д. В., Кулькова М. А., 2006. Опыт реконструкции взаимодействия человека и окружающей среды в каменном веке на материалах Северо-Западного Приладожья (по данным археологии, геохимии и палеогеографии) // Первобытная история и культура Европейского Севера. Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
- Герасимов Д. В., Субетто Д. А., 2009. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. СПб. № 106.
- Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И., 2003. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб.
- Герасимов Д. В., Лавенто М., Мекконен Т., Нордквист К., Пугтонен С. Сейтсонен О., Халинен П., 2006.

- Археологические изыскания по каменному веку – эпохе раннего металла в северо-восточной части Карельского перешейка // Радловские чтения. СПб.
- Исаченко Г. А., 2001. Вуоксинская эпопея // Вуокса (Приозерский краеведческий альманах). СПб. Т. 1. Вып. 2.
- Кирпичников А. Н., 1974. Раскопки в Ладожской крепости и в г. Приозерске // АО 1973.
- Кочкуркина С. И., 1981. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.
- Крийска А., Герасимов Д. В., 2014. Период позднего мезолита в восточной части Балтийского моря: формирование берегового расселения от Рижского до Выборгского залива // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия. СПб.
- Тимофеев В. И., 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада. СПб.
- Тимофеев В. И., Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Халинен П., Лавенто М., 2003. Исследования стоянок каменного века на озере Большое Заветное // АО, 2002.
- Halinen P., Mökkönen T., 2009. Between Lake and Sea – Stone Age Settlement by Ancient Ladoga on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica. № XXVI.
- Halinen P., Seitsonen O., Seitsonen S., Nordquist K., 2008. Excavations at the Juoksemajärvi Westend Stone Age dwelling site in 2002 // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003. Helsinki (Iskos. № 16).
- Lavento M., Halinen P., Timofeev V. I., Gerasimov D. V., Saksa A. I., 2001. An Archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement at Kaukola (Sevastyanovo) and Raisala (Melnikovo) on Karelian Isthmus in 1999 // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XVIII.
- Mökkönen T., 2009. Neolithic house-pits in the Vuoksi river – chronological changes in size and location // Fennoscandia archaeologica. № XXVI.
- Mökkönen T., 2011. Studies on Stone Age housepits in Fennoscandia (4000–2000 CAL BC). Changes in ground plan, site location, and degree of sedentism. Helsinki.
- Nordqvist K., Seitsonen O., Uino P., 2008. Appendix 1. Stone Age and Early Metal Period sites in the studied municipalities // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003. Helsinki (Iskos. № 16).
- Pälsi S., 1915. Riukjarven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA. № XXVIII, № 1.
- Pälsi S., 1918. Kaivaus Pitkajarven kivikivikautesella asuinpaikalla Raisalassa v 1915 // Suomen Museo. Helsinki.
- Saarnisto M., 2008. Emergence history of the Karelian Isthmus // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003. Helsinki (Iskos. № 16).
- Saarnisto M., Siiriainen A., 1970. Laatokan transgressioniraja // Suomen museo. Helsinki. № 77.
- Saksa A., 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu.
- Schwindt T., 1893. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Helsinki. (SMYA. № XIII).
- Seitsonen O., 2006. Räisälä Pitkäjärvi revisited – reinterpretations of the dwelling remains // Arkeologipäivät 2005.
- Uino P., 1988. Ancient Karelia. Jyväskylä.
- Uino P., 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // SMYA. № 104.
- Uino P., 2003. Karjalan arkeologiaa 150 vuotta // Karjalan synty. Viipurin läänin historia 1. Sine loco, Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, Karjalan Kirjapaino Oy.

Обследование «Kukkonkirkko» – «Петушиной церкви» в Гатчине

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-21-26

Вечером 19 октября 2018 г. произошел взрыв на производственной территории в дер. Малые Колпаны Гатчинского района Ленинградской области, разрушивший и повредивший несколько зданий. Завод металлоизделий в Гатчине, где произошел инцидент, начал работу в 1944 г., с 2002 г. предприятие называется ЗАО Гатчинский завод «Авангард». Корпуса и строения завода «Авангард» были построены на месте лютеранского кладбища XVIII – начала XX в., также на территории «Авангарда» находится ОКН «Кирха, 1800 г.».

Краткая историческая справка. Объект культурного наследия федерального значения «Кирха, 1800 г.» (Кирха св. Петра в г. Гатчина, Колпанская кирха) (Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»; Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 г. № 176). Код памятника в Едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации 4710084000, «Кирха финская (на кладбище)». Границы ОКН установлены Приказом Комитета по культуре Ленинградской области № 37 от 05.12.2012 г.) в настоящее время располагается по адресу: Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Центральная, д. 1 (на территории завода «Авангард») (рис. 1; 2). Церковь была построена в 1800 г. близ императорского имения Гатчина, которому незадолго до того был пожалован статус города (11 ноября 1796 г.), на земле деревни Малые Колпаны (ныне Киевский микрорайон г. Гатчина) (рис. 3).

Основные историко-культурные особенности территории нынешнего административного Гатчинского района оформились в течение XVII–XVIII вв. В средневековье эта территория входила в состав северо-западных районов земли Великого Новгорода. Здесь не позднее чем с рубежа I–II тыс. в среде

полиэтничного населения (местных финноязычных народностей – ижоры и води – и постепенно расселявшихся здесь славяноязычного русского крестьянского населения) сложилась устойчивая сеть сельских поселений и угодий. На территории современной Гатчины новгородские переписные книги указывают «Село Хотчино над озерком над Хотчином» (первое упоминание в 1499 г.).

В 1617 г. по условиям Столбовского мирного договора значительная часть северо-западных новгородских территорий была передана шведской короне. Начался период шведского владычества, характеризующийся формированием здесь системы поместного шведского землевладения и массовым переселением сюда лютеранского финского населения с территории Восточной Финляндии и Финской Карелии. Известно, что село Хотчино вошло в состав Скворицкой мызы, пожалованной в 1624 г. представителям старинного шведского рода Оксеншерна.

В ходе Северной войны эта территория вновь перешла к России. В 1703 г. вновь завоеванная царскими войсками территория была названа Ингерманландской землей, в 1708 г. Ингерманландская земля была преобразована в Ингерманландскую губернию, а с 1710 г. Ингерманландская губерния была переименована в Санкт-Петербургскую. Начался новый период в истории этой территории, охарактеризованный в первую очередь массовыми раздачами земель и крепостных крестьян (русских и финнов) новым помещикам.

Гатчинская мыза с приписанными к ней деревнями (среди которых числились и Малые Колпаны) на протяжении большей части XVIII в. неоднократно меняла своих владельцев, пока в 1783 г. императрица Екатерина II, выкупив мызу

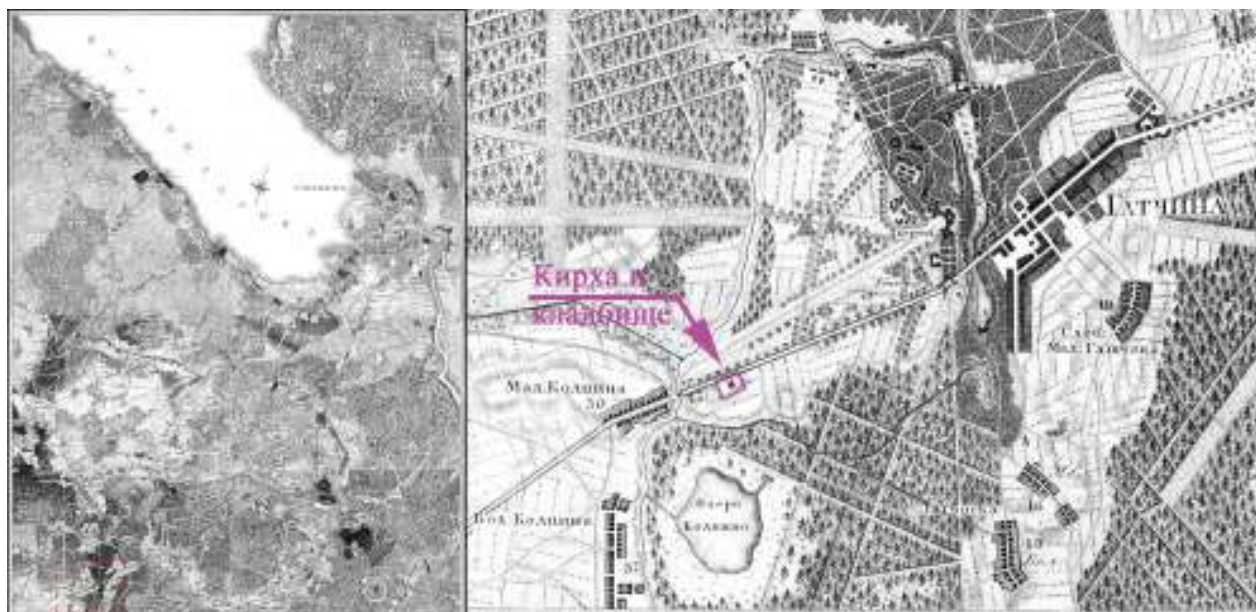

Рис. 1. А: «Топографическая карта окружности Санкт-Петербурга» на 16 листах, масштаб 1 верста в 1 дюйме, или 1:42000. Листы охватывают пространство от деревни Муратово на западе, до истоков р. Жерновки на востоке, и от Токосво на севере, до Гатчины на юге. 1817 г.;
Б: Фрагмент «Топографической карт» с указанием местонахождения кирхи и кладбища в д. Мал. Колпаны

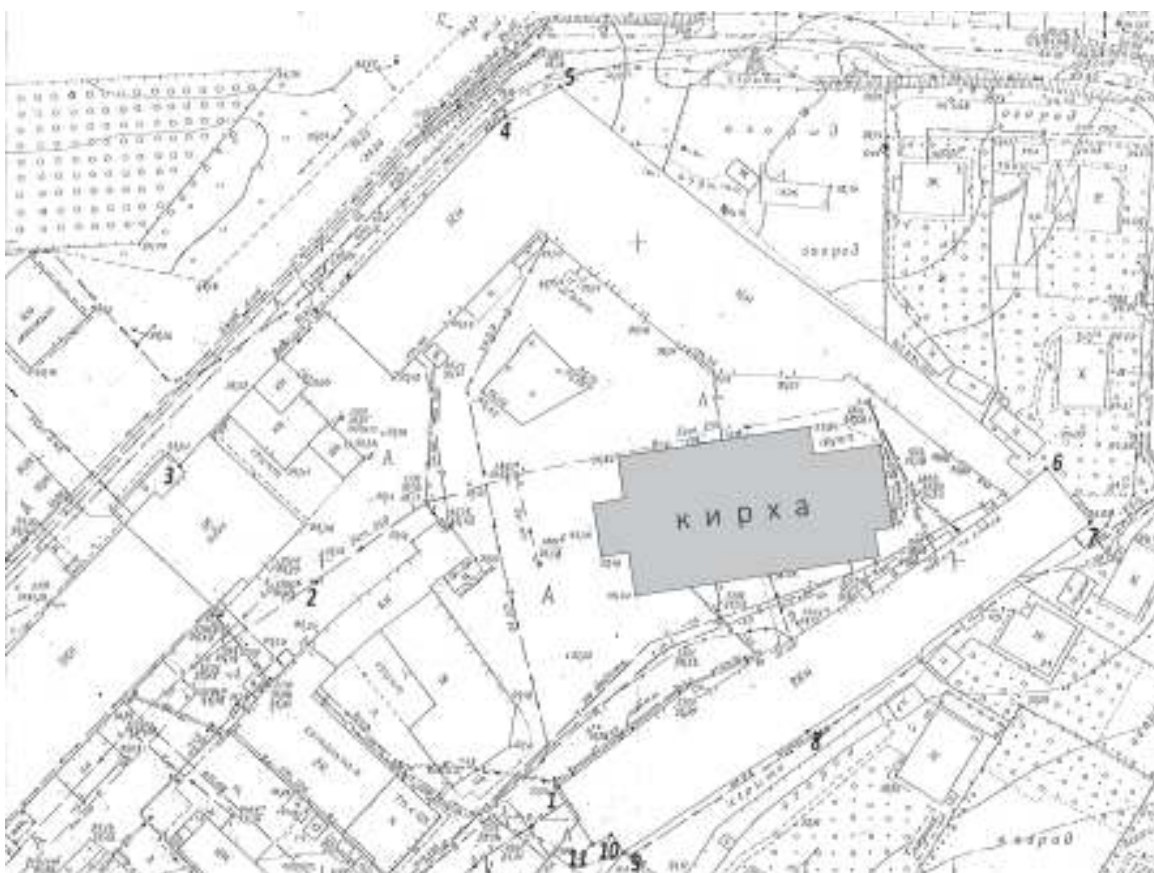

Рис. 2. Фрагмент градостроительного плана территории д. Мал. Колпаны с поворотными точками границ территории ОКН «Кирха, 1800» («Kirkonkirikko» – «Петушиная церковь»). Здание кирхи показано серой заливкой

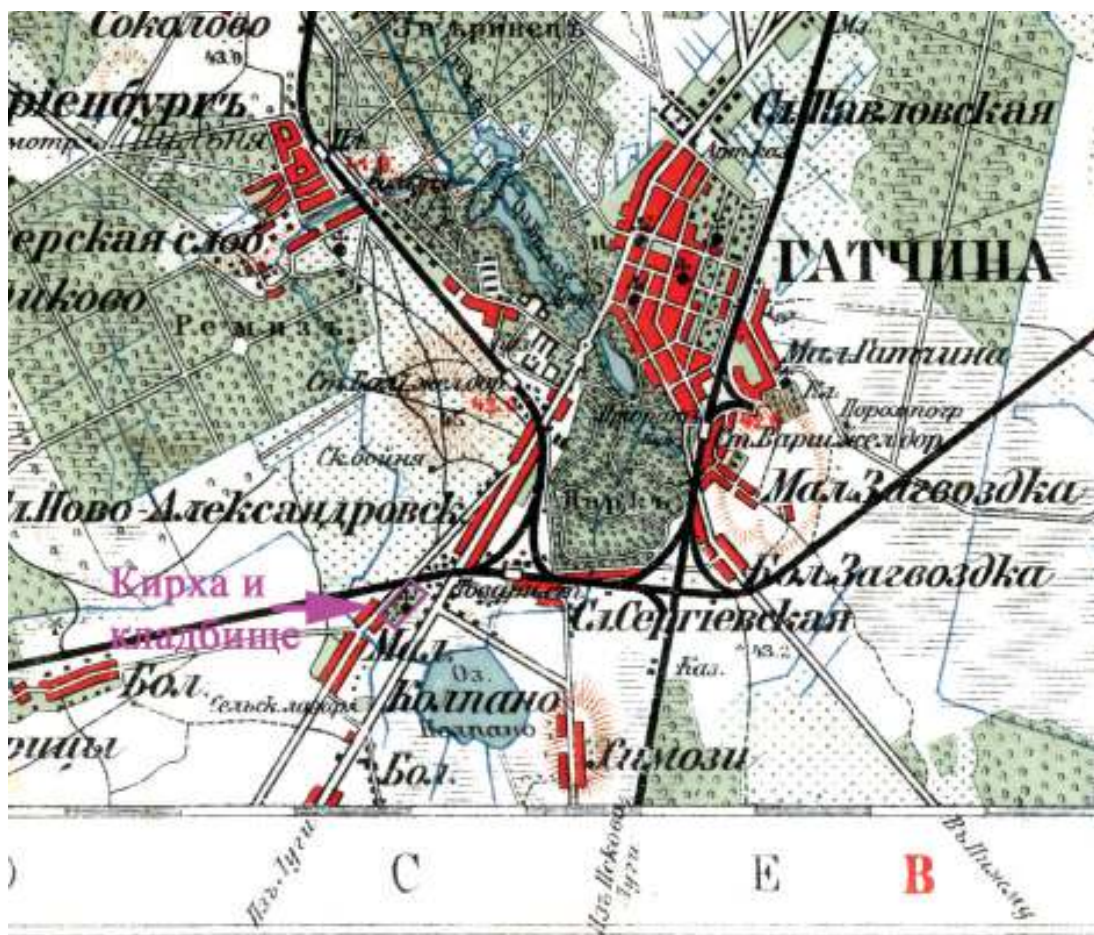

Рис. 3. Фрагмент Карты окрестностей Санкт-Петербурга. Составил Ю. Гаиш. Второе издание. Масштаб 1:126000 (3 версты в 1 дюйме). Отпечатано на картографическом заводе товарищества А. Ф. Маркса. 1909 г. С указанием местонахождения кирхи и кладбища в дер. Мал. Колпаны

у наследников скончавшегося графа Г. Г. Орлова, подарила ее своему сыну цесаревичу Павлу Петровичу. С этого времени Гатчина становится любимой резиденцией будущего императора Павла и остается частным владением императорской семьи вплоть до революции 1917 г. Такой статус Гатчины отразился и на самом городе, и на окрестных деревнях, большая часть которых оказалась так или иначе ориентирована на обслуживание императорской резиденции.

Предыстория кирхи и ее прихода. Лютеранская община Колпана (Kolpana) была основана в 1640 г., в разные годы входила в приходы Скволица (Skuoritsa) и Коприна (Koprina). В 1785 г. при колпанской общине на средства великого князя Павла Петровича была открыта первая в Ингерманландии финская школа – предшественница финской учительской семинарии (с 1863 г.). Первоначально в школе обучались дети крестьян и дворянских гатчинских служителей.

Строительство здания. Здание кирхи было торжественно заложено 12 июля 1789 г. в присутствии великокняжеской четы – Павла Петровича и Марии Федоровны. Считается, что место закладки кирхи было выбрано с таким расчетом, чтобы ее шпиль был виден из окон Большого Гатчинского дворца. Автор первоначального проекта не известен. Фундамент и цоколь здания были выполнены из местного известняка, добытого в плитной ломке у близлежащей д. Черницы. Стены тогда предполагалось сделать кирпичными. Строительство кирхи, однако, вскоре остановилось.

Возобновление строительства датируется 1799 г., когда был утвержден новый проект здания, составленный А. Д. Захаровым, в то время занимавшим должность главного архитектора Гатчины. Расходы по возведению храма Павел I полностью взял на себя. В 1800 г. строительство здания было завершено. В течение 1801 г. в кирхе шли отделочные работы по-прежнему под руководством

А. Д. Захарова: были установлены иконостас, кафедра с балдахином, орган работы петербургского мастера Карла Вирта. 2 февраля 1802 г. кирха была освящена в память апостола Петра – небесного покровителя императора Петра III.

Архитектура здания. Здание кирхи сочетает в себе черты классицизма и готики (рис. 4–6). Оно выстроено из местного камня и делится на три объема: трёхъярусную башню при входе,

Рис. 4. «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Портал и северный фасад. Вид с северо-запада. Фото В. Ю. Соболева

Рис. 5. «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Портал и южный фасад. Вид с юго-запада. Фото В. Ю. Соболева

Рис. 6. «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Восточный фасад. Вид с востока. Фото В. Ю. Соболева

молитвенный зал и алтарь. Алтарная часть была обнесена балюстрадой с широкими перилами. Вход в церковь был оформлен в виде портала пилястрами, несущими профилированный ярус башни. Второй ярус прорезан круглым окном; на боковых стенах круглые окна только обозначались рельефным обрамлением. На третьем ярусе башни все четыре её грани прорезаны высокими стрельчатыми окнами с выступающими наличниками. Завершали башню профилированный карниз и высокий четырехгранный шпиль с установленной на нем фигурой петуха из позолоченной латуни. Фигура петуха была выполнена по эскизу А. Д. Захарова и символизировала отречение и раскаяние апостола Петра. Благодаря этой скульптуре кирха в Малых Колпанах получила у окрестного финского населения название «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Основной объем здания был перекрыт высокой двускатной прямоугольной в плане кровлей. Углы колокольни обработаны рустами, а стены – рустованными лопатками. На фасаде кирхи сохранились бронзовые цифры «1800» – дата окончания постройки (рис. 4–6).

История здания. На протяжении XIX в. здание ремонтировалось в 1860 г. (под руководством главного архитектора Гатчинского дворцового управления академика архитектуры А. В. Кокорева), а в 1889 г. было частично перестроено (полученный облик кирха сохраняла вплоть до Второй мировой войны, что зафиксировано на фотоснимках и печатных открытках начала XX в.). Оригинальный шпиль, увенчанный фигурой петуха, утрачен уже к 1935 г. (Александрова и др. 2012).

При кирхе существовало кладбище (рис. 1), уничтоженное в 1970-х гг. при расширении завода металлоизделий (рис. 2). В 1938 г. кирха была закрыта,

в ее здании разместилось зернохранилище колхоза «Малые Колпаны». В годы Великой Отечественной войны здание пострадало от артиллерийских обстрелов, однако в годы оккупации в нем проходили церковные службы (фотографии служб и прихожан, датированные 1943 г., размещены в сети Internet со ссылкой на: Härmäläinen, 1944).

После войны оно было отремонтировано, в частности, на месте утраченного шпиля колокольни устроена четырехскатная крыша. В 1949 г. передано промартелю «Промстроймат». В 1990 г. часть здания была передана Евангелическо-лютеранской церкви, в нем возобновились богослужения. 24 марта 1992 г. зарегистрирован приход, входящий в юрисдикцию Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. В настоящее время здание восстанавливается, по воскресеньям в нем проводятся богослужения.

Современное состояние. Памятником истории и культуры – объектом культурного наследия – признана лишь собственно кирха, существовавшее при ней кладбище в настоящее время статуса не имеет, его территория частично застроена, современная дневная поверхность заасфальтирована. Границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Кирха, 1800 г.» (Кирха св. Петра в Гатчине) определены в Приложении № 3 к приказу комитета по культуре от 05.12.2012 № 37. Объект занимает северную часть территории завода «Авангард», при этом за поворотную точку 1 (рис. 2) принят западный угол одноэтажного кирпичного производственного здания, ограничивающего территорию завода с востока. Поворотная точка 2 находится на расстоянии 51,5 м к западу, на южном углу одноэтажного производственного здания, далее к поворотной точке 3, расположенной на западном углу этого же здания, образующем воротный проезд на территорию завода с улицы Центральная. Далее, от поворотной точки 3 к поворотной точке 4 и далее к поворотной точке 5, граница объекта культурного наследия проходит по линии обреза фундамента указанного производственного здания, параллельно трассе улицы Центральная, проходящей на данном отрезке в направлении юго-запад – северо-восток, и подходу к реконструируемому железнодорожному переезду. Далее граница поворачивает на юго-восток к поворотной точке 6, проходя по линии обреза фундамента производственного одноэтажного здания, вытянутого в направлении северо-запад – юго-восток, расстояние между поворотными точками 5 и 6 составляет 92,5 м. Поворотная точка 7 находится на северо-восточном углу одноэтажного производственного здания, ограничивающего территорию завода с востока и вытянутого в направлении северо-восток – юго-запад. Граница территории объекта

культурного наследия проходит по восточной линии обреза фундамента этого здания, расстояние до поворотной точки 8 составляет 56 м, от поворотной точки 8 до поворотной точки 9, вдоль внешней линии обреза фундамента следующего одноэтажного производственного здания – 32,5 м. Далее граница объекта культурного наследия проходит вдоль обреза фундамента торца указанного здания (поворотные точки 10, 11, 1) (рис. 2). ОКН «Кирха, 1800 г.» (Кирха св. Петра в Гатчине) находится внутри очерченной территории, в ее восточной части.

Кладка стен, выполненная из ломаного известняка, имеет повреждения, полученные как во время Второй мировой войны (колокольня на уровне между вторым и третьим ярусами [рис. 7]¹ и на уровне первого яруса), так и в более позднее время.

На фасадах и стенах здания зафиксированы трещины и частичные утраты кладки: на фасаде башни-колокольни, на уровне второго яруса и между вторым и третьим ярусами вертикальная трещина выше и ниже круглого окна; в южной стене здания частичные утраты в кладке под юго-восточным окном на уровне современной дневной поверхности и трещины в восточной части оконного проема центрального окна и под окном до уровня современной дневной поверхности (рис. 8); в восточном фасаде здания стрельчатое алтарное окно превращено во вход на уровне 2,5 м выше современной дневной поверхности, для входа к стене прикреплена металлическая лестница, состоящая из двух пролетов и горизонтальной площадки между ними. В кладке под окном две вертикальные трещины, справа и слева от окна, а на уровне современной дневной поверхности прорублено небольшое, вероятно, вентиляционное окно; восточное окно северной стены здания превращено в загрузочное, к нему пристроены детали подъемного механизма; центральная часть северной стены, к востоку от оконного проема центрального окна также имеет вертикальные трещины кладки; под западным окном северной стены вертикальные трещины кладки до уровня современной дневной поверхности.

Интерьеры полностью утрачены, весь внутренний объем здания был приспособлен для хозяйственного использования, перегороджен внутренними стенками и несплошными перегородками, сложенными в полкирпича, оштукатуренными и окрашенными масляной краской до уровня 1,8 м от уровня пола, выше побеленными, капитальные стены зда-

¹ Описываемая утрата кладки очень хорошо заметна на фотографиях. Она отсутствует на фотографии 1910-х – 1935 г., но отчетливо заметна на фотографии 1943 г.

Рис. 7. «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Утраты кладки между вторым и третьим ярусами кирпичи. Фото В. Ю. Соболева

Рис. 8. «Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь». Трещины и утраты в кладке южной стены кирпичи. Вид с юга. Фото В. Ю. Соболева

ния оштукатурены и окрашены аналогичным образом. В настоящее время внутренние стены и перегородки частично разрушены; штукатурка и окраска не позволяют судить о сохранности и наличии повреждений кладки капитальных стен. Современное наливное бетонное половое покрытие также не позволяет судить о степени сохранности исторического пола объекта культурного наследия. Второй уровень оказался не доступен для осмотра. Чердачные помещения сухие, современное покрытие крыши имеет повреждения. Винтовая лестница, ведущая на верхний уровень башни, сложенная из известняка, имеет утраты пролетов.

Выводы. Объект культурного наследия федерального значения «Кирха, 1800 г.» («Kukkonkirkko» – «Петушиная церковь») при взрыве в октябре 2018 г. не пострадал, но его современное состояние позволяет сделать некоторые выводы. На наш взгляд, описанная ситуация вызывает большие вопросы к государственной службе, в первую очередь к системе охраны памятников, к эффективности

и результативности ее работы. В очередной раз приходится констатировать, что даже имеющийся документально подтвержденный статус объекта культурного наследия не гарантирует объекту физическую сохранность, а предлагаемая правительством возможность передачи памятников в частные руки грозит лишь ростом числа разрушений, фиксация которых будет максимально затруднена арендаторами.

Источники и литература

- Александрова Е. Л., Брауде М. М., Высоцкая В. А., Петрова Е. А., 2012. История финской Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингерманландии. СПб.
- Hämäläinen A., 1944. «Kadonnutta Inkeriä». Porvoo; Helsinki.

Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2015–2016 гг.

Е. Р. Михайлова, К. В. Шмелев, В. Ю. Соболев, Д. Н. Мурзенков,
И. А. Федоров, И. И. Тарасов

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-27-38

Настоящее сообщение представляет собой краткий очерк полевых работ, проводившихся Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета в 2015–2016 гг. (о работах предыдущих лет см: Федоров и др., 2014; Михайлова и др., 2015; 2017). Основную часть полевых работ в эти два года составили разведки, проводившиеся почти по всей территории Ленинградской области, а также на территории Псковской и Вологодской областей. Часть разведочных работ была связана с планами хозяйственного освоения земельных участков, другие проводились с целью научного поиска. В результате проведенных разведок были открыты несколько новых памятников, обследованы ранее известные, собраны сведения о некоторых случайных находках и объектах, которые предстоит проверить. Кроме того, сотрудники Лаборатории приняли участие в ряде совместных проектов с коллегами из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и Государственного Эрмитажа.

Археологические разведки на территории Лужского района Ленинградской области были связаны с обследованием памятников культуры псковских длинных курганов. Наиболее крупный из комплексов, обследованных в 2015–2016 гг., расположен близ д. Слапи. Это довольно типичное для культуры длинных курганов скопление могильников, вытянутое вдоль коренного берега ручья, поросшего сосновым бором и состоящее из крупной курганной группы (Слапи V) и нескольких более мелких, включающих 3–5 насыпей (рис. 1). В западной части могильника Слапи V, поврежденной распашкой под лесопосадки, были собраны пережженные кости, по всей вероятности, происходящие из разрушенных грунтовых захоронений рядом с курганами. Такая

ситуация тоже типична для псковских длинных курганов. Впервые была выявлена группа из двух низких расплывчатых насыпей близ д. Новые Полицы, у правого берега р. Осницы, относящейся к бассейну р. Плюссы. При зачистке нарушенной лесной дорогой края одной из насыпей были собраны пять мелких фрагментов лепной керамики с примесью дресвы (рис. 2).

На территории Сланцевского района Ленинградской области были обследованы берега оз. Долгого, уточнена характеристика и современное состояние расположенных здесь объектов. На оз. Долгом сосредоточены погребальные памятники нескольких культурно-хронологических горизонтов: могильники культуры псковских длинных курганов (Федорово Поле, Зажупанье, Жилино, Заручье и др.), возможно, культуры восточнолитовских курганов (курган 45 в составе могильника Доложский погост), курганно-жальничные могильники и жальники (Доложский погост, Заручье, Заяцково и др.), грунтовые могильники (напр., Китково), исторические кладбища с каменными крестами (Филево) (рис. 3).

Значительный интерес представляет погост Зажупанье (курганно-жальничный могильник Зажупанье I) – комплекс погребальных памятников, окончательно сформировавшийся уже в XX в. Комплекс расположен к западу от д. Зажупанье, на оконечности песчаной гряды на коренном берегу оз. Долгое, на территории действующего кладбища у Михаило-Архангельской церкви. Первые сведения о погребальных памятниках на этом месте связаны с работами Л. К. Ивановского, который в 1891 г. раскопал у д. Зажупанье 48 курганов и жальников. Помимо ингумаций, сопровождавшихся вещами XII–XIV вв. (в том числе монетой Дерптского епископа Генриха фон Фельде 1355–1378 гг.), было

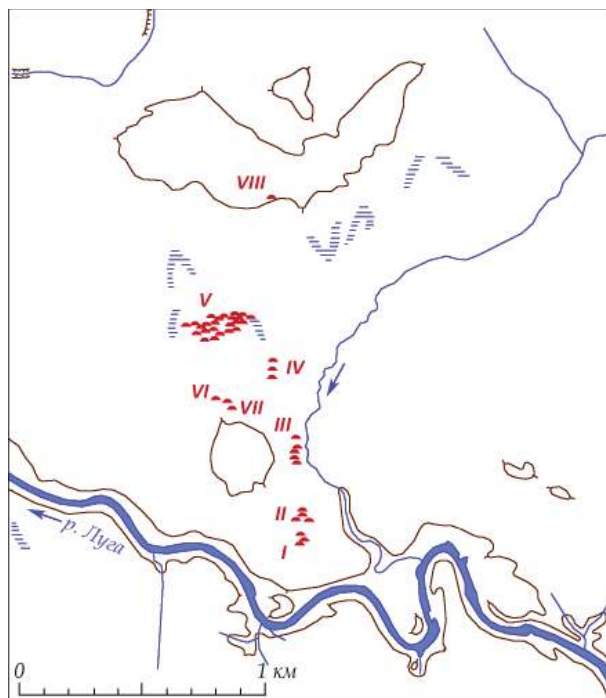

Рис. 1. Схема комплекса погребальных памятников у д. Слупи Лужского района Ленинградской области

Рис. 2. Фрагменты керамики из разрушенной полы кургана у д. Новые Полицы Лужского района Ленинградской области

исследовано не менее четырех кремаций. Один из курганов описан в публикации материалов следующим образом: «Высотой 4 1/2 арш., в окружности 15 саж. Кострище» (Спицын, 1896. С. 109). Пустой(?) курган с кострищем высотой более 3 м – это, скорее всего, высокая (сопковидная насыпь) культуры длинных курганов. Любопытно, что вскоре после работ Л. К. Ивановского, в 1900 г. при сборе сведений для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии информацию

Рис. 3. Курганы в группе у д. Федорово Поле Сланцевского района Ленинградской области

о горе «Литовское кладбище» в 100 саженьях на запад от д. Зажупанье представил Гдовский исправник, отметив, что «поверхность изрыта раскопками Глазова» (sic!) (Сведения, 1900. Л. 3).

Вплоть до начала XX в. всхолмление, где располагался могильник, было свободно от застройки. Однако в 1903–1908 гг. на его территории взамен обветшавшей церкви в соседней д. Филево строится каменная церковь Архангела Михаила. Проект новой церкви создал С. И. Андреев – автор нескольких церквей в Санкт-Петербургской губернии, а также доходных домов, монастырских подворий и зданий для благотворительных обществ в Петербурге (Гинзбург, Кириков, 1996. С. 21, 22). После освящения церкви при ней возникло кладбище, действующее по сей день. Захоронения новейшего времени разрушили существовавший курганно-жальничный могильник, к концу XX в. сохранились лишь незначительные остатки прежнего памятника. Н. И. Платонова в 1983 г. насчитала здесь пять курганов, два из которых находились к югу от церкви, один к востоку от нее, на скате холма, и еще два далее к востоку, отделенные от кладбищенского холма автодорогой. Близ алтарной апсиды среди современных могил исследовательница обнаружила каменный крест (Платонова, 1983. Л. 36, 37). В 1996 г. памятники были обследованы В. Ю. Соболевым, который отметил каменный крест, один курган к востоку от церкви и две погребальные насыпи к западу от нее (Соболев, 1996. Л. 5). В 2015 г. при осмотре территории кладбища каменный крест обнаружить уже не удалось. Были вновь обследованы три кургана на территории действующего кладбища, по своему внешнему облику они относятся к культуре псковских длинных курганов (рис. 4). Таким образом, могильник Зажупанье-I первоначально пред-

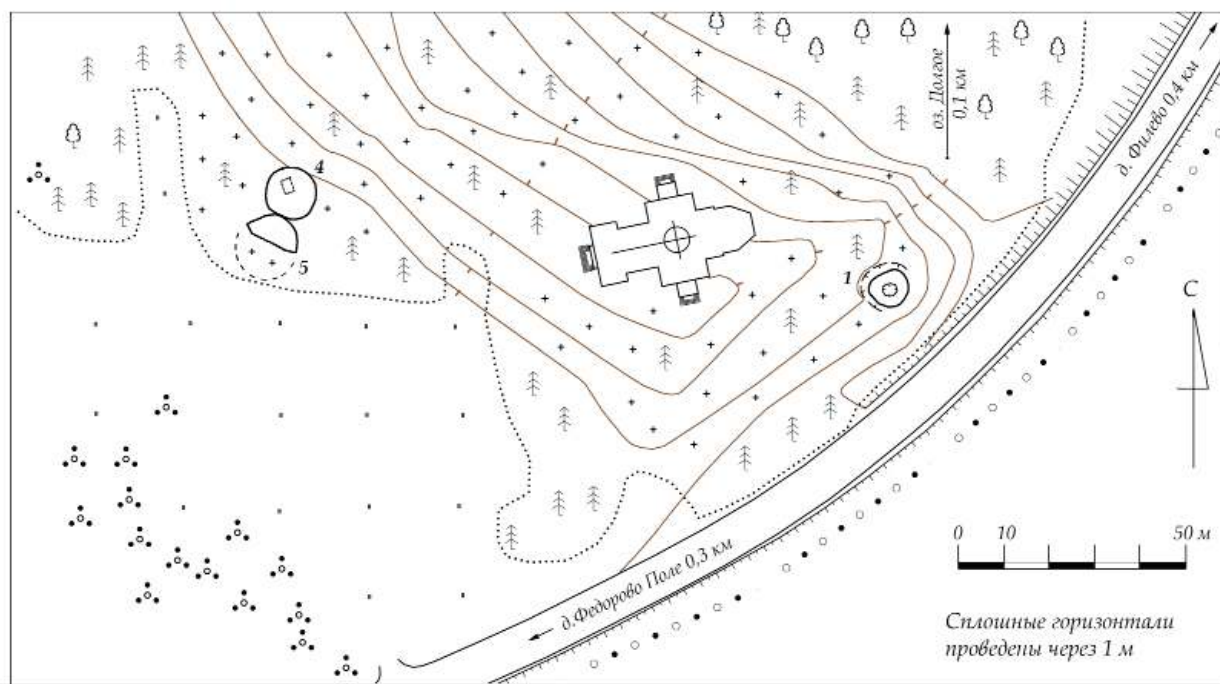

Рис. 4. Зажупанский погост (Сланцевский район Ленинградской области). Съемка А. В. Бехтера

ставлял собой, по-видимому, курганно-жальнич-ный могильник, в состав которого входили как жальничные захоронения XII–XIV вв., так и насыпи культуры длинных курганов с кремациями второй половины I тыс. Такое сочетание в одном могильнике насыпей КДК и гораздо более поздних жальников в бассейне Средней Луги и далее на запад вплоть до Чудского озера встречается довольно часто.

Еще одна интересная категория объектов, обследовавшихся на территории Сланцевского района, – каменные кресты. Кроме крестов погоста Зажупанье и кладбища в д. Филево, в 2015–2016 гг. были осмотрены кресты на кладбище в с. Должском (ныне д. Заручье) и у церкви в с. Ложголово, впервые зафиксированы каменные кресты в п. Старополье и в часовне в д. Ликовское. Крест в д. Ложголово стоит у здания каменной Георгиевской церкви, окруженной действующим кладбищем. Крест вытянутой ромбовидной формы высотой около 1 м прислонен к алтарной апсиде между двумя могилами. На кресте имеются, по-видимому, разновременные надписи, позднейшая из которых, сделанная тонкими резкими линиями, содержит дату («въ 1833 году») (рис. 5). На территории п. Старополье (бывшее с. Валово) были обнаружены два каменных креста. Один из них находится у здания действующей церкви Рождества Христова, куда был недавно перемещен, возможно, с одного из окрестных жальничных могильников. Это

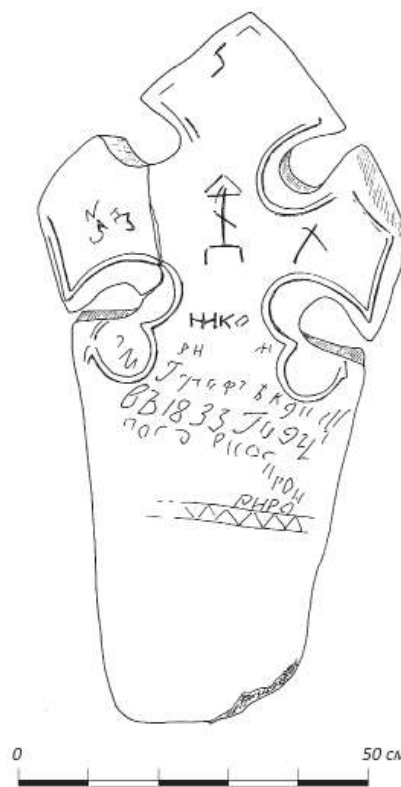

Рис. 5. Крест у Георгиевской церкви в д. Ложголово Сланцевского района Ленинградской области.
Прорисовка

крупный крест из слоистого известняка с прочерченным на плоскости крестом, высотой 145 см. Верхняя лопасть креста массивная, трапецевидная, короткие лопасти креста скошены книзу (рис. 6; 7). Другой каменный крест располагается на территории старого кладбища, отделенного от Рождественской церкви дорогой. В 1984 г. В. А. Лапшин записал сведения о располагавшемся в этой же части деревни, на участке, занятом зданием магазина, грунтовым могильнике (Валово-2) (Лапшин, 1990. С. 60), с ко-

Рис. 6. Крест у Рождественской церкви в п. Старополье Сланцевского района Ленинградской области

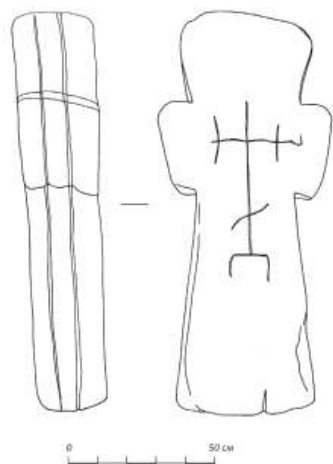

Рис. 7. Крест у Рождественской церкви в п. Старополье Сланцевского района Ленинградской области. Прорисовка

торым может быть связан и публикуемый крест. Он вырезан из известняка, его высота над уровнем земли 67 см, лопасти креста короткие, скругленные (рис. 8; 9). По внешнему виду крест можно отнести к XVII в.¹ В д. Ликовское был осмотрен высеченный из известняка каменный крест с полустертыми изображениями, хранящийся в местной часовне Николая Чудотворца (рис. 10).

Небольшие по своему объему работы в Ломоносовском районе были посвящены обследованию

Рис. 8. Крест на территории старого кладбища в п. Старополье Сланцевского района Ленинградской области

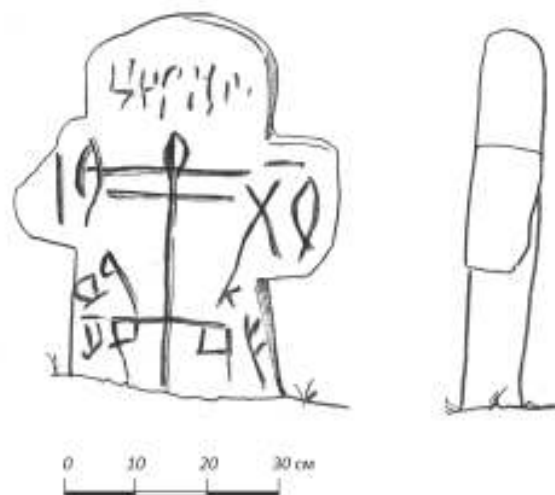

Рис. 9. Крест на территории старого кладбища в п. Старополье Сланцевского района Ленинградской области. Прорисовка

¹ Любезная устная консультация В. Б. Панченко (Гос. Эрмитаж).

Рис. 10. Каменный крест в часовне д. Ликовское
Сланцевского района Ленинградской области

нескольких исторических поселений и связанных с ними кладбищ, расположенных на северо-западном склоне Ижорской возвышенности. У д. Климотино, Подмошье и Ивановское были выявлены средневековые могильники с каменными крестами. Все три могильника существенно повреждены современными кладбищами, обнаруженные на них каменные кресты относятся к так называемому ижорскому типу каменных крестов и могут широко датироваться эпохой средневековья – нового времени. Жальничный могильник с каменными крестами у д. Климотино находится на территории рощи, занятой современным кладбищем. Лучше всего жальничные сооружения сохранились в южной части рощи. На кладбище зафиксировано 38 каменных крестов, часть из них, вероятно, *in situ* (рис. 11). Курганно-жальничный могильник у д. Подмошье находится на территории рощи, занятой современным кладбищем; его жальничная часть сильно повреждена, отдельные каменные сооружения и выкладки фиксируются только в юго-западной части рощи. В составе могильника зафиксированы также семь каменных крестов и одна курганная насыпь. Курганный могильник с каменными крестами у д. Ивановское находится на территории рощи, занятой современным клад-

Рис. 11. Каменный крест на кладбище у д. Климотино
Ломоносовского района Ленинградской области

бищем. Здесь зафиксировано 15 насыпей диаметром от 4,5 до 8 м, высотой от 0,4 до 1 м в центральной и западной части рощи и шесть каменных крестов в южной части.

Работы по археологическому обследованию трасс проектируемых подъездных автодорог к объектам Северо-Европейского газопровода на территории Ленинградской и Вологодской областей не выявили объектов археологического наследия, за исключением вновь открытой каменной кучи в Выборгском районе Ленинградской области. Открытый памятник расположен на берегу Сайменского канала в районе шлюза «Илистое»; он получил обозначение Цветочное по ближайшему населенному пункту – п. Цветочное (быв. Rättjärvi) Выборгского района, находящемуся в 3,5 км к юго-востоку от памятника. Объект представляет собой скопление округлых гранитных валунов размером от 0,3 до 0,8 м в поперечнике. В плане сложение овальной формы, размерами 2,2 × 3,4 м, вытянуто в направлении северо-запад – юго-восток. Более крупные (до 0,8 м в поперечнике) валуны расположены по периметру сооружения, внутреннее пространство заполнено более мелкими камнями (рис. 12; 13).

Сложения из крупных булыжников правильной или иррегулярной формы (так называемые каменные кучи, лопарские кучи) широко распространены по всей территории Балтийского бассейна, включая Фенноскандию и прибрежные территории Финского залива, и датируются в весьма широких пределах: от эпохи нового каменного века до средневековья и раннего нового времени. Функции этих сложений разнообразны и не могут быть определены до проведения археологических раскопок: некоторые из них являются погребальными памятниками или жертвенными комплексами, другие связаны с хозяйственной деятельностью местного насе-

Рис. 12. Каменная куча Цветочное (Выборгский район Ленинградской области)

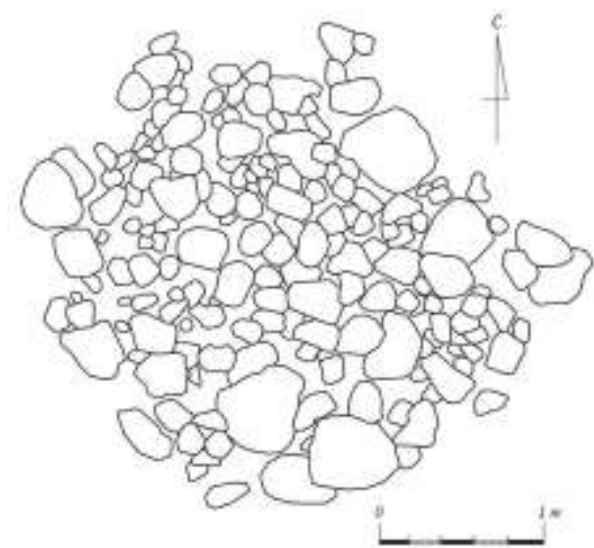

Рис. 13. Каменная куча Цветочное (Выборгский район Ленинградской области). План верхнего слоя камней

ления. Погребальные сооружения представлены кремациями, в том числе коллективными под каменными или каменно-земляными кучами, или на каменных вымостках. Захоронения под каменными кучами известны на Карельском перешейке и в Республике Карелия, на островах Финского залива, в бассейне Псковско-Чудского озера, а также на территории Эстонии и Южной Финляндии. Большая часть этих объектов датируется периодом от последних веков до нашей эры до X–XI вв. Другая разновидность «каменных куч», датирующихся временем от глубокой древности вплоть до XVIII–XIX вв., – объекты, связанные с языческим почитанием священных камней, реликты которого известны на территории Северной Европы и лесной зоны Восточной Европы практически повсе-

местно. Объектами религиозного почитания становились как отдельные эратические валуны, так и каменные сложения, выкладки из крупных булыжников, а также камни с изображениями или следами подработки. Встречаются также каменные сложения, связанные с хозяйственной деятельностью древнего и средневекового населения: расчисткой от камней пахотных угодий, выкладкой оград полей и пастбищ, оформлением межевых знаков. Исследование такого рода объектов в настоящее время является одним из важных источников по изучению истории формирования культурных ландшафтов и истории хозяйства древнего населения, однако они известны в основном по визуальным разведочным обследованиям и данным местной этнографической традиции. Полноценных крупных раскопок такого рода объектов на территории Северо-Запада Российской Федерации не проводилось (обзор и литературу вопроса см.: Кирпичников и др., 1992; Uino, 1997; Шахнович, 2005; Сакса, 2010; Tvauri, 2012).

Осенью 2015 г. при осмотре курганов в д. Пиллово Кингисеппского района были обнаружены свежие разрушения культурного слоя на территории объекта археологического наследия «Курганная группа Пиллово-1» на западной окраине деревни. Около 1885 г. Л. К. Ивановский раскопал здесь не менее 29 курганов с ингумациями (Спицын, 1896. С. 101), в 1973 г. Е. А. Рябинин отметил три сохранившихся насыпи и следы 16 раскопанных курганов (Лапшин, 1990. С. 102). В 1998 г. курганная группа в ходе археологической разведки была осмотрена В. Б. Панченко, в 2011 г. И. А. Федоров зафиксировал здесь остатки всего двух курганов и отдельные грабительские ямы. До недавнего времени на территории курганной группы стояла деревянная часовня, но в августе 2011 г. ее разобрали хозяева близлежащего участка. В 2015 г. на территории памятника были замечены свежие грабительские траншеи и ямы глубиной до метра, в отвалах ям лежали человеческие кости из нарушенных погребений. Здесь же было обнаружено скопление корродированных железных предметов, воткнутых в дерн: несколько ножей, вток, складная бритва(?) и др. (рис. 14; 15). Особый интерес представляет кресало, один конец которого загнут, как у калачевидных, а другой раскован в широкую массивную пластину, точных аналогий ему нам не известно (рис. 14: 4). Собранные предметы могут датироваться эпохой позднего средневековья и нового времени и происходят, скорее всего, не из разрушенных захоронений, а из культурного слоя деревни, впервые упомянутой в 1500 г. в Переписной оброчной книге Водской пятины как село Пилола в погосте Никольском Толдожском в Чюди (Переписная оброчная книга, 1868. Стлб. 907).

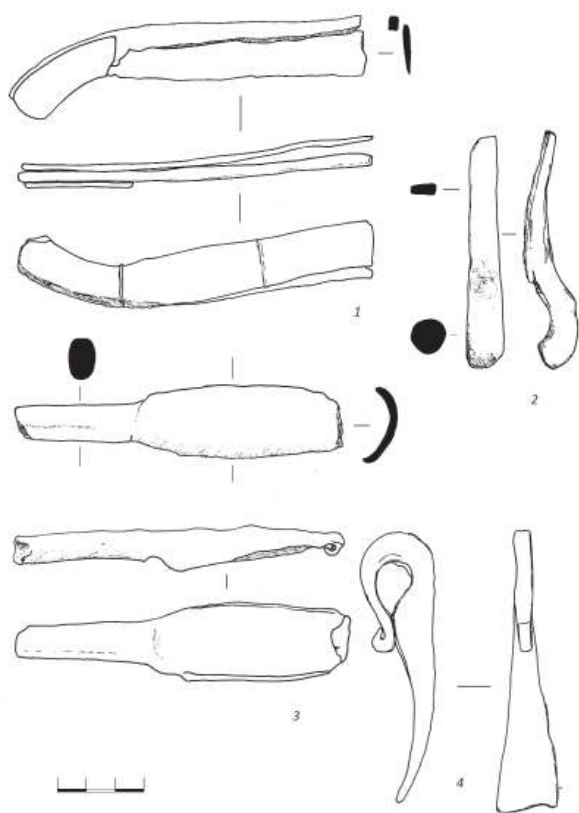

Рис. 14. Железные изделия, найденные в д. Пиллово Кингисеппского района Ленинградской области

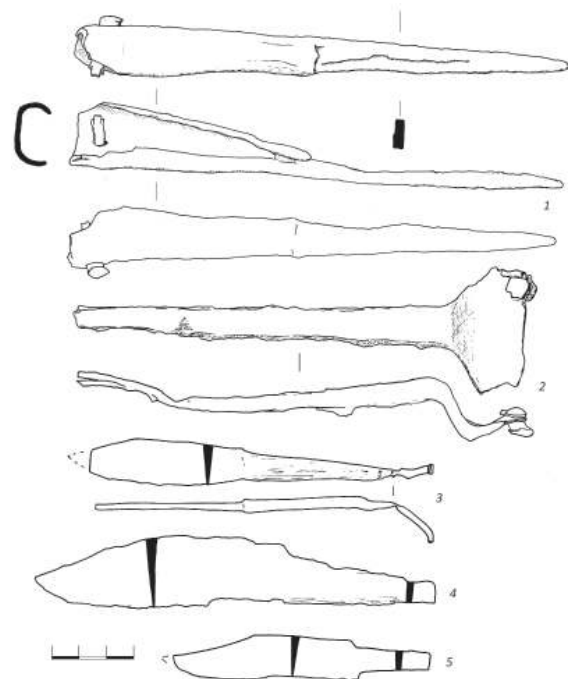

Рис. 15. Железные изделия, найденные в д. Пиллово Кингисеппского района Ленинградской области

Раскопки в 2015–2016 гг. были связаны с охранными работами по изучению объектов углежогного промысла в зонах планируемого строительства. Работы 2015 г. проводились на территории Выборгского района Ленинградской области в зоне строительства терминала по производству и перегрузке сжиженного природного газа в порту г. Высоцк, на острове Высоцкий (финск. Uurassaari), входящем в архипелаг островов Выборгского залива. В северо-западной части острова, в зоне строительства портового терминала, находились остатки одной из батарей, контролировавших Тронгзундский пролив и подходы к крепости Тронгзунд, развалины построенного в 1930-х гг. финского поселка Rerotaipale и несколько углежогных куч, разбросанных по высокому берегу острова, поросшему светлым сосновым бором, из которых нами были раскопаны три («Высоцк I–III»). Все они по своей внутренней структуре сходны между собой, их строение полностью соответствует данным этнографии о выжигании древесного угля в кучах (рис. 16; 17). Центральная часть каждого сооружения представляла собой мощный слой песка, перемешанного с углем и сажей, – остатки засыпки угольной кучи землей и дерном, перемешанные с мелкими угольками и сажей после «ломания» кучи и выбирания из нее угля. Края земляной засыпки – толща обожженного рыхлого песка, окружавшая угольный слой, – оставались потревожены меньше. Нижний уровень каждой из углежогных куч представлял собой плотный тонкий слой слежавшейся угольной мелочи и сажи, под которым залегал прокаленный материк.

Наиболее интересными оказались результаты раскопок углежогной кучи «Высоцк II». При зачистке вершины насыпи ниже слоя дерна про-

Рис. 16. Укладка угольной кучи. Олонецкий уезд. 1899 г. Фото М. А. Круковского (МАЭ. Колл. № 1363)

Рис. 17. Углежюги из Старостино, приход Ярвисаари (совр. Кировский район Ленинградской области). 1911 г. Фото С. Паулахарью (Ингерманландия, 2014. С. 52)

ступили контуры вытянутого пятна темного песка, перемешанного с углями и сажей, размерами 5,5 × 6,2 м. Пятно темного песка с углем представляло собой поверхность слоя мощностью 0,3–0,4 м, слагавшего верх центральной части всего объекта. Ниже слоя темного песка с углем под всей центральной частью сооружения залегал тонкий слой плотно слежавшейся угольной мелочи, оставшейся на месте после разборки углежюжной кучи и выборки крупных кусков готового древесного угля. Вокруг южной части пятна темного песка с углем были расчищены фрагменты крепления общей конструкции: 18 обуглившихся кольев, вертикально вбитых в грунт с неравными промежутками (от 5–6 см до 20 см и более). Вокруг пятна углей и углистого песка залегала полоса рыхлого светлого, местами почти белого перегорелого крупного песка с отдельными тонкими линзами углистого песка и сажки. Слой перегорелого песка кольцом окружал темный песок с углем: ширина кольца составляла в среднем около 2 м, мощность слоя достигала 0,3–0,4 м. Края угольной кучи остались не разобранные углежюгами, и крупные фрагменты карбонизированной древесины были расчищены в процессе раскопок *in situ*. Обугленные фрагменты чурок и жердей залегали отчасти в плотном слое угольной пыли, отчасти под светлым перегорелым песком. Расчищенные фрагменты оказались уложены по направлению к центру сооружения, образуя в плане четырехугольник («кабан»), ориентированный своими сторонами практически по странам света. Основание кучи размерами 6,5–7 × 8 м, ширина неразобранного края составила 1,0–1,2 м (рис. 18). Прочность конструкции придавали массивные заостренные колья, вертикально вбитые в грунт: в нижней части конструкции расчищены основания четырех таких кольев диаметром 10–12 см, сохранившиеся на высоту от 12 до 30 см.

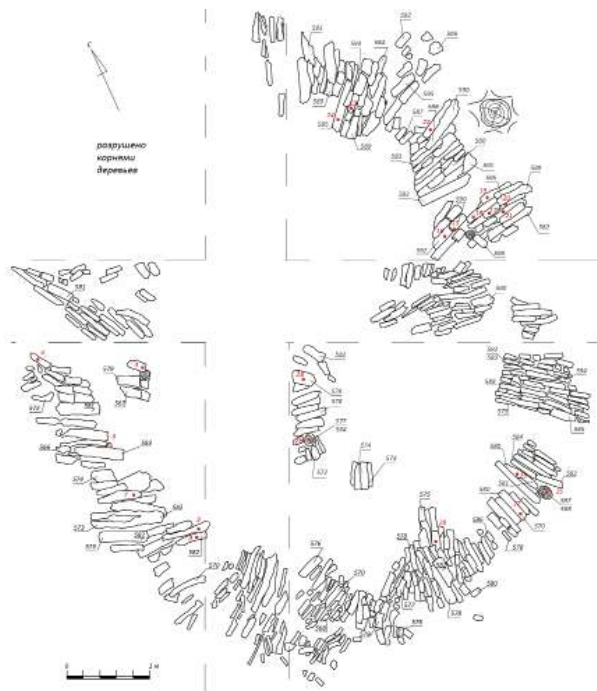

Рис. 18. Контур углежюжной кучи «Высоцк II», расчищенный в раскопе. Выборгский район Ленинградской области

Отчетливо видно, что чурки и бревна укладывались по направлению от центра к краям, отдельными плотными связками или охапками шириной 0,6–0,8 м. Связки укладывались наклонно, таким образом, что их концы, обращенные к центру конструкции, были приподняты. В наиболее сохранившихся связках можно различить до 5–6 ярусов стволов, в одну связку укладывались стволы одинаковой толщины. Стволы деревьев были срублены наискось топором или косарем одним-тремя косыми ударами сверху вниз. Часть нижних поленьев и чурок оказались обуглены не до конца, на некоторых фрагментах сохранилась кора, откуда видно, что использованы сосновые и лиственные чурки, причем сосновые лежали внизу, а выше были уложены чурки из лиственных пород. Для образцов из конструкции удалось получить дендрохронологическое определение: около 1820 г.²

Находок, связанных непосредственно с угольными кучами, при раскопках на о-ве Высоцком не сделано, однако при раздерновке раскопа на куче «Высоцк I» были найдены медная монета

² Выражаем самую искреннюю признательность авторам произведенных определений Л. Лазуковой и Е. Долговой (Лаборатория дендрохронологии Института географии РАН).

Великого княжества Финляндского номиналом 10 пенни, чеканенная в 1916 г., и небольшая раковина каури (*Succinea moneta*) (рис. 19).

Помимо охранных раскопок, в зоне планируемого строительства на о-ве Высоцком в 2015 г. было проведено также дополнительное разведочное обследование территории лесного участка и операционной акватории строящегося объекта. В ходе обследования акватории специалистами ООО «Фертоинг» был обнаружен и поднят на поверхность железный якорь, изученный К. В. Шмелевым. Якорь адмиралтейского типа, выполнен по схеме Паркера-Роджера. Производство якорей данного типа начинается в конце 1840-х гг., период их активного применения приходится на рубеж XIX–XX вв., отдельные экземпляры применялись до конца XX века (рис. 20).

Рис. 19. Находки из раскопа на углежогной «Высоцк I»: 1 – 10 пенни 1916 г., 2 – раковина

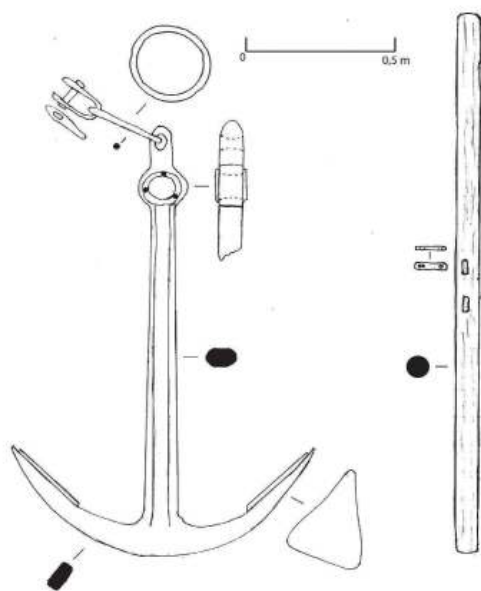

Рис. 20. Якорь адмиралтейского типа, найденный в акватории Высоцкого порта. Выборгский район Ленинградской области

В 2016 г. были проведены раскопки на группе углежогных куч «Северная I» на территории Прионежского района Республики Карелия, недалеко от г. Петрозаводска. Группу составляли шесть углежогных куч, расположенных в низменном, местами подболоченном лесу с заметным преобладанием ели. Самое крупное из раскопанных здесь углежогных сооружений – куча № 3. До раскопок она представляла собой расплывчатую насыпь диаметром 15 м и высотой до 0,6 м, с просевшей вершиной (рис. 21). На юго-западной части насыпи торчали два поросших черничником холмика, оказавшиеся по снятии кучами мелких углей, беспорядочно высыпанных на вершину насыпи. Остатки обугленной недожженной древесины, брошенные на месте, были встречены при снятии дерна также поверх заполнения канавки, окружавшей кучу. Насыпь состояла из взятого на месте мешаного коричневого суглинка, насыщенного камнями и перемешанного с углями и угольной пылью. Основание углежогной кучи составляла вырезанная из материка округлая площадка диаметром до 16 м, окруженная кольцевой канавкой. В основании насыпи, на материке лежали обугленные плахи, составлявшие края сложенной для выжигания угля кучи. Она имела округлую в плане форму, ее диаметр достигал 10 м (рис. 22). Плахи были уложены слоями (при расчистке краев конструкции прослежено 2–4 слоя), наклонно таким образом, что к центру кучи были обращены приподнятые концы. Нижний слой лежал почти горизонтально, угол наклона сохранившихся верхних составлял 30–40°. Длина сохранившихся фрагментов обугленных плах составила от 10–12 см до 50 см, ширина – от 5 см до 18–20 см, почти все они уплощены от тяжести перекрывшего их грунта. Можно различить части не крупных стволков и жердей, а также массивные крупные колотые вдоль чурки с концами, косо стесанными топором. Древесина крупных чурок имела тонкую слоистость, характерную для хвойных пород. Материк под углежогной кучей имел двуслойную структуру: его верхние 10–15 см представляли собой прокаленный рыхлый, белесый грунт, ниже материк сохранил свой первоначальный характер – насыщенный камнями суглинок желтого цвета, к низу переходящий в светло-серый.

В южной части раскопа при разборке оползшего края насыпи и заполнения окружавшей ее канавки были отмечены отходы углежогного процесса: обгоревшие колотые поленья, лежавшие горизонтально в три слоя в верхней части заполнения канавки. При разборке этого скопления древесины были собраны также 12 фрагментов керамики, по-видимому, происходящих от одного мисковидного

*Рис. 21. Куча № 3 в группе углежогных куч «Северная-1» до начала раскопок.
Прионежский район Республики Карелия*

Рис. 22. Расчистка края угольной кучи. Рабочий момент. Прионежский район Республики Карелия

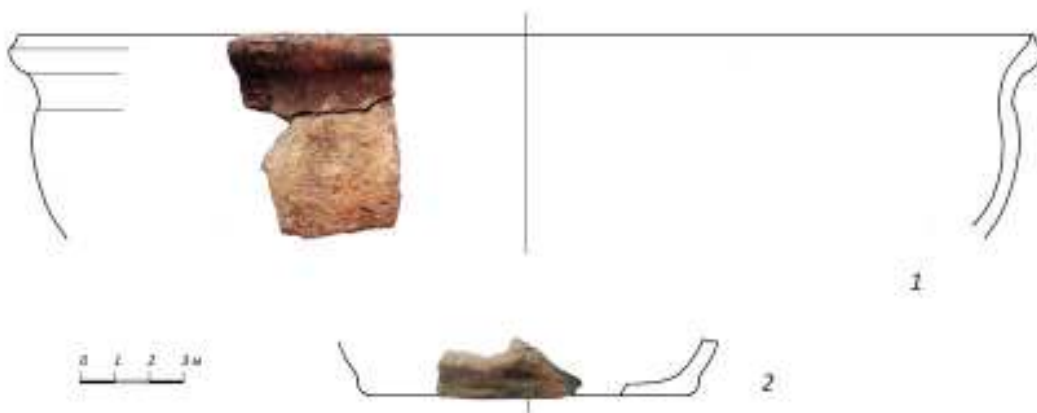

Рис. 23. Керамика из края кучи № 3 в группе углежогных куч «Северная-I». Прионежский район Республики Карелия

сосуда (рис. 23: 1). Сосуд был изготовлен из красножгущейся глины с примесью дресвы; черепки в изломе трехслойные, растрескиваются. Все фрагменты заметно окатаны, т.е. длительное время лежали на поверхности земли. Еще один аналогичный фрагмент, от придонной части сосуда, также окатанный, был найден несколько западнее (рис. 23: 2). Результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из кучи № 3 группы Северная-I относят памятник к XVIII в.

Работы 2015–2016 гг. принесли, таким образом, новые сведения об археологическом наследии Северо-Запада.

Источники и литература

- Гинзбург А. М., Кириков Б. М., 1996. Архитекторы – строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник. СПб.
- Ингерманландия, 2014. Ингерманландия глазами Самуили Паулахарью. Велоекспедиция летом 1911 года. СПб.
- Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я., 1992. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Часть 1: Западные районы.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Шмелев К. В., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., 2015. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 5.
- Михайлова Е. Р., Бехтер А. В., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., 2017. Археологические работы на территории усадьбы Богословка (Зиновьево) // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.
- Переписная оброчная книга, 1868. Переписная оброчная книга Вотской пятины. Первая половина. СПб. Том 3: Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией.
- Платонова Н. И., 1983. Отчет о полевых исследованиях 2-й группы Ленинградского областного отряда ЛОИА в Лужском и Сланцевском районах Ленинградской области в 1983 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 70.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Сведения, 1900. Сведения о древностях по Гдовскому уезду, собранные Петербургским археологическим институтом для составления археологической карты губернии / Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 2.
- Соболев В. Ю., 1996. Отчет о разведке II отряда Северо-Западной археологической экспедиции СПб. РНИИ КПН в Сланцевском районе Ленинградской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского СПб. (МАР. № 20).

Федоров И. А., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Шмелев К. В., Михайлова Е. Р., 2014. Работы Лаборатории имени проф. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 4.

Шахнович М. М., 2005. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 10.

Tvaari A., 2012. The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia. Tartu. (Estonian archaeology. № 4).

Uino P., 1997. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki. (SMYA. № 104).

Раскопки селища Владимировка 1 в Приозерском районе Ленинградской области в 2017 г.¹

К. С. Роплекар²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-39-46

Археологическое изучение Карельского перешейка насчитывает уже более 150 лет. За это время был накоплен и осмыслен огромный фактический материал, полученный в результате работ на разных типах археологических объектов: стоянках каменного века, могильниках, укрепленных и неукрепленных поселениях, городских центрах, культовых комплексах, кладах и местах многочисленных случайных находок артефактов. В настоящее время Карельский перешеек расположен в зоне тайги южного типа. Песчаные террасы и флювиогляциальные образования заняты в значительной степени боровыми лесами, в которых расположены практически все известные к настоящему времени стоянки человека каменного века на Карельском перешейке и сопредельных территориях (Герасимов, 2012).

В непосредственной близости от обследованного участка археологические памятники по данным литературы и архивных источников известны не были, в письме Комитета по культуре Ленинградской области подобные объекты также не были упомянуты. Ближайший район высокой концентрации ОКН расположен в районе озер Отрадное и Гусиное, на расстоянии около 7 км от территории обследования.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: xenia83@bk.ru.

Освоение исследуемой территории началось с основания Коневского Рождество-Богородичного монастыря, в конце XIV – начале XV в. В конце XIX – начале XX в. на территории исследования находилась финская усадьба, фундаментные остатки которой сохранились до настоящего времени.

Объект археологического наследия «Селище Владимировка 1» был выявлен в июне 2017 г. Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством Е. К. Блохина (основание – Открытый лист № 117 от 3 апреля 2017 г.) (рис. 1). Объект был выявлен в ходе проведения археологической разведки на участках с кадастровыми номерами 47:03:0812001:195 и 47:03:0812001:196, расположенных в Приозерском районе Ленинградской области, на территории бухты Владимирская, отводимых под строительство объекта «Многофункциональный комплекс с АЗС». Работы проводились по договору, заключенному между ИИМК РАН и ООО «РН-Трейд» № 47/06/2017 от 20 июня 2017 г.

При осмотре центральной части территории к югу от разрушенной финской усадьбы была обнаружена относительно ровная площадка, поросшая соснами и мелким кустарником, где был заложен шурф (в отчете шурф № 4) (Блохин, 2017. С. 29). При закладке шурфа был выявлен объект археологического наследия «Селище Владимировка 1». Датировка – XVI–XVIII вв.

Селище Владимировка 1 расположено в пределах границ бухты Владимирская, в 130 м к югу от уреза воды в Ладожском озере, в 230 м к юго-западу от улицы Ладожская и в 8 м к северу от грунтовой дороги, соединяющей пос. Владимировка с Приозерским шоссе (рис. 1; 2). Площадь террито-

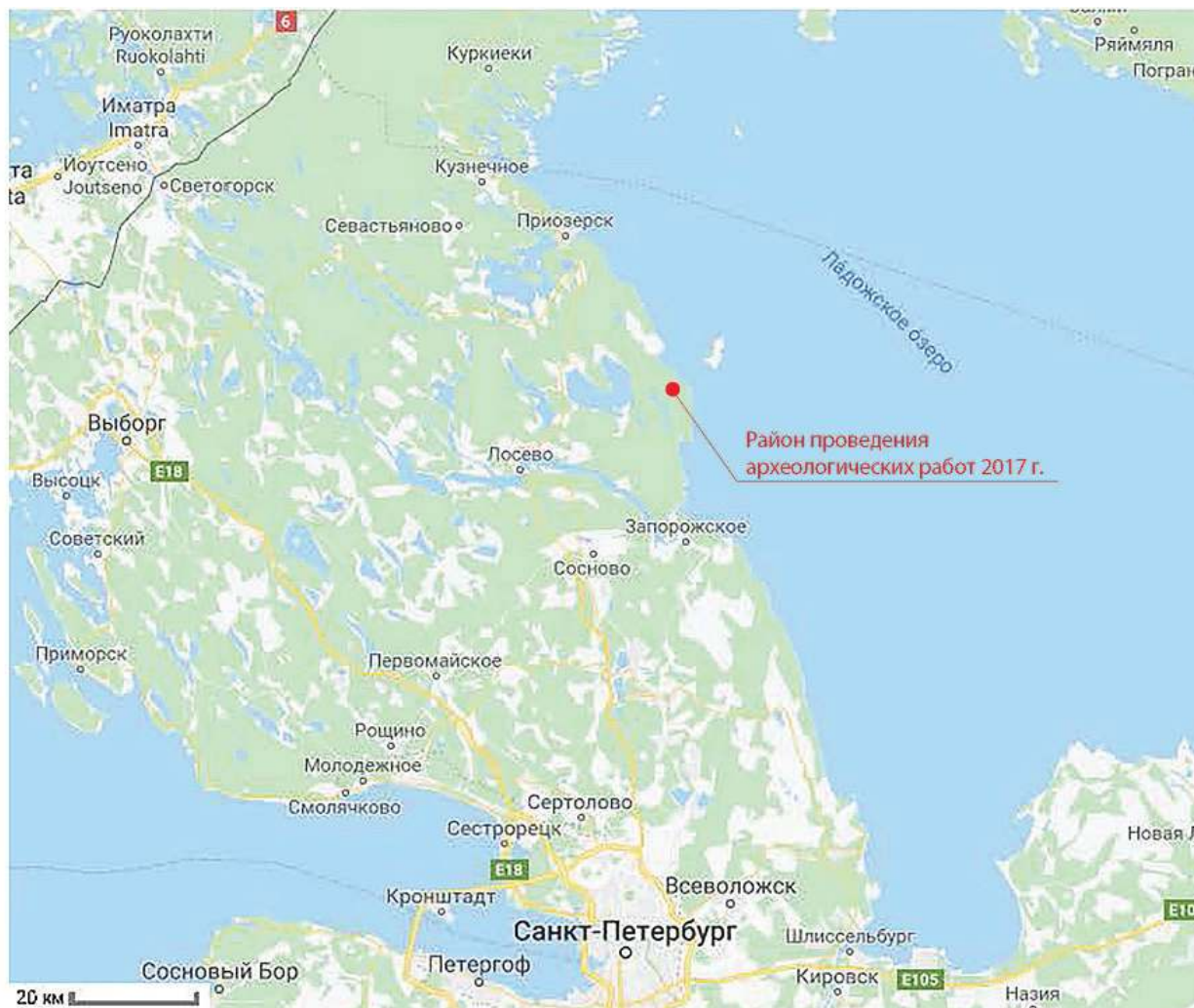

Рис. 1. Район проведения археологических работ 2017 г. на Яндекс-карте

рии выявленного объекта археологического наследия составила 170 кв. м. Границы определялись однозначно по распространению археологического материала в шурфах. В шурфах, расположенных за пределами околуренной площади, культурный слой и археологические артефакты отсутствовали. С севера объект был ограничен фундаментом разрушенной финской усадьбы, с востока – оврагом, с юга – грунтовой автодорогой, с запада граница объекта проходит по полю.

Объект «Селище Владимировка 1» был поставлен на государственный учет в соответствии с п. 6 ст. 18 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», на основании Приказа № 01-03/17-67 от 10 августа 2017 г. «О включении объекта археологического наследия «Селище Владимировка 1» в

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Ленинградской области, и утверждению границ его территории» Комитета по культуре Ленинградской области. В августе 2017 г. в связи с началом проекта по строительству многофункционального комплекса в бухте Владимировская и невозможностью изменить проектную документацию, исследования на селище «Владимировка 1» были продолжены. Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия. Работы велись на основании Открытого листа № 1843 на право проведения охранных археологических исследований, выданного Министерством культуры на имя К. С. Хребтиковой. Общая площадь исследованного участка составила 170 кв. м. Научно-исследовательские работы проведены по договору № 23250717 от 25 июля 2017 года, заключенному между ИИМК РАН и ООО «РН-Трейд».

Рис. 2. Местоположение объекта археологического наследия «Селище Владимировка I» на топографическая карте

Раскоп имел прямоугольную форму, размерами 14×12 м, также в ходе работ на квадрате Б/1 была сделана прирезка площадью 2 кв. м. Таким образом, общая площадь раскопа составила 172 кв. м. Длинная его ось была ориентирована с незначительным отклонением по линии запад–восток. В северо-восточной части по линии кв. Е/1–2 в пределах границ исследования находился шурф № 4, исследовавшийся ранее в июле 2017 г. Грунт под многолетними соснами на кв. В/1 не выбирался. Конфигурация раскопа, его площадь и разворот определялись топографической ситуацией: с севера объект ограничен фундаментом разрушенной финской усадьбы, с востока – оврагом, с юга – грунтовой автодорогой, с запада – общим понижением рельефа в сторону Ладожского озера (рис. 3).

На площади раскопа была разбита сетка квадратов (размерами 2×2 м), каждый из которых имел буквенно-цифровую нумерацию. Квадраты нумеровались с запада на восток буквами от А до Ж, с севера на юг арабскими цифрами от 1 до 6 (рис. 4). Для уточнения данных по стратиграфии культурных напластований по линии кв. Г-Д/1-6 и А-Ж/3-4 было заложено две стратиграфических бровки длиной 12 м и 14 м, шириной 0,4 м (разрез 1-1', 2-2'). Современная дневная поверхность раскопа находилась на отметках 10,4–10,0 м БС (рис. 4).

После снятия слоя дерна была осуществлена разборка хозяйственных напластований XX в. и нивелировка нижележащего культурного слоя (рис. 5). В слое зафиксированы остатки разметки дорожек и площадки, примыкающих к финской усадьбе. Крупные окатанные камни были уложены полосой длиной 8,5 м в один ряд по линии квадратов А-Д/4-3. На расстоянии 0,5 м к востоку от крыльца зафиксирована каменная выкладка квадратной формы с закругленными углами, размерами 5×5 м, служащая разметкой палисадника (рис. 5). В ходе работ в пределах его границ на глубине 0,4 м, на кв. Г-2, была найдена жестяная мыльница с двумя золотыми кольцами внутри, вероятней всего, закопанная в предвоенное время последними владельцами усадьбы (рис. 6). Также ко времени бытования усадьбы можно отнести пять хозяйственных и строительных ямы (№ 1, 8, 15, 25, 26).

Ниже стратиграфически выделяются два основных горизонта общей мощностью 0,5–0,7 м. Горизонт 1 – слой мешаной серой супеси с примесью кирпичной крошки мощностью 0,1–0,2 м (отметки от 10,1 до 9,95 м БС). С этим слоем связаны остатки столбовых конструкций и хозяйственные ямы XIX – начала XX в. Горизонт 2 – слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,1–0,3 м (отметки от 10,0 до 9,75 м

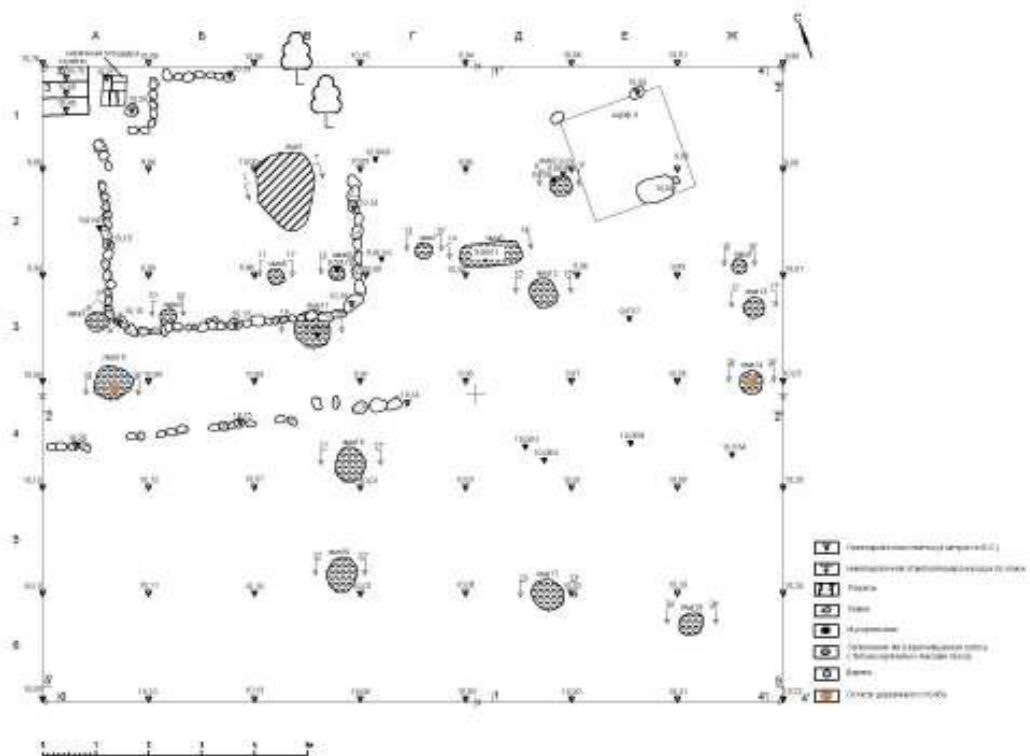

Рис. 5. План раскопа на уровне зачистки горизонта 1. М 1:80

Рис. 6. Археологические находки из слоя начала XX в.: 1 – футляр алюминиевый; 2–3 – кольца золотые обручальные

БС). С этим слоем связаны четыре крупных очажных ямы с золистым заполнением и развалы сосудов XVI–XVII вв. Ниже на уровне 9,9–9,5 БС начинается ярко желтый мелкозернистый песок – материк.

Горизонт 1 (рис. 5)

Из слоя мешаной серой супеси с примесью кирпичной крошки происходили находки, имевшие отношение к постройкам и хозяйственному участку, функционировавшим на этом месте до строительства финской усадьбы. Большая часть находок относится к началу – середине XIX в.

При зачистке слоя на кв. А-Е/2-3 был зафиксировано два параллельных ряда из круглых в плане столбовых ям (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12) протяженностью более 12 м. В заполнении серая мешаная супесь с битым кирпичом и линзами песка, в двух случаях с остатками деревянных столбов (№ 10, 14). Столбовые ямы расположены на расстоянии 0,5–1,0 м друг от друга и длинной осью направлены по линии З–В. Аналогичный ряд из трех столбовых ям (№ 9, 13, 14) проходил перпендикулярно по линии север–юг в пределах кв. Ж/2-3. Данные ряды ям, скорее всего, являются остатками забора, огораживавшего усадебный участок в XIX в.

В слое были найдены фрагменты красноглиняных изразцов, парфюмерных белоглиняных банок, фрагменты бутылок фирмы «SELTERS». Также в коллекции представлены как фрагменты грубой кухонной и тарной посуды, так и парадных фарфоровых и фаянсовых сервизов. Красноглиняная керамика составляет большую часть коллекции посуды – фрагменты и развалы сосудов, цветочных и кухонных горшков, кружек, мисок. Поливная керамика составляет большую часть этих находок. Она представлена кухонной посудой, столовой и бытовой керамикой. Полива имеет различные цвета и оттенки: зеленая, зелено-коричневая, коричневая, красно-коричневая, желтая, а также полихромная. Наиболее распространена коричневая и зеленая полива. Также в коллекции представлены фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых лустровой поливой. Основная масса находок сероглиняной и белоглиняной керамики не имеет орнаментации или покрытия. В подавляющем большинстве случаев это тарная посуда, реже бытовая керамика и столовая посуда.

Датирующими слой находками являются две монеты номиналом «2 копѣйки» 1812 г., свинцовая торговая пломба с клеймом 1881 г. и клеймо от стеклянного сосуда «В.Ф.» «Д.И.М.» «1775», заключенное в кольцо (рис. 7).

Рис. 7. Археологические находки с горизонта 1: 1 – свинцовая печать; 2–3 – монеты; 4 – фрагмент изделия из стекла с клеймом

Горизонт 2 (рис. 8)

На уровне 10,0–9,75 м БС под слоем серой супеси с примесью кирпичной крошки был открыт слой темно-серой гумусированной супеси – погребенная почва XVI–XVII вв. Его мощность составляет от 0,10 до 0,20 м. В северной части слой перекрывала прослойка мелкозернистого песка мощностью от 0,05 до 0,2 м. Из объектов данного горизонта следует отметить шесть очажных (?) ям овальной формы глубиной от 0,3 до 0,4 м, заполненных мешаной серой супесью с включением золистых линз и песка. В двух случаях в их заполнении зафиксированы фрагменты белоглиняной керамики со следами пребывания в костре. Из-за сильной однородности грунта контуры ям фиксировались с уровня материковой поверхности.

Археологический материал второго горизонта представлен грубой белоглиняной и сероглиняной кухонной посудой, бытовавшей с XVI до начала XVII в., зачастую со следами нагара с внешней стороны, и керамическим рыболовным(?) грузилом. Всего в коллекцию вошло 73 фрагмента сосудов. Вероятнее всего, исследованная территория, начиная с XVI в., служила местом для кратковременных рыболовецких стоянок, без каких-либо стационарных сооружений.

После снятия горизонта 2 на глубине 9,9–9,45 м БС была выявлена материковая поверхность, представлявшая собой слой яржежелтого мелкозернистого песка. В материк углублены вышеописанные ямы горизонтов 1 и 2 (рис. 9). В связи с ведением крупномасштабных земляных работ на территории исследования, после завершения работ раскоп не рекультивировался.

В результате археологических раскопок селища «Владимировка 1» были вскрыты культурные отложения XVI–XX вв., мощностью 0,6–0,8 м. Выделены два основных слоя. Культурный слой или отдельные находки, относящиеся к более раннему времени, на исследованном участке не обнаружены. Коллекция археологических находок составляет 151 предмет и характеризует культуру рядового населения Северо-Запада России в XVI–XIX вв. и будет передана в состав Государственного музейного фонда Российской Федерации. Отдельно стоит упомянуть находку клада золотых колец, что определенно ставит вопрос об актуальности археологических мероприятий на памятниках начала XX в.

Археологические раскопки на участке были проведены в полном объеме. В результате исследований не выявлены объекты, которые обладают материальной ценностью и которые необходимо было бы сохранить *in situ*. Методика полного археологического исследования объектов культурного наследия и не включение их на этом основании в реестр носит общераспространенный характер. Наиболее наглядный пример – археологические исследования на трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино, проходящей по территории Республики Тува и Красноярскому краю. Здесь полностью исследован целый комплекс разновременных поселений и могильников. Исследованные объекты не включались в реестр. Полученная информация сохраняется в виде научных отчетов, включающих текстовую, графическую и фотофиксацию, и коллекций находок.

Источники и литература

Блохин Е. К., 2017. Полный научно-технический отчет о выполнении научно-исследовательских археологических работ в виде историко-культурного научного археологического обследования (разведки) и подготовки акта государственной историко-культурной экспертизы земельного участка с кадастровыми номерами 47:03:0812001:195; 47:03:0812001:196 на территории бухты Владимирская Ленинградской области, Приозерский район на объекте: «Многофункциональный комплекс с АЗС» // Архив ООА ИИМК РАН. СПб.

Герасимов Д. В., 2012. Динамика развития каменных индустрий мезолита-неолита Карельского перешейка. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб.

Археологическая разведка в Усть-Луге Кингисеппского района Ленинградской области¹

К. С. Роплекар², Е. Л. Кириллов³, И. В. Стасюк⁴

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-47-54

В период с 27 мая по 23 июля 2018 г. Кингисеппский отряд Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН провел разведочное обследование земельного участка в Усть-Лужском сельском поселении, отводимого под проектирование комплекса переработки этаносодержащего газа. Разведкой была охвачена территория на правом берегу реки Луги, в северной и западной частях Куровицкого плато и прилегающей к нему с севера прибрежной полосы Финского залива. Местоположение участка работ показано на рис. 1.

Вся территория, занятая на 80 % лесами и болотами, была пройдена пешими маршрутами, заложено более 1400 разведочных шурфов. Особое внимание было уделено участкам, перспективным с точки зрения наличия археологических памятников различных эпох: это террасы древнего берега Балтийского моря на различных стадиях его существования (мезолит–бронза), берега существующих водотоков и окрестности исторических поселений (средневековье–Новое время). В ре-

зультате работ выявлено три ранее неизвестных объекта археологического наследия (селище Лужицы 3, производственный комплекс Лужицы 4, поселение Галик 5) и существенно уточнены сведения об одном выявленном ранее объекте (грунтовый могильник Лужицы 1). Границы участка обследования и расположение памятников показано на рис. 2.

Лужицы 1, грунтовый могильник

Выявлен в 1963 г. Э. Тыниссоном. Среди местных жителей известен как «шведская могила» (Тыниссон, 1963. Л. 2, 3; Лапшин, 1990. С. 107, № 821). Обследованием 2004 г. был локализован на левом берегу реки Лужица, при этом отмечено наличие углублений на современной дневной поверхности, предположительно грунтовых могил (Килуновская, Семенов, 2006. С. 29). С этой точки нами был предпринят первоначальный поиск могильника. Установлено, что в данной точке отсутствует описанный Э. Тыниссоном овальный бугор размерами 10 × 15 м, местность ровная, прорезанная долиной речки Лужицы. Расположенные по ее левому обрывистому берегу углубления являются оплывшими стрелковыми ячейками времен Великой Отечественной войны. Заложённые на данном участке шурфы выявили отсутствие признаков захоронений и средневекового культурного слоя. Немногочисленные находки связаны с функционированием проходящей по левому берегу Лужицы дороги из ныне утраченной деревни Верхние Лужицы в деревне Нижние Лужицы и переправой через безымянный лесной ручей в новое и новейшее время. Вокруг стрелковых ячеек собран подъемный материал, относящийся к периоду Великой Отечественной войны: гильзы от патронов 7,62 × 54R (винтовка Мосина), 7,62 × 25 (пистолет ТТ), фрагмент литой массивной алюминиевой ложки, использовавшейся в РККА в начале

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: xenia83@bk.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии.

Рис. 1. Кингисеппский район, Усть-Луга. Местоположение участка работ на карте Ленинградской области

войны, германская алюминиевая круглая кительная пуговица с зёрнью (уставной образец униформы вермахта 1936–1945 гг.).

Поиск могильника был продолжен в западном направлении. В 100 м западнее берега Лужицы, в 100 м южнее полотна железной дороги, в лесу в полном соответствии с описанием Э. Тыниссона обнаружен овальный бугор размерами 10 × 15 м со следами старых раскопок в восточной поле, вытянутый в широтном направлении. Расположен у южной обочины зарастающей лесной дороги, порос еловым лесом и кустарником (рис. 3). На месте снят топографический план, выполнена геодезическая привязка памятника с использованием систем глобального позиционирования.

Лужицы 3, селище

Селище расположено на левом берегу реки Лужица на локальном возвышении, на поляне посреди смешанного леса с преобладанием сосны. Заложённые археологические шурфы позволяют достаточно точно локализовать площадь распространения культурного слоя. Он локализуется на площади, представленной полигоном пятиугольной формы. Площадь территории объекта

археологического наследия составила 1310 кв. м, периметр – 145 м. Границы выявленного объекта определяются по расположению шурфов, в которых выявлен культурный слой и археологические артефакты, и по топографической ситуации.

В процессе закладки археологического шурфа № 374 на локальном возвышении на левом берегу реки Лужица в полосе отвода проектируемого объекта инфраструктуры газохимического завода, непосредственно под дерном зафиксирован слой серой супеси мощностью 0,20–0,25 м, содержащий фрагменты гончарной керамики, печной обмазки и железные шлаки, а также подковный гвоздь. Ниже залегает слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,15 м, содержащий фрагменты гончарной керамики и печной обмазки. Материк представлен плотной светло-желтой супесью с ожелезнением и ризоконкрециями (рис. 4).

В целях определения границ распространения культурного слоя заложен ряд дополнительных шурфов. В шурфе № 375 (рис. 5) зафиксирована аналогичная описанной стратиграфия и собран аналогичный вещевой материал. В шурфе № 370, расположенном на береговом склоне, отмечены

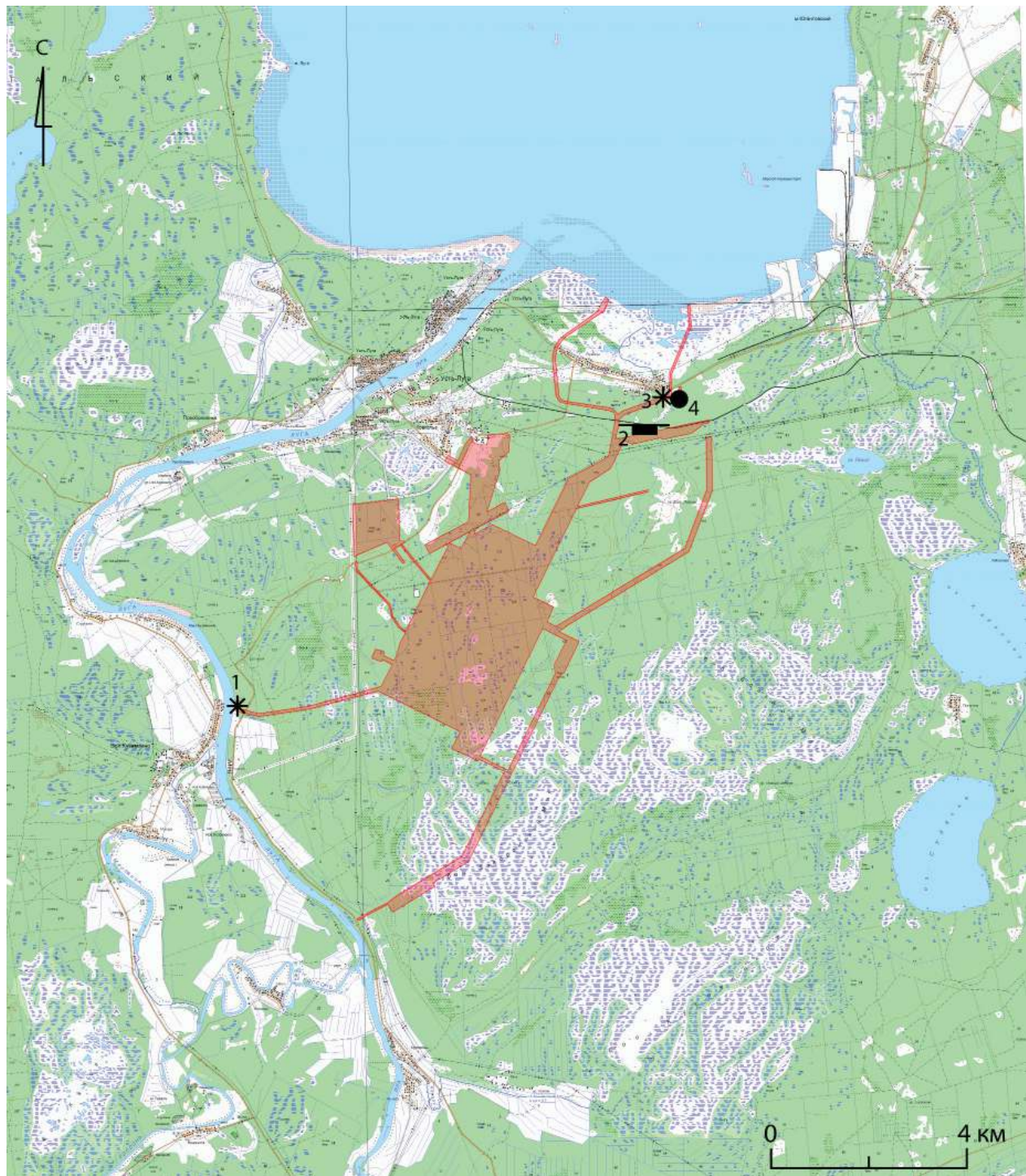

Рис. 2. Кингисеппский район, Усть-Луга. Границы участка работ и расположение выявленных археологических памятников: 1 – поселение Галик 5; 2 – грунтовый могильник Лужицы 1; 3 – селище Лужицы 3; 4 – производственный комплекс Лужицы 4

Рис. 3. Грунтовый могильник Лужицы 1. Общий вид с севера

Рис. 4. Селище Лужицы 3. Стратиграфия шурфа № 374

Рис. 5. Селище Лужицы 3. Стратиграфия шурфа № 375

турбации и следы оползания культурного слоя по склону. В шурфе № 371 мощность слоя серой супеси составляет 0,07–0,10 м, слоя темно-серой гумусированной супеси – 0,02–0,08 м, при этом слой выклинивается в направлении с запада на восток. В шурфах № 315, 316, 372, 373 культурный слой и археологические артефакты отсутствуют. Площадь выявленного объекта определяется как по топографической ситуации, так и по заложенным на соседних территориях шурфам. С севера объект ограничен берегом реки Лужица, с юга, востока и запада – естественным понижением местности.

Находки фрагментов неорнаментированной сероглиняной гончарной керамики неравномерного обжига с примесью дресвы, а также железных шлаков и фрагментов кричного железа позволяют отнести нижнюю датировку слоев поселения к эпохе средневековья. Топографическая ситуация (в стороне от жилой зоны, на берегу реки) и следы кузнечного или металлургического производства позволяют интерпретировать объект как производственную зону исторического поселения – деревни Лужицы, известной по письменным источникам с 1500 г. Датировка, полученная по результатам археологической разведки, носит предварительный характер и должна быть уточнена в ходе археологических раскопок.

Лужицы 4, производственный комплекс

В 25 м восточнее селища Лужицы 3, отделенный от него участком соснового леса без культурного слоя, расположен производственный комплекс со следами выплавки железа из болотной руды. Он расположен на левом берегу реки Лужица на локальном возвышении, прорезанном неглубоким оврагом в меридиональном направлении. Площадь территории объекта археологического наследия составила 2763 кв. м, периметр – 236 м. Границы выявленного объекта определяются по расположению шурфов, в которых выявлен культурный слой и археологические артефакты, и по топографической ситуации.

В процессе закладки археологических шурфов № 867–870 на локальном возвышении на левом берегу реки Лужица в полосе отвода проектируемого объекта инфраструктуры газохимического завода, непосредственно под дерном зафиксирован слой серой супеси мощностью 0,20 м, насыщенный железными шлаками и обломками глиняных сопел сыродутных горнов, использовавшихся в средние века для выплавки железа из болотной руды. Ниже залегает слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,10–0,15 м, содержащий фрагменты гончарной керамики, обломки сопел сыродутных горнов и железные шлаки. Материк представлен

плотной светло-желтой супесью с железнением и ризоконкрециями (рис. 6).

В целях определения границ распространения культурного слоя заложен ряд дополнительных шурфов. В шурфах № 871–873 выявлена аналогичная стратиграфическая ситуация и собран аналогичный материал. В шурфе № 874, расположенном на дне неглубокого оврага, прорезающего объект в его восточной части с севера на юг в направлении реки Лужица, под дерном выявлен слой серой супеси мощностью 0,25 м. В шурфе найдены единичные фрагменты железного шлака. В шурфе № 875 зафиксирован только слой серой супеси мощностью 0,25 м; слой гумусированной темно-серой супеси отсутствует, отмечены лишь

ее отдельные вкрапления. Выклинивание слоя объясняется периферийностью участка, на что также указывает топографическая ситуация. Площадь выявленного объекта определяется как по топографической ситуации, так и по заложенным на соседних территориях шурфам, в которых культурный слой отсутствует. С севера объект ограничен берегом реки Лужица, с юга, востока и запада – естественным понижением местности.

Слой выявленного объекта археологического наследия содержит единичные фрагменты средневековой гончарной керамики и многочисленные фрагменты сопел сыродутных горнов, изготовленных из глины методом ручной лепки, а также насыщен большим количеством железных шлаков (рис. 7–9).

Рис. 6. Производственный комплекс Лужицы 4. Стратиграфия шурфа № 869

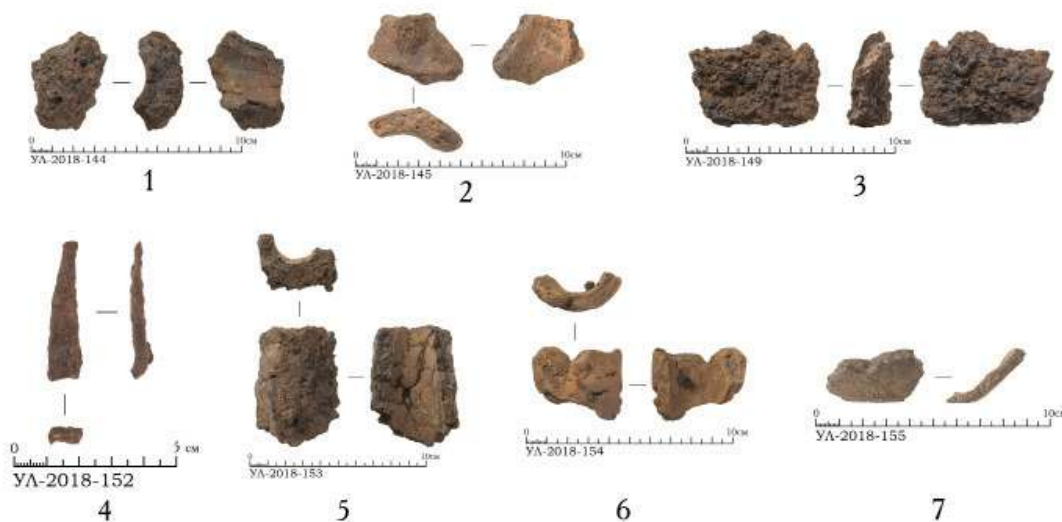

Рис. 7. Производственный комплекс Лужицы 4. Находки: 1, 2, 5, 6 – фрагменты воздуховодных сопел сыродутного горна; 3 – железный шлак; 4 – черешок железного орудия; 7 – днище гончарного горшка

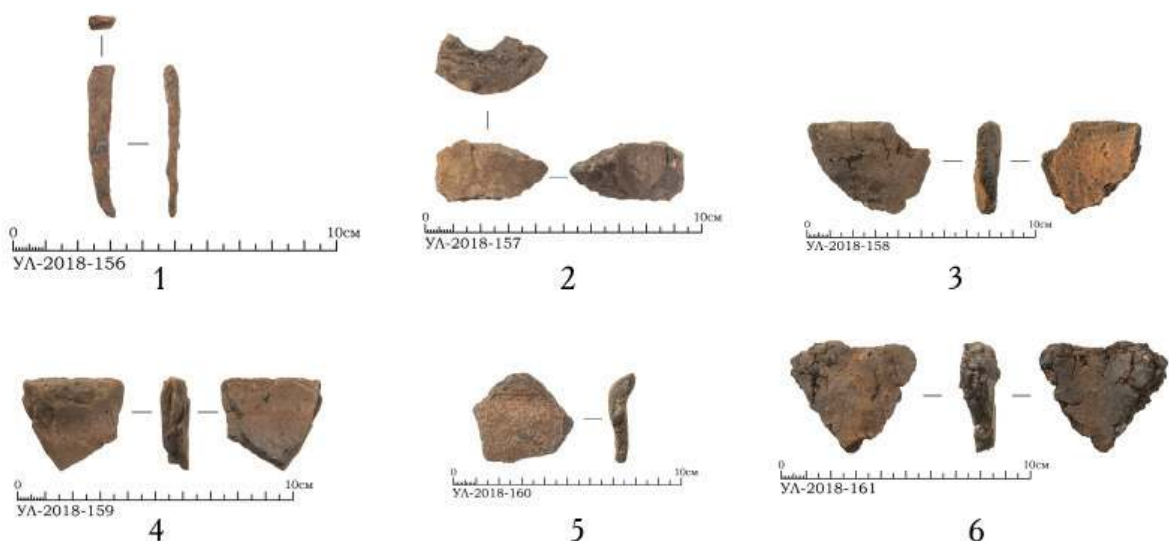

Рис. 8. Производственный комплекс Лужицы 4. Находки: 1 – черешок железного орудия; 2 – фрагмент воздуховодного сопла сыродутного горна; 3, 4, 6 – фрагменты устья сопла сыродутного горна; 5 – фрагмент гончарного горника

Рис. 9. Производственный комплекс Лужицы 4. Находки: 1, 2 – фрагменты воздуховодных сопел сыродутного горна; 3 – железный шлак

Это указывает на производственное назначение данного участка в системе хозяйства исторической деревни Лужицы. Аналогичные фрагменты сопел сыродутных горнов найдены Е. А. Рябининым при раскопках водских могильников Валговицы и Великино (Рябинин, 1990. С. 21), а также К. В. Шмелевым при изучении позднесредневекового поселения Слободка-3 (Parsibla) (Шмелев и др., 2018. С. 360). Выявленные нами селище Лужицы 3 и производственный комплекс Лужицы 4 могут быть предварительно отнесены к этому же кругу водских средневековых древностей.

Находки фрагментов неорнаментированной серо-глиняной гончарной керамики неравномерного обжига с примесью дресвы, а также железных шлаков и фрагментов кричного железа позволяют

отнести нижнюю датировку слоев поселения к эпохе средневековья. Топографическая ситуация (в стороне от жилой зоны, на берегу реки) и следы металлургического производства позволяют интерпретировать объект как производственную зону исторического поселения – деревни Лужицы, известной по письменным источникам с 1500 г. Датировка, полученная по результатам археологической разведки, носит предварительный характер и должна быть уточнена в ходе археологических раскопок.

Галик 5, поселение

Поселение расположено на высоком правом берегу реки Луга, занимает узкую возвышенность, тянущуюся вдоль берега и ограниченную с запада береговым обрывом, с востока – заболоченным

понижением местности, с юга и севера – оврагами. Границы выявленного объекта определяются по расположению шурфов, в которых выявлен культурный слой и археологические артефакты, и по топографической ситуации. На исторических картах Петербургской губернии, начиная с 1850-х гг., на этом месте обозначены кирпичный завод и окружающие его строения. В ходе закладки разведочных шурфов № 2, 3, 7–10 выявлен культурный слой, представляющий собой плотный гумусированный бурый суглинок мощностью 0,10–0,40 м, содержащий фрагменты круговой керамики, в том числе глазурованной, кованые и тннутые гвозди, осколки стекла и иной массовый материал второй половины XIX – начала XX в. Слой в шурфах № 3, 9 насыщен обломками битого красного кирпича, в том числе с производственными клеймами «БР[...]». В шурфах № 7 и 8, расположенных соответственно на южной и восточной окраинах поселения, мощность слоя существенно уменьшается до 0,07–0,10 м, что указывает на его периферийное положение. Культурный слой тянется узкой полосой шириной 15–20 м по береговой возвышенности вдоль реки Луга, прорезан двумя оврагами. Поселение со следами кирпичного производства датируется периодом 1850-х – 1940-х гг.

Источники и литература

- Килуновская М. Е., Семенов В. А., 2006. Археологические разведки на реконструируемом участке железной дороги Мга – Гатчина – Веймарн – Ивангород // На Ижорском плато. Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб.
- Лапшин В. А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.
- Рябинин Е. А., 1990. Водь // Финны в Европе. VI–XV века. М. Вып. 2.
- Тыниссон Э., 1963. Отчет о разведке ижорских и водских археологических памятников в северо-западной части Ленинградской области, произведенной сотрудниками института истории АН ЭССР // Научный архив ИА РАН. Фонд Р-1. Д. 1963/2661.
- Шмелев К. В., Бехтер А. В., Михайлова Е. Р., 2018. Селище Слободка-3 на южном берегу Лужской губы: об изучении и реконструкции позднесредневекового поселения // Культурное наследие Российского государства. СПб. Вып. VII.

Исследования на территории музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре и на Левашовском мемориальном кладбище в 2017 г.¹

С. А. Семенов², Ст. А. Васильев³, Е. К. Блохин⁴

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-55-66

Весной 2017 г. Отдел охранной археологии ИИМК РАН провел исследовательские работы на территории двух мемориальных (музейных) комплексов: «Музея-усадьбы Н. К. Рериха», расположенном в д. Извара Волосовского района Ленинградской области, и на Левашовском мемориальном кладбище у пос. Левашово Выборгского района Санкт-Петербурга (рис. 1).

Исследования на территории музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре

Извара как поселение впервые упоминается в Переписной оброчной книге Водской пятины 1500 г. в составе Покровского Озеретцкого погоста Копорского уезда. В тексте отмечено, что поселения «В Покровском же погосте Великого Князя», среди которых и Взарь, являются «села и деревни за детьми за боярскими» (Неволин, 1853. С. 37). Возможно, история Извары берет свое начало в более раннее время, чем рубеж XV–XVI вв. В 1993 г. во время археологических исследований,

организованных музеем, в усадебном парке было найдено бронзовое височное ромбоштитковое кольцо новгородского типа XII – начала XIII в. и несколько фрагментов керамических сосудов, что позволяет предполагать существование поселения или могильника на месте усадьбы еще в XII в. (<http://www.roerich-izvara.ru/history-of-izvara.htm>).

В XVII в., когда большая часть территории Водской пятины под названием Ингерманландия находилась во владении Швеции, на месте деревни Взарь возникает шведское поселение Исвархоф. На карте Ингерманландии И. Бергенгейма, составленной по шведским материалам 1676 г., оно обозначена как деревня Isvar. Упоминание о Мызе Изварской присутствует в Ингерманландской переписи 1711 г.

В 1872 г. Извару приобретает нотариус Санкт-Петербургского окружного суда К. Ф. Рерих – отец Н. К. Рериха. С этого момента Рерихи владеют усадьбой Извара в течение 28 лет. В 1900 г. Мария Васильевна Рерих (мать Н. К. Рериха) продает усадьбу А.П. Верландеру, почетному гражданину Санкт-Петербурга (<http://www.roerich-izvara.ru/history-of-izvara.htm>). В 1912 г. Извару выкупает Министерство юстиции для размещения Санкт-Петербургской земледельческой колонии, поэтому в 1914–1916 г. здесь было осуществлено строительство комплекса новых зданий по проекту архитектора А. А. Яковлева (1879–1952), дополнивших облик усадьбы. В советское время на базе земледельческой колонии функционировала исправительно-трудовая колония, просуществовавшая до начала пятидесятих годов (<http://www.roerich-izvara.ru/history-of-izvara.htm>).

В 1974 г. ЮНЕСКО призвала отметить столетие со дня рождения Н. К. Рериха. В СССР программа

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru stasilein@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: jegor.bloch@gmail.com.

Рис. 1. Место расположения музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре и Левашовского мемориального кладбища на карте Ленинградской области

юбилейных мероприятий предполагала, в том числе, и создание мемориального музея Н. К. Рериха в Изваре. В том же году началась реставрация усадебного дома, которая была завершена к началу 1978 г. Однако, к этому времени дирекция Объединения музеев Ленинградской области отказалась от планов создания музея Н. К. Рериха в Изваре, мотивировав свое решение удаленностью музея от Ленинграда и других туристско-экскурсионных маршрутов. Отреставрированный усадебный дом отдали под сельсовет, детскую художественную школу и библиотеку (<http://www.roerich-izvara.ru/history-of-museum.htm>).

Через шесть лет в июне 1984 г. в мезонине дома все же состоялось открытие экспозиции «Н. К. Рерих в Изваре», положившее начало музею Рерихов. Постепенно, с 1991 г. музею передали весь усадебный дом, а затем и другие усадебные постройки, а также училищный дом земледельческой колонии. Территория усадьбы-музея составила 58,8 га. (<http://www.roerich-izvara.ru/history-of-museum.htm>). Решением Леноблисполкома за № 183 от 25.04.1983 г. Усадьба как объект культурного наследия регионального значения поставлена на первичный учет.

Первые археологические исследования Изварской мызы были проведены самим Н. К. Рерихом в гимназические годы. Однако, места открытых древностей и судьба находок, отданных им в гимназию К. И. Мая, неизвестны, как неизвестны и сами места находок в усадьбе (Семенов, 1999. С. 719). В 1993 г. археологическая экспедиция Изварского музея под руководством С. В. Чернова приступила к поиску и обследованию фундамента несохранившейся парковой беседки. Проведенные работы позволили обнаружить и зафиксировать ее размеры, уточнить конструкцию фундамента и отдельных деталей этого сооружения. Анализ находок культурного слоя, расположенного ниже слоя разрушения, дал возможность утверждать, что беседка построена не в начале XX в., как предполагалось ранее, а еще в XIX в. Коллекция, собранная при раскопках, помимо строительных остатков разрушенной беседки, включала различные предметы XVIII – начала XX в. Но были и более ранние артефакты: под дерном, в переотложенном слое обнаружены бронзовое ромбоцитковое височное кольцо второй половины XII – начала XIII в. и фрагмент стенки средневекового гончарного сосуда. Непотребоженные средневековые слои выявлены не были. На основании этого открытия у исследователей возникли предположения о существовании на территории усадебного парка средневекового селища или распаханного кургана (Семенов, 1999. С. 720–722; Стасюк, 2014. С. 31).

Толчком к началу следующего этапа полевых исследований стало случайное открытие в 2002 г. фундамента господского дома первой половины XVIII в. при инженерных работах (прокладке дренажной траншеи) у западного крыла усадьбы. С западной стороны дома были обнаружены остатки каменного фундамента, а с северной стороны – остатки деревянных конструкций на материке. По инициативе музея в том же 2002 г. были начаты раскопки, которые возглавил сотрудник ИИМК РАН В. И. Кильдюшевский. В 13 шурфах были выявлены остатки валунного фундамента, сложенного насухо, и остатки большой изразцовой печи. На следующий год раскопки были продолжены. В 2003 г. было заложено еще четыре шурфа площадью около 15 кв. м. В целом были вскрыты фундаменты трех сторон дома, а также выявлена внутренняя планировка здания, прослежено распространение фундамента в восточном направлении вплотную до стены ныне существующего здания постройки второй половины XVIII в. Размеры вскрытой части дома составили 15 × 26 м. Эта неизвестная ранее постройка, вероятно, являлась первым господским домом усадьбы, построенным в первой половине – середине XVIII в. и разобранным на один уровень перед строительством нового. Во время раскопок собрана небольшая коллекция находок XVIII–XIX вв. (Кильдюшевский, 2003; Стасюк, 2014. С. 31).

В 2005–2007 гг. на территории усадебного парка производились небольшие по объему разведочные раскопки под руководством А. В. Семенова. В 2008 г. в задачу археологических работ, проведенных экспедицией Музея-усадьбы Н. К. Рериха под руководством А. В. Семенова и И. В. Стасюка, стало определение характеристик культурного слоя на территории усадьбы. Если ранее объектом изучения были, в первую очередь, архитектурные сооружения XVIII–XX вв., то в этот сезон особое место занял вопрос о наличии и сохранности в Изваре поселенческих слоев эпохи средневековья. В результате исследований 2008 г. на территории усадьбы Извара был открыт культурный слой, содержащий керамику XIV–XVII вв. Керамика встречена на берегах Изварского озера, которые, по-видимому, и были заселены в эпоху средневековья (Стасюк, 2014. С. 32, 33).

Цель полевого археологического обследования ООА ИИМК в Изваре в 2017 г. заключалась в определении состояния фундамента веранды усадебного дома Н. К. Рериха. Для этого возле северо-западного угла усадебного дома, в месте стыка линий северной стороны фундамента дома и восточной стороны фундамента веранды, был заложен разведочный шурф размерами 2 × 2 м таким образом, чтобы южная стенка шурфа

прилежала к северной стене дома, а западная стенка шурфа – к восточной стороне веранды. Место закладки шурфа выбрано согласно заранее подготовленной заказчиком схеме (рис. 2; 3).

В процессе разборки площади шурфа были последовательно вскрыты верхняя булыжная отмостка, затем бетонная стяжка на листах гидроизоляции (типа рубероида), затем слой строительной забутовки из остатков строительного мусора и битых кирпичей. Вдоль южной и западной стенок шурфа под слоем строительной забутовки выявлен и зачищен по верхнему уровню глиняный гидроизоляционный замок фундамента из чистой сине-зеленой глины толщиной 15–20 см. В северной части шурфа для обнажения внешних сторон кладки фундамента веранды (северо-восточный угол веранды) был выбран материк на глубину около 1 м от уровня современной дневной поверхности до отметок 108,81–108,68 м БС.

Было установлено, что фундамент усадебной веранды, в пределах шурфа, состоит из четырех рядов булыжников 20–35 см в поперечнике, плотно уложенных насухо в фундаментную траншею глубиной 80 см с пересыпкой гумусированным почвенным грунтом (супесью). Подошва забутовки находится на материке на отметках 109,39–109,44 м БС. Верхним угловым камнем подземной части фундамента служит подквадратная бутовая плита размерами 30 × 30 × 20 см, являющаяся угловым камнем ряда, вынесенного из-под восточной стены веранды. Вынесенный ряд фундамента, вероятно, служил опорой для деревянной угловой башенки. Остальные камни фундамента представлены бесформенными булыжниками 20–35 см в поперечнике. Кладка цокольной части фундамента сложена уже из подквадратных/подпрямоугольных бутовых плит, длиной 20–40 см и шириной 10–20 см (рис. 4; 5). Каких-либо археологических находок в шурфе не обнаружено.

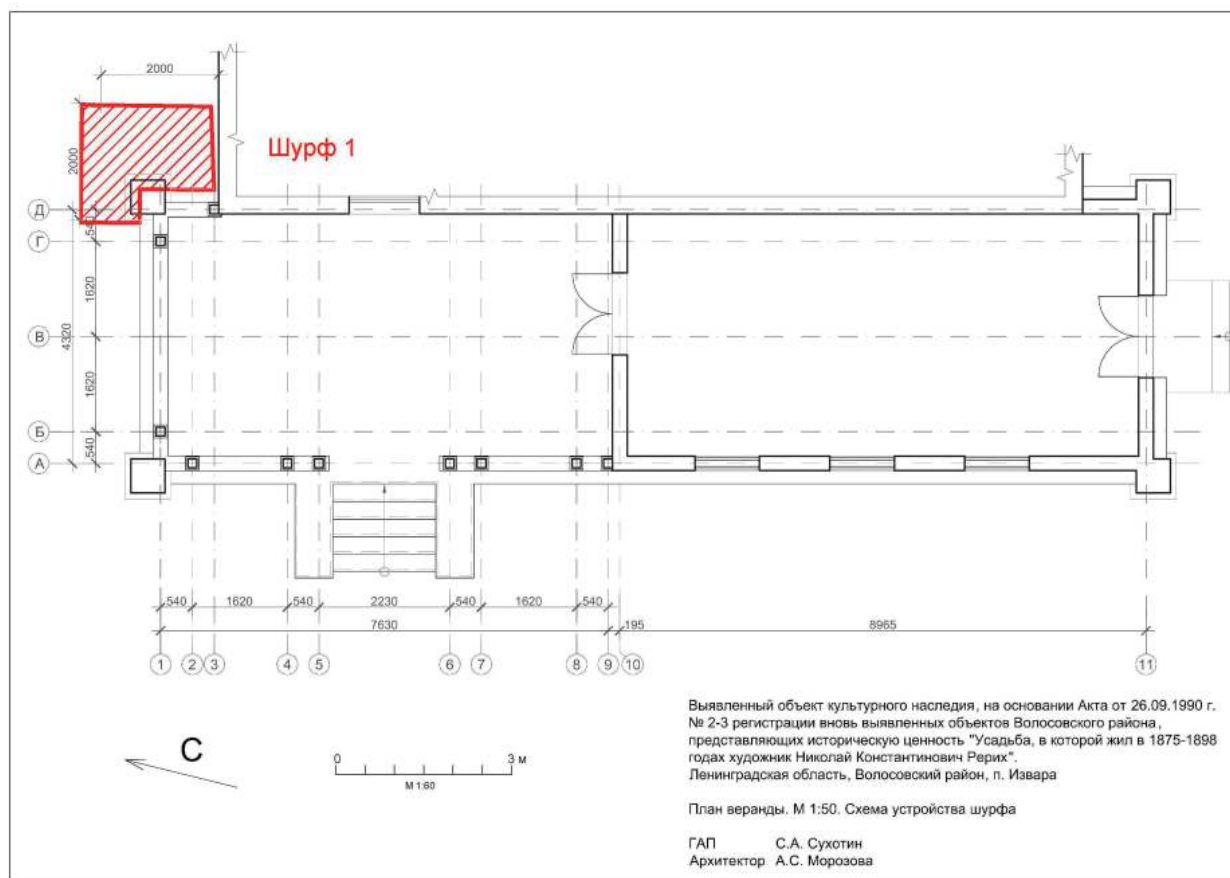

Рис. 2. Извара-2017. Место расположения шурфа на плане веранды усадебного дома

Рис. 3. Извара-2017. Место закладки шурфа у северо-восточного угла веранды усадебного дома. Вид с северо-северо-востока

Рис. 4. Извара-2017. Фундамент веранды и глиняный замок усадебного дома в шурфе. Вид с северо-востока

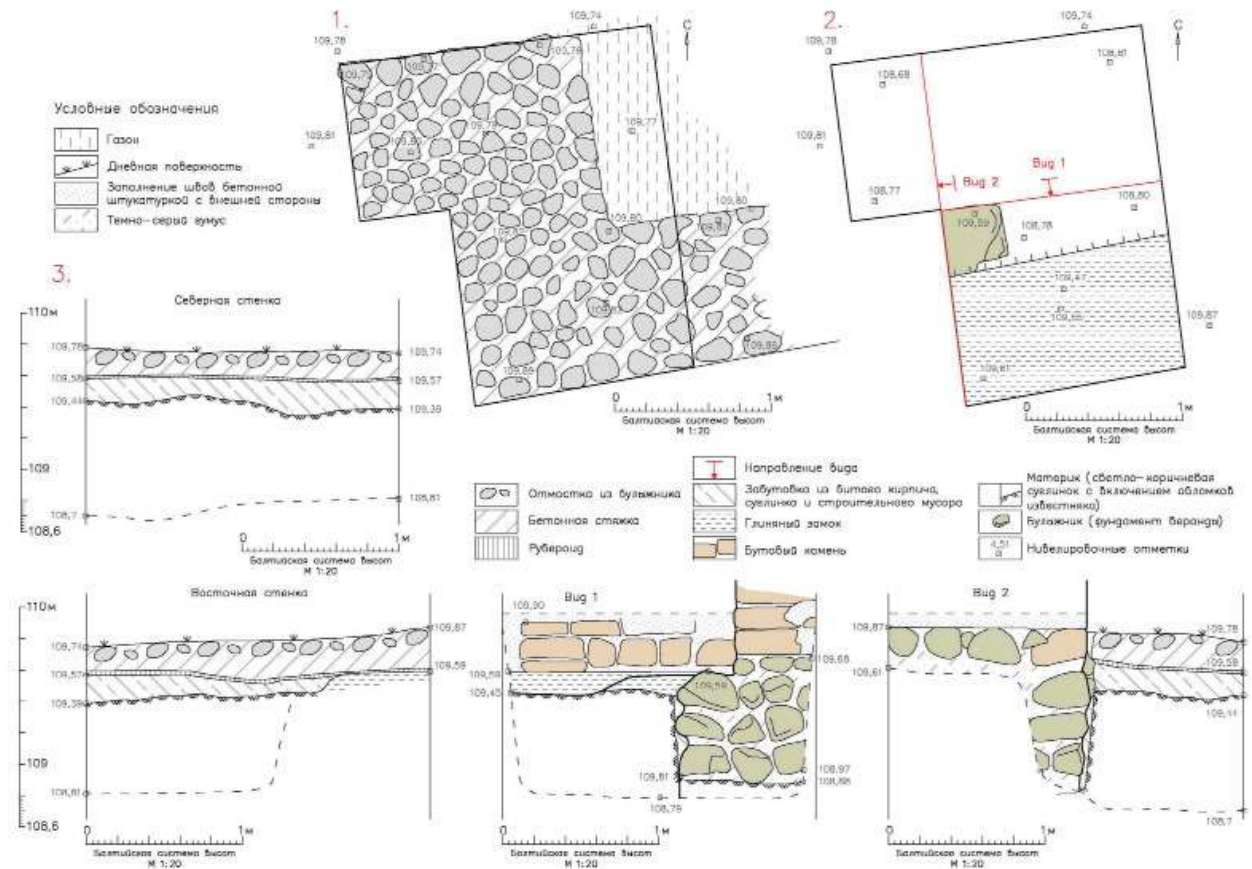

Рис. 5. Извара-2017. Планы и стратиграфия шурфа, фас фундамента веранды

Исследования на Левашовском мемориальном кладбище⁵

Левашовское мемориальное кладбище расположено на северной окраине Санкт-Петербурга с юго-западной стороны пос. Левашово. Это место, известное также как «Левашовская пустошь», являлось специальным расстрельным полигоном НКВД – МГБ – КГБ СССР. На его территории похоронено более 46 тысяч жертв сталинских репрессий 1937–1954 гг. (рис. 1; 6).

улице, 39, а в Левашовскую пустошь привозили уже для захоронений.

В 1960-х гг. в Ленинградском управлении государственной безопасности была создана так называемая «Схема «Дачи» со сроками и количеством захоронений», на которой условно отмечены общие места погребения 19450 человек. «Пустошь» оставалась секретным объектом КГБ СССР до 1989 г. и сохранилась практически в первоначальном виде, в том числе

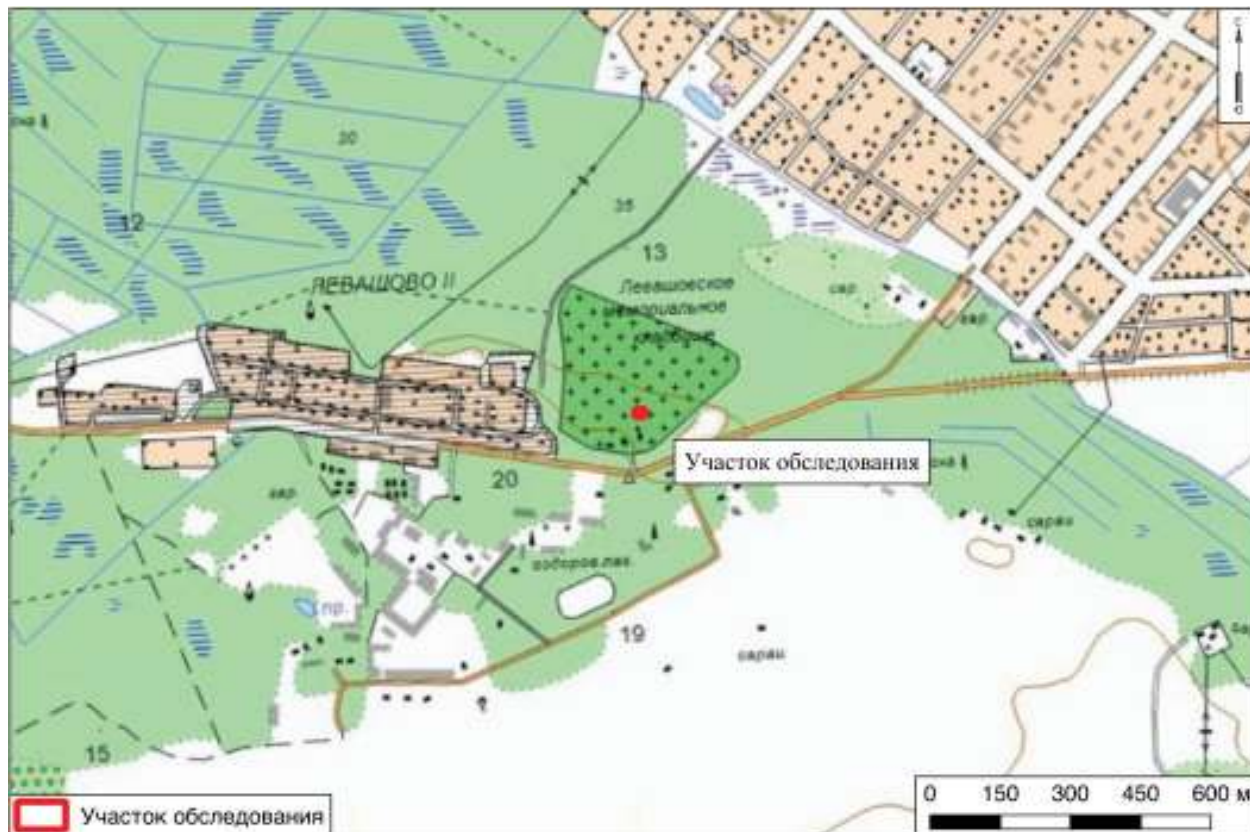

Рис. 6. Левашово-2017. Расположение участка обследования на территории мемориального комплекса

Вероятно, еще до начала массовых операций в НКВД понимали, что для погребения небывалого количества казненных потребуется новый большой могильник. Для этой цели в 1937 г. стал использоваться огороженный глухим забором участок Парголовской дачи Парголовского лесхоза близ поселка Левашово. В феврале 1938 г. участок был окончательно передан Управлению НКВД (рис. 7; 8). Расстреливали в основном в отделение тюрьмы ГУГБ (ОДПЗ, отделение Дома предварительного заключения) на Нижегородской

караульное здание и сарай. За время содержания охранники (комендантское подразделение УКГБ СССР по Ленинградской области) проседавшие могилы подсыпали привозным морским песком (рис. 9).

5 января 1989 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». 18 июля 1989 г. решением Исполкома Ленгорсовета № 544 Левашовское захоронение было признано мемориальным кладбищем и в первых же публикациях стало упоминаться как «Левашовская пустошь» (рис. 10).

⁵ Подготовлена по материалам А. Я. Разумова (2012) и «Левашовское мемориальное кладбище. Страницы истории» на сайте <http://beloedelo.ru/researches/article/?367>.

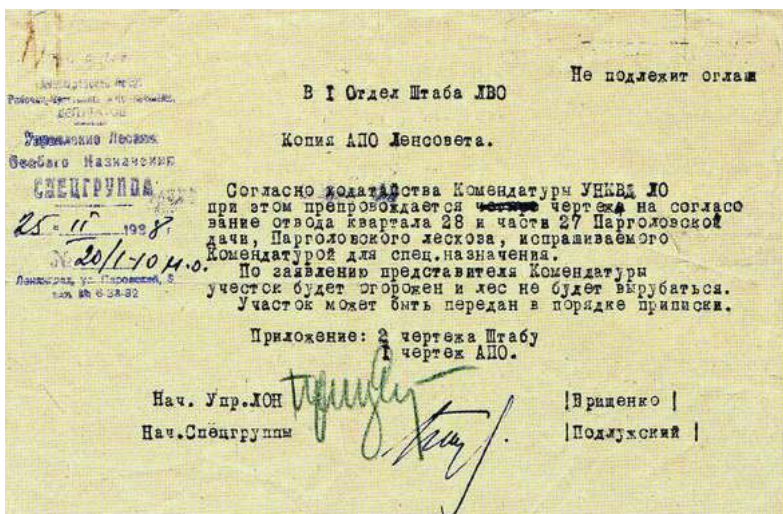

Рис. 7. Левашово-2017. Служебное письмо № 20/1-10 н.о. об отводе участков леса комендатуре УНКВД Ленинградской области «для спец. назначения». Ленинград, 25.02.1938. Архив УФСБ по СПб. и ЛО

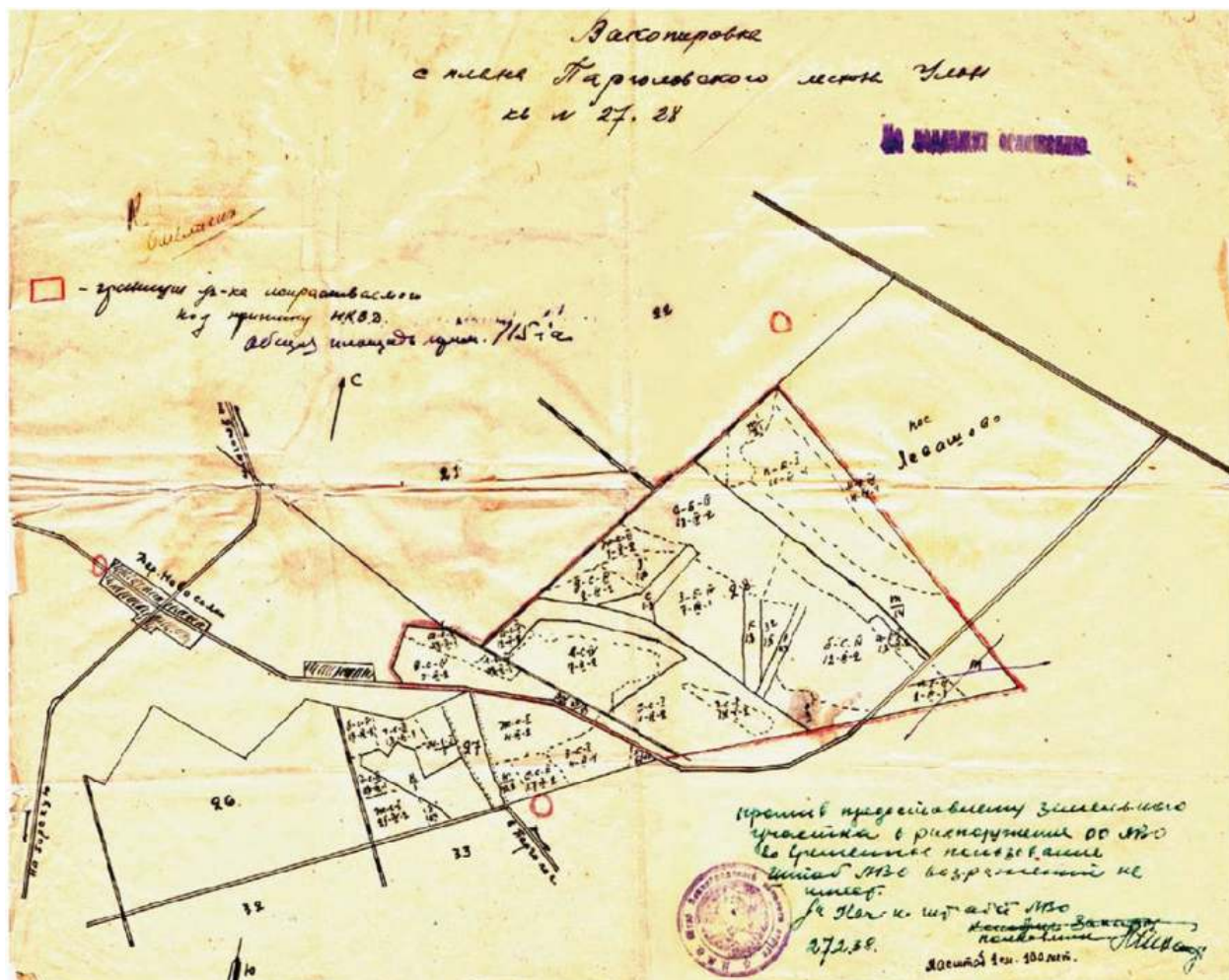

Рис. 8. Левашово-2017. Выкопировка с плана Парголовского лесхоза Улон кв. №№27,28 с указанием предварительных границ могильника УНКВД ЛО М 1:100. Приложение к письму № 20/1 10 н.о. 25.02.1938 г. Спецгруппы УЛОН Ленсовета

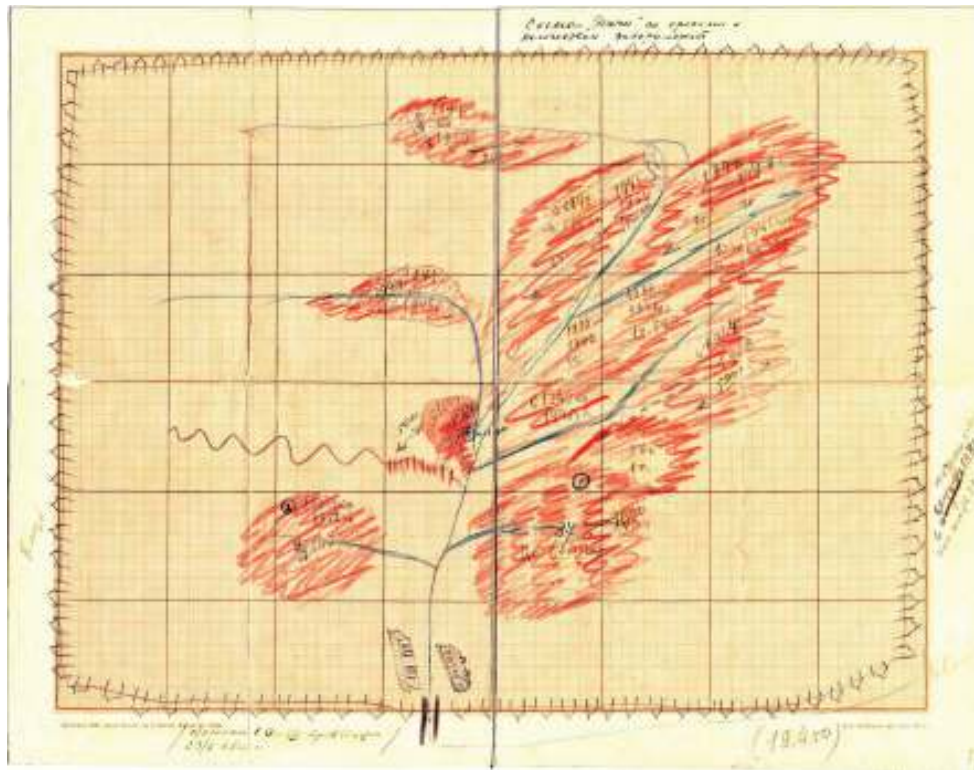

Рис. 9. Левашово-2017. Схема «Дачи» со сроками и количеством захоронений, 1960-е гг.

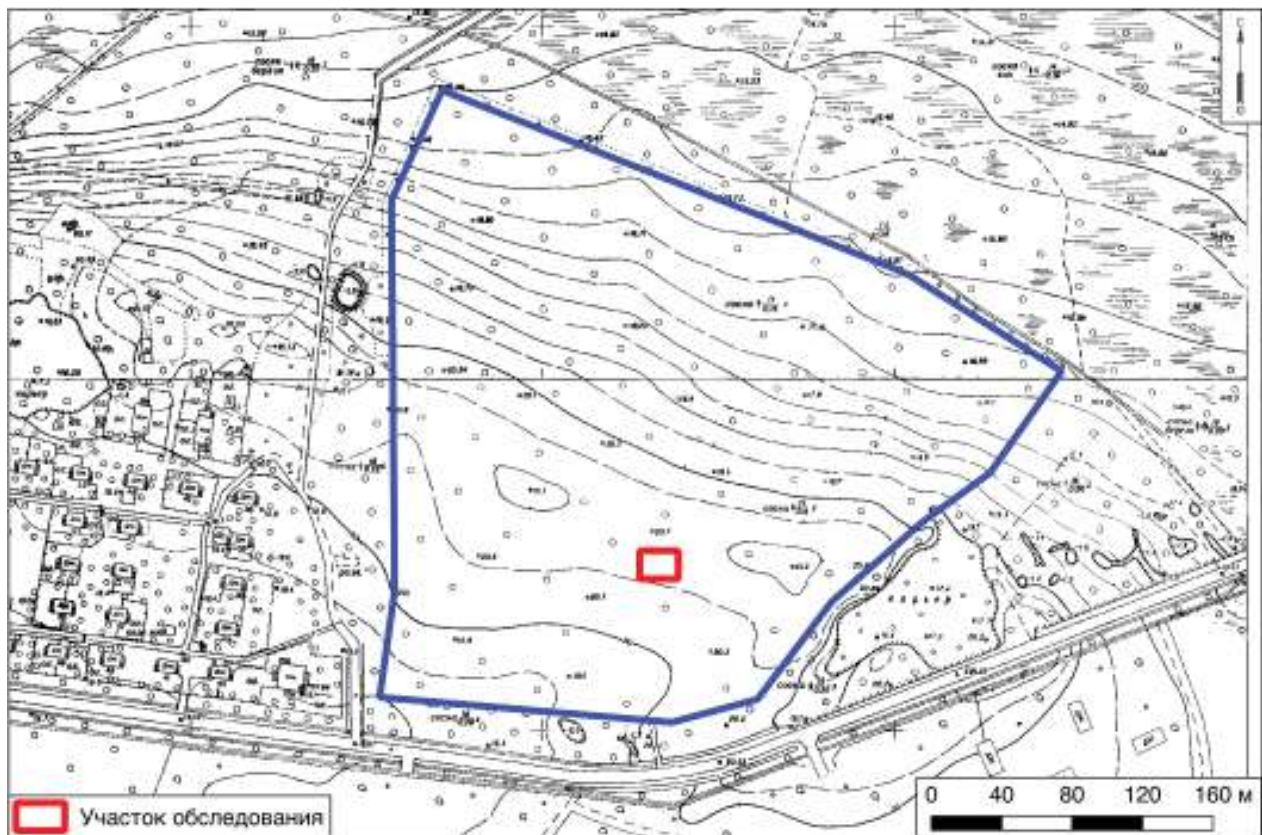

Рис. 10. Левашово-2017. Расположение участка обследования на территории мемориального комплекса на плане 1980 г.

В 1989–1990 гг. для выявления границ могильных ям территория кладбища была обследована Трестом геодезических работ и инженерных изысканий и рабочей группой Всероссийского научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского). Была проведена съемка местности методом биолокации и в нескольких местах пробурены скважины, подтвердившие предположения о захоронениях в центральной и северной частях кладбища. Группой операторов секции биоэнергетических методов в геологии была подготовлена схема территории Левашовского мемориального кладбища с указанием области биолокационных аномалий, связанных с нарушением грунта в местах захоронений (рис. 11).

отсутствия на участке строительства захоронений был привлечен поисковый отряд «Ингрия» Санкт-Петербургского государственного университета под руководством Е. В. Ильина. В ходе работ обследованию подверглись как земляные «провалы», так и ровные участки. Вскрытие проводилось на глубину до 120–125 см. В результате проведенных исследований поискового отряда захоронения на участке землеотвода не обнаружены.

В связи с возобновлением проектных изысканий по выбору места для строительства храма Всех Святых в апреле 2017 г. Отдел охранной археологии ИИМК РАН провел полевое обследование выделенного землеотвода в южной части

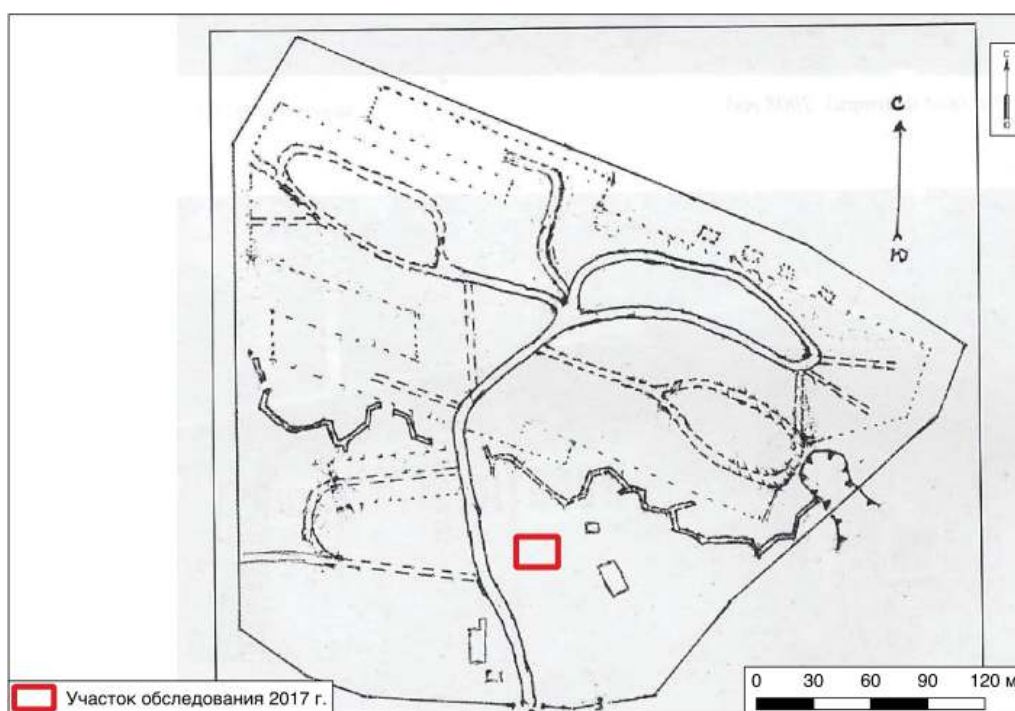

Рис. 11. Левашово-2017. Расположение участка обследования 2017 г. на схеме биолокационного обследования территории кладбища в 1990 г., проведенного сотрудниками ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского

В мае 1990 г. Левашовское мемориальное кладбище было передано городским властям. Той же весной 9-я архитектурная мастерская ЛенНИИпроекта во главе с А. Г. Лесяковым получила задание на проектирование мемориала, включая возведение звонницы и часовни. В 2010 г. ООО «Санкт-Петербургский институт архитектуры» и ОАО «СПб. институт Ленпроект-реставрация» подготовили эскизный проект часовни-памятника Всех Святых в земле Санкт-Петербургской просиявших. Место под строительство храма было выбрано с учетом отсутствия на данной территории аномалий, определенных в 1989–1990 гг. Для проверки

Левашовского мемориального кладбища, вне границ зоны аномалий поврежденного грунта, зафиксированных обследованием ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского в 1990 г. (рис. 12). Работы поискового отряда «Ингрия» в 2012 г. также не выявили на данной территории следов массовых захоронений 30-х гг. XX в.

Площадка землеотвода размерами 22 × 16 м и общей площадью 352 кв. м расположена в юго-восточной части территории Левашовского мемориального кладбища, с северо-северо-восточной

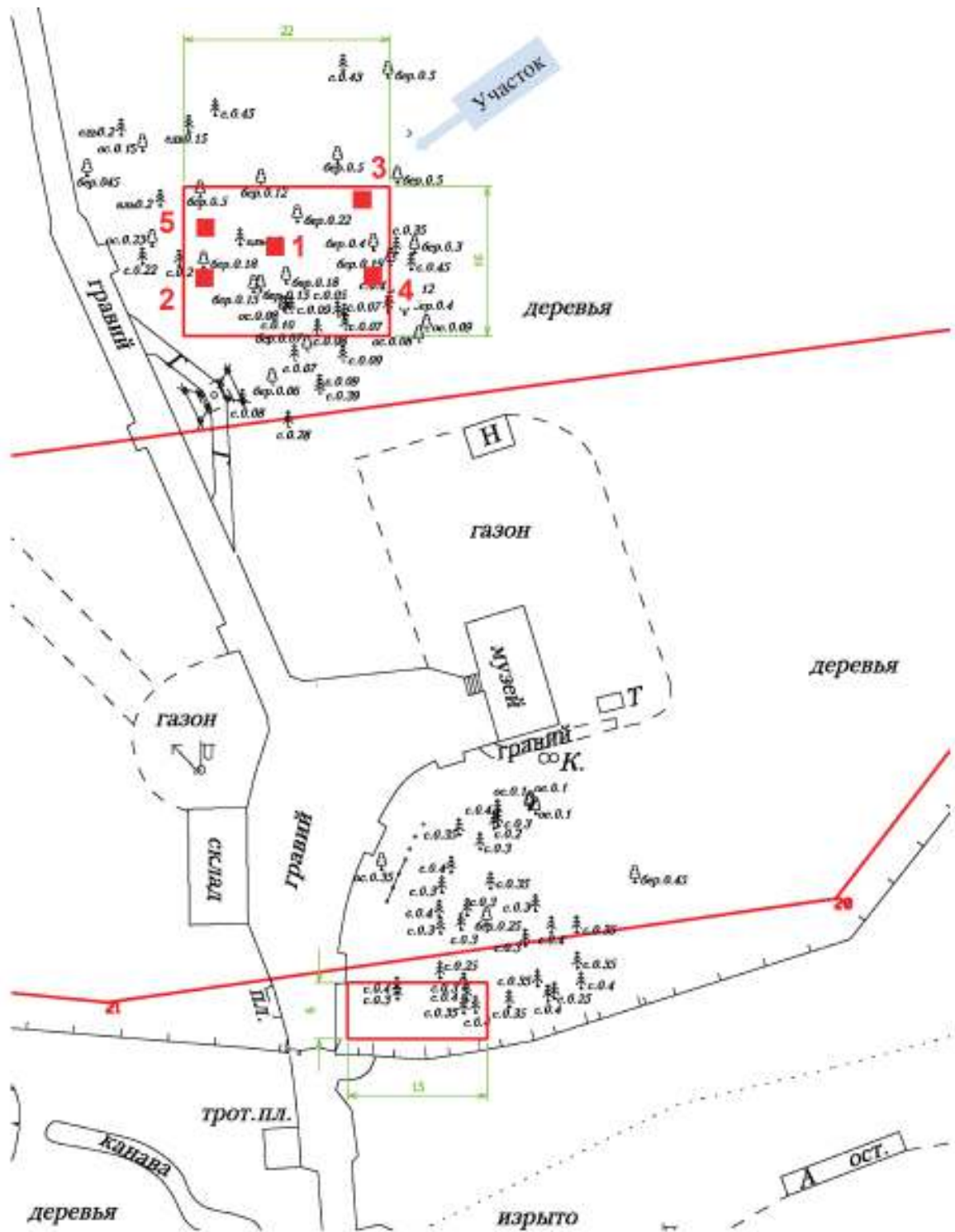

Рис. 12. Левашиво-2017. Расположение участка обследования 2017 г. на схеме территории Левашиовского мемориального кладбища (фрагмент)

стороны деревянной звонницы, в 5–7 м к востоку от центральной гравийной дорожки, в 35 м к северо-северо-западу от деревянного здания музея и в 15 м к северо-западу от небольшого деревянного подсобного помещения. Дневная поверхность задернована, покрыта редколесьем-самосевом (ель, береза, возрастом 10–40 лет). Рельеф неровный, с небольшими ямами-западинами и буграми искусственного происхождения (вероятно, перекопы). Перепад поверхности западин и высот смежных бугров достигает 30–50 см. Общий перепад высот на участке колеблется на отметках 20,21–20,45 м БС с малозаметным уклоном в юго-юго-восточном направлении. За границами участка местами сквозь прошлогоднюю траву фиксируются пятна бытового мусора XX в.

Основной задачей обследования являлась проверка наличия захоронений жертв репрессий 1937–1954 гг., а также выявление и фиксация возможных археологических (исторических) памятников более раннего времени. В рамках проводимых работ было заложено пять шурфов (три шурфа размерами 1 × 1 м и два шурфа – 2 × 1 м) в центральной, западной и восточной частях площадки. В процессе выборки заполнения шурфов 1–3 и 5 были зафиксированы бесформенные перекопы верхнего почвенного грунта на глубину до 1 м. В шурфе 2 зафиксирован перекоп в виде треугольной в сечении траншеи(?), проложенной в направлении северо-запад – юго-восток (рис. 13). Нижняя часть траншеи была заполнена крупнозернистым коричневым песком. В заполнении шурфов 1–3 и 5 каких-либо антропологических останков или признаков объектов культурного наследия не зафиксировано. Хронологическая атрибуция перекопов в шурфах 1–3 и 5 крайне затруднительна из-за отсутствия датирующих находок, однако, по всей вероятности, их можно связать со временем существования на данной территории лесхоза в первой трети XX в. или секретного объекта НКВД-КГБ в 30–80-е гг. XX в.

Рис. 13. Левашово-2017. Западная стенка шурфа 2

При разборке заполнения шурфа 4 в восточной части участка обследования были обнаружены чересполосные слои переотложенной материковой супеси и сильно гумусированного темно-серого грунта с фрагментами артефактов XX в.

Стратиграфия напластований в стенках шурфов свидетельствует о переотложенности верхних слоев грунта на глубину 30–100 см в результате хозяйственной и иной деятельности в XX в. Обнаруженные в шурфе 4 фрагменты органических и металлических предметов, а также фрагмент кости быка, относятся к категории кухонного и хозяйственного мусора времени функционирования на данной территории объекта НКВД-КГБ в 30–80-е гг. XX в. Из гумусированного слоя происходили обрывки кожаной и резиновой грубой обуви, крупные ржавые фрагменты неопределимых железных изделий, фрагмент железной колочей проволоки, эмалированная кружка зеленого цвета 30-х гг. XX в., фрагмент тарелки и фрагмент плечевой кости быка, который, по заключению палеозоолога ИИМК РАН А. К. Каспарова, является фрагментом дистального эпифиза левой плечевой кости крупного рогатого скота. Фрагмент несет на себе следы зубов хищника (собаки), а также следы рубки, вероятно с кулинарными целями. По типу сохранности и степени минерализации относится к XX в.

Останков или признаков массовых захоронений репрессированных в 1937–1954 гг. XX в. в границах обследованного участка не обнаружено. Следов культурного слоя или археологических артефактов, относящихся к более ранним хронологическим периодам на территории участка строительства проектируемого храма также не обнаружено.

Источники и литература

- Кильдюшевский В. И., 2003. Отчет об археологических исследованиях в дер. Извара Волосовского района Ленинградской области в 2003 г. Извара; СПб.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб. Кн. VIII. Приложение I: Книга Вотской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова, 7008 (1499–1500) года.
- Разумов А. Я., 2012. Левашовское мемориальное кладбище. СПб.

Разумов А. Я. «Левашовское мемориальное кладбище. Страницы истории» <http://beloedelo.ru/researches/article/?367>

Семёнов А. В., 1999. Археологические экспедиции Музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре // Петербургский рериховский сборник. Самара. Вып. II–III.

Стасюк И. В., 2014. Извара – музей и памятник археологии // Извара – памятник природы, истории, культуры. СПб.

<http://www.roerich-izvara.ru> – официальный сайт Музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре.

Археологические разведки на Ижорском плато¹

И. В. Стасюк²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-67-68

Осенью 2017 г. отряд Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН провел пять археологических исследований на участках, отводимых под хозяйственное освоение, в восточной части Ижорского плато на территории Гатчинского и Волосовского районов Ленинградской области.

Волосовский район (один объект)

В Волосовском районе проводилось обследование участка, отводимого под строительство объекта «Газопровод межпоселковый от п. Каложицы до п. Молосковицы, п. Остроговицы, д. Лелино, д. Сырковицы, д. Курск» в Каложицком и Курском сельских поселениях Волосовского района Ленинградской области. В ходе работ трасса проектируемого газопровода пройдена пешим маршрутом протяженностью 18,6 км. Выполнен визуальный осмотр территории, поиск подъемного материала, заложено 20 разведывательных шурфов размерами 2 × 2 м, общей площадью 80 кв. м. В результате работ объектов археологического обследования на территории, отводимой под строительство газопровода, не выявлено. Известные памятники археологии расположены на существенном удалении от трассы газопровода и проектируемым строительством не затрагиваются.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: norroendrengr@mail.ru.

Гатчинский район (четыре объекта)

В городе Гатчина по адресу ул. Достоевского, д. 8 на территории бывшей узловой железнодорожной больницы, ныне принадлежащей медицинскому центру «СтомаМедСервис», выполнено археологическое обследование участка с кадастровым номером 47:25:0102031:1. Участок отводится под строительство нового корпуса медицинского центра. В ходе полевых археологических работ произведен натурный осмотр участка, поиск подъемного материала, заложено два шурфа размерами 2 × 2 м, общей площадью 8 кв. м.

Шурф № 1. Координаты шурфа N59°33'53,23» E30°07'35,27» WGS 84

Под рыхлым дерном зафиксирован слой техногенного происхождения – очень плотный бурый гумусированный суглинок, включающий фрагменты битого кирпича, щебень, битое стекло и другие остатки строительного и бытового мусора второй половины XX в. Мощность слоя 0,5 м. Ниже зафиксирован перекрытый подсыпкой слой серого гумусированного суглинка мощностью 20 см без находок, залегающий непосредственно на материке. Материк – плотная красноцветная щебенистая морена. Все напластования в пределах шурфа содержат остатки человеческой деятельности не ранее середины XX в.

Шурф № 2. Координаты шурфа N59°33'53,63» E30°07'33,35» WGS 84

Под рыхлым дерном выявлен слой черной аморфной рыхлой супеси, содержащей обильные включения угольков и золы. Формирование этого слоя связано с отдельно стоявшей здесь во второй половине XX в. кирпичной печью для сжигания мусора и листвы (автор еще застал эту печь работающей в 1990-е гг.). Мощность слоя 10–25 см.

Ниже зафиксирован слой очень плотного бурого гумусированного суглинка, включающий фрагменты битого кирпича, щебень, битое стекло и другие остатки строительного и бытового мусора второй половины XX в. По внешнему виду и найденному материалу аналогичен техногенному слою из шурфа № 1. В северной части шурфа сохранилась пачка слоев, связанных с освоением участка в первой половине – середине XX в.: лежащий на материке слой серого гумусированного суглинка мощностью 20–25 см и перекрывающая его в северо-восточном углу шурфа подсыпка плотного красноцветного суглинка мощностью 10–15 см. В южной части шурфа зафиксирована впущенная в материк мусорная яма, заполненная исключительно плотным слежавшимся строительным мусором – обломки кирпича, кафельной плитки. В заполнении найдены фрагменты эмалированного таза, кочерга и осколки стеклянной бутылки 1930–1940-х гг. Материк – плотная красноцветная щебенистая морена. Все вскрытые в пределах шурфа напластования датируются серединой – второй половиной XX в.

В г. Гатчина выполнено обследование участка с кадастровым номером 47:25:0107008:203, отводимого под строительство бассейна в жилом микрорайоне «Аэродром» по адресу ул. Генерала Кныша, участок № 13А. Площадь обследованного участка 14853 кв. м. В ходе полевых археологических работ произведен натурный осмотр участка, поиск подъемного материала, заложено два шурфа размерами 2 × 2 м, общей площадью 8 кв. м.

Шурф № 1. Координаты шурфа N59°33'37,95» E30°05'48,19» WGS 84

Под слоем дерна мощностью 10 см выявлен слой плотного красноватого мешаного суглинка с обломками кирпича и щебня, лежащий на материке. Мощность слоя 0,5 м. В нижней части слоя на уровне материка найден фрагмент резины. Слой интерпретирован как техногенная подсыпка последней четверти XX в., сделанная в ходе выравнивания поверхности участка при планировании улицы. В южной части шурфа слой красноватого суглинка с уровня современной поверхности прорезает траншея, заполненная красно-бурым плотным суглинком со строительным мусором, среди которого обнаружены как кирпичи с клеймами начала XX в., так и обломки современного силикатного кирпича и современные гвозди из тянутой проволоки. Траншея прорезает материк и заглублена в него, граница траншеи, проходящей с запада на восток, прослежена на уровне материка. Поскольку в створе шурфа находится контрольный лючок газопровода, а современное техногенное происхождение траншеи документировано ее запол-

нением, выборка грунта из траншеи ниже уровня материка не производилась по соображениям безопасности. Материк – красная глина.

Шурф № 2. Координаты шурфа N59°33'35,51» E30°05'55,88» WGS 84

По всей площади шурфа зафиксирован задернованный гомогенный слой серого гумусированного суглинка мощностью 30 см. Находки в слое – мусор конца XX – начала XXI в.: битое стекло, бутылочные пробки. Материк – плотный красновато-желтый суглинок.

В Гатчинском районе выполнено археологическое обследование земельного участка, отходящего под проектирование объекта «Газопровод межпоселковый от ГРС «Гатчина» до д. Корпиково, д. Черново и д. Педлино с отводом на д. Хиндикалово» на территории Пудостьского сельского поселения. Протяженность маршрута разведки составила 8,6 км. В ходе полевых археологических работ произведен натурный осмотр трассы проектируемого газопровода, поиск подъемного материала, заложено 10 шурфов размерами 2 × 2 м, общей площадью 40 кв. м. В результате работ объекты археологического наследия на территории, отводимой под строительство газопровода, не выявлены.

В пос. Войковицы выполнено археологическое обследование участка с кадастровым номером 47:23:0102003:116, отводимого под проектирование объекта «Строительство инженерных сетей к ФОК, Пожарному депо, ФАП в п. Войковицы». Протяженность маршрута разведки составила 250 м при ширине обследованной полосы отвода 6 м. Заложены два шурфа размерами 2 × 2 м.

Шурф № 1. Координаты шурфа N 59°31'10.79» E 29°57'57.42» WGS84

Заложены в северной оконечности полосы отвода. Под дерном зафиксирован слой однородного плотного темно-серого гумусированного суглинка мощностью 0,3–0,35 м. Материк – плотный светло-желтый суглинок. Вдоль восточной стенки зафиксирован край современной траншеи техногенного происхождения, связанной с проходящей восточнее шурфа тепло-трассой. Заполнение траншеи – темный серый плотный суглинок, перекрытый выбросом бурого суглинка со щебнем. Находок нет.

Шурф № 2. Координаты шурфа N 59°31'4.32» E 29°57'54.56» WGS84

Заложены в южной оконечности полосы отвода. Под дерном зафиксирован слой серой гумусированной супеси мощностью 0,3–0,4 м и тонкая прослойка подзола. Материк – красноцветная супесь. Культурный слой отсутствует, вещевых находок нет.

Археологические исследования на северо-западе России

Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия)

М. М. Шахнович

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-69-80

На островах и побережье Ладожского озера в XVI–XVIII вв. существовало более десяти больших и малых православных монастырей. Наиболее известные из них – Коневский Рождество-Богородичный, Николо-Медведский, Спасо-Преображенский Валаамский, Никольский Адриано-Андрусовский, Киприано-Стороженский Никольский, Петропавловский Габанов, Троицкий Сенной монастыри. Роль обитателей в сложении истории и экономики Приладожья трудно переоценить. Но, к сожалению, только на некоторых из них в 1980–1990-х гг. эпизодично осуществлены небольшие археологические работы (Кирпичников, Хлопин, 1974. С. 14; Бирюков, 1999. С. 13–14; Сорокин, 2004. С. 89–107). В 2017 г. экспедиция Национального музея Республики Карелия провела раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в Олонецком районе Республики Карелия.

Краткий исторический очерк

Андрусова пустынь была основана преподобным Адрианом Андрусовским (ум. 1550 г.) в первой половине XVI в. на полуострове восточного побережья Ладожского озера. Первое описание комплекса монастырских построек на берегу Андрусовской бухты содержится в Писцовой книге 1563 г.: «Манастирь на Ладожском озере под Андрусовым носом на Салме Андрусова пустыня, а в нем церковь Никола чудотворец да другая церковь теплая Введенье пречистые, а в манастире игумен Иона да 17 старцов, а пашни в манастире нет. Да за Салмою на острове двор манастирской коровницкой, а в нем коровник Микитка» (Писцовые книги, 1930. С. 75). Комплекс монастырских построек к 1570-м гг.: летний каменный Никольский храм и зимний деревянный Введенский с трапезной, восемь келий, обнесённых рубленой деревянной оградой. Скотный двор с необходимыми службами находился на острове Сало (Кожевникова, 2017. С. 98–119).

В первой половине 1680-х гг. в Андрусовой пустыни активно велось деревянное строительство.

Внутри бревенчатой ограды рядом с каменной Никольской церковью был поставлен Введенский храм с отдельной колокольней, а над могилой преподобного. Адриана Андрусовского – новая часовня. Оба храма были сделаны «на взмостье», т.е. на каменных фундаментах. Монастырь имел «хлебную» келью для хранения продуктов, девять братских келей, а на берегу Ладожского озера – монастырскую «поварню» и два «житных» амбара.

С 1685 по 1720 г. Андрусова пустынь действовала как женская обитель. В начале Северной войны она снова оказалась в районе боевых действий, проходивших в Приладожье, и в 1702 г. подверглась нападению шведов. В 1723–1727 гг. по причине «малобратства» её приписали к соседней Сяндемской Успенской пустыни. По секуляризационной реформе 1764 г. Андрусова пустынь была упразднена; на её месте образовался самостоятельный приход с двумя церквями (Кожевникова, 2017. С. 119–138).

В 1807–1809 гг. Никольскую церковь отремонтировали на средства Санкт-Петербургского купца А. Сергеева. Над её папертью была устроена колокольня с шестью колоколами «на четырёх столбах каменных, покрыта шатром на четыре угла, шатёр покрашен черлядью на масле, глава обита жостью, крест деревянной вызолочен на масле» (Кожевникова, 2017. С. 162–180). В 1818 гг. указом Санкт-Петербургской духовной консистории Андрусову пустынь восстановили как самостоятельный мужской заштатный монастырь.

В XIX в. центральная усадьба Андрусовой пустыни разительно преобразилась. Главным сооружением в ней оставался обновленный древний Никольский храм. «Ветхая деревянная и к починке вовсе неудобная» Введенская церковь в 1815 г. была разобрана. На мысу в Андрусовской бухте появились четыре одинаковых деревянных флигеля с кельями, кухней и трапезной (размерами 8 ×

3 саж.) на прочных фундаментах из булыжника. Они располагались с южной, восточной и северо-восточной стороны от каменного храма. Отдельно от них стояла «кладовая для хлебных припасов» (размерами 3 × 2,5 саж.). «На восточной стороне вне монастыря» находился колодец, крытый новым шатром с крестом. За оградой, возле проселочной дороги поставили двухэтажную деревянную гостиницу, а при ней – «двор с конюшнями» и сеновалами и братская баня (размерами 3 × 2 саж.) (рис. 1).

С именем строителя иеромонаха Иосифа (1826–1835 гг.) связано возведение каменной Введенской церкви. Сильное наводнение 1825 г., когда «с полуденной стороны вода вступила в святые ворота», убедило монахов отказаться от строительства нового храма на его прежнем «мокром» месте, которое в то время отмечал поклонный крест. Соборную Введенскую церковь поставили над почивавшими под спудом мощами преподобного Адриана Андрусовского (рис. 2).

При иеромонахе Феодоре для экономии времени и денег кирпич производят прямо в обители. В 1840–1841 гг. из него строится корпус для братской трапезной и кухни, в 1843 г. – ещё один флигель, часть монастырской ограды с двумя башнями и парадным входом. Каменная стена огораживала монастырские постройки со стороны лесной дороги, которая вела в мужскую обитель из Ильинского погоста. В том же 1843 г. «из плитного камня» были выложены дорожки, соединившие Никольскую и Введенскую церкви со Святыми воротами и трапезной (Кожевникова, 2017. С. 220–239).

С 1918 г. в ликвидированной Андрусовой пустыни создан совхоз им. Володарского. В 1929 г. Никольская и Введенская церкви были закрыты, их здания переданы местному рыболовецкому совхозу «Тойсто» Ильинского сельсовета. Предположительно в конце 1930-х гг. они были взорваны. В 1941–1944 гг. на территории Андрусовой пустыни размещался финский командный пункт Ontroila. К 1942 г. от прежнего комплекса монастырских

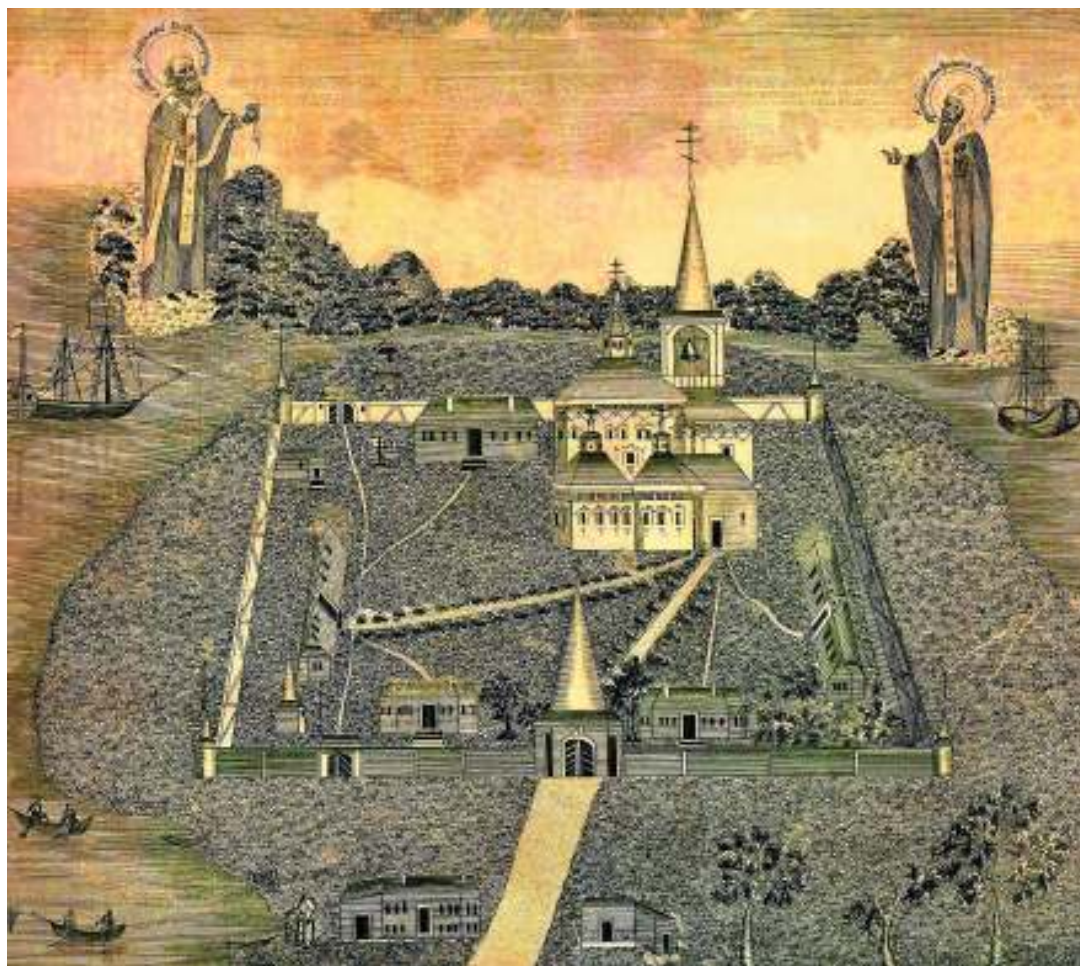

Рис. 1. Андрусова пустынь в 20-х гг. XIX в. (Кожевникова, 2017. С. 144)

Рис. 2. Андрусова пустынь в середине XIX в. (Историко-статистический очерк Олонецкой губернии. СПб. 1906).

построек сохранились только три каменных флигеля. Кирпичная ограда к началу войны была разобрана, уцелел единственно парадный вход с колоннами. Перед ним стояло двухэтажное бревенчатое здание – бывшая монастырская гостиница. После окончания войны в Андрусово открылся Ильинский филиал Сортавальского рыбзавода, функционировал небольшой поселок. В конце 1950-х – 1960-е гг. недалеко от руин монастырских церквей был устроен летний открытый загон для коров Ильинского совхоза. В начале 1990-х гг. в Андрусово стояла одноэтажная деревянная постройка Туксинской базы отдыха. С 2011 г. здесь возрождается православный Никольский Адриано-Андрусовский мужской монастырь.

Палеогеография и гидрорежим восточного побережья Ладожского озера

Андрусовский монастырь располагается на северо-западном берегу одноименного залива, единственного на протяжении 80 км восточного берега озера (от р. Свирь до р. Видлица). Восточный берег Ладожского озера низкий, слабо изрезанный, подтапливаемый из-за неотектонического субмеридионального перекоса водоёма. Побережье здесь изобилует мелями, каменистыми рифами и банками, встречаются широкие песчаные пляжи. К западу от монастыря, через протоку шириной в 30 м находится остров Сало – один из крупнейших на восточном берегу Ладожского озера (размерами 3,3 × 0,8 км). Он невысокий, его основа – каменистая морена. Высота прибрежного возвышения, где находится усадьба монастыря, небольшая, не более 5,5 м. Учитывая незначительную скорость блокового подъёма в этом районе Приладожья и соответственно, медленное и постепенное отступление береговой линии Ладожского озера, можно считать, что оно сформировалось как участок суши в срав-

нительно недавнее время, скорее всего, на рубеже I и II тыс.

Современные сезонные колебания уровня воды в озере невелики из-за значительной площади поверхности водоёма и незначительной годовой вариации количества поступающей в него воды. Всё же берега Ладожского озера за последние пятьсот лет претерпели некоторые изменения. Уровень озера в XVI в. был выше современного на 1–1,5 м, что значительно увеличивало и ширину протоки между материком и островом Сало и, самое главное, почвенную обводненность холма, на котором располагались монастырские строения. Во время весенних паводков, вплоть до XIX в. «монастырский» холм временно превращался в остров, иногда почти полностью затоплялся, как в 1825 г. По нашему мнению, именно это обстоятельство стало одной из причин выбора данного места преподобным Андрианом при вторичном основании обители, так как соответствовало сформировавшейся в позднем средневековье пространственной «островной» модели православных монастырей (Шахнович, 2016, С. 435). Эти постоянные сезонные подтопления территории были негативным фактором для длительного проживания.

Особо остановимся на таких важных для понимания культурного слоя памятника факторах, как слагающие этот участок побережья грунты и почвенная гидроситуация. От песчаных участков северного берега залива, начинающихся уже в 0,3 км к северу, возвышенность монастырской усадьбы отличается кардинально другим характером пачки грунтов. Здесь это небольшой верхний слой суглинистой почвы, под которым находятся тяжелоглинистые пласты, намытые на валунную гряду ледникового происхождения. В целом это приводит к низкой водопроницаемости и переувлажнению этого участка берега.

История изучения

До 2017 г. место усадьбы монастыря исследовалось археологами эпизодично. В 1987 г. И. В. Мельников осматривал окрестности Андрусовской пустыни при проверке сообщения о камне-следовике. Подходящий под описание валун с углублением похожим на след человека обнаружен в 0,1 км к северу от ворот монастыря, в 20 м к западу от дороги в п. Ильинское. В 1992 г. территория усадьбы монастыря обследовалась И. Ф. Витенковой, которая описала хорошо различимые в рельефе местности заросшие развалины фундаментов двух каменных храмов XVI и XIX вв., остатки каменной ограды и вымостку XIX в. В 2014 г. К. Э. Герман и Т. П. Амелина по визуальным различным остаткам фундаментов монастырских

строений XIX в. (дома, церкви, ограда) определили границы памятника. В 2016 г. М. М. Шахнович осматривал расположенный рядом остров Сало, на котором, согласно житию, первоначально поселился преподобный Адриан.

Описание работ 2017 г. Общая информация

Усадьба Адриано-Андрусовского монастыря располагается на восточном берегу Ладожского озера (Олонецкий район Республики Карелии), на удобном северо-западном берегу бухты Андрусовской, в 19 км к западу от г. Олонца, в 3,5 км к западу от п. Ильинский. Для монастыря было выбрано небольшое прибрежное всхолмление, примерные размеры которого 0,16 × 0,3 км, максимальная высота до 5,5 м над современным уровнем Ладожского озера. Площадь памятника составляет 15360 кв. м. Поверхность задернована, покрыта луговым травостоем и кустарником.

Усадьба монастыря, как следует из приведённого исторического очерка, в период с XVI по XX в. неоднократно застраивалась. В современном рельефе хорошо просматриваются задернованные контуры фундаментов исторических построек XIX в., разобранных в XX в. Южная часть усадьбы, примыкающая к протоке, сильно испорчена земляными работами 1980-х гг. Участок, где в 2017 г. заложен раскоп (площадью 80 кв. м), от ворот ограды до церквей, в XIX–XX вв. не включался в зоны хозяйственной деятельности и был условной «парадной», «входной», наиболее возвышенной территорией усадьбы.

Стратиграфическая колонка культурных отложений в раскопе единообразна: дёрн, мощностью 0,04–0,05 м; тёмно-серая супесь с кирпичной и известковой крошкой (наброс) – 0,12–0,25 м; супесь чёрного цвета – 0,1–0,3 м; тонкий слой кирпичной крошки в центральной части раскопа – 0,03 м; тёмно-серый суглинок – 0,08–0,12 м; погребённый чёрный слой – 0,04–0,06 м; серый суглинок с красноватым оттенком – 0,02 м; серый суглинок – материк, проступил на глубине 0,55–0,60, по изгибу древнего рельефа, с небольшими западаниями культурного слоя в местах поздних сооружений. Чередование слоёв супеси и песка объясняется тем, что данный участок берега сформировался в ходе прибрежных процессов (наводнения, водно-прибойная деятельность).

Анализируя стратиграфическую ситуацию в раскопе, можно утверждать, что первоначально этот участок двора усадьбы представлял собой часто обводнённое понижение микрорельефа, которое в последующем неоднократно засыпалось.

Отсыпка производилась битым кирпичом и штукатуркой – материалом от разрушенных церквей. По всей видимости, это происходило после 1930-х гг., последний раз в 2000-х гг. Таким образом, максимальная мощность культурного слоя на исследованном участке не превышает 0,6 м. По всей площади раскопа под дерном находится перемешанный слой грунта, перемещённого от церкви: тёмно-серая супесь с кирпичной крошкой и известью, мощностью 0,12–0,25 м. Культурный слой на «монастырском дворе», который можно отнести к продолжительному монастырскому периоду (середина XVI – начало XX в.), в современном состоянии незначителен, толщиной 0,3–0,35 м. Скорее всего, именно этим можно объяснить, что находки XX в. встречаются и в предматериковом слое. Культурный слой не повреждён поздними перекопами, но из-за сильной перемешанности материала его трудно точно разделить на две традиционные условные составляющие: слои «монастырского» и «советского» периодов.

Объекты. В границах раскопа открыты остатки четырёх искусственных сооружений.

Кладка 1. В западной части раскопа зафиксирована каменная вымостка. Она проступила ровным слоем с уровня 0,2–0,21 м, в плане правильной прямоугольной формы, размерами 3,2 × 0,7 м, направление по длинной оси – северо-восток–юго-запад, имеет чёткие внешние границы. Преимущественно небольшие камни (0,05–0,2 м) плотно уложены в два ряда, с аккуратной «подгонкой» друг к другу. Крупных камней (диаметром до 0,3–0,35 м) четыре штуки. При создании вымостки вместе с камнями единично использовались куски кирпича. Следы от термического воздействия отсутствуют. Окружающий слой единообразный – песок чёрного цвета. Нижние камни лежат на предматериковом слое жёлтого с красноватым оттенком песка. Западание культурного слоя под кладкой отсутствует. При разборке кладки между камней найдены два кованых гвоздя и по одному фрагменту поливной, красноглиняной и белоглиняной керамики. Предварительно создание данной кладки можно датировать периодом XIX – начало XX в. (рис. 3).

Самое простое предположение относительно функционального назначения кладки 1, что это частная попытка «окультурить» с помощью мощения на небольшом участке дорожку, идущую через влажное понижение от жилых строений в северной части монастыря к церквям. Но однозначно утверждать, что она полностью комфортна для пешего движения, нельзя. Во-первых, её поверхность не совсем ровная: одиночные, крупные камни незна-

Рис. 3. Пустынь Андрусова. Кладка 1. Уровень 0,5 м.
Вид с юга

Рис. 4. Пустынь Андрусова. Кладка 2. Уровень 0,5 м.
Вид с юго-востока

чительно (на 4–5 см), но выступают над общим уровнем. Во-вторых, точно по направлению кладки, через 1 м к северо-востоку возвышается крупный валун, верхняя часть которого выше на 0,2 м, что тоже нельзя признать удобным.

Кладка 2 находится в 1 м к юго-востоку от кладки 1. Это ряд из семи крупных уплощённых валунов, уложенных по линии юго-запад–северо-восток, параллельно кладке 1. Размеры наибольшего камня в северной части кладки $1 \times 0,6$ м. Остальные камни размерами 0,5–0,6 \times 0,5 м. Верхний уровень сложения проступил на глубине 0,35–0,4 м. Он неровный, колебание верхних плоскостей камней 4–6 см. Толщина кладки до 0,25 м. В её южной части, чтобы сгладить общую верхнюю плоскость и придать ей большую устойчивость, камни уложены в два ряда. Длина сооружения 3,5 м, ширина 0,5 м. Окружающий слой единообразный (песок чёрного цвета). Нижние камни лежат на предматериковом слое жёлтого с красноватым оттенком песка. Находки между камнями отсутствовали (рис. 4).

По результатам раскопок, кладка производит впечатление законченного сооружения. Сложение можно воспринять как участок сложенного без раствора фундамента для небольшого деревянного здания, если бы оно не было таким небольшим и имело конструктивное продолжение. В этом случае кладки 1 и 2 должны рассматриваться как единый комплекс.

В раскопе обнаружены несколько «поздних» объектов. «Пешеходная дорожка» XX в. стала хорошо заметна с уровня 0,25 м как чёткая полоса кирпичной и известковой крошки шириной 0,8 м на общем фоне песка чёрного цвета. В границах раскопа она прослежена в длину на 3,8 м.

В основном она отсыпана крупным битым кирпичом; встречаются и аккуратные выкладки в один ряд из плотно и насухо подогнанных друг к другу кирпичей.

В центральной части раскопа выявлены две колеи дороги, проходящей по территории усадьбы по линии северо-восток–юго-запад, параллельно всем вышеописанным объектам в раскопе (кладки 1 и 2, дорожка). Общая ширина 1,15 м, длина в границах раскопа 6 м. Ширина западной колеи 0,25 м, восточной 0,35–0,4 м. Как контрастные цветовые полосы суглинка тёмно-серого цвета с кирпичной крошкой на общем чёрном фоне, идущие поперёк раскопа, дорога стала просматриваться с уровня 0,2 м. Заполнение колеи – хаотично набросанные куски кирпича, небольшие камни (размерами 0,15–0,2 м). В восточной колеи камни были уложены на слой еловых веток. Использование веток и коры для создания дорожного полотна в Карелии известно по этнографическим данным (Логинов, 1993. С. 72; Студенцова, 2017. С. 143). Датировка объекта – первая половина XX в.

Таким образом, из четырёх выявленных в раскопе конструкций две («дорога» и «дорожка») однозначно и две (кладка 1 и 2) предварительно являются способом оформления путей движения (пешего и колёсного) по топкому участку территории усадьбы. К сезонным паводкам и общей обводнённой площадки усадьбы насельники монастыря и последующие жители, вероятно, относились фатально, и дренажные работы, по-видимому, не проводились. На гравюрах первой половины XIX в. очень достоверно передана структура монастырской усадьбы: весь комплекс построек на момент написания иконы (церкви, братские кельи, служебные постройки, ограда, центральные ворота, дорожки). Результаты наших работ этому не противоречат.

Находки

Небольшой по мощности культурный слой сильно перемешан, что характерно для поселения, существовавшего около пятисот лет. В его верхней части единично встречаются «ранние» находки в переотложенном состоянии. В то же время поздние вещи XX в. (каучуковая подошва, гильзы, пластиковый гребень, оконное стекло и т.п.) редко, но залегают «внизу» вместе с керамикой XVII в. Такая ситуация не умаляет важности и ценности этих материалов. Смешанность разновременных комплексов и отсутствие чёткой стратиграфии – обычное явление для комплексов позднего средневековья – нового времени.

Коллекция, полученная из раскопа, небольшая (733 экз., в среднем 9,1 шт. на 1 кв. м). Она охватывает широкий временной диапазон – XVI–XX вв. Основная часть находок – невыразительные предметы XX в., около 430 шт. (60 % от общего количества находок): гвозди фабричного производства, гильзы, оконное и тарное стекло, пластик, осколки изоляторов и т.п. В слое они находились преимущественно на глубине 0,1–0,5 м. Существует сложность с атрибутированием и датированием ряда предметов, так как существенная масса находок из железа имела продолжительное бытование на протяжении XVIII–XIX вв. Кроме того, большинство из них находится в неудовлетворительном состоянии, корродированы, деформированы, фрагментированы и преимущественно представляют бытовой мусор. Это не позволяет уверенно разделить часть предметов на разновременные группы, и их датировки носят предварительный характер. Песчаный грунт и постоянно меняющийся влажностный режим почвы не способствовали консервации органических остатков, возможно, поэтому изделия из кожи, дерева, кости отсутствуют. Кроме того, центральная, «парадная» часть усадьбы, вероятно, более активно «прибиралась» насельниками монастыря.

Массовый материал

Обычно для раскопок позднесредневековых комплексов самая многочисленная группа находок – это железные строительно-крепежные гвозди (182 шт.). Их можно разделить на две группы: проволочные фабричные с прямоугольным и круглым сечением стержня (109 шт.) и более «древние» кованные, фрагментированные (19) и целые экземпляры (54). Кованные гвозди часто деформированы, имеют подквадратное или подпрямоугольное поперечное сечение стержня (0,4–0,6 × 0,4–0,7 см), плоскую расплюснутую шляпку в плане подпрямоугольной формы и плавное сужение по всей длине. Длина стержней кованных «гвоздей прибойных» пре-

имущественно находится в пределах от 6 до 9,5 см («одно- и двоетёсы») (рис. 5).

Предметы стекольного производства – осколки бутылочной и баночной тары (60 экз.): фрагменты горлышек (5) различного диаметра (2,6, 2,8, 3,1 см) и доньшек (7) советского и иностранного (финляндского?) производства. В 2017 г. ни одного целого предмета из стекла не найдено. По цвету стекло можно разделить на бесцветное и «бутылочное» различных оттенков зелёного и коричневого цветов. К ёмкостям для вина конца XVIII–XIX в., круглым в горизонтальном сечении, предварительно отнесены только пять тёмно-зелёных осколков со специфичной «радужной» цветностью от большого содержания свинца (среди них горлышко диаметром 2,9 см и придонная часть бутылки). Толщина осколков стеклянных сосудов в придонной части от 0,5 до 1,2 см, стенок 0,4–0,5 см (рис. 6: 1).

Хороший маркер в культурном слое – стреляные гильзы разных калибров 1940-х гг. В нашем случае это гильзы от сигнальных ракет (2,7 см) (2 шт.),

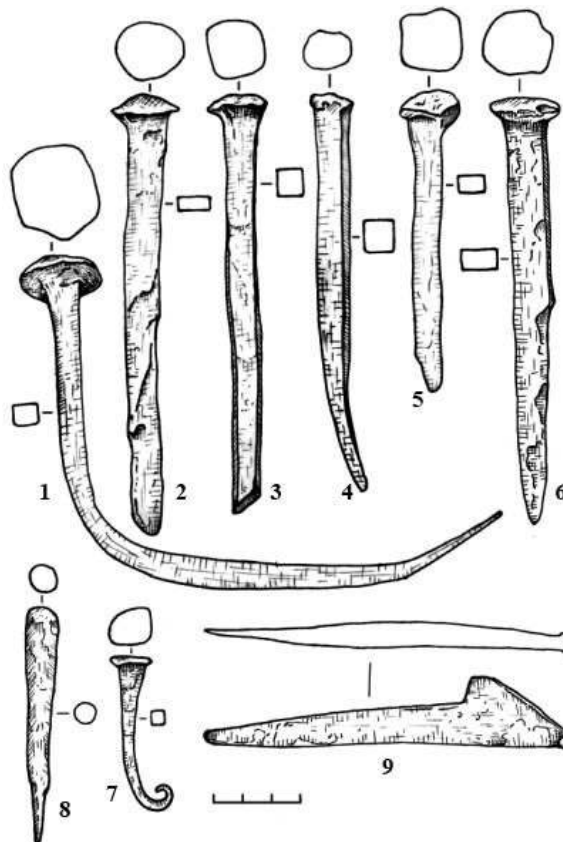

Рис. 5. Пустынь Андрусова. Находки из железа: 1–7 – гвозди кованные; 8 – керн?; 9 – крюк

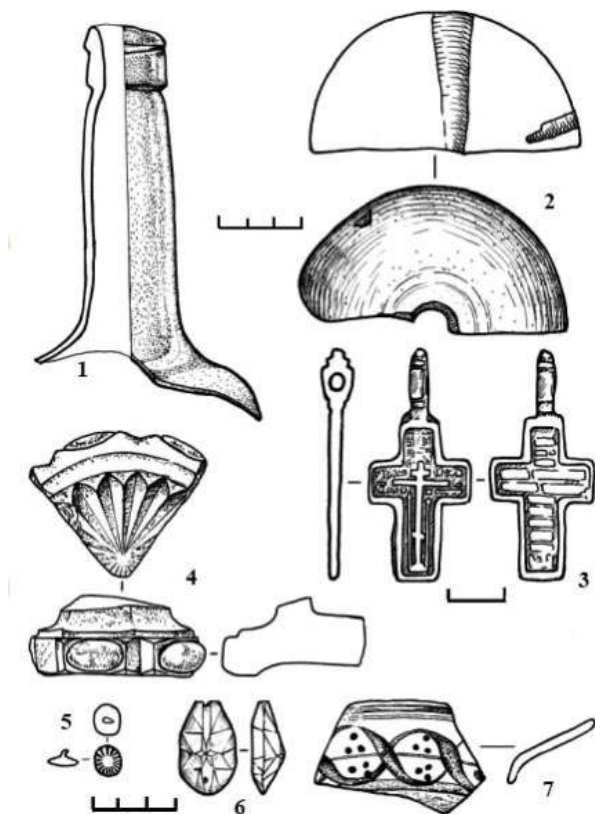

Рис. 6. Пустынь Андрусова. Находки: 1 – горлышко винной бутылки, стекло; 2 – фрагмент шара, мрамор; 3 – крест нательный, медь; 4 – фрагмент подставки, стекло; 5 – пуговица, медь; 6 – подвеска от люстры, стекло; 7 – фрагмент тарелки, фаянс

мелкокалиберные (0,6 см) (9 шт.), пистолетные (2 шт.) и винтовочные гильзы (7,62 × 53,72 мм) с маркировкой VPT 37, 38, 42 (Valtion Patruuna Tehdas – государственный патронный завод) в г. Лапуа (Финляндия) (86 шт.). Они встречаются на глубине 0–0,5 м и попасть на раскопанный участок могли вместе с перемещенным грунтом от церкви, где был установлен в годы войны зенитный пулемёт. Они входят в блок находок, который связан со временем пребывания на усадьбе монастыря финского гарнизона в 1941–1944 гг.: стеклянный шприц с маркировкой SILIKON, неясные обрывки амуниции, шинельная пуговица с гербом и т.п.

Керамика

В материале из раскопок 2017 г. присутствует небольшой блок находок фрагментов керамической (120 экз.), фаянсовой и фарфоровой посуды (56), а также печные изразцы (4). По технологии изготовления (сырье, обжиг, характер обработки поверхности)

керамический материал (за исключением полностью ошлакованных экземпляров) можно разделить на следующие группы: поливная, белоглиняная и красноглиняная (или красножгущаяся) керамики.¹

Поздняя поливная посуда немногочисленна (34 мелких фрагмента), предположительно от двух-трёх сосудов. Полива тёмно-коричневого и тёмно-зелёного цветов прослеживается на внутренних стенках изделия и по внешнему краю венчика сосуда. Есть обломок маленькой ручки и фрагмент от стенки «бальзамной» бутылки. Датировка – конец XIX–XX вв.

Белоглиняная керамика (38 фр.) представлена обломками днищ и стенок от трёх горшков, фрагментами верхней части кувшина и стенкой с частью крышки тонкостенного небольшого сосуда. Белоглиняные сосуды, скорее всего, относились к столовой посуде, так как следов нагара на них нет. Чёрный цвет ряда фрагментов объясняется следами пребывания в пожаре. Горшки сделаны из теста с примесью неравномерно-зернистого песка, мелкодробленой дресвы, органических и железистых включений. Керамика плотная, тонкостенная (5–7 мм), диаметр днища сосудов 8–9 мм. Обжиг хороший, так как в изломе нет чёрной полосы. Для изготовления использовался медленный гончарный круг. Конструирование сосудов выполнено в технике спирально-кольцевого налёпа, следы от заглаживания стенок фиксируются с внешней и внутренней сторон. В коллекции не представлено верхних профилей горшков, что затрудняет их датировку. Вместе с тем, состав теста, характер обработки поверхности керамики, а также общая тенденция, прослеживаемая на территории Карелии, когда на рубеже XVI–XVII вв. происходят изменения в традиции гончарного производства, и белоглиняная керамика вытесняется глиняными изделиями из красножгущихся глин, позволяет отнести данные материалы к XVI в.

Этим же временем следует датировать и фрагменты белоглиняного сосуда (10 фр.), сходного по составу теста, изменение цвета черепков которого вплоть до серого и чёрного связано с пребыванием в очаге пожара. Толщина стенок сосуда 0,5–0,7 см, диаметр горла около 10 см. Шейка прямая, переходит в немного приострѐнный по внутреннему краю, грубо сформованный венчик. Вровень с краем венчика крепилась небольшая ручка, заканчивающаяся у плечика сосуда. Возможно, это кельяная ручная кадьница – кацья.

¹ Определение Т. П. Амелиной, В. Ю. Коваля, О. Н. Глазуновой.

По составу глиняного теста, хорошо промешанного с мелкими зёрнами песка, отличается фрагмент тонкостенного изделия (крышки?) диаметром 10 см, с прямыми стенками, переходящими в край сосуда. Высота глиняного изделия 3,4 см, толщина стенок варьируется от 7 мм у днища (верха) до 4 мм у края сосуда. С внешней стороны нанесён орнамент из трёх полос. Судя по характеру теста и обработки поверхности, данное изделие следует датировать более поздним временем – XVIII–XIX вв.

Подавляющее количество фрагментов (61 экз.) керамической коллекции 2017 г. – это изделия из красножгущихся глин. Из них десять фрагментов относятся к верхним профилям сосудов, два – к днищам, один фрагмент ручки сосуда (горшка-братины?), остальные стенки (рис. 7). По профилировке верхней части сосудов можно выделить семь-восемь горшков. Реконструировать их формы из-за малочисленности фрагментов не представляется возможным. На некоторых фрагментах есть нагар, свидетельствующий о том, что данная посуда использовалась для приготовления пищи. В составе теста глины гидрослюднистого состава присутствует дроблёная древо, что, по мне-

нию В. Ю. Ковалёва, может рассматриваться как «архаичный признак Севера». Цвет черепка варьируется от тёмно-красного и оранжевого до серого и чёрного. Обжиг сосудов неровный, неполный. Диаметр горла, как минимум пяти сосудов, около 28–30 см. По формам верхней профильных частей они относятся к типам сосудов с отогнутыми и кососрезанными наружу венчиками, покатыми плечиками, а также с заострённым внутренним краем или заострённым и верхним и нижним краями. У некоторых сосудов по торцу венчиков имитирована кольцевая канавка. Часть сосудов из керамической коллекции из красножгущейся глины, судя по фрагментам тонкостенных стенок и плечиков, может быть отнесена к горшкам относительно небольших размеров, а один фрагмент венчика представляет совсем миниатюрный сосуд. Аналогии данной посуды встречаются по всей территории Карелии. Исходя из типологической шкалы, составленной на материалах археологических памятников Заонежья, данная посуда может быть отнесена к поздним типам керамики (тип VI, VII), получившим распространение на территории северо-запада России в XVII–XVIII вв. (Спиридонов, 2004. С. 281–303).

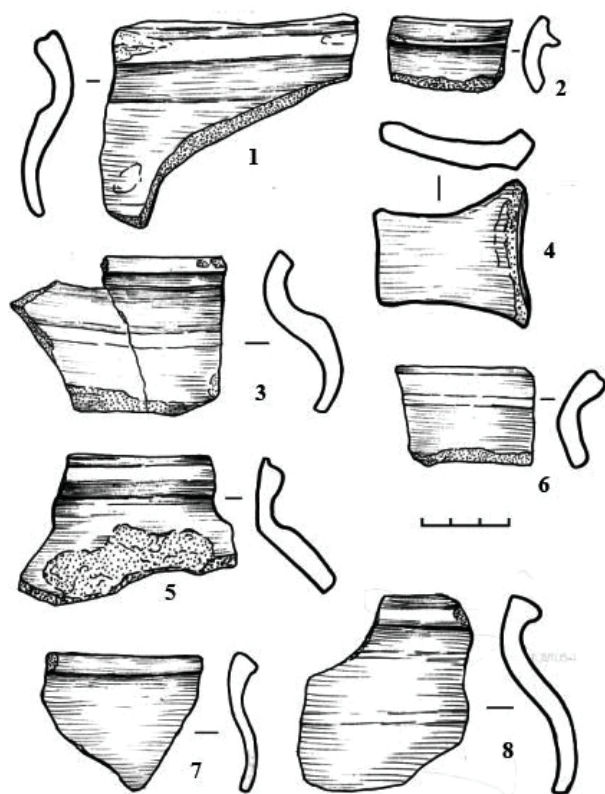

Рис. 7. Пустынь Андрусова. 2017. Красноглиняная керамика. Венчики

Наличие с начала XIX в. в зданиях монастыря печей-голландок отмечено четырьмя крупными фрагментами гладких эмалевых изразцов, «архитектурной керамики»: два куса румпы без лицевой пластины и два лицевой стороны. Привозные печные изразцы выполнены из красножгущейся глины: гладкие, тесто плотное, однородное, узкорамочные, ширина рамки 0,7 см, примеси и полости визуально не фиксируются, покрыты тонким слоем белой эмали с цеком. До конца XVIII в. печи, оформленные глазированными и терракотовыми изразцами, были дорогим, статусным предметом быта. После падения цен на такие изделия они стали доступны средним слоям населения.

Фаянсовая посуда (50 экз.) – это небольшие осколки бортиков и дна столовых чашек, блюдец и закусочных тарелок, в основном, второй половины XX в. Орнамент на внешней стороне края венчика – полицветная, подглазурная роспись стилизованного растительного рисунка на белом фоне. Фаянс хорошего качества, без трещин на глазури. Толщина осколков 0,3–0,4 см. Экземпляры с клеймами отсутствуют. Небольшое количество фрагментов (5 ед.) по комплексу общих морфологических признаков можно отнести к более раннему периоду – XIX в. Производство данной фаянсовой посуды российское (Салтыков, 1952).

Фарфор – более информативный материал в вопросе датирования, чем кухонная керамика, по-

этому очень интересны находки четырёх маленьких фрагментов столовой посуды второй половины XVIII в. (Татаурова, Татауров, 2010. С. 285–288). Среди них два осколка от тарелок знаменитого английского фарфора стиля Willow pattern и массовой, грубо расписанной немецкой посуды. Первый – это популярный, дорогой столовый фарфор, производившийся в Англии в конце XVIII – начале XIX в., расписанный в стиле сюжетов китайских образцов. На большом фрагменте (размерами 5,7 × 3,3 × 0,4 см) краевой части тарелки нанесён вручную монохромный узор тёмно-синего цвета на белом фоне, состоящий из простых растительных мотивов (стилизованные листья и распустившиеся цветы), «узор Уиллоу». На глазури присутствует характерная сетка волосообразных мелких трещин, так называемых цек. Импортная столовая посуда свидетельствует о некотором материальном благополучии насельников монастыря. Интересно, что в наших исследованиях православных монастырей в Карелии и Русской Лапландии данный «статусный» фарфор встречался при раскопках церкви святых Бориса и Глеба на р. Паз и церкви Рождества Христова Печенгского монастыря на Мурманском берегу (Шахнович, 2012а. С. 199; Шахнович, 2017а. С. 253).

В группу индивидуальных находок выделено 45 предметов. Нумизматические находки представлены пятью экземплярами: медные монеты начала XIX в. – 1 коп. 1800 г. и 2 коп. 1812 г., и три экземпляра серебряных «чешуек», из которых копейка и деньга XVI в. (Иван IV, Псковский денежный двор, тип 21²) происходят с уровня 0,2–0,3 м и одна копейка начала XVII в. (Михаил Фёдорович, 1617–1626 гг., Новгородский денежный двор, тип 679)³ с уровня 0,46 м. Вероятно, они попали на этот участок с перемещённым от церкви грунтом.

Мелкая медная пластика представлена нательным крестом, найденным на уровне 0,34 м. Крест литой, небольшого размера (4,1 × 1,6 × 0,2 см), четырёхконечной формы, с прямыми концами, с хорошо сохранившимся ушком-оглавием уплощённо-округлой формы с двумя венцами. Типовые изображения рельефные: на лицевой стороне в центре восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копием, на концах неясные монограммы с титлами. На оборотной стороне всё поле заполнено стёршимся текстом, скорее всего, это молитва Святому и Животворящему Кресту Господню. Кресты данного типа, «старообрядческие, мужские», были

² Классификация И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова. (Гришин и др., 2015).

³ Определение К. В. Горлова (ИИМК РАН).

массовым изделием в XVIII–XIX вв. и хорошо известны среди находок мелкой медной пластики Северной и Центральной России (Винокурова, 1999. С. 140–141; Герман, 2014. С. 216–220). Не следует полностью исключать возможность его датирования и второй половиной XVII в. (рис. 6: 3; 8).

Среди находок есть пять экземпляров «поздних» пуговиц. Две форменные пуговицы медного сплава с ушками от военного обмундирования: шинельная, с изображением стоящего на задних лапах льва (Финляндия, 1940-е гг.) и плохой сохранности от советской военной формы, а также стандартные штампованные от нижнего белья («кальсонные»), с четырьмя отверстиями, диаметром 1,7 см (3 шт.), из них одна имеет надпись «ФАБРИКА ПРОМ-ВОЕНХОЗ» (1920-е гг.). Последние использовались с конца XIX – начала XX в. и до второй половины XX в. (Кунгурцева, 2017. С. 359). Здесь же следует отметить фрагмент декоративной застёжки медного сплава с перламутровой вставкой. Интересно, что идентичная целая застёжка найдена в 2017 г. при раскопках церкви Воскресения Христова в г. Петрозаводске (Шахнович, 2018. С. 157). Скорее всего, это часть священнического облачения.

Находок, которые можно связать с убранством и функционированием рядом стоящего храма, немного. Это многогранная прозрачная подвеска от хрустальной люстры каплевидной формы из прозрачного стекла с отверстиями на двух концах для проволочного крепления (размерами 3,2 × 2 × 1,2 см) (рис. 6: 6), а также осколки лампадных прозрачных стёкол: два розового цвета и один тёмно-синего. Все они происходят из верхнего горизонта и попали на участок с грунтом от церкви.

Рис. 8. Андурсова пустынь. 2017. Крест нательный. Медь

Нужно упомянуть находку миниатюрного железного замка хорошей сохранности (размерами 6,2 × 3,3 × 2 см): одноцилиндровый, навесной, с горизонтально расположенным запирающим механизмом и высокой петельчатой дужкой. Замочная скважина расположена в центре на торцевой стороне корпуса. На бочкообразном корпусе видны вертикальные рельефные полосы усиления (рис. 9: 3). Подобного типа замки встречаются в слоях XVIII–XIX вв. (Момбекова, Андреев, 2018. С. 152).

На уровне 0,5–0,55 м найдены фрагменты слюдяных оконниц (9 шт.). Вероятно, это один-два расслоившихся, частично деформированных кусочков «остекления» окна (рис. 10). Слюда использована тёмная («бурая»). Края пластины обрезаны, хорошо видны наколотые по периметру пластины через равные промежутки в 1–1,3 см маленькие сквозные отверстия (диаметром 1 мм) для сшивания (Шахнович, Скамницкая, 2014. С. 141–152).

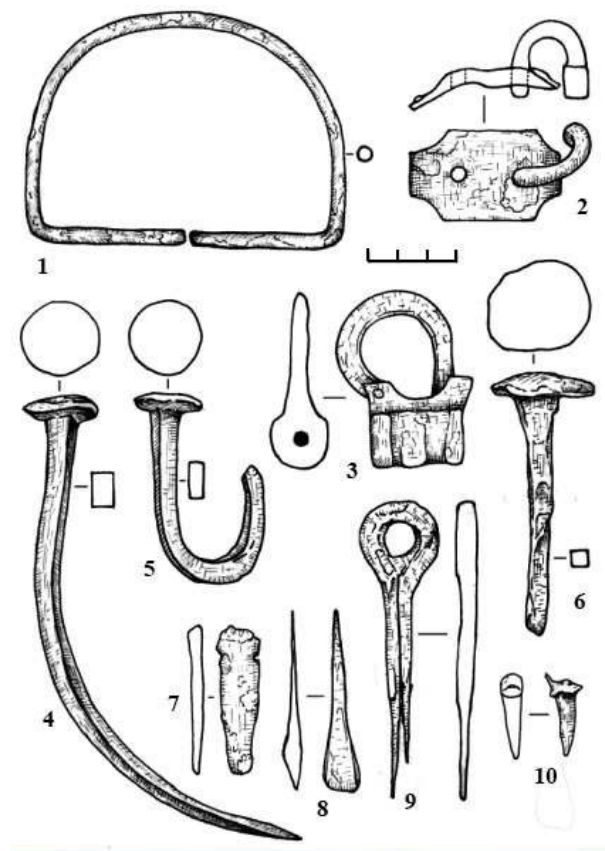

Рис. 9. Пустынь Андрусова. 2017. Находки из железа:
1 – ручка сундучная; 2 – петля от котла;
3 – замок; 4–6 – гвозди; 7 – неопределённый предмет; 8 – «долотце»; 9 – пробой; 10 – фрагмент шипа ледоходного

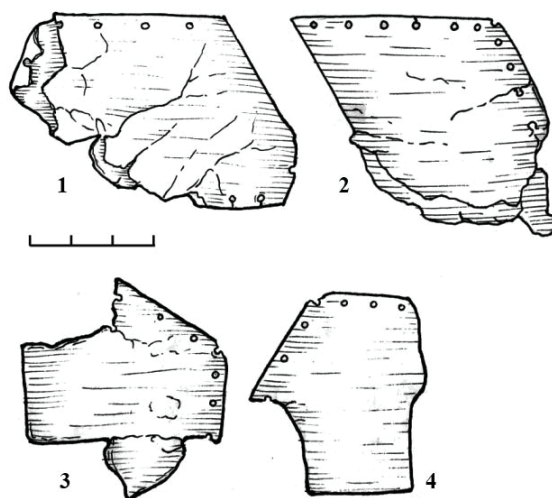

Рис. 10. Пустынь Андрусова. 2017.
Фрагменты слюдяных оконниц

Перечислим интересные, но часто из-за фрагментарности малоинформативные кованые находки из железа: обломок острия ледоходного шипа (размерами 2,5 × 1,4 × 0,8 см), петлевое ушко от котла (размерами 6,4 × 3 × 0,3 см), «грузик» – кусок пластины с боковыми пазами (размерами 5,1 × 1,4 × 0,6 см), «долотца» (размерами 6,3 × 1,3 × 0,7 см), пробой, крюк для подвешивания (размерами 12,8 × 2,5 × 0,7 см), две сундучные ручки с разомкнутыми концами диаметром 0,5 см, фрагмент обуха топора и часть дверной петли (рис. 9).

К заметным бытовым вещам можно отнести кусок декоративной стеклянной опоры для керосиновой лампы из прозрачного стекла, часть круглой подставки из белого мрамора со шлифовкой по торцу и с отверстием в центре (размерами 17 × 10,8 × 2 см), кусок мраморного шара со сверлённым отверстием в центре (размерами 9,5 × 4,7 × 5 см) (рис. 6: 2, 4).

Остеологические находки (21 шт.) представлены, за исключением двух разрозненных фрагментов человеческих костей, «кухонным набором» со следами первичной разделки (рубка топором). Это крупный рогатый скот: коренные зубы молодого животного до двух лет (2 шт.), фрагменты рёбер (4 шт.), шейного позвонка (1 шт.), лопатки (3 шт.), таза (1 шт.), лучевой кости (2 шт.); мелкий рогатый скот – фрагменты левой кости и таза свиньи (2 шт.); лошадь – фрагмент головки бедренной кости.⁴ В монастыре мясо могли употреблять не-

⁴ Определение зав. кафедрой биологии Тверского государственного университета А. В. Зиновьева.

монашествующие лица. Наличие кости лошади со следами от расчленения позволяет уверенно отнести этот блок находок к «советскому» периоду жизнедеятельности в данном месте. Особо отметим, что кости рыб отсутствуют.

Полученный материал позволяет сделать следующее наблюдение. Территорию внутри монастырского каре условно можно разделить на две зоны: сакральную и жилую. В нашем случае хорошо фиксируется специфика околоцерковного пространства: несмотря на длительную историю монастыря, активная хозяйственная деятельность на исследованном участке не проводилась. Обычный «бытовой фон» минимален. Массовые категории предметов, которые можно связать с хозяйственной и бытовой жизнедеятельностью/жилыми комплексами: керамика, кухонные остатки, отходы производства, бытовой инвентарь и т.п., незначительны. Идентичная ситуация наблюдалась при раскопках церквей в Иона-Яшезерском, Кандалакшском, Трифоново-Печенгском монастырях (Шахнович, 2012б; 2013; 2017б). Выскажем предположение о том, что условные центры монастырской усадьбы в XVI–XVII вв. и в XVIII–XX вв. не совпадали.

Результаты

Работы 2017 г. можно рассматривать как начальный, рекогносцировочный этап изучения Никольского Адриано-Андрусовского монастыря. Проведённые раскопки внесли некоторую ясность и объективное понимание пространственной структуры монастырской усадьбы и позволили дополнить имеющиеся сведения по реконструкции истории обитатели. Получены первые сведения о характере и состоянии культурного слоя XVI–XIX вв. в центральной части ОАН «Пустынь Андрусова». Анализ стратиграфии и находок на исследованном участке позволяет сделать вывод о том, что антропогенные отложения преимущественно датируются XIX–XX вв., но есть и незначительный слой XVI–XVIII вв. Подтвердилось первоначальное предположение об отсутствии погребений на центральном участке «двора», к северу от церквей. Найдены остатки сооружений благоустройства монастырского двора, присутствующие на изображениях XIX в., получена информация об их фактическом натурном расположении и конструктивных особенностях. Продолжение археологических работ на усадьбе монастыря – это очень перспективное направление по изучению средневековых комплексов Приладожья.

Источники и литература

- Андрусова-Николаевская пустынь, Олонецкой губернии. Историческо-статистический очерк. СПб., 1905.
- Бирюков Ю. Б., 1999. Раскопки Рождественского собора Коневецкого Рождественского монастыря // АО–1997. М.
- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М.
- Герман К. Э., 2014. Кресты-тельники с Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Историческо-статистический очерк Олонецкой губернии. СПб., 1906.
- Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н., 1974. Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО–1973.
- Кожевникова Ю. Н., 2017. Никольская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск.
- Кунгурцева С. А., 2017. О некоторых категориях находок XIX – начала XX вв. из археологических раскопок Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 10.
- Логинов К. К., 1993. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.
- Момбекова А. А., Андреев А. А., 2018. Средневековые ключи и навесные замки Затверецкого посада г. Твери (по материалам раскопа № 74) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 11.
- Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930.
- Салтыков А. Б., 1952. Русская керамика XVIII – начала XX вв. М.
- Сорокин П. Е., 2004. Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении

- и об исторической топографии // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб.
- Спиридонов А. М., 2004. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 9.
- Студенцова Е. О., 2017. Содержание и эксплуатация Шенкурского тракта от г. Каргополя до ст. Няндомы в конце XIX – начале XX в. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. Каргополь.
- Татаурова Л. В., Татауров Ф. С., 2010. Возможности «археологического» фарфора как источника // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск.
- Шахнович М. М., 2012а. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Четвёртые Феодоритовские чтения / Север и история. СПб.
- Шахнович М. М., 2012б. Работы в Трифоново-Печенгском монастыре (Мурманская обл.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 26.
- Шахнович М. М., 2013. Археологическое обследование Благовещенской церкви Ионо-Яшезерского монастыря в 2012 году // Православие в вепском крае. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., 2016. К вопросу о гидротехнических крестьянских сооружениях Карелии: каналы озера Каменное (Киитехеньярви) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в Средневековье. Тверь. Вып. 9.
- Шахнович М. М., 2017а. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифоново-Печенгского монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 10.
- Шахнович М. М., 2017б. Археологические работы на Монастырском Наволоке в г. Кандалакше в 2015 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.
- Шахнович М. М., 2018. Археологическое изучение Воскресенской церкви в городе Петрозаводске в 2017 году // Державинский сборник – 2018. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., Скамницкая Л. С., 2014. Локализация мест добычи слюды в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. Т. 9.

Раскопки церкви Воскресения Христова в г. Петрозаводске в 2017 г.

М. М. Шахнович

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-81-90

Начало XXI в. для археологии России характеризуется огромным ростом интереса к изучению истории РПЦ. По инициативе православных общин в крупных городах проводятся масштабные исследования остатков церквей и сопутствующих им некрополей XVII–XX вв. Происходит полноценный процесс накопления источниковой базы в области отечественной истории, которая ранее практически не изучалась. Введение в научный оборот новых материалов по истории монастырей и храмов Карелии в этой связи представляется нам актуальной задачей.

По предложению прихода «Божьей Матери Скоропослушницы» г. Петрозаводска (Петрозаводская и Карельская епархия, протоиерей К. Савандер) археологической экспедицией НМРК в 2017 г. начато археологическое обследование предположительного местонахождения остатков церкви Воскресения Христова, располагающейся в северо-западной части территории объекта археологического наследия «Петровская слобода» в историческом центре г. Петрозаводска – современная пл. Кирова. В качестве места для исследований выбран участок газона, примыкающий к зданию Музыкального театра РК (пл. Кирова, 4) с северной стороны.

История церкви Воскресения Христова (до 1875 г. Сошествия Святого Духа) г. Петрозаводска

В конце августа 1703 г. в устье реки Лососинки на берегу Онежского озера по приказу Петра I началось строительство железодельного завода, названного Петровским (ныне город Петрозаводск). Поселение сразу стало военно-административным, экономическим и духовным центром Олонецкой Карелии. За несколько лет на высоком левом речном берегу по прямоугодно-квартальной схеме регулярного градостроительства вырос заводской

поселок с отдельно расположенной фортецией. Внутри крепости («Города») располагались дом коменданта, «денежный архив», канцелярия Горного округа, заводская лаборатория, часовая башня-колокольня и две православные церкви – летняя Петропавловская и зимняя Святодуховская. Около фортеции находились путевые дворцы Петра I и А. Д. Меньшикова, канцелярия завода, пороховой погреб, «тюремный двор», жилые дома заводских чиновников (Мулло, 1981. С. 57, 58). На правом берегу Лососинки («Зарека») поставлены дома крестьян и мастеровых и устроены два кладбища – православное Зарецкое и немецкое (лютеранское и католическое) с кирхой.

Юго-восточный фрагмент этого интересного фортификационного памятника начала XVIII в. исследован небольшим раскопом в 1998 г. Но сведения по фортеции ещё требуют дополнительного уточнения, потому что наложение плана 1720-х гг. на современную топооснову производилось очень приблизительно и надземный вид земляных сооружений крепостицы пока только гипотетичен.

Деревянная завершавшаяся острым шпилем «новоманерная, осьмигранная с четырьмя уступами» летняя Петропавловская церковь (предположительно построена около 1705 г.) имела два придела во имя Алексия, человека Божия и святого князя Александра Невского. Второй деревянный храм, освящённый во имя Сошествия Святого Духа, был отапливаемым. Предположительно, он возводился одновременно с Петровским заводом в 1703–1705 гг. Но первое достоверное упоминание о заводских церквях встречается в документах не ранее 1713 г.

Согласно «Чертежу Петровских заводов строений», составленному в 1720-е гг. полковником М. Виттвером (Мулло, 1981), Святодуховская зимняя

церковь находилась в северо-западной части деревоземляной фортеции (крепости), в непосредственной близости к одной из шести артиллерийских батарей укрепления, рядом с Петропавловским храмом и деревянной колокольной с «боевыми» часами (перестроена в 1741 г.).

Как выглядела первая слободская зимняя церковь известно очень немного. «Она самая простая, никакой в здании знатности не имеет», – сообщается о Святодуховском храме в одном из документов Петрозаводского городского магистрата 1782 г. (Сорокина, Генделев, 1994. С. 4). Прицерковную территорию во второй половине XVIII в. традиционно окружала деревянная ограда, описание которой не сохранилось.

К середине XVIII в. деревянная Святодуховская церковь, несмотря на неоднократные текущие ремонты, значительно обветшала: «за давним ее построением уже в немалую пришла ветхость и гнилость» и было решено её отстроить заново. Новый Святодуховский храм по-прежнему считался приписанным к старейшей в городе Петропавловской церкви, которая в 1784 г. при учреждении Олонецкого наместничества стала соборной, а при создании Олонецкой и Петрозаводской епархии в 1828 г. кафедральной (Петрозаводск, 2001. С. 321, 322).

В 1799–1800 гг. по инициативе петрозаводского городского общества Святодуховскую церковь вновь перестроили на месте, отведённом рядом со старым храмом, который предварительно снесли в 1797 г. (Пашков, 1999, С. 177–185). Действительно, при сравнении исторических планов 1720 и 1858 гг. видно, что если брать в качестве постоянной доминанты Петропавловскую церковь, то местонахождение Святодуховской церкви в начале XVIII в. и начале XIX в. существенно различается. После разборки деревянной церкви в конце XVIII в. не была выдержана традиция установки нового здания точно на старом месте, и каменный храм был заложен несколько севернее.

Новый храм был деревянно-каменным и трёхпрестольным. Известны его размеры: в длину 13 сажен и в ширину восемь сажен. «Тёплая, без сводов», – уточняется о церкви в клировой ведомости за 1869 г. Каменное строительство, как обычно, затянулось на долгие годы и состояло из нескольких этапов. В 1826–1827 гг. к нему пристроены три больших каменных крыльца, ведущие

к дверям с западной, северной и южной сторон. В 1849 г. нижняя каменная часть церкви была расширена: тогда на её западной стороне появилось помещение для казны, ризницы и библиотеки. В общей храмовой композиции доминировала каменная двухъярусная колокольня со шпилем (рис. 1).

В 1875 г. в связи с окончанием многолетнего строительства нового пятиглавого каменного кафедрального собора – уменьшенной копии московского храма Христа Спасителя – вблизи Святодуховской церкви по указу Олонецкой духовной консистории она была переименована во имя Воскресения Христова (горожане её называли «старым собором»)² К началу XX в. в соборе были четыре

Рис. 1. Петрозаводск. Церковь Воскресения Господня. 1915 г. Вид с юго-востока

изразцовых печи: одна в главном алтаре, две в церкви и одна кирпичная в сторожке, а в правом приделе стояла железная печка.

К началу XIX в. деревянная ограда, окружавшая Воскресенский и Петропавловский соборы, пришла в ветхость и решено строить новую решетчатую на каменном фундаменте и столбах. В 1826–1827 гг. оба собора были ограждены с четырёх сторон. На фотоснимках начала XX в. мы видим отштукатуренную кирпичную ограду, с квадратными в сечении столбами с навершиями, с установленной между ними металлической решёткой. По углам новой ограды стояли две каменные башни с помещением для хранения церковных вещей.

² Новый кафедральный собор изначально планировалось посвятить Сошествию Святого Духа, но до 1875 г. он был Воскресенским.

¹ Статус города Петрозаводская слобода получила в 1777 г.

В конце XIX в. в ограде устроили церковную лавку, где продавались восковые свечи от собора. У северных ворот ограды стояла каменная часовня святителя Николая чудотворца.

Воскресенский собор сгорел в одном пожаре вместе с Петропавловской церковью в 1924 г. Обращения прихожан к властям с просьбой восстановить собор не увенчались успехом. В 1930 г. по постановлению Петрозаводского горсовета вся площадь, занимаемая ранее сгоревшим Воскресенским собором, включая часовню с могилой блаженного Фаддея, была отведена для расширения Летнего сада. В современном рельефе исторического центра города не сохранились явные следы прежних фортификационных сооружений и построек XVIII – первой половины XIX в. Церкви Соборной площади с 1930-х гг. находятся в археологизированном состоянии.

История археологического изучения Петровской слободы

Город Петрозаводск обладает высоким историко-культурным потенциалом. В настоящее время на его территории известно около пятидесяти объектов археологического наследия: поселений мезолита – раннего металла – средневековья – нового времени. Археологические раскопки в городе проводились эпизодически и в основном они были связаны с памятниками, найденными в ходе специальных обследований в местах строительства (Жульников, Спиридонов, 2003).

Изучение Петровской слободы археологами начато сравнительно недавно. Впервые этот археологический памятник попал в поле зрения археологов в 1946 г., когда А. Я. Брюсов, В. М. Раушенбах и А. М. Линевский провели небольшие разведывательные работы в приустьевом участке р. Лососинка. На правом берегу реки ими были зафиксированы остатки здания и доменной печи одного из цехов Петровского завода (Брюсов, 2011. С. 213, 214). Исследование исторического центра города было возобновлено только через пятьдесят лет, в 1996–2000 гг., когда археологическая экспедиция ПетрГУ под руководством А. М. Спиридонова обследовала основные сооружения начала XVIII в. в западной части территории городского Парка КиО: путевой дворец Петра I, дома А. Д. Меньшикова и заводского коменданта, остатки рва фортеции, также найдены три стоянки эпохи неолита – раннего металла (ПКиО I–III). В семи нестыкующихся раскопах, площадью 626 кв. м, была получена интересная, разносторонняя коллекция предметов XVIII–XIX вв., в настоящее время хранящаяся в фонде археологии НМРК (Жульников, Спиридонов, 2003. С. 69–117).

В 2004 г. в северной части парка, около здания банка «Онего» заложен дополнительный шурф (4 кв. м), в котором выявлен культурный слой мощностью 1–1,5 м и многочисленные находки эпохи неолита и нового времени (Шахнович, 2006. С. 235–237).

В 2006 г. К. Э. Германом осуществлялось наблюдение при земляных работах по ремонту канализационного коллектора и траншеи к нему, примыкающих к зданию Музыкального театра с северной стороны. В отрытой траншее были зафиксированы остатки валунного на известковом растворе фундамента церкви мощностью до 1 м, сделаны находки фрагментированных человеческих костей, осколков фаянсовой и стеклянной посуды, кованых гвоздей.

На территории исторической части Петрозаводска А. М. Спиридоновым выделен объект археологического наследия – Петровская слобода, который поставлен на государственную охрану Министерством культуры и по связям с общественностью РК 25.11.2004 (приказ № 273). Он находится в западной и центральной части современной территории Парка культуры и отдыха г. Петрозаводска и на примыкающей к нему части пл. Кирова. В 2016 г. границы ОАН шурфовкой в его юго-восточной и восточной части были уточнены, и в настоящее время общая площадь памятника составляет 83992 кв. м. В то же время археологические работы на других участках «Петровской слободы» не были проведены и западные границы ОАН в районе Музыкального театра в 2016 г. были намечены приблизительно, на основе имеющегося картографического материала XVIII в. и наблюдений в 2006 г. Таким образом, к началу наших раскопок в 2017 г. граница распространения, мощность и степень сохранности культурного слоя ОАН «Петровская слобода» в восточной части площади Кирова была неизвестна.

Задачи работ 2017 г.

В 2017 г. были определены следующие задачи исследований: на восточном участке площади Кирова (бывшая Соборная площадь), к северу от здания Драматического театра, предполагается строительство мемориальной часовни. Поэтому основной задачей работ было выявление точного местонахождения Воскресенской церкви, располагавшейся на этом участке площади до 1924 г.; проведение археологических исследований на выявленном объекте на стадии проектно-изыскательских работ: выяснение технического состояния фундамента церкви – глубины залегания и его характера, исследование прилегающей к нему территории и последующая первичная музеефикация

раскрытой части данного археологического памятника; получение дополнительной информации о расположении и сохранности остатков часовни XIX в. над местом захоронения преподобного Фаддея. К началу проведения работ по этому вопросу сохранились только частные воспоминания, собранные более чем через семьдесят лет после разрушения надземной части часовни и эксгумации захоронения; сбор дополнительного археологического материала по начальному, «петровскому» периоду г. Петрозаводска; общее выяснение характера сохранившегося культурного слоя в западной части ОАН «Петровская слобода»; получение новых данных по истории церкви Воскресения Христова/Сошествия Святого Духа.

Описание работ

Современное месторасположение остатков Воскресенской церкви – восточная часть пл. Кирова в г. Петрозаводске. Раскоп, площадью 72 кв. м, находится в 10 м к северу от здания Музыкального театра РК (пл. Кирова, 4), в 0,5 км к западу от берега Онежского озера. Место, где находилась церковь и где заложен раскоп, в настоящее время не застроено. Здесь проложены пешеходные асфальтированные дорожки и устроен газон.

В раскопе выявлены хорошей сохранности стратифицированные напластования, с хорошо фиксируемыми контактными границами между слоями. В целом сохранность культурного слоя вполне удовлетворительная. Несмотря на активное техногенное воздействие на данный район исторической территории города, большая часть культурного слоя на исследованном участке не повреждена многочисленными поздними перекопами, что обычно наблюдается при «городских» раскопках, и сохранилась в непо потревоженном состоянии. Мощность культурных отложений на разных участках раскопа 2017 г. неодинакова. На месте колокольни материк зафиксирован на уровне 1,6 м, а на участке в северо-западной части раскопа, примыкающем к внешней стене церкви, – 1 м.

Антропогенные отложения на сохранившихся участках можно разделить на три основных условных горизонта: в верхней части слой, сформировавшийся после разрушения церкви в 1924 г., на глубине от 0 до 0,55 м. Хорошо маркируется включениями кирпичной крошки, штукатурки и извёстки; слой, возникший при строительстве церкви в первой четверти XIX в., на глубине 0,55–0,60 м, выброс грунта из фундаментных траншей; слой XVIII в. и ранее на глубине 0,60–0,95 м, перекрытая более поздними строительными наслоениями стандартная стратиграфическая колонка

подзолистых почв (дёрн, подзол, тёмно-жёлтый с красноватым оттенком песок, тёмно-жёлтый песок и т.д.). Остановимся на основных объектах, выявленных в раскопе.

Фундамент. Кладка фундамента проступила единым массивом с уровнем 0,45–0,52 м. Исследования показали, что каменное основание церкви не разбиралось и хорошо сохранилось в археологизированном состоянии. Вскрытый участок фундамента составляет около 47 кв. м, т.е. 65 % от общей площади раскопа (без учёта колокольни и участка траншеи). Полная утрата фундамента приходится на участок траншеи 2006 г., это около 5,5 кв. м в юго-восточной части раскопа. Исследованная часть основного фундамента – это монолит с небольшим участком внутреннего помещения (8 кв. м), где в песчаном грунте сохранилась стратиграфическая колонка и выявлены два детских погребения. Так как все находки монет происходят только с данного участка, вероятно, это была небольшая церковная лавка с печью.

Деревянные элементы конструкции здания при раскопках не выявлены. Остатки полового покрытия, кирпичная кладка стен отсутствовали. Вероятно, церковный кирпич был отсортирован и, как часто практиковалось в 1920–1930-е гг., использован вторично на новом строительстве.

Несущая часть фундамента создавалась стандартным способом. В отрытую траншею укладывался по краям валунный дикий камень, а центральная часть засыпалась кирпичной крошкой и боем, крупным булыжником, плоскими камнями и проливалась хорошего качества песчано-известковым раствором, который нивелировал верхнюю плоскость для создания кирпичных стен. Отметим, что перепад верхней плоскости кладки по длинной оси (запад–восток) незначителен: 5 см на 8 м, а по ширине (север–юг) – 11 см на 7 м. Общая мощность кладки (семь рядов уплощённых камней) доходила до 1,1 м. Нижние камни значительно меньшего размера, чем верхний ряд. Камни не имеют следов дополнительной обработки (подтёска, шлифовка) (рис. 2–5).

В местах, где основные стены отсутствовали, внутренний фундамент создавался по «облегчённому» методу: мощность кладки составляла 0,60 м, три ряда уплощённых камней укладывались на песок без траншеи, для связки камней, начиная со второго ряда, вместо раствора использовалась глина. Иногда в XVIII в. при строительстве храмов под фундамент вколачивались деревянные сваи для укрепления грунта, но установить, при-

Рис. 2. Церковь Воскресения Господня. 2017.
Фундамент. Вид с юга

Рис. 5. Церковь Воскресения Господня. 2017.
Фундаментная кладка центральной части стены

Рис. 3. Церковь Воскресения Господня. 2017.
Фундамент. Вид с запада

Рис. 4. Церковь Воскресения Господня. 2017.
Фундаментная кладка западной стены

менялись ли какие-то субструкции из дерева при сооружении фундамента Воскресенского собора, пока не представляется возможным. Выброс грунта из траншей использовался в качестве подсыпки поверхности внутри и снаружи храма. Хорошо видна разница основного фундамента храма, по-

строенного очень добротно, и основания колокольни, намеченной очень «схематично», где камни уложены насухо, без раствора, что можно объяснить их неодновременным строительством.

Колокольня. В юго-западной части раскопа выявлено искусственное, заглублённое в песчаный материк сооружение (котлован), с севера и востока примыкающее к фундаменту, с юга и запада ограниченное бровкой. Скорее всего, его можно определить как полуподвальную часть колокольни. В границы раскопа вошёл её небольшой участок площадью около 8 кв. м (2,5 × 3 м). Как показала расчистка заполнения подземной части колокольни, стены и дно сооружения были полностью обложены/укреплены одним рядом необработанных камней средней величины (0,2–0,4 × 0,15–0,2 м). Стены не были вертикальными, а покато спускались вниз. Относительно ровная каменная выкладка пола находилась на уровне 1,60–1,67 м от современной дневной поверхности или 1,2 м ниже верхнего уровня фундамента, что относительно неглубоко. Возможно, незначительная глубина полуподвальной части колокольни подразумевает преимущественно её дренажную функцию. Уровень грунтовых вод в этом месте города подходит близко к поверхности и в процессе раскопок приходилось удалять поступающую воду. Весь объём подвального помещения засыпан остатками разрушенных стен церкви (рис. 6).

Погребения. Обычно к стенам храма с внешней стороны примыкают «престижные» участки прицерковного кладбища, но в северо-западной части раскопа сохранившиеся погребения не выявлены: следы от надгробных сооружений, ям, гробов отсутствовали, единичные человеческие кости были фрагментированы и располагались в культурном слое без видимой системы. Вероятно, в начале XIX в. в Петрозаводске уже строго соблюдались

Рис. 6. Церковь Воскресения Господня. 2017. Подвал колокольни. Вид с юга

законы 1723 и 1771 гг. «о незахоронении умерших в городах при церквях» (Указ от 23 октября, 1830. С. 130; Указ от 24 декабря, 1830. С. 409)

Однако, в центральной части раскопа, внутри фундамента открыто и расчищено два ненарушенных индивидуальных грунтовых погребения, которые были совершены до строительства собора. Показательно, что это захоронения детей и, вероятно, они относятся к начальному периоду возникновения Петровской слободы – первой трети XVIII в. и из-за их малочисленности могут рассматриваться как периферия кладбища около Святодуховской церкви.

Контуры могильных ям прослеживались в почве по более тёмной цветности песка – тёмно-жёлтый песок на общем жёлтом фоне материковой поверхности, а погребения исключительно по древесному тлену от колод, в которые помещены тела и отличному цвету заполнения. Могилы располагаются приблизительно на одной глубине (0,95–1,05 м), параллельны друг к другу и с направлением длинной оси фундамента церкви – юго-запад–северо-восток. Погребение младенца частично «уходит» под фундамент. Берестяного покрытия, ритуальной обуви и находок нет. По структуре древесины гробовины погребения 2 можно определить, что использована хвойная порода (ель?), с большим количеством сучков. В первом погребении костные останки не сохранились, но по величине гробовины предположим, что младенцу не больше трёх месяцев. Во втором погребении уцелели три фрагмента теменных костей черепа и одиннадцать молочных зубов (моляры, резцы): ребёнку не более четырёх лет.³

³ Определение И. Г. Широкова (Отдел антропологии МАЭ РАН).

Из образца древесины из стенки гробовины 2 получена дата 270 ± 25 BP – 1625–1628 calAD (SPb-2416). Эта информация противоречит дате основания Петровской слободы в 1703 г. и сведениям, что по письменным источникам ранее в этом месте поселение с кладбищем отсутствует. Возможно, удревнение даты связано с тем, что образец был взят из центральной части ствола дерева (Зазовская, 2016. С. 153–161).

Находки

Коллекция вещевого материала, полученная из раскопа, небольшая – 1775 экз., в среднем 24,6 шт. на 1 кв. м. Большую часть коллекции составляют малоинформативные предметы XX в. (около 1350 шт.) (75 % от общего количества находок). Это оконное и тарное стекло, гвозди фабричного производства, остатки железной кровли и т.п. Они хорошо дополняют датирующий потенциал нумизматических находок в уточнении хронологии и периодизации раскопа. По вертикали в слое они в основном находились на глубине 0,2–0,6 м. Отметим, что в верхней части культурного слоя единично встречаются и «ранние» находки в переотложенном состоянии, среди которых явно датирующие вещи отсутствуют (кроме монет).

Территория около церкви в XIX в. поддерживалась в относительном «порядке»: строительный и бытовой мусор практически отсутствует. Закономерно, что для вещевого материала из раскопок культовых зданий в коллекции нет массовых категорий вещей, связанных с традиционным домашним хозяйством (кухонная керамика, бытовая утварь и инвентарь). Анализ распространения находок на исследованном участке 2017 г., на наш взгляд, малопродуктивен, так как в процессе сноса здания церкви, последующего неоднократного нивелирования и благоустройства поверхности перемещение находок в слое было значительным.

В первой половине XVIII в. данный участок Петровзаводской слободы находился в стороне от основного центра жизнедеятельности поселения, и потому формирование культурного слоя было здесь относительно незначительным. Например, на ближайшем (80 м к юго-востоку) раскопе 1996–1997 гг. плотность находок была в два раза больше (54 шт. на 1 кв. м).

При раскопках церковей самые массовые находки – это железные строительно-крепежные гвозди (986 шт.). В первую очередь их можно разделить на проволочные фабричные (с прямоугольным и круглым сечением стержня) (527 шт.) и кованые. Рассмотрим только последнюю, более «древнюю»

группу гвоздей. Первично они делятся на фрагментированные (98) и целые экземпляры (370). Обычно на памятниках XVI–XVII вв. доля сохранившихся целых гвоздей в три-четыре раза меньше. Гвозди несут следы деформации и термического воздействия, имеют подквадратное или подпрямоугольное поперечное сечение стержня (0,4–0,6 × 0,4–0,7 см), плоскую расплюснутую шляпку в плане подпрямоугольной формы и плавное сужение по всей длине. Наиболее распространённая длина стержней кованых «гвоздей приборных» варьирует в пределах от 9,5 до 12,5 см («двоетёсы») (рис. 7). Небольшие фрагменты проржавевшего кровельного железа (235 шт.) встречались преимущественно в заполнении подвальной части колокольни на уровне 0,2–0,5 и 0,8–0,9 м. Близость к железодельному заводу иллюстрируют находки небольших кусочков стекловидного шлака аспидно-серого цвета (16 экз.).

Находок керамики очень немного, и датируются они концом XIX – началом XX в. Это поливная керамика (12 экз.): мелкие фрагменты от одного сосуда с поливой коричнево-зелёного цвета, нанесённой частично по внешней и полностью по

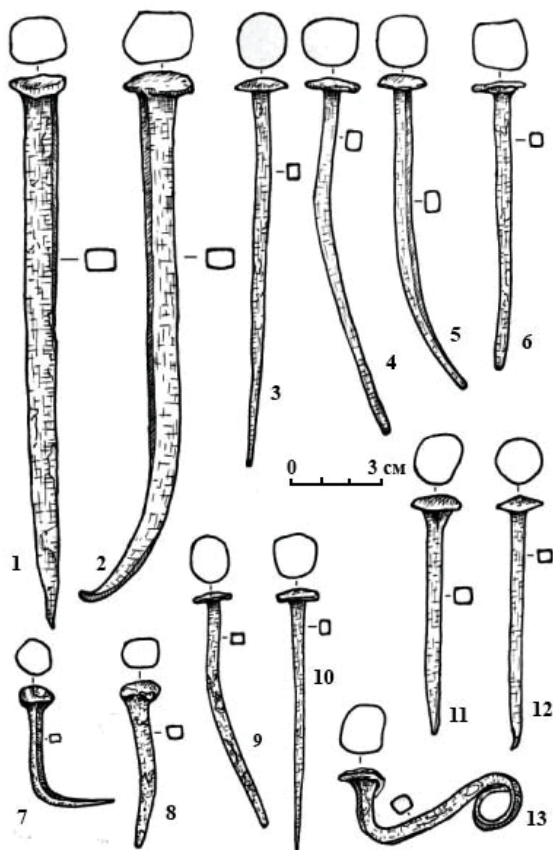

Рис. 7. Церковь Воскресения Господня. 2017.
Гвозди кованые

внутренней стороне, и два маленьких фрагмента тонкостенной серожгущейся керамики.

Ещё один вид массовых археологических находок – это осколки стеклянных изделий. В 2017 г. ни одного целого предмета из стекла не найдено. Осколки прозрачного оконного стекла (84 шт.) толщиной 2 и 5 мм преимущественно относятся к XX в., и только 13 шт., светло-зелёного цвета с характерной «радужной» цветностью, – ко второй половине XVIII – первой половине XIX в. Среди небольшого количества бутылочного боя (112 шт.) только два осколка можно рассматривать как произведённые во второй половине XVIII в., остальные – это остатки различной ёмкости винных и пивных бутылей зелёного, коричневого и прозрачного стекла второй половины XIX – XX в.: коническое горло, цилиндрическое тулово, часто сильно вогнутое дно.

Фарфоровая и фаянсовая посуда бытового назначения представлена мелкими фрагментированными осколками бортиков и дна глубоких тарелок, блюдец и чашек (91 экз.). Из них 11 экз. декорированы на внешней стороне края венчика ручной подглазурной росписью полицветными стилизованными растительными и линейными рисунками на белом фоне. Фаянс тонкий, легкий, хорошего качества, без трещин на глазури. Осколки с маркировкой в основном отсутствуют; есть только два фрагмента с неясными логотипами производителя 1920–1930-х гг. С большой долей вероятности производство данной фаянсовой посуды можно отнести к предприятиям, которые находились на территории России (Салтыков, 1952).

Существование в церкви четырёх печей, облицованных гладкими изразцами, подтверждают находки фрагментов румпы – коробчатого выступа на задней стороне изразца, предназначенного для его закрепления в кладке печи или стены (6 экз.), и осколков плиток с покрытием белой глазурью (7 экз.).

Песчаный грунт не способствует консервации органических остатков, возможно, поэтому изделия из кожи, дерева, кости отсутствуют. Небольшое число разрозненных фрагментов костей (9 шт.), вероятно, происходят из разрушенных при строительстве церкви погребений.

В группу индивидуальных находок выделено 26 предметов.

Монеты. В центральной части раскопа, преимущественно в месте, где находилась свечная лавка, найдены семь мелких монет: пять «царских» и две

«советских». На большинстве хорошо определяется номинал и дата чеканки. Самый большой и ранний блок (4 шт.) – это медные монеты номиналом в две копейки 1812 г., почему-то наиболее часто встречаемые при раскопках церквей в Карелии и Кольском полуострове (Шахнович, 2012; 2013). Есть ещё 1 коп. 1812 г., 2 коп. 1924 г. и 20 коп. серебром 1923 г. Таким образом, нумизматические находки подтверждают период существования каменной церкви – 1800–1924 гг.

К интересным находкам, связанным с убранством и функционированием храма, следует отнести небольшую многогранную прозрачную подвеску от хрустальной люстры с проволочным креплением на двух концах (2 × 1,3 × 0,9 см) (рис. 8: 12), медную петельку от шкатулки (2,1 × 1,7 × 0,2 см) (рис. 8: 14), медную пластину (9 ×

1 × 0,1 см) (рис. 8: 3), яйцевидной формы, массивную медную стационарную накладную ручку для двери (12 × 5,1 × 3 см) (рис. 8: 1), с сохранившимся крепежным гвоздём, S-образной формы медное звено от цепочки (рис. 8: 8), деформированный фрагмент медного оклада иконы, штампованную декоративную медную накладку для мебели (рис. 8: 5), фрагмент серебряного оклада иконы (нимб?). Отдельно нужно упомянуть небольшой фрагмент нижней части колокола (5,5 × 5,8 × 2,7 см, 480 г) с тремя сохранившимися буквами рельефной надписи кириллической вязью «ЕЛЕ», найденный в заполнении подвальной части колокольни (рис. 8: 4). К осколкам от лампадок можно отнести четыре маленьких фрагмента прозрачного стекла (толщиной 2 мм): три розового цвета и один тёмно-синего (персидский синий).

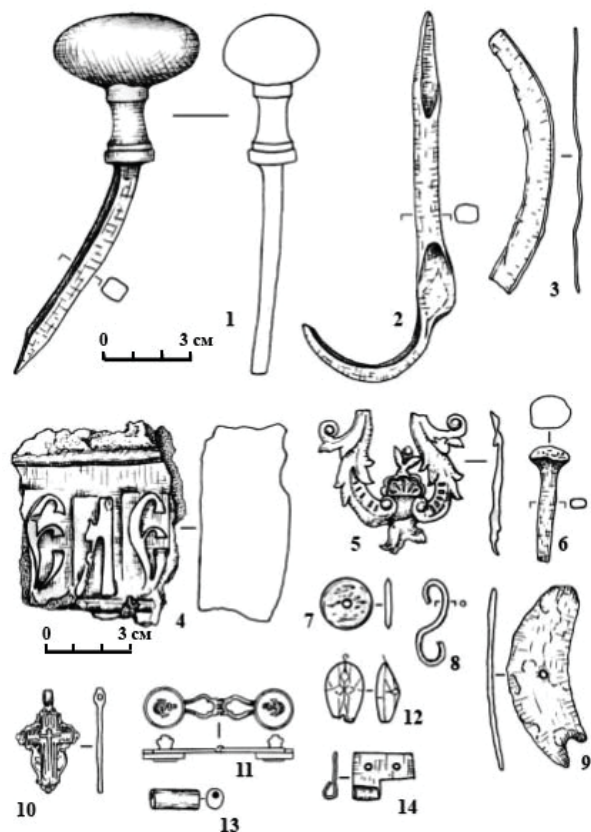

Рис. 8. Церковь Воскресения Господня. 2017. Находки:

- 1 – ручка дверная, медь; 2 – крюк, железо;
3 – пластина, медь; 4 – фрагмент колокола, медь;
5 – накладка декоративная, медь; 6 – гвоздь из гробовины, железо; 7 – пуговица, кость; 8 – крючок, медь; 9 – подковка обувная, железо; 10 – крест нательный, медь; 11 – застёжка, медь, перламутр;
12 – подвеска от люстры, стекло; 13 – фрагмент мундштука курительной трубки, керамика;
14 – петля от шкатулки, медь

Медный нательный крестик небольшого размера (3,7 × 2,3 × 0,3 см) листовидной формы происходит, вероятно, из разрушенного погребения. Кресты данного типа, так называемые детские, были массовыми изделиями в XVIII–XIX вв. и хорошо известны среди находок мелкой медной пластики Северной и Центральной России (Винокурова, 1999), поэтому, несмотря на некоторую затёртость предмета, можно сделать его описание. Литой, четырёхконечный, оглавие в виде уплощённой бусины. Изображения рельефные и типовые: на лицевой стороне в центре рельефный восьмиконечный Голгофский крест с тростью и копием, над ним неясная монограмма. На оборотной стороне всё поле заполнено нечитаемым текстом молитвы. Концы и углы средокрестия украшены орнаментальными растительными завитками. В нижней части креста с двух сторон сохранились остатки светлой эмали (рис. 8: 10).

Несколько в стороне от этого блока «церковных» находок стоит декоративная костюмная застёжка (в развернутом положении размерами 5,3 × 1,4 × 0,3 см) из медного сплава с двумя круглыми вставками из перламутра, в центре которых приклеены миниатюрные медные якорьки. Точное назначение и датировка этой вещи пока не ясны (рис. 8: 11).

В раскопе найдены три дисковидных пуговицы. Одна от верхней одежды (кофта?), декоративная, из стекла, с сохранившейся металлической петелькой на оборотной стороне (диаметр 2,2 см), одна пластмассовая (диаметр 1,4 см), от нижнего белья, с четырьмя отверстиями и ободком на одной стороне и одна костяная (диаметр 1,8 см), с одним отверстием в центре (рис. 8: 7). Последнюю пуговицу по аналогии можно датировать началом XIX в. (Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б., 2015. С. 536–538), остальные две – XX в.

Отдельно остановимся на находке маленького фрагмента мундштука курительной трубки (1,7 × 0,7 см). Белоглиняные курительные трубки западноевропейского производства – это выразительный блок находок «городской» археологии XVII–XVIII вв. При археологических исследованиях в России они массово встречаются в основном в культурном слое пограничных и портовых северных городов (Санкт-Петербург, Архангельск, Выборг, Псков, Новгород, Ивангород, Петрозаводск) (Зарубян, 1997; Петрова, 2000). Как определённая статусная вещь, они маркируют зоны расселения определённых городских слоёв российского общества (дворянство, чиновники, военные, иностранцы из Северной Европы, матросы) (Татауров, 2014. С. 294–299). Импортные трубки изготовлены из беложгущейся глины серого цвета. Характерный жёлтый оттенок, который мы можем наблюдать на нашем экземпляре, считался браком и некоторым признаком российского производства, не имеющего в Центральной России глины необходимого качества (Полюлях, 2013. С. 296–300). В контексте работ 2017 г. данная находка маркирует непотревоженный слой XVIII в. на уровне 0,55 м (рис. 8: 13).

К находкам с неопределённой датировкой относятся в основном сильно коррозированные предметы из железа: однолезвийный нож с остатками гарды (13 × 2 × 0,5 см), крючок вешалки, проушина от котла, куски сковороды и котла, фрагменты строительного крепежа, рыболовный крючок (4,9 × 1,7 × 0,1 см) с прямым и длинным цевьём и сохранившимся жалом и лопаточкой для подвешивания, железная обувная подковка дугообразной формы с тремя гвоздевыми отверстиями (6,1 × 2,3 × 0,3 см) (Векслер и др., 1997), а также половинка незамкнутого медного перстня, круглая в плане пробка с вертикальной огранкой по окружности от стеклянного парфюмерного флакона, стеклянная бусина зелёного цвета (диаметр 0,9 см) со сквозным отверстием.

Относительную близость к неолитическим поселениям отмечают несколько находок, которые можно соотнести с каменным веком: сланцевый кусок со шлифовкой (6,7 × 2,7 × 2 см), вероятно, часть заготовки для «рубящего» орудия, отщеп кварца, галька диабаз (10,6 × 6,6 × 3,3 см) с аккуратным отверстием в начальной стадии сверления (диаметр 2,4 см) и одноплощадочный лидитовый нуклеус.

По окончании работ проведена сезонная консервация фундамента. Основная её задача – уберечь объект от переувлажнения во время осенних дождей и предотвратить его возможное последующее

морозобойное разрушение в осенне-зимний период. Для экспонирования фундамента в тёплый период года, по проекту архитектора А. П. Гречкина, осуществлена первичная музеефикация выявленных остатков фундамента церкви.

Результаты проведённых в 2017 г. археологических исследований и выводы

Получены первые сведения о характере и состоянии культурного слоя XVIII–XIX вв. в западной части ОАН «Петровская слобода». Анализ стратиграфии и находок на исследованном участке ОАН позволяет сделать вывод о том, что культурный слой преимущественно представлен отложениями XIX–XX вв., но непотревоженный культурный слой XVIII в., предшествующий каменной церкви, также присутствует.

Как отдельное знаковое событие надо рассматривать факт того, что найден фундамент Воскресенского собора, получены первичные сведения о его фактическом натурном расположении и конструктивных особенностях. Выявление западной границы здания даёт возможность уточнить информацию о горизонтальных размерах постройки и позволяет точно определить его границы на местности. Это крайне важно, поскольку даже при наличии архивных документов о результатах обмеров определение точных габаритов – серьёзная проблема, которая постоянно возникает перед исследователями исторических памятников архитектуры. В настоящее время Воскресенская церковь – единственный приходской храм в Петрозаводске, изученный относительно полно археологическими работами.

Сейчас фундамент законсервирован с перспективой дальнейшей музеефикации, что дало бы возможность восстановления в виде объектов музейного показа части утраченных в 1920–1930-х гг. архитектурных сооружений в историческом центре города. Работа по реконструкции самобытного облика Петрозаводска очень актуальна и вскрытые монументальные остатки фундамента церкви могут дополнить комплекс сохранившихся зданий XIX в. на Соборной площади.

В границы небольшого по площади раскопа 2017 г. не вошли остатки часовни преподобного Фаддея и не выявлены какие-либо предшествующие каменному храму сооружения. Пока результаты наших работ не подтверждают существующее в историографии предположение, основанное на «Чертеже Петровских заводов строений» полковника М. Виттвера (1717–1720 гг.?), о нахождении в этом месте северного участка оборонительной линии

деревоземляной фортеции. Возможно, она располагалась западнее каменной церкви.

Работы 2017 г. можно рассматривать как начальный и, несомненно, положительный этап изучения Соборной площади г. Петрозаводска. Раскопки церкви Воскресения Христова позволяют полнее представить одну из страниц официального русского градостроительного искусства в Карелии. Несомненно, археологические изыскания в целом на площади и конкретно Воскресенской церкви необходимо продолжить.

Источники и литература

- Брюсов А. Я., 2011. Отчёт об археологических работах в Карело-Финской ССР, произведённых осенью 1946 г. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 6.
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А. Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. 1997. № 3.
- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М.
- Жульников А. М., Спиридонов А. М., 2003. Древности Петрозаводска. Петрозаводск.
- Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (32).
- Зарубян Н. М., 1997. Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2.
- Мулло И. М., 1981. Петровская слобода. Петрозаводск.
- Салтыков А. Б., 1952. Русская керамика XVIII – начала XX вв. М.
- Сорокина Т. В., Генделев Д. З., 1999. Соборы Петрозаводска. Петрозаводск.
- Пашков А. М., 1999. Петропавловская церковь в Петрозаводске по описанию 1858 года // Народное зодчество. Петрозаводск.
- Петрова Л. Н., 2000. Глиняные курительные трубки // Страницы Выборгской истории. Краеведческие чтения. Выборг.
- Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. В трёх книгах / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. Кн. 1: 1703–1802.
- Полюях А. А., 2013. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова // Археология Подмосквья. М.
- Татауров Ф. С., 2014. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск. Т. 1.
- Указ от 23 октября 1723 года «О не погребении мёртвых кроме знатных персон, внутри городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквям за город» // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4322. СПб. 1830.
- Указ от 24 декабря 1771 года «О сношении губернаторов и воевод с духовными правительствами по отводу мест для кладбищ и построения церквей» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX. № 3724. СПб. 1830.
- Шахнович М. М., 2006. Археологические изыскания на Круглой площади и в ПКЮ г. Петрозаводска в 2002 и 2004 гг. // Державинский сборник – 2006. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., 2012. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Четвёртые Феодоритовские чтения / Север и история. СПб.
- Шахнович М. М., 2013. Археологическое обследование Благовещенской церкви Ионо-Яшезерского монастыря в 2012 году // Православие в вепском крае. Петрозаводск.
- Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б., 2015. Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино // Археология Подмосквья. М. Вып. 11.

Археологические исследования в регионах России

Новый мезолитический могильник в Вологодской области Усть-Колпь 11¹

Н. В. Косорукова, Т. Р. Садыков²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-91-96

Открытие и исследование комплекса памятников Усть-Колпь на территории Кадуйского района Вологодской области (рис. 1) связано, в основном, с охранными работами, проводившимися перед строительством Северо-Европейского газопровода и ЛЭП ПС Белозерская – ПС Ленинградская в 2004–2017 гг. Довольно крупная и порожистая, длиной более 200 км, р. Колпь протекает по территории Вологодской и Ленинградской областей и впадает в р. Суду (рис. 2); последняя, в свою очередь, ранее впадала в р. Шексну (приток Верхней Волги), ныне впадает в Рыбинское водохранилище. Памятники Усть-Колпь 1–11 относятся к эпохам от мезолита до раннего железного века.

Непосредственно в устье Колпи или довольно близко к нему находятся памятники Усть-Колпь 1–6, 9–11 (рис. 3), памятники Усть-Колпь 7, 8 находятся на расстоянии 3,5 км от устья Колпи на берегах р. Суды. Наиболее крупным в данном комплексе является мезолитический памятник Усть-Колпь 1; к эпохе мезолита относятся также стоянки Усть-Колпь 2, 4, 10 и открытый в этом году могильник Усть-Колпь 11. Не исключено наличие материалов данного времени и на памятнике Усть-Колпь 9.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: tim.sadykov@gmail.com.

В настоящее время в бассейне р. Шексны известно более 30 мезолитических памятников, 16 из которых обследовано раскопками. Памятники, в основном, суходольные, расположены на минеральных грунтах, на большинстве из них находки залегают в песке. Мезолитические памятники в бассейне р. Шексны различаются по характеру каменной индустрии и были подразделены на два основных типа: стоянки типа Лотовой Горы с высокопластинчатой индустрией, основанной на неместном сырье хорошего качества, и стоянки типа Андозеро-М с отщепово-пластинчатой индустрией, основанной на местном низкокачественном галечном кремневом сырье (Косорукова, 1997; 2000). Есть и некоторые другие варианты индустрий, как, например, стоянка Лиственка 8, которую нельзя отнести окончательно ни к одному из типов. Наиболее многочисленны памятники типа Андозеро-М, которые датируются средним и поздним мезолитом. Стоянки типа Лотовой Горы, пока еще немногочисленные, относятся к эпохе раннего мезолита и представляют наибольший интерес. Развитие каменной индустрии в эпоху мезолита, по-видимому, связано с постепенным переходом населения от использования кремня хорошего качества к местному сырью, что было причиной изменения характера индустрии от пластинчатой к отщепово-пластинчатой.

Некоторые памятники дают возможность проследить такой переход. Это, прежде всего, стоянки Лиственка 3А, 3Б, 3В, расположенные в верхнем течении р. Колпь на небольшом отрезке боровой террасы довольно близко друг к другу. Также данный процесс фиксируется по материалам памятника Усть-Колпь 1, который, в целом, имеет большое сходство со стоянкой Лотова Гора.

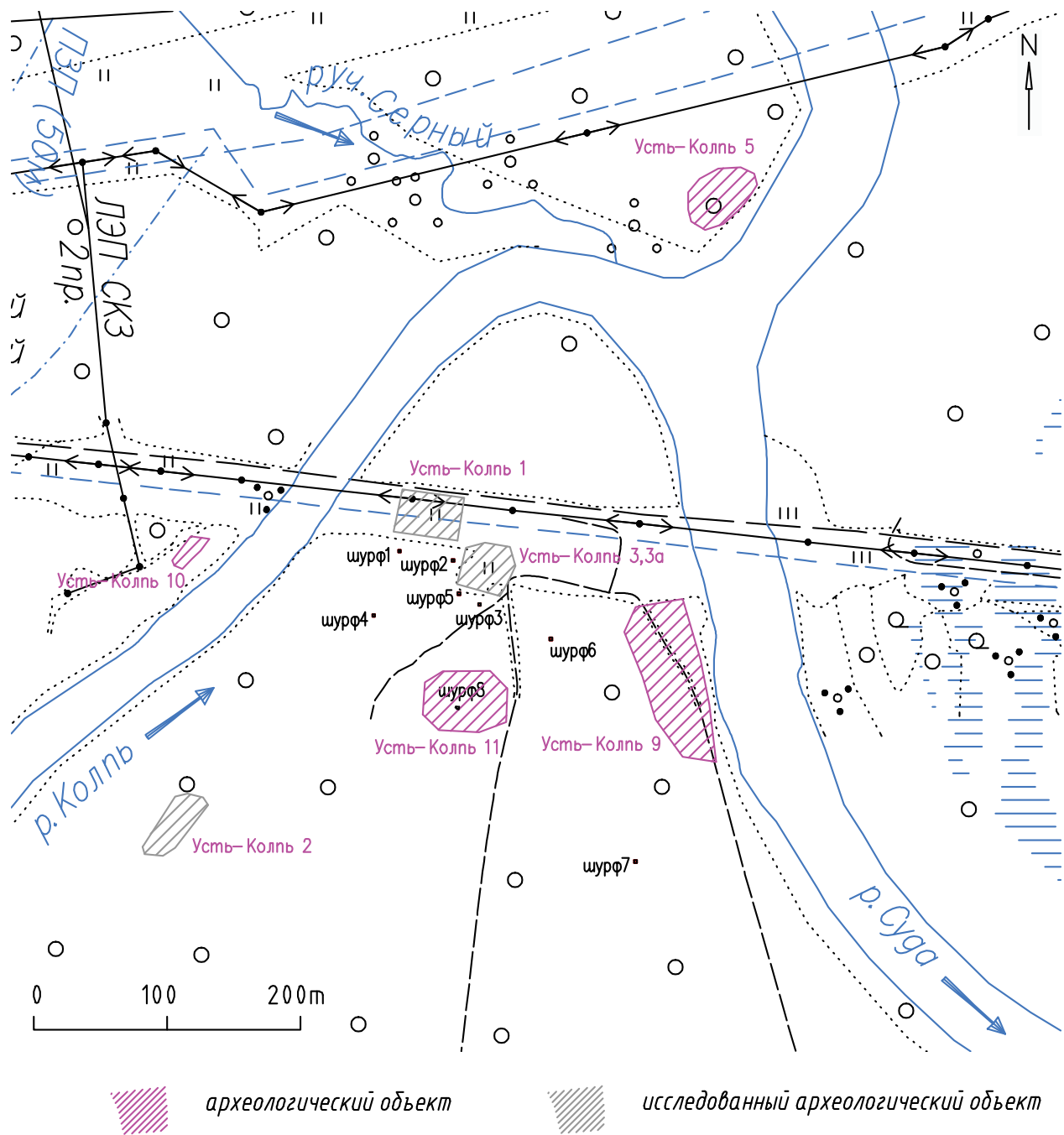

Рис. 3. Памятники Усть-Коль 1, 2, 3, 3а, 5, 9, 10, 11 и расположение заложенных шурфов

Стоянка Усть-Коль 1 находится в основном бору на правом берегу р. Колпь, 200 м выше по течению от устья, на краевом участке надпойменной террасы высотой около 6 м над уровнем воды, удаленном на расстояние 30 м от современного берега реки, рядом с мысовым участком террасы. Памятник открыт в 2004 г. Н. В. Косоруковой, в 2005–2006 гг. ею же проведены раскопки на площади 1558 кв. м. Находки залегают под дерном в серой супеси и, в основном, в желтом песке до глубины 0,3–0,4 м от

поверхности. Цветовая окраска слоя практически не выявлялась, следы построек или сооружений также не были выявлены, но можно отметить наличие отдельных более насыщенных находками участков, микроскоплением расщепленного кремня и кальцинированных костей. В отдельных случаях на таких участках песок имел красноватую окраску. Данные участки имели небольшую площадь и представляли собой подовальные пятна размерами в плане, в среднем, 0,8–1,5 × 0,5–0,8 м, толщина

которых не превышала 1,5–2 см. Во многих местах на фоне песка были зафиксированы серые и темно-серые пятна, иногда с углем, большинство которых имеет, по-видимому, позднее происхождение. Данные пятна представляют собой следы костров и сгоревших деревьев, за исключением некоторых пятен, перекрытых сверху слоем желтого песка.

Коллекция каменного инвентаря включает более 4000 индивидуальных находок (изделия с вторичной обработкой, нуклеусы, пластины, определимые сколы) и более 5000 массовых (отщепы, чешуйки, обломки, сколы), также найдено несколько тысяч мелких обломков кальцинированных костей. Каменный инвентарь представлен, в основном, изделиями из неместного кремня хорошего качества, белого, светло-желтого, сиреневого, красноватого, темно-серого цветов, и единичными предметами из местного кремня и сланца. Помимо использования высококачественного кремневого сырья, в каменном инвентаре памятника Усть-Колпь 1 выявлены и другие параллели материалам стоянки Лотовой Горы: наличие выразительной серии конусовидных с замкнутым и не замкнутым скалыванием и карандашевидных нуклеусов, предназначенных для получения правильных микропластин, приемы подправки нуклеусов, общая высокая пластинчатость комплекса, наличие большого количества пластин и в том числе микропластин, наконечников стрел на пластинах с минимальной подработкой ретушью острия и насада, серии вкладышей из микропластин, в том числе с притупленным краем.

В то же время в инвентаре памятника Усть-Колпь 1 выявлены и некоторые отличия от материалов Лотовой Горы, сближающие его с памятниками типа Андозеро-М. Так, на стоянке Усть-Колпь 1 найдены единичные изделия из сланца, в том числе шлифованная плитка с просверленным отверстием, более многочисленны орудия из отщепов, среди изделий со вторичной обработкой преобладают скребки (в Лотовой Горе – пластины с ретушью), среди нуклеусов многочисленны аморфные и встречены торцовые, которые характерны для памятников типа Андозеро-М, в том числе один торцовый нуклеус сделан из местного (предположительно) кремня. Данные черты, по-видимому, свидетельствуют о несколько более позднем возрасте памятника Усть-Колпь 1 по сравнению с Лотовой Горой, сопоставимом с хронологией памятника Лиственка ЗБ, в кремневом инвентаре которого наблюдаются примерно такие же отличия от Лотовой Горы. Предположительно, памятник Усть-Колпь 1 относится к финалу раннего мезолита. По времени его можно сопоставить также с памятником Пулли на территории Эстонии, причем

свидетельством их одновременности может служить наконечник стрелы из черного кремня пуллийского типа, найденный на стоянке Усть-Колпь 1. Также в числе параллелей можно привести памятники Парчевской культуры в бассейне р. Вычегды, стоянка Бутово 1 на Верхней Волге. Все эти памятники относятся к одному хронологическому срезу и, несомненно, отражают культурное единство и сходство.

В 300 м выше по течению реки от стоянки Усть-Колпь 1 находится памятник Усть-Колпь 2, который расположен на небольшом в плане ледниковом холме, на краю бортовой террасы, высота над уровнем заболоченной поймы составляет около 10 м, расстояние до современного берега реки – около 130 м. Между краем берега и надпойменной террасой находятся пойма реки и старица.

Памятник открыт в 2004 г., в 2017 г. проведены раскопки на площади 276 кв. м. Стратиграфия такая же, как на памятнике Усть-Колпь 1. Находки встречены не по всей площади раскопа, можно выделить несколько небольших скоплений. Слой на памятнике оказался слабо насыщен, в отличие от стоянки Усть-Колпь 1. Находки представлены изделиями из кремня светло-сиреневого, белого и красноватого цветов, также встречены единичные артефакты из черного и серого кремня. Преобладает кремень хорошего качества. Для кремневого инвентаря характерна микролитонность, очень малые размеры артефактов. Общее количество находок составило всего 302 экз., в том числе на отщепы, чешуйки и обломки кремня приходится 191 экз., все остальное – это пластинки и их обломки, включая пластинки со следами использования и мелкой ретушью, единичные скребки и резцы. Кроме кремневого инвентаря найдено два небольших обломка кальцинированных костей.

Представляется, что памятники Усть-Колпь 1 и 2 связаны между собой, поскольку найденный на обоих памятниках кремень одинакового качества, неместный. Судя по тому, что на памятнике Усть-Колпь 2 найдены, главным образом, пластинки, отщепы и чешуйки, можно предположить, что здесь осуществлялось расщепление кремня, что это была небольшая рабочая площадка-мастерская, и кремневые изделия были оставлены здесь населением стоянки Усть-Колпь 1.

В октябре 2017 г. в районе комплекса памятников Усть-Колпь проводились археологические разведки ИИМК РАН. Была заложена серия шурфов (рис. 3), найден новый археологический памятник – могильник Усть-Колпь 11. Шурф, подтвердивший

существование памятника (на рис. 3 обозначен, как шурф 8), расположен в ста метрах к югу от памятника Усть-Коль 3, на возвышенности (рис. 4). Под маломощными (до 0,05 м) слоями мха, дерна и подзола залегает материковый желтый песок, в котором зафиксирована яма с охристым заполнением (рис. 5), по всей видимости, погребальная.

Рис. 4. Усть-Коль 11. Шурф до начала работ. Вид с юго-востока

В соответствии с правилами ОПИ ИА РАН шурф был расширен и яма открыта полностью (рис. 6; 7). Яма выбрана сначала наполовину, зафиксирован разрез, после чего выбрана полностью (рис. 8). План и разрез погребения представлены на рис. 9. В процессе расчистки на дне ямы зафиксирована кремневая пластина (рис. 10). По окончании работ шурф рекультивирован.

Открытый грунтовый могильник относится к той же культуре мезолитического времени, что и изученные стоянки на этом же мысу. Кости погребенных в такой почве обычно не сохраняются. Площадь памятника определена на основе топографических признаков и предположительно составляет две с половиной тысячи квадратных метров. Могильник, по всей видимости, занимает вершину небольшого холма.

Рис. 5. Усть-Коль 11. Шурф. Яма, уходящая в стенку. Вид с запада

Рис. 7. Усть-Коль 11. Шурф. Яма. Зачистка по материковому уровню. Вид с юго-запада

Рис. 6. Усть-Коль 11. Шурф. Яма. Зачистка по материковому уровню. Вид с юго-востока

Рис. 8. Усть-Коль 11. Шурф. Зачистка по материковому уровню. Вид с юго-востока

Источники и литература

Косорукова Н. В., 1997. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Косорукова Н. В., 2000. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. 1.

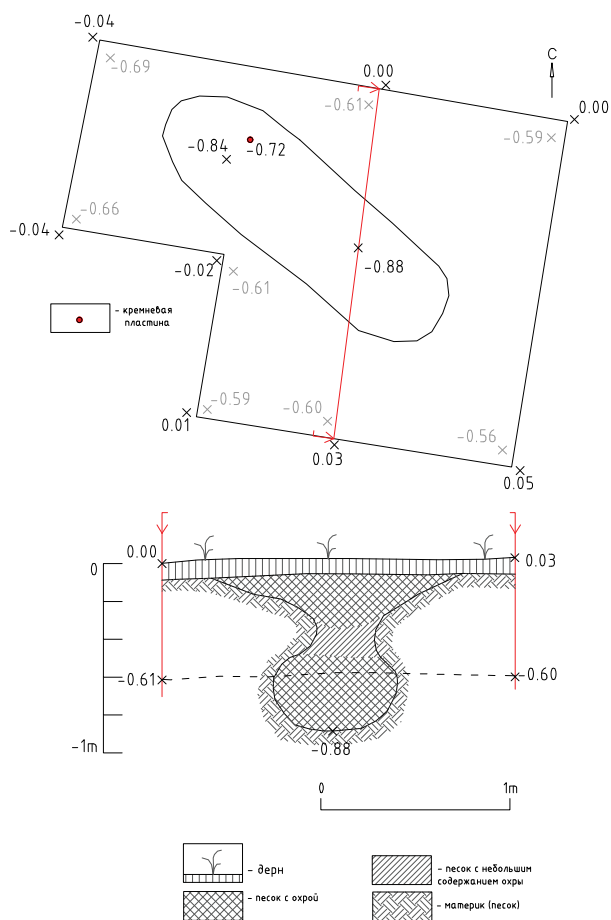

Рис. 9. Усть-Коль 11. Шурф. План и разрез

Усть-Коль 11

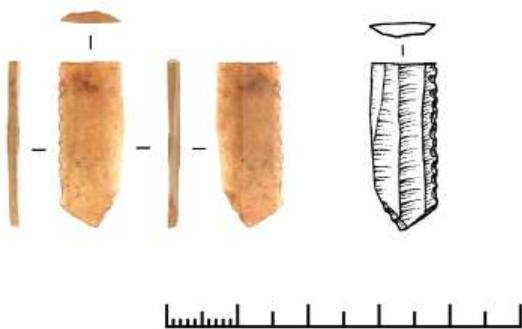

Рис. 10. Усть-Коль 11. Кремневая пластина

Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.)¹

В. Л. Мыц, С. Л. Соловьев²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-97-122

Целенаправленное изучение средневековых древностей Таманского полуострова было начато в 30-е гг. XX в. экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера³ (1931; 1932; Иессен, Миллер, 1932). Тогда же особое внимание стали уделяться картографированию открытых в ходе археологических разведок памятников. К настоящему времени на Тамани открыто и частично исследовано более 80 поселений (Паромов, 1992а; 1992б; 2003). Несмотря на то, что за последние десятилетия изучен значительный по объёму и информативности материал, исследователями продолжают дискуссии относительно его интерпретации (Слядзь, 2014; Степаненко, 2015; Володихин, 2016; Еманов, 2016). Особенно это касается сложной и драматичной средневековой истории Таманского полуострова, находившегося в VI–XVIII вв. во власти Византийской империи, Хазарского каганата, русского Тмутараканского княжества, Золотой Орды, Османской Порты.

В 2016 г. на территории Таманского полуострова осуществлялись археологические исследования трёх средневековых поселенческих комплексов: «Виноградный-12», «Вышестеблиевская-16» и «Выше-

стеблиевская-16а». Несмотря на то, что данные памятники выявлены относительно давно и частично исследованы, ни на одном из них не проводились сплошные раскопки большими площадями. Благодаря возможности осуществить детальное изучение открытых сельских средневековых поселений, удалось получить не только большой по объёму, но и информативный материал.

1. В ходе раскопок поселения «Виноградный-12» (рис. 1; 2) собран археологический материал, датированный в пределах VI–XVIII вв. Это свидетельствует о том, что данная территория использовалась населением Тамани на протяжении длительного времени. Однако нет оснований считать, что процесс заселения, освоения и эксплуатации носил непрерывный характер.

Самую многочисленную и представительную по своему составу группу артефактов с поселения «Виноградный-12» составляют амфоры. Они относятся к семи типам, бытовавшим в Причерноморье на протяжении VI–XIII вв. С ранневизантийским периодом (VI–VII вв.) связаны амфоры двух типов: тонкостенные сосуды с вытянутым корпусом и амфоры с перехватом и коническим дном.

Первый тип (рис. 3) представлен двумя фрагментами горла и венчика (Зеест, 1960. Табл. XXXIX, 99; Антонова и др., 1971; Brukner, 1981; Sazanov, 1997; Чхаидзе, 2012. С. 145, 146, рис.73). Принято считать, что данный тип амфор производился на острове Крит (Yngaraki, 2005. P. 503–521), откуда и поступал в Северное Причерноморье. Датировка бытования этих сосудов предлагается в широких пределах от конца V в. и на протяжении VI–VII вв. (Чхаидзе, 2012. С. 145, 146).

Второй тип представлен не только разрозненными фрагментами в культурном слое, но и одной

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

³ В результате проведённых работ было подготовлено четыре плана Таманского полуострова с обозначением на них памятников от эпохи бронзы до османского времени (Архив ИИМК РАН. Р-1. № 160. Инв. 1303–1306).

Рис. 1. Поселение Виноградное-12. Вид с севера

Рис. 2. Поселение Виноградный-12. Исследованный участок

Рис. 3. Поселение Виноградный-12. Горло амфоры.
Крит. Конец V – VII в.

полностью собранной и отреставрированной амфорой (рис. 4). Она имеет сильно вытянутый цилиндрический корпус (полная высота сосуда составляет 67 см, максимальный диаметр тулова – 18 см) с двумя перехватами (на высоте 19 и 28 см от уровня дна). Время бытования этого типа амфор ранее определялось в пределах IV–VII вв. (Якобсон, 1951. С. 329; Зеест, 1960. С. 121; Антонова и др., 1971. С. 33; Scorpan, 1977. P. 281), однако теперь оно сужено до второй–третьей четвертей VI – VII в. (Сазанов, 1991. С. 66; Sazanov, 1997. Tab. 1.11).

Ко времени финальной фазы хазарского господства на Тамани и Северо-Западном Кавказе относятся редкие находки фрагментов амфор «с овальным венчиком и отходящими от него ручками» (Чахидзе, 2012. С. 148, рис. 76–78). Местом производства таких амфор, вероятно, являлись мастерские Юго-Восточного Крыма, функционировавшие в основном в X в. Датировка этих сосудов, предлагаемая до сих пор некоторыми исследователями – VI – начало XI в., носит спорный характер. Наиболее вероятным временем их производства на территории Крыма и активного использования в Северо-Восточном Причерноморье можно считать рубеж IX–X – конец X в. При этом следует отметить, что крымские амфоры имитировали по форме константинопольские. Однако они за счёт другой по составу керамической массы были значительно тяжелее.

Рис. 4. Поселение Виноградный-12. Амфора второй–третьей четверти VI – VII в.

Наиболее многочисленной (66 фрагментированных изделий) является группа так называемых «воротничковых амфор» средневизантийского времени – X–XI вв. Сосуды этого типа имели высокое горло и массивный венчик, напоминающий отложной воротничок. Полностью удалось собрать и отреставрировать одну амфору (рис. 5). Это сосуд больших размеров: с ручками высота достигает 56,5 см, без ручек – 50,5 см, диаметр грушевидного тулова – 26 см. Поверхность покрыта белым ангобом. На поверхности амфоры нанесено четыре граффити: на горле в виде буквы «Т» (или тамги?), на ручке прочерчена вертикальная полоса, на ту-

лове – монограмма из четырёх греческих(?) букв «ΙΣΤΛ», овальный рисунок с непонятным знаком.

Судя по составу формовочной массы, «воротничковые амфоры» производились и поступали как минимум из трех-четырех центров. Основываясь на материалах раскопок в Константинополе, Дж. Хейс отнёс начало бытования этого типа амфор к первой половине X в., а финал – к началу XII в. (Hayes, 1992. P. 75). Наиболее полная подборка находок «воротничковых амфор» на памятниках Таманского полуострова сравнительно недавно выполнена В. Н. Чахидзе (2012. С. 161, 162, рис. 94).

Одной из особенностей амфор данного типа является то, что большинство из них имеют разнообразные граффити, нанесённые на сосуды острыми предметами во время их использования. Знаки наносились на поверхности ручек, горла, тулова. Ко-

личественно среди граффити преобладают буквы греческого алфавита в виде Δ, состыкованных вершинами, и одиночных литер Λ, Α, Ν, Κ, Π, Λ, Μ, Β, Ζ, а также фрагментированных надписей «SO...», «ΤΦΛΠ...», «ΔΠΥΛ...». При этом следует отметить, что подавляющее число граффити (около 300) не поддаются внятному определению ввиду своей фрагментарности. Однако среди них следует отметить наличие явно редких и интересных рисунков в форме графического изображения «креста на Голгофе», «вавиллона», «рыбы», крестов, пентаграммы, свастики и проч. Кроме того, на ручке одной амфоры глубоко прочерчена славянская буква «Б».

Особое внимание привлекает граффити с монограммой «ΤΦ», рельефно прочерченной на горловине красноглиняной амфоры, покрытой серым ангобом (рис. 6). Подобная монограмма хорошо известна на

Рис. 5. Поселение Виноградный-12. Амфора X–XI вв.

Рис. 6. Поселение Виноградный-12. Амфора X–XI вв. Граффити с монограммой «ΤΦ»

христианских памятниках Святой Земли, начиная с Гроба Господня и раскрывается как «Тафос» (Ταφος), что означает «Гроб [Господень]» или «Агиос Тафос» (Ο Άγιος Ταφος) – «Святой Гроб [Господень]». Важность данной находки состоит в том, что она обнаружена на амфоре второй половины X – XI в., которая, по-видимому, была изготовлена и привезена на Тамань из Палестины. Предположительно в сосуде содержалось оливковое масло. Важность доставки этого товара собственник (покупатель) отметил начертанием столь редкой (если не уникальной, так как подобные граффити до сих пор ни на Тамани, ни в Крыму не были известны) монограммы «ΤΦ» («Тафос»).

Византийские амфоры X–XI вв. с дуговидными ручками и грушевидным туловом представляют небольшую группу (11 фрагментов) в виде обломков стенок, ручек, верхней части корпуса и дна, имеют светло-красный плотный черепок с

равномерным обжигом, блёстками слюды и мелко-дисперсным (пылевидным) песком. Тулово покрыто волнообразным рифлением, имеет приземистую грушевидную форму, ручки овальные, дуговидные, с изгибом на уровне или выше венчика. Поверхность сосудов покрывалась белым ангобом. Все сосуды относятся к раннему типу, который обычно датируют IX–XI вв. (Коваль, 2010. С. 152, 153, рис. 52, 1). Однако ранняя фаза бытования подобных амфор (IX – первая половина X в.) не имеет убедительного обоснования.

К числу поздних византийских амфор XIII в. принадлежат плоскодонные сосуды с внутренней бугристой поверхностью. Помимо разрозненных фрагментов (в основном донных частей сосудов) удалось собрать и реставрировать одну практически целую амфору (рис. 7). Она сформована из плотной хорошо промешанной светло-красной глины с большой добавкой известковой крошки и бурых частиц, что придавало черепку пёстрый характер. Высота амфоры (венчик частично утрачен) 59 см, диаметр тулова – 36 см, диаметр массивного плоского дна – 20 см. Тулово бочковидное, гладкое, покрыто серо-белым ангобом. На основании одной из ручек процарапано граффити в виде «птичьей лапки» на П-образной подставке.

Рис. 7. Поселение Виноградный-12.
Позневизантийская амфора XIII в. Херсон

В своё время А. Л. Якобсоном было высказано предположение, что данный тип амфор генетически восходит к высокогорлым кувшинам с плоскими ручками X–XI вв. (Якобсон, 1979, С. 113, рис. 69, б, 7). Однако в ходе раскопок последних десятилетий не удалось получить подтверждающих это предположение фактов. Единственное, что можно утверждать относительно точно, так это то, что данный тип амфор производился в поздне-византийском Херсоне на рубеже XII–XIII вв. Финальной фазой их существования являются 70–90-е гг. XIII в., так как амфоры встречены в слоях тотальных пожаров Херсона, Эски-Кермена, Мангуа, Тепе-Кермена, Исар-Кая, Алустона, Сугдеи и др.

К относительно редкому типу плоскодонных амфор XII–XIII вв. принадлежат разрозненные обломки стенок и дна этого типа сосудов. Они изготовлены из глиняной массы, которая после обжига приобретала кирпично-красный или светло-коричневый цвет. Формовочная масса содержит включения в виде бурых и белых частиц, а также кварцевого песка. Днища сохранили следы зольной и песочной подсыпки. Формовались в технике ленточного налёпа с последующей подправкой на гончарном круге. Поверхность сосудов гладкая, в верхней части тулова по сырой глине нанесены редкие косые, волнистые или горизонтальные полосы. Диаметр тулова составляет 26–32 см, диаметр дна – 18 см.

Считается, что центром производства этого типа амфор в XII–XIII вв. являлся поздневизантийский Херсон. В небольшом количестве они встречаются в слоях пожаров последней трети XIII в. Херсона, Эски-Кермена, Тепе-Кермена, Исар-Кая и др. Их иногда ошибочно объединяют в один тип с херсонскими амфорами, имеющими внутреннюю бугристую поверхность, хотя они резко отличаются по технике изготовления и составу формовочной массы (Якобсон, 1979, С. 113, рис. 69, б–9; Антонова и др., 1971. С. 95, 96, рис. 27–30; Романчук и др., 1995. С. 83–88, табл. 46–50, 57–59; Коваль, 2010. С. 167, рис. 61, 2).

Относительно небольшую группу находок фрагментированных керамических изделий составляют обломки венчиков гладкостенных пифосов. Черепок светло-красный, плотный с включением кварцевого песка, бурых и белых частиц. Сосуды, вероятно, местного производства. Они относительно небольших размеров, диаметр венчиков достигает 30 см. В основании горла некоторых из них нанесены граффити в виде букв греческого алфавита: Δ, Ρ, Π.

Строительная керамика представлена обломками черепиц-керамид, которые делятся на две хронологические группы: X–XI вв. и XII–XIII вв. Ранняя черепица имеет ярко-красный черепок с включением белых и бурых частиц. Поверхность не покрывалась ангобом. Высота бортика 6–6,2 см, ширина 2,1 см, толщина поля 2,1–2,5 см. Данная черепица, по-видимому, производилась в местных мастерских Тамани. Среди ранней группы также имеются фрагменты, у которых черепок светло-красный с включением белых, бурых частиц и шамота. Высота бортика 4 см, ширина 2,5 см, толщина поля 2 см. Предположительным местом производства таких изделий являлись мастерские Юго-Восточного Крыма. Поздние черепицы-керамиды имеют плотный розовый черепок с большим включением белых частиц, отчего он приобретает пёстрый слоистый характер. Поверхность черепицы была покрыта слоем белого (с зеленоватым оттенком) ангоба. Подобная черепица производилась в XII–XIII вв. в мастерских Херсона, откуда она, очевидно, попадала и на Тамань.

Кухонная и столовая посуда из раскопок поселения представлена различными типами лепной, лощёной и гончарной керамики. Лепная керамика составляет наиболее многочисленную группу. По форме, орнаментации и характеру обработки поверхности сосуды относятся к четырём типам. К типу А относятся горшки с яйцевидным туловом. Они не орнаментированы. Их поверхность тщательно заглажена. Черепок в разломе серый или тёмно-серый с лагунами от сгоревшей органики. Сосуды типа Б имеют те же пропорции, формы и состав керамической массы, но от предыдущей группы отличаются наличием разнообразной орнаментации. Орнамент в большинстве случаев выполнен по сырой глине в виде вмятин по краю венчика или косых насечек. По поверхности тулова процарапаны бороздки, однорядная или многорядная волна, которая обычно помещается на плечах сосуда. Тип В по своей морфологии близок к двум предыдущим группам. Его особенностью является тщательное заглаживание влажной поверхности сосуда пучком травы. Орнамент выполнялся (пальцами, ногтями или заострённой палочкой) в виде прямых вертикальных насечек, которые располагаются в основании венчика или непосредственно на плечах сосуда. Насечки наносились как в один, так и в два-три ряда. Тип Г отличается от остальных разнообразием и пышностью помещаемого на сосудах орнамента. Например, по контуру венчика наносились пальцевые вдавления, что придавало краю горшка «зубчатый» характер. На верхней части тулова по сырой глине наносились волнообразные широкие линии, «растительные побеги», точки.

Иногда на тулове располагались налепные валики, орнаментированные косыми насечками.

Особую небольшую группу лепных сосудов составляют «кружки». Их особенностью является цилиндрическое тулово и петлевидная ручка, которая крепится либо непосредственно к вертикальному венчику, но чаще под венчиком. Ручки обычно плоские, реже – овальные в сечении. Черепок неравномерного обжига. Поверхность сосудов серо-жёлтая или оранжево-красная. В разломе глина комковатая с включением шамота, белых или бурых частиц.

Среди найденной на поселении лепной посуды выделяется группа сильно фрагментированных изделий, которые обычно интерпретируют как «сковороды» или «очажные подставки». У них рыхлый черепок со следами выгоревших органических добавок (рубленной соломы?), кварцевого песка и толчёных ракушек. Один из фрагментов имеет массивное плоское основание толщиной 6,1 см, на котором крепится вертикальный бортик высотой 7,8 см и толщиной 4,8 см.

Среди лепных изделий особо следует отметить полностью собранный и отреставрированный сосуд (рис. 8). Он имеет сильно вытянутое цилиндрическое

Рис. 8. Поселение Виноградный-12. Лепная маслобойка X–XIII вв.

кое тулово диаметром 15 см и длиной 55,4 см. Толщина стенок достигает 1,5 см. Венчик прямой в виде плавно закругляющегося валика, дно массивное. Черепок неравномерного обжига: на поверхности серо-жёлтый, в разломе тёмно-серый с включением кварцевого песка бурых и белых частиц. Судя по всему, данный сосуд использовался в качестве маслобойки.

Кухонная гончарная (или подправленная на гончарном круге) керамика немногочисленна. В разломе, как правило, имеет тёмно-серый или серый (с включением кварцевого песка и толчёной ракушки) цвет. Венчики горшков плавно отогнуты и иногда имеют кольцевые внутренние углубления для установки крышек. Один гончарный сосуд имел плотный серый черепок равномерного обжига с включением мелких бурых и белых частиц с широкой ровной площадкой венчика, напоминающего венчик пифоса или хума.

Оригинальную группу сосудов представляют изделия с лощением, которые по форме стенок и горла, а также по характеру лощения и орнаментации можно отнести к двум категориям: корчагам и кувшинам. По функциональному назначению данную группу керамики принято считать парадной или столовой посудой. По текстурному или текстурно-фактурному орнаменту, покрывавшему поверхность лощёной керамики, её связывают с проникновением на Таманский полуостров аланского населения Северного Кавказа (Плетнёва, 1967. С. 184). Время её бытования, по-видимому, ограничивается X–XI вв. (Атавин, 1993. С. 173–211, рис. 1–17, табл. 1–3; Чхаидзе, 2012. С. 174–184, рис. 114, 17–18, 117–125).

Глиняное тесто, из которого изготовлены лощёные сосуды, принадлежат к трём основным группам. К первой относятся изделия с серым или тёмно-серым плотным и звонким черепком без видимых примесей. Ко второй группе принадлежат сосуды, содержащие в глиняной массе примеси в виде песка, шамота, блёсток слюды, извести, толчёной ракушки, мелкого камня. При этом цвет черепка варьируется от тёмно-серого до коричневого и даже оранжевого. Третья разновидность глиняной массы после обжига приобретает тёмно-серый или чёрный плотный звонкий черепок. В нём содержится большое количество кварцевого песка, редких бурых и белых (толчёная ракушка?) частиц.

Корчаги выделяются по шаровидному тулову и стенкам толщиной 0,5–0,7 см. О характере венчиков судить сложно, так как верхние части сосудов отсутствуют. Тулово украшалось широкими вер-

тикальными лощёными полосами. Над ними (у основания венчика) располагалась зона косо-го лощения в виде ромбов. Вертикальное и косое лощение разделялись двумя горизонтальными полосами. Лощение выполнялось неглубоко, поверхность сосудов после обжига приобретала тёмно-серую блестящую поверхность, имитирующую изделия из покрытого патиной белого металла (серебра?).

Кувшины одно или двуручные. Как правило, имели приземистую шаровидную форму. Поверхность сосудов украшалась горизонтальным лощением, наклепными валиками с острым ребром, валиками с насечками и полосами лощения. При этом полосы лощения располагались горизонтально, вертикально или образовывали ромбы. Горло обычно имело цилиндрическую форму. В основании помещались валики с острыми рёбрами или горизонтальное лощение.

Керамические изделия технического характера составляют небольшую группу, к которой отнесены: конусовидная цилиндрическая и трапециевидная пробки(?) для закрывания горловин амфор и семь дисковидных пряслиц. Пряслица изготовлены из стенок красноглиняных амфор и дополнительно подработаны шлифовкой. Их диаметр составляет 3,3–5,8 см, толщина – 0,9–1,4 см. Иногда на их поверхности процарапаны граффито в виде букв Л и Ф.

Изделия из кости составляют наиболее малочисленную группу находок. Здесь обнаружено два астрагала для игры и «пулевидный» наконечник стрелы. Один астрагал носит следы обработки с двух сторон. На одной плоскости сделано углубление, а на другой острым предметом процарапано граффито. Вторая игральная кость имеет сквозное отверстие. Большая коллекция игральных костей происходит из раскопок Таматархи (Чхаидзе, 2008а. С. 223, 224, рис. 126, 26, 27). Костяной наконечник стрелы (длина 4,2 см, диаметр 1,7 см) изготовлен из спила рога (рис. 9). В центре просверлено отверстие диаметром 0,4 см и глубиной 0,8 см. Использовался для охоты на пушного зверя или птицу. Датировка данных предметов устанавливается только по сопутствующему археологическому контексту, так как все они бытовали на протяжении длительного времени.

Изделия из камня представлены разнообразными по своему назначению предметами: жерновами, тёрочниками, поилками, лощилами, точильными камнями, крышкой от пифоса, обломками споний архитектурных деталей, фрагментом профилированной каменной черепицы и обломком цилин-

Рис. 9. Поселение Виноградный-12. Костяной наконечник стрелы X–XIII вв.

дрической колонны с каннелюрами, основаниями для деревянных подпорок, ядром для баллисты, ножевидной пластиной из тёмно-серого кремня.

К эпохе античности, вероятно, относятся фрагменты карниза(?) и колонны. Карниз представляет собой тщательно обработанный прямоугольный каменный блок (с одной стороны обломан) размерами $25 \times 24 \times 8$ см. На верхней плоскости края сохранился паз для стыковки (крепления) деревянными пиронами (8×4 см) или свинцовой скобой. Колонна также сохранилась фрагментарно (размерами $31 \times 15,5$ см). Однако диаметр колонны легко определяется. Он составлял 36 см, а по кругу колонну покрывали 24 полуовальных каннелюра. Происхождение данных архитектурных деталей установить в настоящее время невозможно. Очевидно, они были привезены с какого-либо античного памятника.

Из всего числа каменных изделий самую представительную группу составляют целые и фрагментированные обломки жерновов (19 шт.) и одна заготовка. Все диски жерновов изготовлены из бело-жёлтого зернистого песчаника (рис. 10). Их размеры варьируются от 32×8 до $64 \times 7,5$ см. Данные размеров указывают на существование, как минимум четырёх групп с близкими параметрами, образующих «рабочие пары» состоящие из верхнего и нижнего («лежня») дисков. К первой относятся жернова с диаметром 32 см, ко второй – жернова диаметром от 40 до 46 см, к третьей – от 49 до 52 см и к четвёртой – наиболее крупные от 58 до 64 см. Толщина мельничных дисков сильно варьируется и зависит от степени их сработанности. Это хорошо видно на фрагментах жерновов, толщина которых достигала «критической» – 3,5 см.

О том, что жернова могли изготавливаться на месте из привезённого сырья, свидетельствует находка

Рис. 10. Поселение Виноградный-12. Каменный жернов X–XIII вв.

заготовки для диска жёрнова. Она представляет собой грубо обколотый по контуру и поверхности плоский камень размерами 36×38 м и толщиной 9 см. Примерно в центральной плоскости сделано углубление диаметром 3 см и глубиной 2 см. Как показывают промеры, по всей вероятности, из этой заготовки намеревались сделать диск жернова диаметром не более 32 см. Данный размер указывает, что за метрическую основу был взят византийский фут. Все же обнаруженные на поселении жернова по своим параметрам составляют от одного (32 см) до двух (64 см) византийских футов. Следует отметить, что ручные мельницы использовались на территории Северо-Западного Кавказа и Таманского полуострова на протяжении длительного времени – вплоть до начала XX в.

Изделия из железа обнаруженные на памятнике представляют небольшую, но интересную коллекцию. Правда далеко не все предметы, ввиду их фрагментарности или сильной коррозии, удаётся идентифицировать и датировать. В основном это касается бытовых предметов (осколок чугунного котла, обломок скобы, кольцо, уключина, кованые четырёхгранные гвозди с плоскими шляпками) или вооружения (фрагменты лезвий сабель(?) и кинжалов). Отдельную группу составляют подковы с шиповидными выступами – «крючками», «дужками», «ушками» (от трёх до пяти) для крепления на копытах тяглового скота. К числу деревообрабатывающих орудий труда относятся тёсла и долото. Из раскопок различных участков памятника происходят семь ножей. Все они относятся к типу однолезвийных, черешковых. Спинка прямая, сечение лезвия – равностороннее.

Среди железных предметов следует отметить две редкие находки. Это специальный нож для разрезания пергамента на прямоугольные листы. Нож (рис. 11) состоит из длинного черешка, на который насаживалась деревянная или костяная ручка, и овального плоского лезвия. Из раскопок

Рис. 11. Поселение Виноградный-12.
Нож для разрезания пергамента

на территории Таманского полуострова ножи для раскройки пергамента нам не известны. Аналогичный инструмент находится в экспозиции средневекового отдела Херсонесского музея-заповедника и датируется XI–XII вв.(?) Другое изделие – фрагментарно сохранившейся строительный мастерок для работы с раствором (рис. 12). Утрачен штырь черенка для крепления деревянной ручки и частично лопатка. Лопатка, вероятно, имела треугольную форму. Полотно было загнуто с двух сторон, что сближает данный мастерок по устройству с известными инструментами английского типа⁴.

Изделия из бронзы составляют относительно многочисленную и разнообразную группу находок. Однако большая часть этих предметов дошла до нас в сильно фрагментированном состоянии, что иногда не даёт возможности определить их первоначальную форму, назначение, а также время изготовления. Вместе с тем, среди бронзовых изделий встречены предметы, хорошо известные по археологическим раскопкам на обширном пространстве Евразии и имеющие вполне корректные датировки.

⁴ Данное изделие относится к числу настолько редких предметов, что мы можем указать только на находку железного мастерка из византийского Херсона обнаруженного в 1957 г. О. И. Домбровским в ходе раскопок «Храма с ковчегом». Предположительно мастерок датируется VI–VII вв. (Яшаева и др., 2011. С. 298, № 299). Лопатка у данного мастерка прямоугольной формы и переходит во втульчатый черенок для насадки деревянной рукояти.

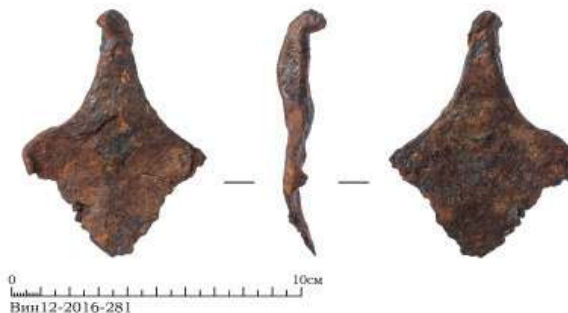

Рис. 12. Поселение Виноградный-12. Фрагмент
строительного мастерка. XI–XII вв.

К числу наиболее ранних следует отнести фрагмент щитка византийской пряжки типа «Сиракузы» первой половины VII в. (рис. 13). Их относительно редкие находки известны на Таманском полуострове, но больше всего подобных пряжек обнаружено на памятниках византийской Таврики (от Херсона до Боспора). Установлено также, что пряжки данного типа изготавливались примерно в 600–650 гг. в Херсоне, где найдена литейная форма для их изготовления (Айбабин, 2003. С. 51, 52, табл. 20, 65; 42, 5).

Встреченные на поселении обломки пряжек с прямоугольными и лировидными рамками относятся к более позднему времени и традиционно датируются исследователями X–XII вв. Подобные изделия встречены на обширной территории от Саркела (Плетнёва, 1996. С. 139, рис. 50, № 1444) до Новгорода (Колчин и др., 1985. С. 75, рис. 134, 135). Подобные пряжки также обнаружены при раскопках в Таматархе (Чхаидзе, 2008а. С. 221, рис. 125, 15, 16). К этой же историко-хронологической группе (X–

Рис. 13. Поселение Виноградный-12. Пряжка типа
«Сиракузы» первой половины VII в.

XI вв.) предметов относится и византийский бронзовый крестик (размерами $3,3 \times 2,2$ см) с шаровидными завершениями на ветвях (рис. 14)⁵, витой (из двух круглых проволок) браслет (рис. 15), бронзовый «шумящий» бубенчик (рис. 16), перстень без вставки (рис. 17), серьга с острыми концами (рис. 18), обломок браслета (изготовлен из круглого в сечении прута), шлемовидный напёрсток с точечной насечкой на поверхности (рис. 19), гранёные подвески (рис. 20), стило (рис. 21), медицинский (стоматологический?) инструмент (рис. 22), стенка бронзового сосуда с шаровидным туловом. По всей видимости, к деталям снаряжения коня относится фрагмент налобной или наносной бляхи конской узды, украшенной пальметтами, декоративная подвеска (рис. 23) и кольцо.

Рис. 15. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый браслет. X–XI вв.

Рис. 14. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый крестик. X–XI вв.

Рис. 16. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый «шумящий» бубенчик. X–XI вв.

Изделия из стекла немногочисленны и представлены в основном одной группой предметов. Это обломки пяти браслетов и одного осколка зелёного стекла, назначение которого неопределимо. Браслеты по форме и сечению относятся к двум группам: 1) имеет в сечении круглую форму (рис. 24), диаметром 0,6–0,7 см; 2) «плоский» или овальный в сечении – от $0,4 \times 0,6$ до $1,2 \times 0,7$ см. Дата производства подобных браслетов колеблется от X–XI до 70-х гг. XIII в., когда, согласно данным раскопок в Великом Новгороде, производство (или поступление?) стеклянных браслетов прекращается.

Предметы из свинца составляют наиболее малочисленную группу, так как она состоит из трёх фрагментированных предметов: свинцовой пластины, согнутой пополам, и двух свинцовых

Рис. 17. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый перстень без вставки. X–XI вв.

⁵ Г. Атанасов подобный крест из Дрѣстра относит к XI–XIII вв. (Атанасов, 2006. Табл. LXXXII, 449–457); В. И. Молодин, опираясь на дату золотого креста из Национального музея Копенгагена, датирует аналогичные изделия XII в. (Молодин, 2005. С. 121, рис. 67).

Рис. 18. Поселение Виноградный-12.
Бронзовая серьга. X–XI вв.

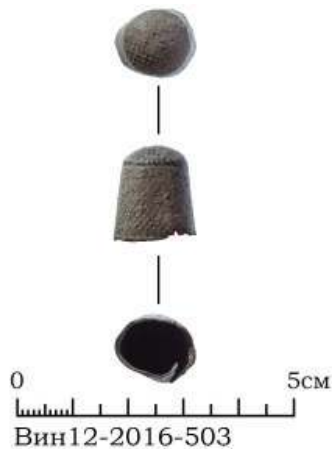

Рис. 19. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый наперсток. X–XI вв.

Рис. 20. Поселение Виноградный-12.
Бронзовая гранёная подвеска. X–XI вв.

шаровидных пуль для мушкета(?) XVII–XVIII вв. (рис. 25). Обе пули деформированы от удара о твёрдое препятствие. Имели сферическую форму, диаметр 1,3–1,4 см.

Время бытования представленной по поселению «Виноградный 12» кухонной и столовой посуды исследователи традиционно определяют в очень широких пределах – VII–XI вв. Нижнюю

Рис. 21. Поселение Виноградный-12.
Бронзовое стило. X–XI вв.

Рис. 22. Поселение Виноградный-12. Бронзовый медицинский (стоматологический?) инструмент. X–XI вв.

Рис. 23. Поселение Виноградный-12. Бронзовая декоративная подвеска от конской узды. X–XI вв.

Рис. 24. Поселение Виноградный-12. Стеклянный браслет. X–XI вв.

Рис. 25. Поселение Виноградный-12. Свинцовая пуля для мушкета(?) XVII–XVIII вв.

дату могут подтверждать находки так называемых коричневоглиняных «амфор с перехватом» и византийской пряжки типа «Сиракузы» первой половины VII в., а верхнюю (XI в.) – амфоры с венчиком в виде отложного воротничка, византийская медная монета и монеты Тмутараканского княжества XI в. Однако какие-либо попытки увязывать данную группу археологического материала с конкретным этносом, как это делают некоторые авторы (например, с «прото-булгарами», «хазарами», «печенегами», «куманами» или другими кочевыми народами Евразии VII–XI вв.), окажутся неубедительными.

После появления в 40–70-х гг. XIII в. монголов на Северо-Западном Кавказе жизнь на поселении замирает и возобновляется только в позднеосманс-

кий период (XVII – 70-е гг. XVIII в.). Об этом свидетельствуют обнаруженные на территории памятника предметы. Следует также отметить, что находки этого времени представлены неравномерно. В основном это разрозненные фрагменты керамических изделий: обломки поливных и неполивных сосудов крымского производства (чаш, тарелок, кувшинов, водоеев, туваков и др.); урн с горизонтальными ручками и кувшинов с рельсовидным венчиком; курительные «турецкие» трубки разнообразных «фасонов», изготовленных из белой и «красной» глины; фрагменты фаянсовых сосудов из производственных центров Малой Азии (Изник, Кютахья, Дамаск или Алеппо?) и Китая. Видимо, обнаружение предметов XVII–XVIII вв. и позволило А. А. Миллеру отнести это поселение к «турецко-татарскому» времени.

Поливная художественная керамика XVII–XVIII вв. представлена пятью фрагментами. К числу наиболее интересных и выразительных изделий следует отнести донную часть (диаметр кольцевого поддона 4 см, толщина стенок 0,2–0,4 см, кольцевой поддон высотой 0,7 см) пиалобразной фаянсовой чайной чашечки (рис. 26). Формовочная масса сосуда представляет плотный черепок чистого белого цвета с редкой примесью железистых(?) соединений. Глазурь прозрачная, бесцветная, высокого качества, нанесена тонким слоем на обе поверхности, кроме дна кольцевого поддона. С внешней стороны полива бежевого цвета, доходящая до белого кольцевого поддона. На зеркале чаши помещено высокохудожественное монохромное изображение, выполненное синей краской: на белом фоне в кольцевой окружности изображено три карликовых дерева с длинными листьями или гнущимися вниз ветвями («верба»?). Рисунок выполнен светлыми тёплыми тонами сине-голубого цвета. При этом в росписи использовались два оттенка синего цвета: светлым выполнялся абрис основного фона, а тёмным – контур. Рисунок имеет несколько размытые очертания. Наличие в росписи тонких гнувшихся под порывами ветра деревьев с длинными ветвями и узкими листьями, а также покрытие бежевой поливой с внешней стороны сосуда, указывает на производство чайной чашки в Китае. Подобные высокохудожественные изделия производились в конце XVII – начале XVIII в. в китайских провинциях при императоре Канси (1662–1722) династии Цин и широко экспортировались в Османскую империю (Томка, 2003. Р. 311).

Другие фрагменты (рис. 27) относятся к так называемой группе фаянсов с росписью в стиле «Дамаск». Для них характерно уточнённое сочетание в полихромном рисунке синих и зеленооливковых, чёрно-зелёного и прочих тонов (для

Рис. 26. Поселение Виноградный-12. Пиалобразная фаянсовая чайная чашечка. XVII–XVIII вв.

Рис. 27. Поселение Виноградный-12. Сосуд с росписью в стиле «Дамаск». XVI–XVII вв.

усиления контура используются серо-чёрные краски). Молочно-белый фон не заполняется полностью, а как бы приобретает самостоятельное значение. На сосудах видим близкие к живому изображения цветов (тюльпанов и гвоздик), заимствованных из персидского растительного орнамента и «китайских облачков». При этом при распределении цветов по поверхности сосудов отмечается сдержанность. Местом производства данных сосудов, большинство исследователей считает г. Изник, но некоторые считают, что оно могло развиваться и в Дамаске. Время производства – вторая половина XVI – XVII в.

Отдельную группу керамических изделий поздне-османского периода (XVII–XVIII вв.) составляют керамические курительные трубки. Всего в коллекции находится 11 изделий. По составу формовочной массы делятся на белоглиняные (рис. 28) и «красноглиняные» (рис. 29). Из данных артефактов к числу относительно ранних (XVII в.?) относятся изделия из белой (каолиновой) глины, потому что мунштук восьмигранной формы без чашки

Рис. 28. Поселение Виноградный-12. Белоглиняная курительная трубка османского периода. XVII–XVIII вв.

Рис. 29. Поселение Виноградный-12. Красноглиняная курительная трубка османского периода. XVII–XVIII вв.

имеет длину 5,3 см. К тому же принято считать, что белоглиняные курительные трубки появились в качестве подражания европейским (Hayes, 1980. Р. 3). Красноглиняные трубки имели чашки подтюльпановидной и тюльпановидной формы. Они относятся к трём фасонам: простому «гиреевскому», «бутону хризантемы» и «тахта-чубук». Все эти курительные трубки могут быть датированы серединой – второй половиной XVIII в., а местом их изготовления предположительно являлся османский город Кефе (ныне Феодосия). Трубки фасона «тахта-чубук», чьим местом производства считается Константинополь, вероятно, являются крымскими репликами столичных изделий.

В результате исследований, проведённых на территории поселения «Виноградный 12», выявлены культурные слои и группы артефактов четырёх хронологических периодов: VI–VII вв. (ранневизантийский), X–XI вв. (тмутараканский), XII–XIII вв. (домонгольский), XVII–XVIII вв. (позднеосманский). Ранневизантийский период освоения территории поселения представлен малочисленными фрагментами амфор двух типов. Кроме того, к этому времени относится и щиток пряжки типа «Сиракузы». Не исключено, что остальная часть раннего поселения VI–VII вв. находится за пределами открытого раскопками участка.

Наибольшая хозяйственная активность на поселении относится к X–XI вв. Именно этим временем датируется около 80 % обнаруженных на памятнике средневековых находок и строительных остатков (рис. 30). К тому же из десяти найденных в ходе исследований памятника девять монет относятся к первой половине XI в. При этом только одна монета представляет собой византийский анонимный фоллис «класса В» (выпуск Константинополя 1028–1034 гг.) (рис. 31), а остальные восемь являлись репликами милиариссия Василия II (976–1025) (рис. 32) и Константина VIII (1025–1028) (рис. 33), и чеканились в первой половине XI в. в Тмутараканском княжестве (80-е гг. X – 90-е гг. XI в.).⁶ Широкое хождение медной монеты демонстрирует развитый местный рынок. На обширные торговые связи жителей поселения в X–XI вв. указывает и большое число амфор (около 7 тыс. фрагментов), поступавших из трех-четырех византийских центров. Находка амфоры с граффити монограммы «Тафос» («ТФ») позволяет высказать предположение, что одним из таких центров, из которых тарная керамика с оливковым маслом(?) поступала на Тамань, являлась Палестина. Многочисленные буквенные изображения и надписи на амфорах свидетельствуют о том, что местным населением в быту использовалось два языка: греческий и славянский.

Находки X–XI вв., сделанные в ходе раскопок на поселении (жернова, обломки лезвий серпов), свидетельствуют о земледельческой направленности хозяйства их обитателей. Основу, вероятно,

⁶ Определение монет выполнено М. М. Чоревым, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность. Надо отметить, что подобный состав нумизматического материала времени существования Тмутараканского княжества характерен для Таманского полуострова (Голенко, 1953. С. 269–275; Кропоткин, 1962. С. 22; Чхаидзе, 2008а. С. 234–239; 2014. С. 184–205; Бабаев, 2009. С. 96 сл.).

Рис. 30. Поселение Виноградный-12. Сельская усадьба. X–XI вв.

Рис. 31. Поселение Виноградный-12. Византийский анонимный фоллис «класса В» (выпуск Константинополя 1028–1034 гг.)

Рис. 32. Поселение Виноградный-12. Реплика милиариссия Василия II (976–1025)

Рис. 33. Поселение Виноградный-12. Реплика милиариссия Константина VIII (1025–1028)

составляло хлебопашество. Пастбищное скотоводство играло вспомогательную роль. Каменные конструкции фундаментов, цоколей домов, сложенные из разномерного бута (иногда с применением споллий), указывают на то, что местное население продолжало придерживаться в домостроительстве античных традиций.

Полученные в ходе раскопок археологические материалы свидетельствуют о том, что в XII–XIII вв. на открытой части поселения происходит резкий спад деловой и хозяйственной активности. К этому времени все строения были оставлены их обитателями. Сузился круг и торговых агентов: амфоры и строительная керамика поступают теперь исключительно из византийского Херсона. После его гибели в конце 70-х гг. XIII в. жизнь на поселении надолго замирает. Оживление отмечается только в XVII–XVIII вв., когда на месте строений X–XI вв. появляются лёгкие временные (сезонные?) строения турлучной конструкции. Наличие материалов позднесманского времени можно объяснить сезонной хозяйственной активизацией на данной территории казачьего населения Таманского полуострова.

2. На поселении «Вышестеблиевская-16», выявленном в ходе разведок экспедиции Я. М. Паромова в 1984 г. (Паромов, 2003. С. 166.), исследована площадь более 21000 кв. м (рис. 34). Общие размеры

памятника, насколько позволяет об этом судить подъёмный материал, составляет около 15 га. В результате раскопок обнаружены культурные отложения IV–III вв. до н.э., I–III вв. и рубежа IX–X – X в. Здесь открыты остатки грунтовых сооружений в виде 71 хозяйственной ямы, девяти погребений и пяти строительных комплексов (рис. 35). К средневековью относятся два грунтовых одиночных захоронения, руинированные каменные основания саманных многокамерных жилых и хозяйственных строений, несколько десятков ям.

Особый интерес представляют открытые на территории поселения стены многокамерных домов, принадлежавших сельскохозяйственным усадьбам (рис. 36). Результативными оказались исследования строительного комплекса V, открытого в северной части раскопа (рис. 37). Фундаменты его стен залегали на глубине 0,4 м. Дом состоял из трёх помещений и двора. Кладки сохранились на высоту одного ряда (0,20–0,35 м). Система кладок трёхслойная, двухлицевая, с земляным заполнением свободного пространства между камнями. Наибольшая сохранившаяся протяжённость стен 3,80 м.

При исследовании поверхности полов помещений обнаружены разрозненные фрагменты обломков амфор, кувшинов, лепных горшков, светильников, а также других керамических изделий. В одном из помещений открыта яма диаметром около 1,0 м,

Рис. 34. Поселение Вышестеблиевская-16. Вид с юга

Рис. 35. Поселение Вышестеблиевская-16. Исследованный участок

Рис. 36. Поселение Вышестеблиевская-16. Сельские усадьбы

Рис. 37. Поселение Вышестеблиевская-16. Сельская усадьба V. Вид с северо-запада

глубиной 0,40 м, заполненная тёмно-коричневым рыхлым грунтом, в которой оказалось четыре археологически целые амфоры (рис. 38).

В помещении 3 строительного комплекса V открыта хозяйственная яма, в которой обнаружено пять амфор так называемого «причерноморского» типа (рис. 39). Все сосуды, по-видимому, изготовлены в X в. в производственном центре Юго-Восточного Крыма. У них светло-красный, с оранжевым или фиолетовым отливом плотный равномерного обжига черепок. Глина содержит включения бурых, чёрных, белых известковых частиц и кварцевого песка. Тулово яйцевидное, желобчатое, слегка вытянуто, венчик в форме валика. Ручки овальные в сечении и с продольным желобком, слегка приподняты на уровне венчика. Высота амфор 39–43 см, диаметр тулова 21,5–22,5 см, диаметр венчика 6–7 см.

В ходе раскопок также сделаны находки подобных одиночных амфор, залежавших в помещении 1 комплекса V (рис. 40), на дворе строительного комплекса IV (рис. 41) или в слое жёлтого суглинка (рис. 42). Амфора, найденная во дворе строительного комплекса IV, типологически отличается от других сосудов, обнаруженных в синхронных строениях. У неё светло-красный плотный, равномерного

обжига черепок с большим включением бурых и белых частиц. Тулово яйцевидное, покрыто мелкими бороздками рифления и тонким слоем белого ангоба. Ручки профилированы валиками, в основании по сырой глине сделано углубление. Горло относительно высокое, конусовидное, завершается чуть расширяющимся и как бы срезанным по краю венчиком в виде полувалика. Высота сосуда 56 см, диаметр тулова 38 см, а венчика 6,5 см.

Местом производства сосудов данного типа считается Крым, где выявлены мастерские по производству подобных амфор (Баранов, 1979. С. 112–118; Золотарёв, 1982. С. 145–148). По материалам раскопок византийского Херсона амфоры этого типа в основном датируют первой половиной IX в. (Романчук и др., 1995. С. 50–52, табл. 20–22). Однако наша находка отличается от херсонесских меньшими размерами, но более высоким горлом, составом глины и орнаментацией. Это позволяет отнести её к позднему варианту данного типа амфор и датировать первой половиной – последней третью X в.

Наиболее впечатляющая находка была сделана в яме № 10, где оказалось 15 археологически целых амфор (рис. 43). Яма заполнена тёмно-коричневым рыхлым суглинистым грунтом. Диаметр ямы

Рис. 38. Поселение Вышестеблиевская-16. Яма с амфорами в усадьбе V. Вид с востока

Рис. 39. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Крым. X в.

Рис. 40. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Крым. X в.

Рис. 41. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Крым. X в.

Рис. 42. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Крым. X в.

Рис. 43. Поселение Вышестеблиевская-16. Яма 10 в сельской усадьбе III. Вид с запада

1,10 м, глубина 1,05 м. Помимо средневековых амфор в яме обнаружена бронзовая монета римского времени. Вероятнее всего яма № 10 была связана с жизнедеятельностью обитателей строительного комплекса III, открытого поблизости. Все амфоры из ямы № 10 относятся к одному типу, но явно происходят из двух разных центров. Большинство – 14 сосудов (рис. 44), по всей видимости, были изготовлены в мастерских Юго-Восточного Крыма. Они имеют плотный красно-оранжевый черепок с включением большого количества бурых, чёрных частиц и кварцевого песка. Тулово вытянуто или яйцевидное, с мелким рифлением. Покрывается жидким белым ангобом. Ручки профилированы одним-двумя продольными валиками, в основании по сырой глине пальцем сделано углубление. Венчик овальный или треугольный в сечении. Высота сосудов от 37 до 43 см, диаметр тулова от 22 до 26 см, диаметр венчика 6–7 см.

Из всего комплекса находок в яме № 10 только одна амфора (рис. 45) резко выделяется составом формовочной массы. Черепок светло-красный (кремовый), плотный, обжиг равномерный. В формовочную массу включены белые известковые частицы и мелкодисперсный кварцевый песок. Тулово яйцевидное, имеет слабо выраженное рифление, равномерно покрыто белым жидким ангобом, сквозь который проступает цвет светло-красного черепка. Горло короткое, цилиндрическое, венчик имеет форму полувалика с нижним заострённым краем. Ручки профилированы продольным валиком. Высота амфоры 41 см, диаметр тулова 24 см, а венчика 6 см. Учитывая высокое качество изготовления сосуда, местом его производства можно считать Константинополь. Ещё одна аналогичная амфора происходит из культурного слоя.

В керамической коллекции с поселения имеется два археологически целых кувшина с плоскими ручками. Иногда исследователи их именуют кувшинами-амфорами. Эти изделия обнаружены в двух руинированных зданиях, являвшихся остатками многокамерных сельских усадеб. Оба сосуда (рис. 46) собраны из многочисленных фрагментов. Их высота составляет 43,5–45,5 см, диаметр тулова 25 см, диаметр дна 12,5–13 см, венчика 8 см. Ручки плоские, овальные в сечении, шириной 5 см, толщиной 2 см. В верхней части тулова сосуды украшены гребнем с 12 овальными зубцами.

По-видимому, оба кувшина являются предметами местного керамического производства, которое исследователи обычно локализируют в Таматархе, где они составляют 50 % всего состава керамики. Дата бытования подобной тары определяется в чрезмерно

Рис. 44. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Крым. X в.

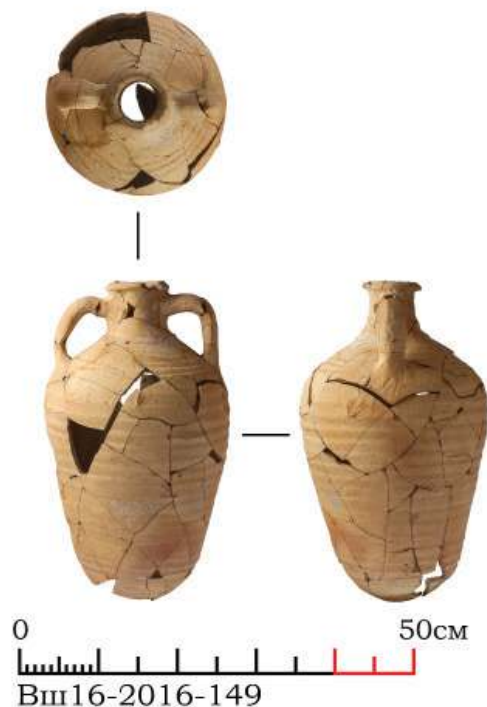

Рис. 45. Поселение Вышестеблиевская-16. Амфора «причерноморского» типа. Константинополь. X в.

Рис. 46. Поселение Вышестеблиевская-16. Кувшины. Таматарха. Вторая половина–конец IX – XI в.

широких пределах – VII–XII вв., хотя более реальной следует считать вторую половину–конец IX – XI в. Сосуды, аналогичные нашим, с раздутым туловом и коротким горлом необоснованно относят к ранним разновидностям этого типа тары (Плетнёва, 1963. С. 133; 1999, С. 147; Чхаидзе, 2008б. С. 161–173, рис.75, 1; 88–91; Финогенова и др., 2010, С. 251, рис. 8, 1). Подобное заключение, судя по сопроводительному археологическому контексту, является преждевременным, так как обнаруженные на поселении кувшины с плоскими ручками следует датировать временем не ранее X в.⁷

Наличие археологически целых сосудов, залежавших на территориях дворов, в помещениях и брошенных в хозяйственные ямы, создаёт впечатление, что жители в спешке покинули свои дома, забрав только жизненно необходимые предметы.

⁷ По херсонесской типологизации 1995 г. данные сосуды названы «высокогорлыми плоскодонными амфорами-кувшинами» и датируются (со ссылкой на стратифицированные комплексы Саркела и Тмутаракани – В. М.) временем от «второй половины или последней трети IX в. до конца XI – начала XII в.» (Романчук и др., 1995. С. 63, табл. 30–32, 51).

Отсутствие следов пожара в открытых раскопками строениях не позволяет даже предполагать какое-либо внезапное нападение, в результате которого поселение погибло. Наличие в культурном слое медных монет XI в. чекана Тмутараканского княжества (рис. 47) свидетельствует о том, что жизнь на поселении вскоре возобновилась и продолжалась ещё на протяжении как минимум одного столетия.

Рис. 47. Поселение Вышестеблиевская-16. Медная монета XI в. Тмутараканское княжество

3. Поселение «Вышестеблиевская-16а» расположено в 3,8 км к северо-западу от станицы. Обнаружено в ходе разведок 2014 г. В 2016 г. на поселении исследована площадь 16961 кв. м (рис. 48; 49). В результате проведённых исследований выявлены культурные отложения IV–III вв. до н.э. и IX–XI вв. Раскопками вскрыты грунтовые сооружения в виде 45 хозяйственных ям, трех грунтовых захоронений, двух погребений в катакомбах, двух строительных комплексов с каменными фундаментами стен, землянки (СКI) и загона для скота (СКII) (рис. 50). Площадь древней застройки достигала 4 га. В конце XIX – начале XX в. на данной территории находился казачий хутор. В ходе работ найдено 32 артефакта, которые относятся к этому времени.

Средневековые материалы представлены разнообразными по своему составу артефактами. В основном это фрагменты амфор, строительных керамических изделий, лепной и гончарной кухонной и столовой посуды, изделий из камня, металлов, стекла и проч. Хронологический диапазон бытования обнаруженных предметов охватывает в основном IX–XI вв.

Наиболее многочисленную группу находок составляют амфоры, которые относятся к двум типам. К первому типу условно отнесены так называемые амфоры с расширяющимся горлом (Sazanov, 1997). У них оранжевый зернистый в разломе черепок с включением бурых частиц шамота и мелких комков

Рис. 48. Поселение Вышестеблиевская-16А. Вид с севера

Рис. 49. Поселение Вышестеблиевская-16А. Исследованный участок

Рис. 50. Поселение Вышестеблиевская-16А. Загон для скота (СК II)

известии. На одном фрагменте следы зеленовато-белого ангоба.

В. Н. Чхаидзе на основании материалов Фанагории отнёс данную группу керамической тары к IX типу. Он также отметил, что исследователями датировка этих амфор предлагается в очень широких пределах – от второй половины VI – до второй половины IX вв. (Сазанов, Могарычев, 2006. С. 188; Чхаидзе, 2012. С. 150–151, рис. 79, 80). Наиболее вероятным временем бытования найденных на поселении артефактов следует признать финал IX–X вв.

Наиболее многочисленной (95 фрагментов примерно от трех десятков сосудов) является группа византийских «воротничковых амфор». Они имели высокое горло и массивный венчик, напоминающий отложной воротничок. Ручки овальные (или несколько уплощены на сгибах) в сечении, крепятся на горле под венчиком и на плечах сосуда. Ручки поднимаются вертикально до уровня венчика или выше него. Изредка на уровне плеч был нанесён линейный орнамент из трёх-четырёх полос. Тулово, в большинстве случаев, имело яйцевидную форму. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась по сырой глине и лишена рифления. Стенки толстые

(0,5–1 см). Поэтому, несмотря на относительно большие размеры (высота без ручек составляет 42–48 см, диаметр тулова 23–36 см), их вместимость не превышает 9–10 л. Черепок светло-розовый (кремовый), со значительным числом лакун от выгоревших частиц органики (полбы или рубленной соломы). Содержит также белые и бурые частицы. Все амфоры, судя по технологическим приёмам и составу формовочной массы, производились в одном центре. Традиционно датировку этого типа тары ограничивают в пределах первой половины X – начала XII в. (Hayes, 1992. P. 75).⁸

Отличительной особенностью воротничковых амфор является многочисленность и разнообразие граффити, нанесённых острым предметом на поверхности ручек, горла и тулова. Среди встречающихся знаков преобладают буквы греческого алфавита (Α, Δ, Ν, Λ, Κ и др.) или надписи (например, «MNLΛ...»). Реже отмечены граффити в виде креста, пентаграммы, славянской буквы «Ш». На одном из сосудов (на основании ручки) знак выполнен мастером по сырой глине.

⁸ Наиболее полная подборка амфор данного типа по Таманскому региону сделана В. Н. Чхаидзе (2012. С. 161–162, рис. 94).

Среди керамических изделий местного производства следует отметить фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Сосуды изготовлены из формовочной массы с включением кварцевого песка и бурых частиц. Время бытования данных изделий не выходит за пределы X–XI вв.

К числу предметов местного керамического производства также следует отнести находки на поселении строительной керамики, представленной фрагментами поля и бортиков кровельных черепиц-керамид. Черепок светло-красный, плотный с включением шамота, бурых и белых частиц, кварцевого песка. Представленные изделия характерны для района Таманского полуострова и встречаются в культурных отложениях Таматархи и Фанагории X–XI вв. (Чхаидзе, 2012. С. 189–192, рис. 129).

Особенностью рассматриваемой керамической коллекции является малочисленность фрагментов пифосов. Данное явление можно объяснить сложностью изготовления и высокой стоимостью данного вида тары. Поэтому обитатели, покидая поселение в конце XI – начале XII в., аккуратно выкапывали установленные в углубления пифосы и перевозили их на новое место.

К числу редких следует отнести находку в культурном слое X–XI вв. бронзового кистеня (рис. 51). Он представляет собой гирию (било) грушевидной

формы. Членится на две функциональные части: кольцо с круглым отверстием для крепления ремнём и собственно гирию восьмигранной формы. Место сочленения гири и кольца выделено овальным переходником. Гирия завершается овальным выступом. Размеры: длина 6,5 см, ширина 3 см. Внешний диаметр кольца 2,2 × 2,3 см, внутренний – 0,9–1,1 см. Данный артефакт относится к числу относительно редких изделий гибко-суставчатого холодного оружия ударно-раздробляющего действия. По общей типологии А. В. Крыганова (1987. С. 63–68, рис. 1, 2), его условно можно отнести к IV типу (бронзовые или биметаллические грушевидные). Несмотря на то, что А. В. Крыгановым в его типологии учтено более 50 кистеней VIII–X вв., наш экземпляр среди них не имеет прямых аналогий. Вероятно, ближе ему будут изделия X–XIII вв., относимые А. Н. Кирпичниковым и А. Ф. Медведевым (1985. Рис. 131) ко II типу, как бронзовые гири сферической, грушевидной или каплевидной формы с гладкой, а иногда гранёной боевой частью. Наиболее вероятно, что данный кистень, по сопутствующему археологическому контексту культурного слоя, следует отнести в X–XI вв.

Представленные на рассмотрение материалы раскопок трёх средневековых поселений свидетельствуют о длительном хозяйственном использовании данной территории Таманского полуострова, начиная с VI–VII вв. и завершая XVII–XVIII вв. Наиболее ясно выраженными оказались культурные слои и строительные остатки времени существования Тмутараканского княжества (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Однако граффити на амфорах свидетельствуют о явном доминировании византийского (грекоязычного) компонента в населении этого времени. Судя по археологическим материалам исследовавшихся поселений, сельское население Таманского полуострова в средние века, при всей его этнической неоднородности, обеспечивало высокий уровень развития земледелия и скотоводства. Оно также было хорошо знакомо с традициями наземного сырцово-каменного домостроительства этого времени, поддерживало весьма тесные торговые и экономические связи с прибрежными городскими центрами и, скорее всего, находилось в политической и культурной зависимости от последних, и не было чуждым для жителей городских центров Тамани в отношении образования и культуры.

Рис. 51. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Бронзовый кистень X–XI вв.

Источники и литература

- Айбабин А. И., 2003. Крым в VI–VII вв. (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7.
- Атавин А. Г., 1993. Лощёная керамика средневековой Фанагории // БС. № 2.
- Атанасов Г., 2006. Христианский Дуросторум-Дрвстр. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието IV–XIV в. История, археология, култура и изкуство. Варна; Велико Търново.
- Баранов И. А., 1979. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии. Свердловск.
- Бабаев К. В., 2009. Монеты Тмутараканского княжества. М.
- Володихин Д. М., 2016. Русский период в истории средневекового Восточного Крыма // Проблемы национальной стратегии. М. № 2(35).
- Голенко К. В., 1953. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // ВВ. Том VII.
- Еманов А. Г., 2016. Ретро- и перспективы гибридных политий в Крыму и на Тамани XI–XII века // МАИАСК. Вып.8.
- Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.
- Золотарёв М. И., 1982. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Византия и её провинции. Свердловск.
- Иессен А. А., Миллер А. А., 1932. Таманская экспедиция в 1931 г. // Сообщение ГАИМК. Л. № 11/12.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В., 1985. Древний Новгород: прикладное искусство. М.
- Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-4.
- Крыганов А. В., 1987. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. № 2.
- Миллер А. А., 1931. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщение ГАИМК. Л. № 1.
- Миллер А. А., 1932. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщение ГАИМК. Л. № 7/8.
- Молодин В. И., 2005. Европейские кресты-тельники // Ставропегический сборник. М. Кн. III: Крест как личная святыня.
- Паромов Я. М., 1992а. Археологическая карта Таманского полуострова. М. (Депонированная рукопись в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992 г.).
- Паромов Я. М., 1992б. Очерк истории археологического топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. I.
- Паромов Я. М., 2003. Таманский полуостров // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.
- Плетнёва С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142.
- Плетнёва С. А., 1996. Саркел и «Шёлковый» путь. Воронеж.
- Плетнёва С. А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Екатеринбург. Ч. 2.
- Сазанов А. В., 1991. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. II.
- Сазанов А. В., Могарычев Ю. М., 2006. Крым и Хазарский каганат в конце VII – середине VIII в. // ПИФК. Вып. XVI/1.
- Слядзь А. Н., 2014. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI–XII вв.). СПб.; М.

- Степаненко В. П., 2015. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X–XI вв. (по поводу книги А. Н. Слядзь «Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)» // МАИЭТ. Вып. 20.
- Финогенова С. И., Ильина Т. А., Чхаидзе В. Н., 2010. Новейшие результаты исследований на Таманском городище и некрополе // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев. Вып. 1.
- Чхаидзе В. Н., 2008а. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
- Чхаидзе В. Н., 2008б. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. М.
- Чхаидзе В. Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М.
- Чхаидзе В. Н., 2014. Нумизматика Тмутаракани (по поводу книги К. В. Бабаева «Монеты Тмутараканского княжества» // АДСВ. Вып. 42.
- Якобсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. Т. XV. С. 329.
- Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлёв Д., 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин.
- Brukner O., 1981. Rimska keramika u Jgoslevenskom Delu Provincije Donie Pannonij. Beograd.
- Hayes J., 1980. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology // The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe. London. Vol. IV.
- Hayes J. W., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, Vol. 2: The Pottery.
- Sazanov A., 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Aix-de-Provence.
- Scorpan C., 1977. Contribution a la connaissance de certains types céramiques Romano-Byzantins (IVe–VIIe siècles) dans l'épase Istro-Pontique // Dacia. Bucuresti. XXI.
- Tomka G., 2003. Finjans, Pipes, Grey Jugs. «Turkish» objects in the Hungarian fortresses of Borsod county // Archeology of the Ottoman period in Hungary. Budapest. (Opuscula Hungarica III).
- Yngaraki A. G., 2005. Amphores crétoises: le cas d'Eleutherna, en Crète // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129.

Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг.¹

А. В. Поляков², И. П. Лазаретов³, Ю. Н. Есин

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139

В 2016–2017 гг. Саянская экспедиция ИИМК РАН при поддержке Русского географического общества (РГО) проводила исследования уникального археологического памятника Итколь II (Ширинский район Республики Хакасия). Раскопки на этом объекте были начаты в 2008 г. и велись на регулярной основе все это время (Поляков, 2010а, 2010б, 2014а, 2014б; Поляков, Есин, 2015; 2017; Поляков, Степанова, 2009; Степанова, Поляков, 2017). При этом были сделаны крайне интересные находки и получены уникальные артефакты. В данной статье представлены наиболее интересные материалы, полученные в ходе двух завершающих полевых сезонов работ на этом памятнике.

Могильник Итколь II, насчитывающий 44 кургана различных хронологических эпох, находится в восточной части Ширинского района Республики Хакасия (рис. 1). Он располагается на пологом склоне левого берега безымянной протоки, вытекающей из озера Тушинино, которое в своё время, видимо, было частью озера Итколь. Научный интерес представляет, прежде всего, наиболее раннее

«ядро» этого могильника, состоящее из курганов афанасьевской и окуневской культур. Особое значение этому памятнику придает необычное богатство и разнообразие обнаруженных в нем произведений искусства (изображения на плитах, уникальные изделия мелкой художественной пластики).

В течение двух полевых сезонов (2016–2017 гг.) при деятельном участии волонтеров РГО были исследованы пять курганов различных хронологических эпох. Один из них оказался относительно поздним и не содержал ценных научных материалов. Остальные четыре представляют значительный интерес и отражают раннюю историю периода палеометалла древних племен Минусинской котловины. Их описание будет дано с учетом хронологии, начиная с наиболее древнего.

Курган 25 (2016 г.). Монументальное сооружение афанасьевской культуры представляло собой кольцо диаметром 17,5 м из вертикально вкопанных плит песчаника с обработанными краями (рис. 2). Большинство из них были изъяты или обломаны при возведении курганов последующих эпох, но на одном из участков удалось реконструировать первоначальную высоту ограды, которая составляла не менее 1 м от уровня древней погребенной почвы. Курган был перекрыт весьма значительной земляной насыпью, которая на момент раскопок сохраняла высоту 0,60 м. На сегодняшний день это один из самых крупных исследованных курганов афанасьевской культуры.

В центре сооружения находилась могила в виде грунтовой ямы, перекрытой частично сохранившимся продольным деревянным накатом (восемь бревен диаметром по 0,30 м). На её дне зафиксированы остатки (голеи и ступни) погребения мужчины 30–45 лет в сопровождении двух

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)).»

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: poliakov@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

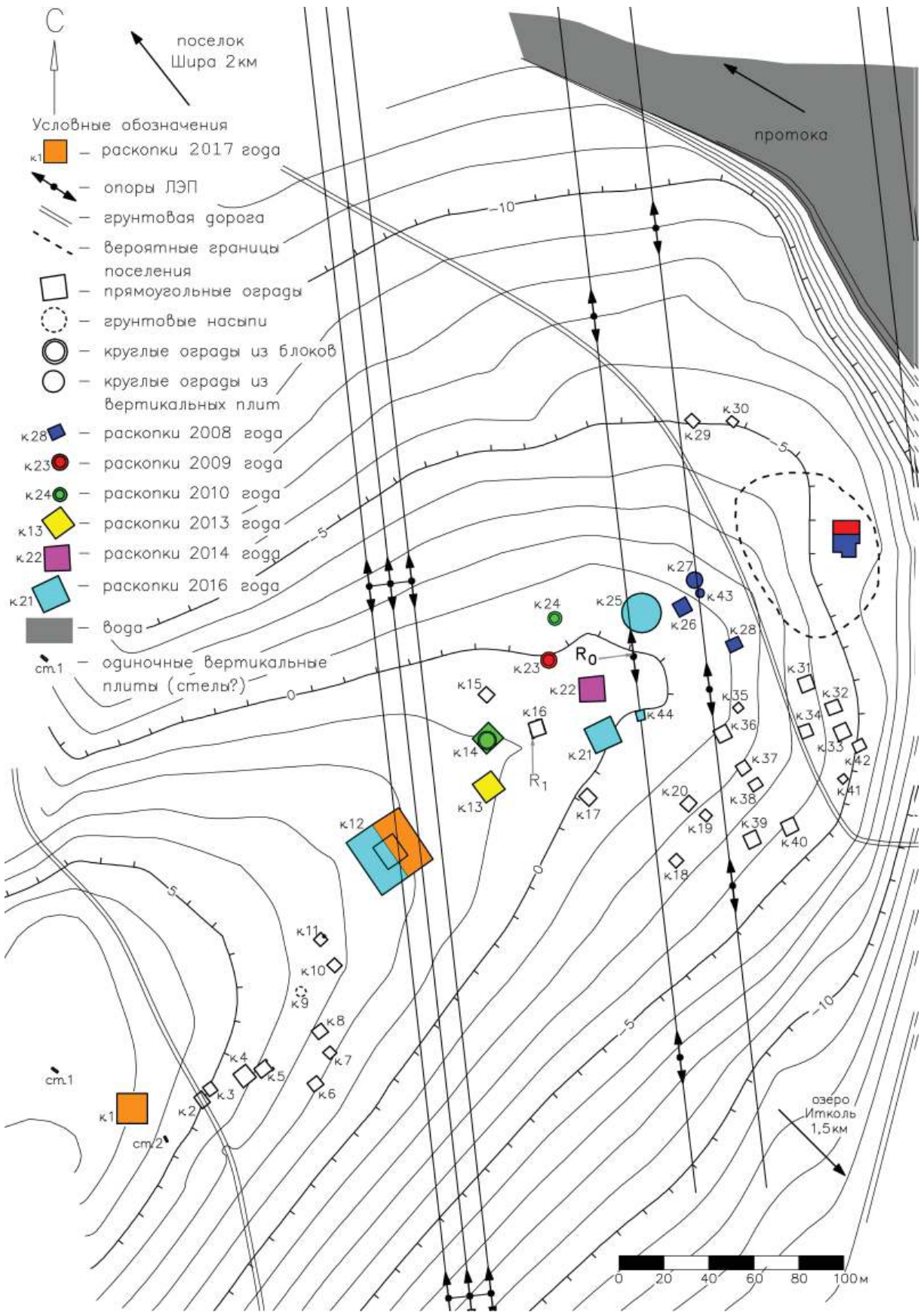

Рис. 1. План могильника Итколь II

Рис. 2. Итколь II, курган 25. Фото на уровне зачистки по «материку». Вид с северо-запада

сосудов, один из которых имел очень значительный объем, и комка охры (рис. 3). За пределами ограды с восточной стороны было обнаружено погребение ребенка в небольшой грунтовой яме в сопровождении комка охры, которое тоже, без сомнения, относится к афанасьевской культуре. По образцу дерева из перекрытия центральной могилы была получена радиоуглеродная дата (Le-11433 – 4240 ± 50), которая после калибровки с учетом двойной сигмы демонстрирует хронологический период 3002–2635 гг. до н. э. (рис. 4). Эти данные полностью совпадают с современными представлениями о хронологии афанасьевских памятников Среднего Енисея (Svyatko et al., 2009; Поляков, Святко, 2009; Поляков, 2010в; 2017; Поляков и др., 2017; 2018; Poliakov et al., 2018).

В окуневское время этот курган продолжал использоваться в ритуальных целях. В заполнение центрального афанасьевского погребения уже после того, как в ходе естественных процессов могила оказалась засыпана землей, была впущена яма заметно меньшего размера и иной ориентировки, прорезающая первичное захоронение до самого дна и уходящая на несколько сантиметров ниже (рис. 3). К сожалению, никаких следов погребения или иных действий зафиксировать в ней не удалось. Подобные ритуальные ямы обнаружены в кургане 12 этого же

Рис. 3. Итколь II, курган 25, могила 1. Фото дна погребения. Вид с востока

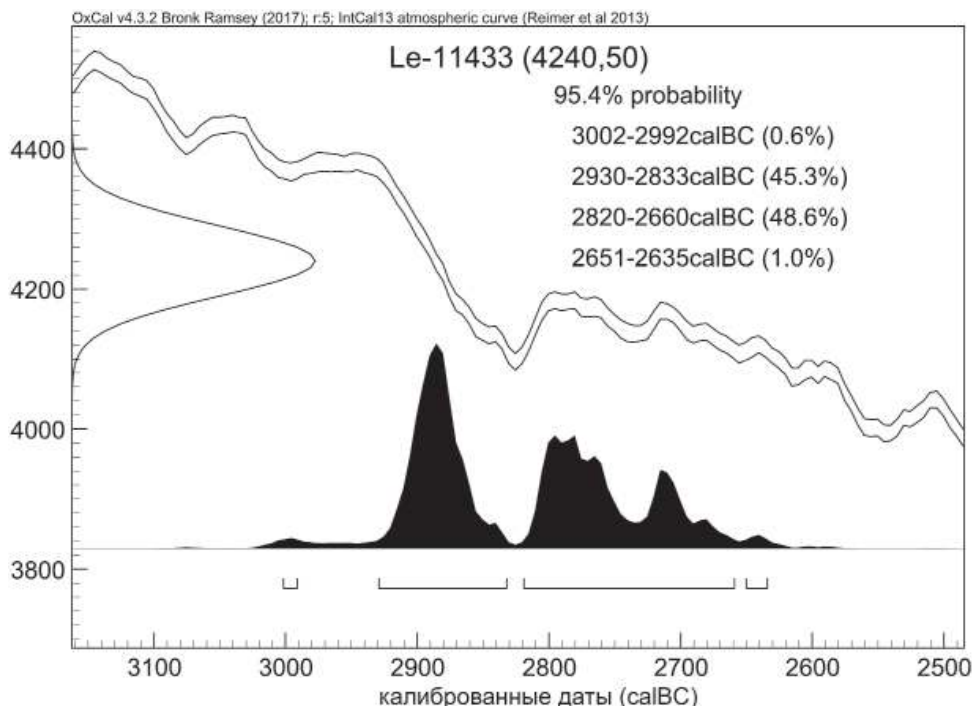

Рис. 4. Итколь II, курган 25, могила 1. Радиоуглеродная дата деревянных конструкций перекрытия

памятника, а также при исследовании могильников Малые Копены III и Уйбат V (Зяблин, 1981. С. 121; Лазаретов, 1997. С. 25, табл. VII). Назначение их остается неясным, но связь с окуневской культурой выглядит убедительной.

Кроме того, в верхней части насыпи кургана к западу и востоку от центра были обнаружены неглубокие ямы, содержавшие «шкуры» быков. От них сохранились черепа и кости передних конечностей. К востоку в подобии каменного ящика был найден один такой комплект, а к западу в обширной грунтовой яме – сразу восемь. По определению А. К. Каспарова они принадлежат очень крупной для эпохи ранней бронзы породе быков. Их высота в холке составляла 140–150 см. Подобные захоронения шкур быков найдены Н. В. Леонтьевым при раскопках окуневского могильника База Минторга на территории города Минусинска и при исследовании окуневских слоев стоянки Тоора-Даш (Наглер, Парцингер, 2006. С. 106, 107, рис. 11, 12; Семенов, 2018. С. 154, рис. 172, 173). Это позволяет связывать появление указанных объектов в насыпи кургана именно с окуневской культурой. Кроме того, захоронения черепов быков были обнаружены при раскопках кургана 1 могильника Итколь II (далее по тексту).

Вероятно, окуневским временем следует датировать детское погребение, совершенное с юго-

восточной стороны за оградой кургана. Оно не содержало сопроводительного инвентаря, однако, тот факт, что сама могила оформлена в виде каменного ящика, может указывать на ее окуневскую принадлежность. При разборке насыпи над погребением обнаружена небольшая каменная плита со следами обработки, которые позволяют определить, что она является обломком верхнего края афанасьевской ограды. На ней нанесены изображения животных в особом стиле (рис. 5). Вероятно, эти изображения и детская могила могут быть взаимосвязаны. Нет сомнений, что данное захоронение устроено в тот момент, когда афанасьевская ограда ещё не была полностью разрушена. Изображения на ней могли выбить в ходе проведения погребальных ритуалов в непосредственной близости от могилы.

Наиболее крупным рисунком на плите является фигура быка. Первоначально по контуру в технике плотной точечной выбивки было нанесено подпрямоугольное туловище, к которому затем добавили четыре ноги, показанные короткими вертикальными линиями (передние ноги не сохранились), хвост с утолщением на конце, голову быка с шеей и холкой. Внутри контур туловища заполнен разреженными продолговатыми сколами. Голова относительно туловища непропорционально маленькая и узкая. Два рога загнуты вверх и назад. Такой стиль отличается как от хорошо известных

Рис. 5. Итколь II, курган 25. Плита с изображениями, найденная возле могилы 3

изображений животных на плитах из курганов черновского этапа окуневской культуры, так и от рисунков минусинского стиля, претендующих на связь с афанасьевской культурой. Наиболее близки ему несколько рисунков быков памятника Усть-Туба II на южном склоне горы Тепсей (Blednova et al., 1995. P. 36), которые уже предлагалось отнести к раннеокуневскому времени (Есин, 2010б. С. 69). Представляют интерес некоторые аналогии изображений в таком стиле на Алтае и юге Казахстана, не образующие, впрочем, значительной серии (Кубарев, 2009. Рис. 566; Байпаков, Марьяшев, 2009. С. 44). Другое важное изображение этой плиты – два овала в виде отпечатков подошв обуви человека, выбитые выше быка и направленные носками в ту же сторону, что и голова животного. Изображения стоп – редкая тема в окуневском искусстве, но важная для изучения генезиса этой культуры (Есин, 2012. С. 73).

Курган 12 (2016–2017 гг.). Этот курган имеет очень продолжительную и сложную историю своего развития (рис. 6). Первоначально был возведен рядовой курган афанасьевской культуры диаметром около 10 м, окруженный круглой оградой из плашмя положенных плит песчаника. В его центре располагалась большая грунтовая могила с традиционным по инвентарю погребением афанасьевского времени (сосуды, роговые гвоздики, каменные пестики и, вероятно, ядро для пращи). Позднее этот курган перестроили самими афанасьевцами. Ограда в южной части была разобрана и параллельно первоначальной могиле 1 выкопана могила 2, а ограда восстановлена, но уже в форме вытянутого овала. В этой могиле совершено захоронение, из инвентаря которого сохранились только фрагменты афанасьевских керамических сосудов. Обе могилы были потревожены, вероятно, в окуневское время. Однако, необходимо отметить,

что никаких артефактов окуневской культуры в них не обнаружено. То есть дополнительные погребения в эти могилы не впускались.

В дальнейшем процесс переустройства этого погребального сооружения не прекратился. В раннеокуневское время (уйбатский этап) комплекс вновь был переоформлен. Вокруг кургана, вплотную к овальной афанасьевской ограде была построена прямоугольная ограда из вертикально вкопанных плит, размерами 10,5 × 11,5 м, а затем ещё одна размерами 28 × 30,5 м (это второй по величине исследованный окуневский курган после Тас-Хазаа). Таким образом, малая ограда оконтуривает в понимании окуневских строителей центральное сооружение, а большая является уже непосредственно оградой кургана. В ней располагалось 11 могил окуневской культуры. Подобная перестройка – не уникальное явление. Известно ещё три подобных случая: Пистах к. 3, Итколь II к. 14 и Камышта-2 к. 1, из которых первые два опубликованы авторами (Подольский, 1997; Поляков, Есин, 2015). Все три кургана первоначально представляли собой традиционное афанасьевское сооружение с круглой оградой из плашмя положенных плит и одной или несколькими могилами в центре. Позднее, в окуневское время, они были переформатированы: по периметру круглой ограды возведены прямоугольные ограды из вертикально поставленных плит. Причем, в одном случае (Итколь II к. 14) зафиксировано, что они прижаты к развалам афанасьевской ограды. То есть первоначальные сооружения были уже полуразрушенными, а значит, с момента их возведения и до перестройки прошло довольно много времени. М. Л. Подольский для таких сооружений предложил специальный термин – «впускной курган» (Подольский, 1997. С. 117). Вероятнее всего, причина таких действий кроется в желании использовать уже «готовую» насыпь афанасьевского кургана для нового сооружения.

По-видимому, для того чтобы «обезвредить» первоначальный афанасьевский курган и заново «освятить» погребальную площадку, в могилу 2 и была впущена окуневская ритуальная яма, не содержащая захоронения. Аналогичное назначение, вероятно, имела и ритуальная яма, встроенная в центральную афанасьевскую могилу кургана 25 (см. выше по тексту). Судя по тому, что в обоих случаях эти ямы прорезали заполнение ранних могил, можно утверждать, что хронологический разрыв между сооружением афанасьевских курганов и их перестройкой в окуневское время был достаточно большим. За это время первоначальные могилы уже заполнились грунтом.

Рис. 6. Итколь II, курган 12. Фото на уровне зачистки по «материку». Вид с северо-востока

По образцам деревянных перекрытий афанасьевских могил 1 и 2, а также окуневской могилы 3 в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН сделаны определения возраста (Le-11658 – 4320 ± 50 ; Le-11659 – 4150 ± 30 ; Le-11434 – 3940 ± 50), которые подтверждают описанную выше схему развития кургана (рис. 7). Все три образца выстраиваются в четкую хронологическую цепочку, которая демонстрирует последовательность сооружения могил. Хорошо заметно, что между всеми тремя событиями прослеживаются отчетливые разрывы, которые исключают одновременное или быстрое развитие описанных действий. Хронологические отрезки доверительных интервалов даже не пересекаются между собой. Если использовать для анализа медианы всех трех дат, то разрыв между 1 и 2 могилой составит около 200 лет, а могилами 2 и 3 – ещё 300 лет. Таким образом, общая история развития этого кургана насчитывает до половины тысячелетия.

В окуневское время на площади кургана было совершено 11 погребений и устроена серия различных ритуальных объектов. На основании типов погребальных конструкций и сопроводительного инвентаря 10 могил следует относить к уйбатскому этапу окуневской культуры (Лазаретов, 1997). Единственное сравнительно позднее захоронение, которое было впущено в насыпь этого кургана – могила 6. Она может датироваться относительно поздним черновским этапом.

Особое место среди исследованных захоронений занимает могила 3 (рис. 8). Вероятно, это наиболее раннее погребение окуневской культуры в рамках данного кургана. Оно было впущено в насыпь афанасьевского сооружения к западу от могилы 1, вплотную к ней (при этом была разобрана часть кольцевой ограды). Из окуневских могил она оказалась расположена ближе всех к центру кургана. Погребение совершено в грунтовой яме с заплечиками, которая была перекрыта продольным деревянным накатом и каменной кладкой. Захоронение производилось в два этапа. Первоначально в могилу поместили женщину 35–45 лет, умершую при родах или на поздней стадии беременности (на костях её таза были зафиксированы косточки плода). В погребении обнаружены разнообразные предметы сопроводительного инвентаря (сосуд, игольник, костяные и роговые изделия, медный нож и другие предметы), но особое значение имеет курильница с изображениями трех ликом с лучами (рис. 9).

Все лики на курильнице объединяют следующие признаки: одна горизонтальная линия между глазами и ртом, наличие только двух глаз, линии-лучи с внешней стороны контура лика с обособленными ямками возле концов или без них. Характерно также использование линий с ямками в качестве подвесок на кончиках бычьих рогов. Набор подобных особенностей обнаруживает

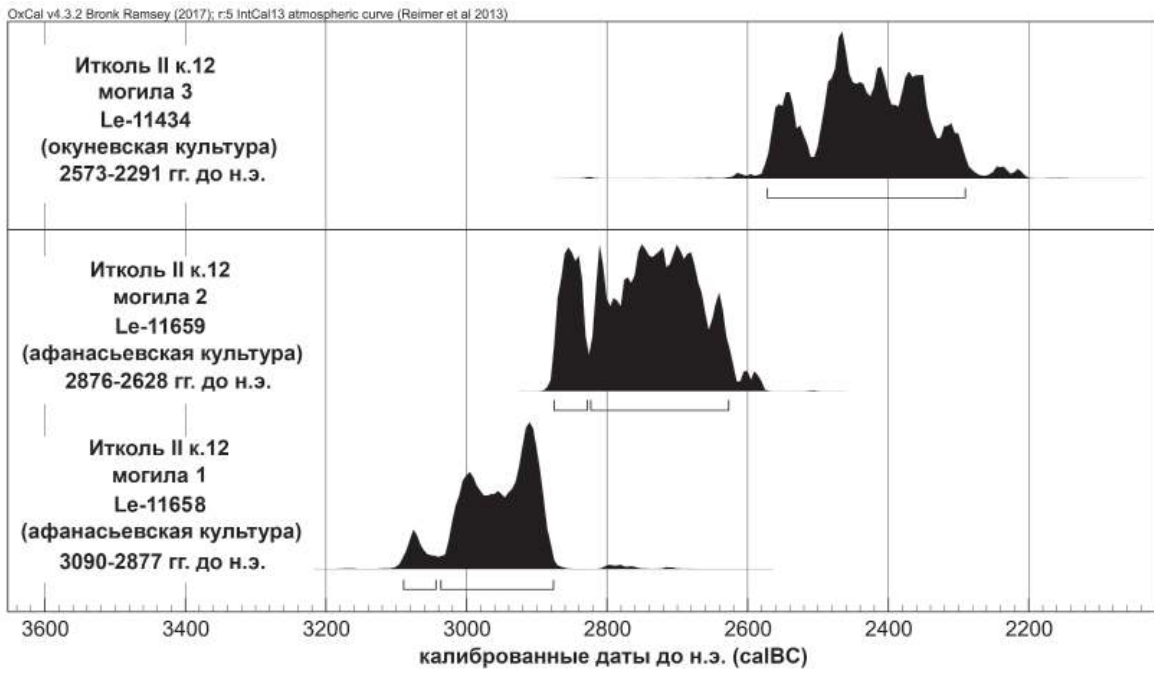

Рис. 7. Итколь II, курган 12, могила 1. Сопоставление радиоуглеродных дат деревянных конструкций перекрытий могил 1, 2, 3

Рис. 8. Итколь II, курган 12, могила 3. Фото дна погребения. Вид с северо-востока

Рис. 9. Итколь II, курган 12, могила 3. Курильница из погребения

серию параллелей среди изображений на стелах и скалах Минусинской котловины (Поляков, Есин, 2017. Рис. 4; Есин, 2008. Табл. I). Близкий по ряду признаков лик с лучами и рогами быка представлен на фрагменте стелы из могилы 10 того же кургана. В свое время изображения в аналогичном стиле были выделены в раннюю группу окуневского искусства, названную тасхазинской (Леонтьев, 1978). Благодаря находке в датированном погребении могильника Итколь II возраст этой стилистической группы теперь становится более ясен – около XXVI–XXIII вв. до н.э. Отнесение погребения и всего инвентаря к раннеокуневскому этапу снимает высказывавшуюся некоторыми исследователями гипотезу о принадлежности подобных изображений к афанасьевской культуре. Анализ изобразительной композиции на курительнице в контексте ее ритуальной функции и способа использования, а также сравнительный анализ с наскальными изображениями, позволил высказать ряд идей о содержании образов, их прагматике, идентифицировать с персонажами окуневского наскального искусства (Поляков, Есин, 2017).

Позднее в эту могилу было совершено подзахоронение ребенка 7 лет – девочки, судя по сопровождавшему её игольнику. Одежда ребенка в районе кистей рук (рукава одежды?) и за головой (головной убор?) украшена многочисленными нашитыми зубами различных животных. Всего в могиле обнаружено 157 подвесок с отверстиями для подвешивания или пришивания. Среди них больше всего зубов представителей диких видов: оленя (38 %), медведя (21 %) и волка (19 %) (определения выполнены А. К. Каспаровым). В меньшем количестве представлены коза (овца?), сурок, соболь, косуля, корова и лиса. Судя по состоянию зубов, они использовались очень продолжительное время. Зафиксированы многочисленные старые сломы и повреждения, которые были заполированы в результате длительного ношения. Можно полагать, что девочка приходилась родственницей погребенной ранее женщине, и обе, судя по многочисленности и «богатству» инвентаря, относились к привилегированной социальной группе.

Среди прочих погребений выделяется группа из пяти захоронений, оформленных в виде катакомб (могилы 4-а, 5, 11, 12, 13). Они имеют различный размер и глубину, а также отличающуюся в деталях конструкцию входной камеры (наклонный ход или вертикальная шахта), однако нет сомнения в их общности. С учетом подобных сооружений, исследованных в других курганах окуневской культуры, на сегодняшний день нам известно уже 15 могил этого типа. Причем все они марки-

руют наиболее ранний горизонт захоронений и самым непосредственным образом связаны с формированием окуневской культуры. Все возрастающее число погребений в катакомбах и ямах с заплечиками подтверждает верность параллелей с комплексами позднего и переходного ямно-катакомбного времени европейской степной зоны (Лазаретов, 1997. С. 39–40).

Исследование окуневских погребений данного кургана ещё раз позволяет обратить внимание на особую роль красной краски в погребальной практике раннего уйбатского этапа окуневской культуры. В могиле 12 были обнаружены многочисленные обломки тонких плит песчаника с косой сеткой, нанесенной краской (рис. 10). К сожалению, могила была сильно потревожена, и конкретную роль этих плит установить уже невозможно, но исследователи не раз фиксировали использование данного орнамента на стенках каменных ящиков (Хаврин, 1997. С. 73, рис. 4). Второй момент связан с окраской охрой поверхности практически всех сосудов уйбатского этапа. Обычно, сохраняются только её следы, однако на стенках сосуда из могилы 7 кургана 12 удалось проследить орнамент в виде повторяющейся вертикальной линии с развилкой наверху (рис. 11). Аналогичный изобразительный элемент, символизирующий, вероятно, язык змеи, встречается на антропоморфных стелах окуневской культуры (Ковалев, 1997. Табл. VII: 2, 3).

Курган 21 (2016 г.). Погребальное сооружение окуневской культуры представляло собой подквадратную ограду из вертикально вкопанных плит песчаника размерами 12 × 11 м со следами установки угловых камней, ориентированную по линии юго-запад–северо-восток (рис. 12). Вся площадь кургана была перекрыта насыпью, сделанной из материкового грунта. В ограде располагались девять погребений, из которых шесть оказались не потревоженными. Следует обратить внимание, что пять из них практически не содержали сопроводительного инвентаря. С одной стороны, это позволяет датировать курган финалом черновского этапа окуневской культуры, с другой, предполагать, что ограбление могил было произведено современниками, которые знали об отсутствии вещей в конкретных погребениях (рис. 13).

Вещевой комплекс кургана немногочисленен. Были обнаружены: два сосуда, два бронзовых лезвия ножа, серия бус и бисера, оселок, каменный и костяной наконечники стрел, зажимной гарпун, большая костяная игла с обломанным ушком и две подвески, изготовленные из клыков медведя и волка. Среди найденных артефактов следует особо отметить «выпрямитель древков стрел», найденный

Рис. 10. Итколь II, курган 12, могила 10. Окрашенные каменные плиты из погребения

Рис. 11. Итколь II, курган 12, могила 7. Сосуд из погребения

в могиле 4 (рис. 14). Это первая подобная находка в окуневских погребениях, так как для данного периода в принципе мало характерно размещение орудий производства и предметов вооружения в могилы.

В ходе разборки перекрытий могил были обнаружены шесть обломков плит с изображениями, датирующимися окуневской культурой. Это чрезвычайно распространенная практика для того времени. Вероятно, рисунки на каменных плитах выполнялись для конкретных ритуалов и после их проведения теряли свое сакральное значение.

Рис. 12. Итколь II, курган 21. Фото на уровне зачистки по «материку» до снятия перекрытий могил. Вид с северо-востока

В дальнейшем они использовались как простой строительный материал. Среди данной серии наибольший интерес представляет фрагмент стелы с изображением антропоморфного лица, к глазам, носу и рту которого «подвешены» семь сегментовидных фигур, а еще 11 таких фигур расположены в наголовье (рис. 15). Форма и способ использования фигур позволяют соотнести их с каменными «луновидными» предметами с одним или двумя отверстиями, найденными ранее в нескольких курганах окуневской культуры (Максименков, 1980. Табл. XXIII: 3; Кызласов, 1986. Рис. 188: 1, 2; Лазаретов, Поляков, 2018. Рис. 7: 3). Аналогичные изделия были в употреблении и у носителей культур соседних территорий той же эпохи (Есин, 2009. С. 123–130; Молодин, 2013). Имеющиеся контексты свидетельствуют об использовании таких предметов в качестве подвесок к костюму и головному убору в ритуальных целях. По одной из гипотез они передают форму молодой или убывающей луны и связаны с ее почитанием. Изображения на новой стеле дополнительно подтверждают обе эти интерпретации, а количество подвесок с учетом их места в композиции демонстрирует связь с ключевыми закономерностями лунного календаря. Заслуживает также внимания нос этого лица, одновременно изображающий змею с открытой пастью и клыками.

Рис. 13. Итколь II, курган 21. Фото центральной части кургана на уровне зачистки по «материку» после зачистки погребений. Вид с северо-востока

Рис. 14. Итколь II, курган 21, могила 3. Выпрямитель древков стрел из погребения

Рис. 15. Итколь II, курган 21, могила 3. Плита с изображением, использованная в качестве перекрытия ящика

Курган 1 (2017 г.). Курган располагался на юго-западной окраине могильника, в его самой высокой точке. В результате работ установлено, что он относится к финальному периоду окуневской культуры. Курган представлял собой прямоугольную ограду из вертикально вкопанных плит песчаника размерами 14,5 × 13 м, ориентированную длинными сторонами практически по линии запад–восток (рис. 16). Внутри ограды располагалась 21 могила (20 каменных ящиков и грунтовая яма). Впослед-

ствии вся площадь кургана была перекрыта земляной насыпью. К сожалению, 20 погребений оказались в различной степени потревожены. Не тронутой осталась только одна могила, содержащая захоронение трех детей. Судя по всему, погребения были потревожены ещё современниками, до создания единой насыпи. На уровне погребенной почвы, внутри ограды обнаружен камень весом свыше 50 кг, который, вероятно, использовался для раскалывания плит перекрытия могил при их ограблении.

В кургане похоронено не менее 51 человека (по данным антрополога Н. И. Лазаретовой). Из них только 20 были определены как взрослые индивидуумы. Пол установлен в 15 случаях: 12 мужчин и три женщины. Количество похороненных в этом кургане детей составляет свыше 60 %. Столь высокое число детей связано с их активным позднейшим подзахоронением в могилы взрослых. Данная особенность характеризует преимущественно поздний этап развития культуры, когда число отдельных детских могил стало заметно меньше. На всех черепках, сохранившихся в достаточной степени, фиксируется традиционная для окуневской культуры затылочно-теменная деформация (Беневоленская, Громов, 1997). Особенно интересен тот факт, что как минимум на 13 черепках из этого кургана обнаружены следы посмертной трепанации в районе затылочной и теменной костей (рис. 17). Схожие манипуляции с черепками были прослежены при раскопках могильника Разлив X (раскопки 1973–1974 гг. М. Н. Пшеницыной) (Медникова, 2001. С. 224). Интересно отметить, что этот могильник многие исследователи также относят к наиболее позднему периоду развития окуневской традиции (Савинов, 2005). По-видимому, данный обряд характерен для очень узкого хронологического горизонта, который маркирует финал окуневской культуры в северной части ее ареала.

Несмотря на практически повсеместное ограбление захоронений, в могилах обнаружена серия интересных артефактов. Найдены многочисленные астрагалы овцы, козы и косули со следами обработки, игольник с иглами и фрагменты ещё одного, костяная проколка, каменный скребок, фрагмент бронзового шила, бронзовая пронизка, две подвески из клыков медведя, половинка зажимного гарпуна и крупный мраморный шар с отверстием. Уникальной находкой (могила 5) являются две подвески с отверстиями, сделанные из обработанного эпистрофея волка или крупной собаки (рис. 18). В детской могиле 9 обнаружены сразу два ценных артефакта. Не уникальной, но довольно редкой является «стеатитовая головка» (рис. 19). Образец, обнаруженный в этой могиле, отличается не только

Рис. 16. Итколь II, курган 1. Фото на уровне зачистки по «материку» до снятия перекрытий могил. Вид с востока

Рис. 17. Итколь II, курган 1, могила 8. Затылочная часть черепа с трепанацией

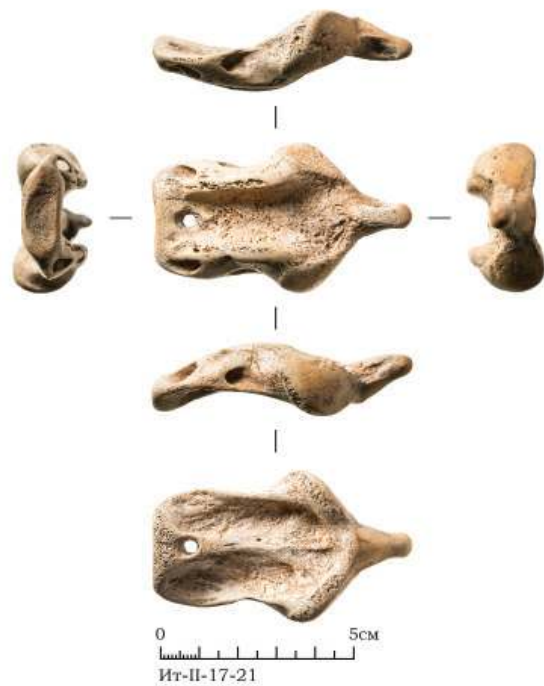

Рис. 18. Итколь II, курган 1, могила 5. Костяное изделие из эпистрофея волка

Рис. 19. Итколь II, курган 1, могила 12. «Стеатитовая головка» из погребения

значительными размерами, но и многочисленными хорошо проработанными деталями. Они позволяют оценивать, в том числе, и антропологический тип изображенной женщины (монголоидный). Любопытно изображение окружности у нее на груди, что сопоставимо с изображением так называемого солярного знака в той же позиции относительно антропоморфного лика на каменных стелах. В могиле был найден и другой уникальный предмет – сделанная из двух роговых пластин головка лося, лошади или собаки (рис. 20). На ней *in situ* обнаружены бусы, нанизанные когда-то на веревочку. Роль этой несохранившейся веревочки осталась не вполне ясна, но в контексте образа она напоминает повод для контроля над животным (возможно, обвязанный вокруг шеи), с помощью которого ребенок мог передвигать игрушку.

В погребениях встречены многочисленные кости животных. Большая их часть принадлежит одомашненным видам: овца, корова, коза, лошадь. Наряду с этим, в единичных случаях представлены и дикие виды: косуля, лось и медведь. У восточной стенки ограды кургана обнаружены захоронения черепов очень крупных быков (рис. 21). Судя по всему, они связаны с проведением ритуалов. С этой же целью за восточной стенкой ограды была сооружена специальная ритуальная площадка.

В последнее десятилетие подобные ритуальные площадки выявлены у многих окуневских курганов (Поляков, 2010б; 2014б; 2014в). В 2015 г. при

Рис. 20. Итколь II, курган 1, могила 12. Зооморфная головка из кости

Рис. 21. Итколь II, курган 1. Ритуальное захоронение черепа быка. Вид с востока

раскопках могильника Красная Горка-15 (объект 10) в Республике Тыва было исследовано прекрасно сохранившееся святилище эпохи ранней бронзы, имевшее аналогичную конструкцию (Лазаретов, Поляков, 2017). Ритуальная площадка кургана 1 могильника Итколь II наиболее соответствует ему по сумме признаков (рис. 22). Это отдельное прямоугольное сооружение, расположенное за восточной стенкой ограды кургана. Оно имеет примерно такой же размер, как сам курган, и полностью

Рис. 22. Итколь II, курган 1. Ритуальная площадка, расположенная к востоку от кургана. Вид с севера

аналогичную ориентировку. Границы ритуальной площадки оформлены вертикально вкопанными плитами песчаника, установленными «пунктиром», через равные промежутки. В центре расположен прямоугольный низкий (высота 0,20 м) каменный ящик, ориентированный четко в створ центральной могиле кургана. В нем обнаружены следы огня и мелко фрагментированные кости животных. По четырем углам от этого ящика выявлены ямы для установки вертикальных каменных плит (стел). В одном случае обнаружен обломленный «корень» такого вертикального камня. К северу от центрального ящика ритуальной площадки располагалась яма с плитками расклинки, которая предполагает установку ещё одной стелы, обращенной плоскостью на юг, в сторону «жертвеника». Крайне важно отметить, полную аналогию данных сооружений ритуальным площадкам, связанным с курганами чемурчекской культуры (Тишкин и др., 2012). Это свидетельствует о наличии у окуневского и чемурчекского населения единой религиозной доктрины, выразившейся в сходстве ритуалов, связанных с погребально-поминальной сферой.

В ходе исследования данного кургана были обнаружены 12 стел и плит, на которых имеются различные изображения или их части. Лучше всего сохранилась стела из красновато-коричневого

песчаника высотой 1,73 м, использованная в качестве перекрытия могилы 3 (рис. 23). Первоначальным изображением, созданным для большого коллективного обряда, здесь был крупный антропоморфный лик без контура с трехъярусной структурой. В нижнем ярусе показан овал рта с симметричными дугами-«клыками», по бокам которого симметрично расположены фигуры в виде языка змеи, обращенные развилкой в сторону рта. В среднем ярусе симметрично показаны два выгнутых вверх полуовала, символизирующих ноздри, два рога быка и два треугольника. В верхнем ярусе нанесены три окружности с силуэтными кружками в центре, обозначающие глаза. Выше глаз расположены три тройных дуги, концы которых раздваиваются в виде змеиных языков, и которые в антропоморфном контексте могут быть соотнесены с волосами. В единую композицию с ликом входит окружность с четырьмя уголками с внешней стороны, размещенная ниже рта, которую часто в литературе называют «соларный знак». По бокам этой окружности расположены два косых креста. Все эти изображения нанесены выбивкой с последующей шлифовкой. К более позднему времени относятся многочисленные выбитые округлые лунки, змеевидная линия возле глаз, прямая линия в правой нижней части стелы и пять изображений волов (в трех случаях комолых). В некоторых случаях фигуры животных перекрывают элементы первоначальной

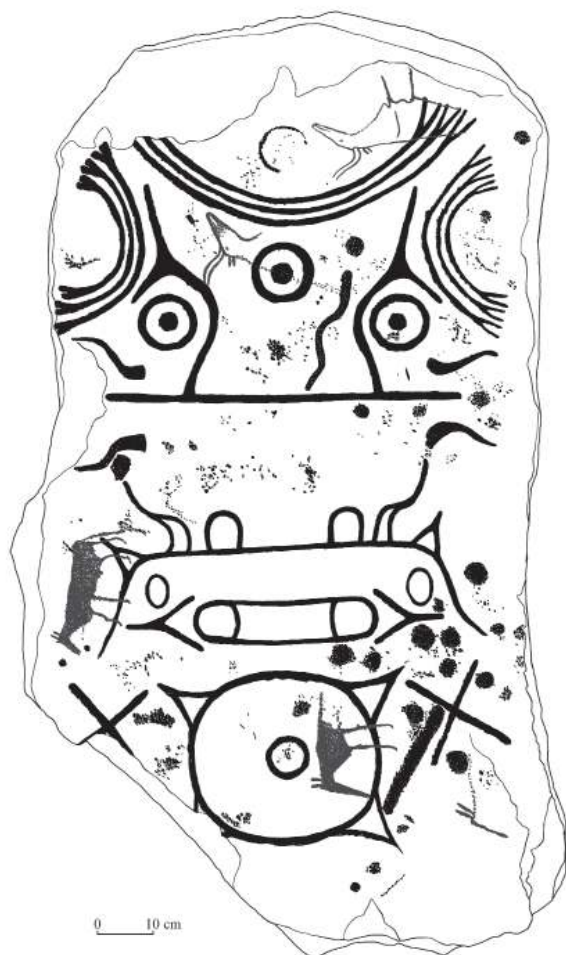

Рис. 23. Итколь II, курган 1, могила 3. Прорисовка плиты с изображениями, использованной в качестве перекрытия погребения

композиции. Судя по различной ориентации фигур крупного рогатого скота, их наносили на камень, когда стела лежала горизонтально.

Наиболее сложной и интересной является плохо сохранившаяся стела из покрытия могилы 4 (рис. 24). Первоначальное ее изображение – трехъярусный и трехглазый антропоморфный лик с овальным контуром. Спустя какое-то время для нового коллективного ритуала поверх лика был изображен редкий вариант знака в виде окружности с четырьмя лучами. Подобно лику, этот крупный рисунок играет роль основного изображения на стеле, что указывает на его очень важное место в ритуально-мифологических представлениях окуневцев. Вместо уголков, как у знака в нижней части стелы из могилы 3, здесь в качестве «лучей» изображены ритуальные сосуды на поддоне – «курильницы». Идентифицировать их позволяет серия аналогий в окуневском искусстве (Есин, 2010б. Рис. 9). Знак с четырьмя курильницами,

Рис. 24. Итколь II, курган 1, могила 4. Прорисовка плиты с изображениями, использованной в качестве перекрытия погребения

как и ряд других вариантов, показывает, что смысл таких рисунков гораздо сложнее простой «солярной» интерпретации. Данная композиция подкрепляет ранее высказанную гипотезу об этой группе изображений как визуальном воплощении представлений о священном мировом порядке, регулирующем природные и социальные явления, организацию пространства, цикличность времени и ритуалов (Леонтьев и др., 2006. С. 57–64; Есин, 2010а. С. 117–130). С менее значимыми для коллектива событиями связаны последующие сохранившиеся изображения на той же поверхности стелы: простой лик без контура (кружки его глаз и рот выбиты поверх описанных выше изображений); фигура вола; образ беременной женщины, с поясом, с разведенными в стороны руками и ногами.

Заключение

Таким образом, проведенные в 2016–2017 гг. раскопки курганов, датирующихся эпохой неолита и ранней бронзы Минусинской котловины, зна-

чительно обогатили наши знания и представления о населении, оставившем эти памятники. Каждый из исследованных комплексов имеет важное значение для понимания происходивших в этот период процессов. Особенно стоит отметить последовательную перестройку кургана 12, которая велась на протяжении 500 лет представителями двух различных культур. Могильник Итколь II в настоящее время занял одну из лидирующих позиций среди памятников окуневской культуры по числу обнаруженных изображений. Многие стелы и предметы мелкой пластики, обнаруженные в захоронениях памятника, являются уникальными и заметно продвигают нас на пути изучения духовной культуры этого древнего народа.

Источники и литература

- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., 2009. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы.
- Беневоленская Ю. Д., Громов А. В., 1997. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Есин Ю. Н., 2008. «Солнцеголовы» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропую тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово.
- Есин Ю. Н., 2009. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск.
- Есин Ю. Н., 2010а. Тайна богов древней степи. Абакан.
- Есин Ю. Н., 2010б. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Есин Ю. Н., 2012. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3.
- Зяблин Л. П., 1981. Окуневский курган на могильнике Малые Копены III // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.
- Ковалев А. А., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Кубарев В. Д., 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск.
- Кызласов Л. Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.
- Лазаретов И. П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2017. О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2018. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. № 2 (22).
- Леонтьев Н. В., 1978. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н., 2006. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан.
- Максименков Г. А., 1980. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.
- Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Молодин В. И., 2013. Каменные «луновидные» подвески в непогребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum. Сб. статей памяти академика Г. М. Бонгард-Левина. М.
- Наглер А., Парцингер Г., 2006. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.
- Подольский М. Л., 1997. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Поляков А. В., 2010а. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Поляков А. В., 2010б. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Материалы науч. конф.,

- посвящённой 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.
- Поляков А. В., 2010в. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул.
- Поляков А. В., 2014а. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.
- Поляков А. В., 2014б. Археологическое исследование комплекса памятников Итколь II–III // Научные экспедиции РГНФ. М.
- Поляков А. В., 2014в. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань. Т. I.
- Поляков А. В., 2017. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. № 16.
- Поляков А. В., Есин Ю. Н., 2015. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43, № 2.
- Поляков А. В., Есин Ю. Н., 2017. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул.
- Поляков А. В., Святко С. В., 2009. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // ТПАИ. Вып. 5.
- Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф., 2017. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул.
- Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф., 2018. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (21). Вып. 5.
- Поляков А. В., Степанова Н. Ф., 2009. Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. Т. XV.
- Савинов Д. Г., 2005. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. Вып. 1.
- Семенов Вл. А., 2018. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.
- Степанова Н. Ф., Поляков А. В., 2017. Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников оз. Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д., 2012. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул.
- Хаврин С. В., 1997. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris. Fasc. № 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie).
- Poliakov A. V., Svyatko S. V., Stepanova N. F., 2018. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the «shorter» chronology // Radiocarbon. Cambridge. Vol. 60.
- Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J., 2009. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. Cambridge. Vol. 51, № 1.

Поселение XVIII в. «Усадьба Рассоховатый-I» на границе Воронежской и Ростовской областей¹

Р. В. Филиппенко²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-140-155

В ноябре–декабре 2015 г. Кантемировской археологической экспедицией ИИМК РАН были проведены охранные археологические раскопки поселения «Усадьба Рассоховатый-I». Объект археологического наследия находился на границе Воронежской и Ростовской областей, на водоразделе, к северо-западу от ст. Анно-Рибриковская, к юго-западу от с. Сергеевка (нежил.), на слабо понижающейся к северу площадке склона в основании Безымянной балки. Северная часть памятника расположена в Кантемировском районе Воронежской области, южная – в Чертковском районе Ростовской области. Площадь исследования располагалась на распаханном поле с участком защитных лесных насаждений в юго-западной части раскопа (рис. 1). Работы были обусловлены расположением памятника на территории строительных работ «Строительство железнодорожной линии Прохоровка – Журавка – Чертково – Батайск. 1 этап. Двухпутная электрифицированная железная дорога на участке Журавка – Миллерово».

В конце XV в. были созданы объективные предпосылки для колонизации обширной практически не заселенной территории лесостепи – «Поля» на южной границе России. В начале XVI в. земли по р. Воронеж фактически входят в состав Российского государства. С 1571 г. в придонских степях орга-

низуется постоянная сторожевая служба, что способствует закреплению за Россией и южной части Воронежского края. В конце XVI в. и в течение XVII в. заселяется северо-западный угол современной Воронежской области, защищенный Белгородской чертой. За Белгородской чертой в XVII в. находились откупные уюжья (Загоровский, 1992. С. 27).

Предположительно, в непосредственной близости к участку обследования располагался Богучарский уюжь – в XVII в. сдаваемая в аренду для рыбной ловли, охоты на пушного зверя и бортничества незаселенная территория по р. Богучару (Баучару), правому притоку Дона, в пределах современных Богучарского и Кантемировского районов Воронежской области. Первое письменное упоминание о реке Баучаре (Богучаре), содержится в документе конца XVI в. «Росписи польским дорогам». Как и большинство Воронежских откупных уюжьев Богучарский уюжь стал сдаваться воронежским воеводой в аренду с 1 сентября 1614 г. В 1615 г. арендатором уюжья был Воронежский стрелец Иван Шемаев. Годовая оплата за пользование уюжьем составляла 9 рублей. Во второй половине XVII в. вместо названия «Богучарский уюжь» стало использоваться в том же значении «Богучарский Юрт». К 1685 г. Богучарским юртом завладел Дивногорский Успенский монастырь (Загоровский, 1992. С. 28)

Постоянные поселения на территории района обследования возникают в конце XVII – начале XVIII в. Заселение района было связано с попытками донских казаков основать в бассейне р. Богучар свои населенные пункты. Возникают казачьи слободки: Монастырщина, Абросимово и другие. В начале XVIII в. был основан донскими казаками городок Богучар, но был разрушен в 1705 г.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранный археологии. E-mail: rovf74@mail.ru.

Рис. 1. Усадьба Рассоховатый-1. План участка исследования

адмиралом Ф. М. Апраксиным по приказу Петра I с выселением всех жителей, с запретом селиться на Богучаре без специального разрешения.

В 1716–1717 гг. сюда были переселены служилые «черкасы» (украинцы по русской терминологии XVII в.) и создана Богучарская сотня Острогожского черкаского полка. Появляются также вольные переселенцы с Украины. Именно с первой трети – середины XVIII в. ведут свою историю населенные пункты, расположенные в непосредственной близости от участка обследования, такие как Константиновка (Кантемировка), Зайцевка, Титоровка, Хрипунова, Писаревка в Воронежской губернии и Маньков, Греков, Чикунов на территории Области Войска Донского. До 1779 г. территория нынешних Богучарского и Кантемировских районов входила в пределы Острогожского уезда Слободской Украины, с 1779 г. участок обследования располагался на границе образованных Богучарского и Калитвянского уездов Воронежского наместничества и земли Войска Донского (рис. 2). В 1797 г. Богучарский и Калитвянский уезд вновь переданы в Слободско-Украинскую губернию, а в 1802 г. возвращены в Воронежскую. Екатерина II в 1765 г. упразд-

нила слободские черкаские полки, в том числе и Острогожский. Рядовые черкасы бывшего Острогожского полка стали называться «войсковыми обывателями» и составили в дальнейшем одну из групп государственных крестьян. Старшины Острогожского полка превратились в помещиков, многие из них получили дворянское звание. В дальнейшем рост помещичьего землевладения происходил за счет земель «войсковых обывателей» (Загорский, 1973. С. 54).

Локализовать территорию участка обследования на старых планах, учитывая пограничное расположение участка и точность картографии тех лет, достаточно сложно. Интересен на наш взгляд План генерального межевания 1780 г. (Генеральный план Богучарского уезда. Часть IV) (рис. 3), где подробно указываются географические объекты, такие как реки, овраги, балки и т.д. В юго-западной части плана указан овраг Плоский (с расположенным в нем хутором Плоский), переходящий к югу в овраг Рассоховатый. На плане указаны слободы Клубковка, Мышкина, просуществовавшие до середины XX в. и слободы Писарев и Титарев, существующие по сей день. Проведя сравнение расположения современных временных водотоков

(балки, овраги) в районе исследования с указанными на планах генерального межевания Богучарского и Калитвянского уездов, возможно расположить участок обследования у южных отрогов оврага Рассохватый, расположенного у юго-западной границы Богучарского уезда. На данном плане какой-либо населенный пункт (хутор или слобода) на месте участка обследования не обозначены.

Раскопками на поселении была вскрыта площадь 4904,39 кв. м (рис. 4). Общая стратиграфическая ситуация раскопа представлена следующими слоями. Поверхность раскопа представлена слоем пахоты мощностью от 0,35 м до 0,55 м. В юго-западной части раскопа слой пахоты перекрывает слой дерна мощностью до 0,15 м. Граница подошвы слоя пахоты нечеткая. Слой представляет собой сильногумусированный тёмноокрашенный суглинок с оттенками от тёмно-коричневого до чёрного цвета. Под пахотой залегал темноокрашенный суглинок с включением материковых суглинков темно-желтого и коричневых оттенков. Граница кровли слоя нечеткая, мощность варьировала от 0,05 м до 0,65 м. Материк представлял собой плотную супесь светло-коричневого цвета со следами нор землероек.

С уровня темноокрашенного суглинка с включением материка открыты три ямы. Яма 1 овальной формы, размерами 0,97 × 1,78 м, глубиной 0,16 м. Заполнение ямы состояло из темно-серого суглинка с включением извести (рис. 5). Яма 2 подпрямоугольной формы, размерами 6,65 × 4,97 м, глубиной 2,22 м, с отвесными стенками и практически плоским дном. Заполнение ямы состояло из напластований суглинков с включением битого кирпича и извести (рис. 6). Яма 3 подпрямоугольной формы со скошенными углами, размерами 3,52 × 3,44 м, глубиной 1,05 м, с отвесными стенками и плоским дном. Заполнение ямы состояло из напластований суглинков с включением битого кирпича (рис. 7).

Ямы располагались цепочкой по линии северозапад–юго-восток, параллельно существующей полевой дороге, проходящей по вершине водораздела. Ямы 1 является хозяйственной, а ямы 2 и 3, учитывая их размеры и форму, предположительно служили подвальными помещениями существовавших на этом месте строений. Можно предположить, что постройки над подвальными помещениями были сооружены из дерева, как наиболее доступного в то время ма-

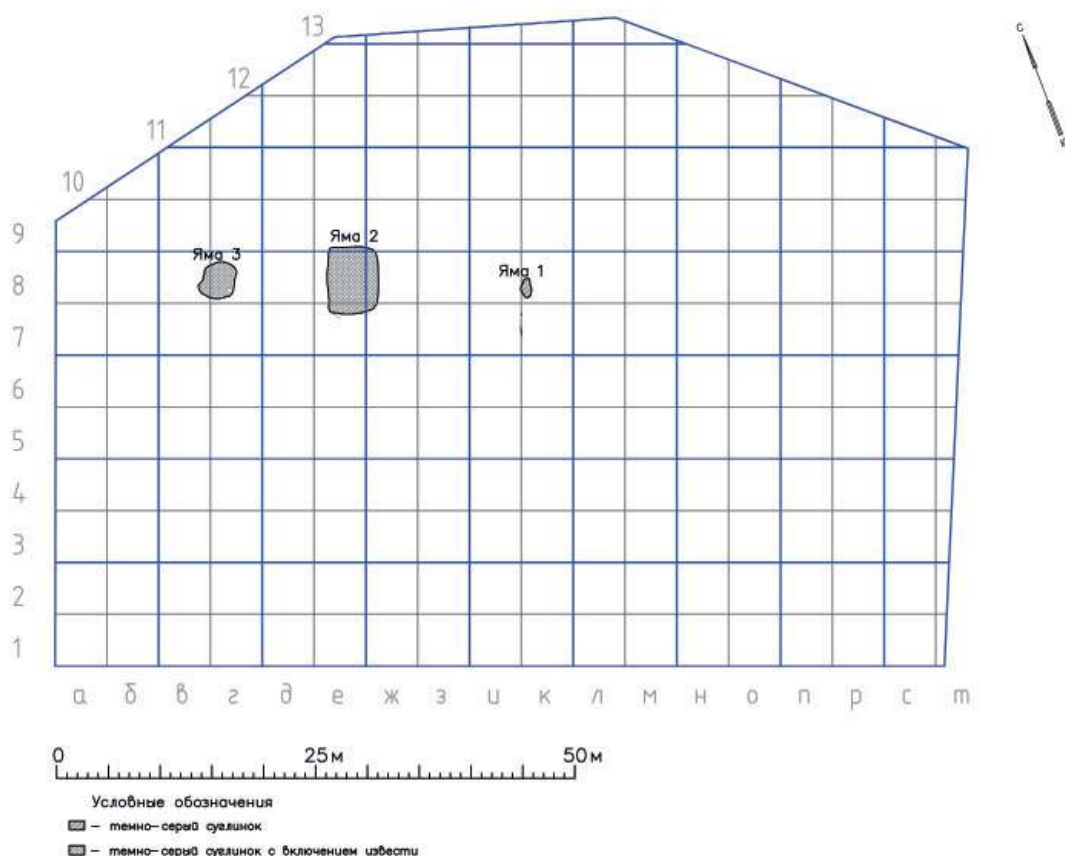

Рис. 4. Усадьба Рассохватый-1. План выявленных объектов

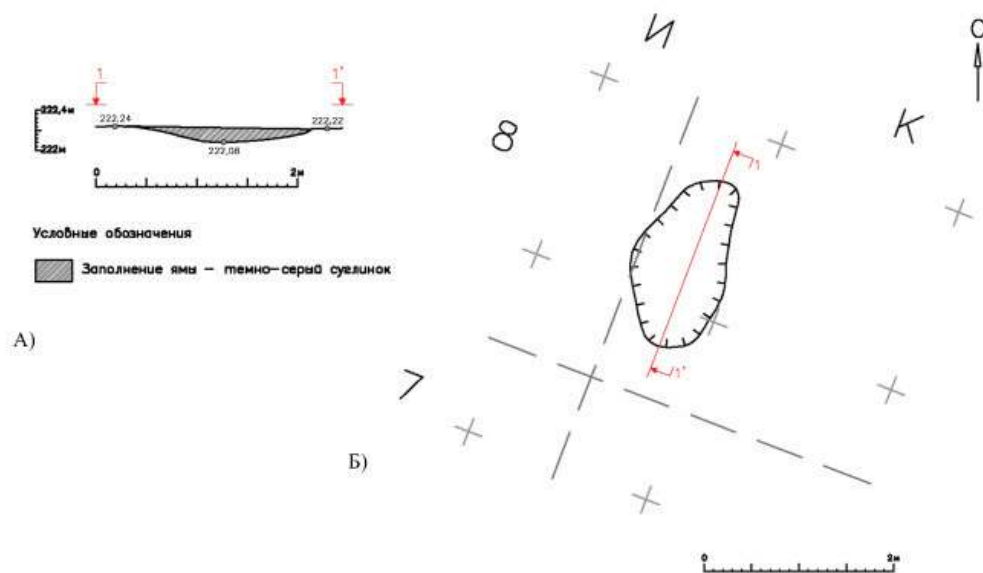

Рис. 5. Усадьба Рассохватый-1. Яма 1. А – разрез. Б – план

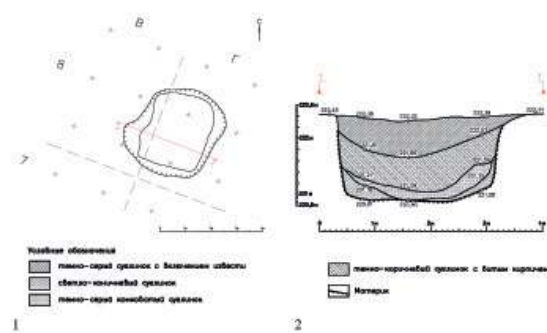
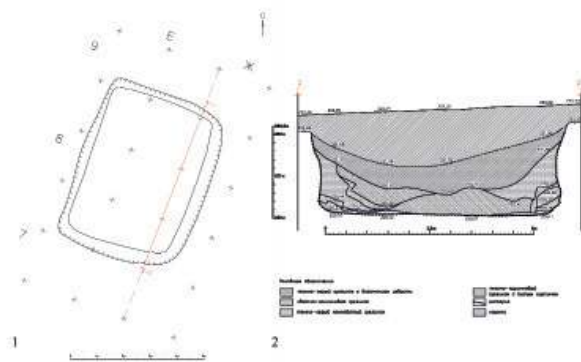

Рис. 6. Усадьба Рассохватый-1. Яма 2. 1 – план. 2 – разрез. 3 – общий вид с юго-востока

Рис. 7. Усадьба Рассохватый-1. Яма 2. 1 – план. 2 – разрез. 3 – общий вид с юго-востока

териала. В дальнейшем постройки были разобраны, а весь образовавшийся строительный мусор, включая остатки отопительных сооружений и ненужные предметы быта, были обрушены в яму бывшего подвального помещения. По-видимому, деревянные сооружения были характерными постройками в регионе Донецкого бассейна в XVIII в. В пользу этого предположения можно привести данные из статьи Кравченко Э. Е. и Мирошниченко В. В. (2007. С. 46, 47) где указывается, что постройки Казачьей пристани и других поселений среднего течения Северского Донца конца XVII – XVIII в. были сооружены из дерева. Часть их представляла наземные или слегка углубленные в грунт деревянные, обмазанные глиной жилища, характерные для этой территории вплоть до начала XX в.

Особый интерес представляет вещественный материал, обнаруженный при раскопках памятника. Основная часть находок представлена фрагментами керамики (рис. 8–24). Керамическая посуда очень многообразна и отличается высоким качеством. Абсолютное большинство фрагментов принадлежит тонкостенным сосудам, изготовленным на гончарном круге с большими оборотами, украшенными орнаментом, нанесенным красной или коричневой

краской. Посуда представлена белоглиняными сосудами, тарелками, блюдами, мисками, кувшинами, горшками, крышками с ангобом бежевого или светло-розового оттенков. Часть посуды украшена росписью терракотового цвета в виде параллельных полос, «волны», штриховки или коротких мазков, или «галочек». Преимущественно роспись наносилась на плечики и венчики сосудов, в ряде случаев прослежено нанесение одной двух параллельных полос на внутреннюю часть венчика. Тарелки и блюда расписаны по краю и внутренней части сложным узором из параллельных линий, и орнамента в виде «волны». На части сосудов встречена полива тёмно-зеленого цвета. Часть посуды имеет внутри нагар. Подобная посуда найдена при исследовании поселения Казачья Пристань в Славянском районе Донецкой области и датируется концом XVII – первой половиной XVIII в. (Кравченко, Мирошниченко, 2007. С. 47). Схожая посуда встречена при раскопках Казачьего городка, расположенного у станции Старогригорьевской в Волгоградской области, комплекс датируется монетами началом XVIII в. (Скворцов, 2015а. С. 169–172). Сосуды из белоглиняной керамики с красной росписью встречены при раскопках в Москве и также датируются монетами концом XVIII – XIX в. (Розенфельд, 1968. С.47).

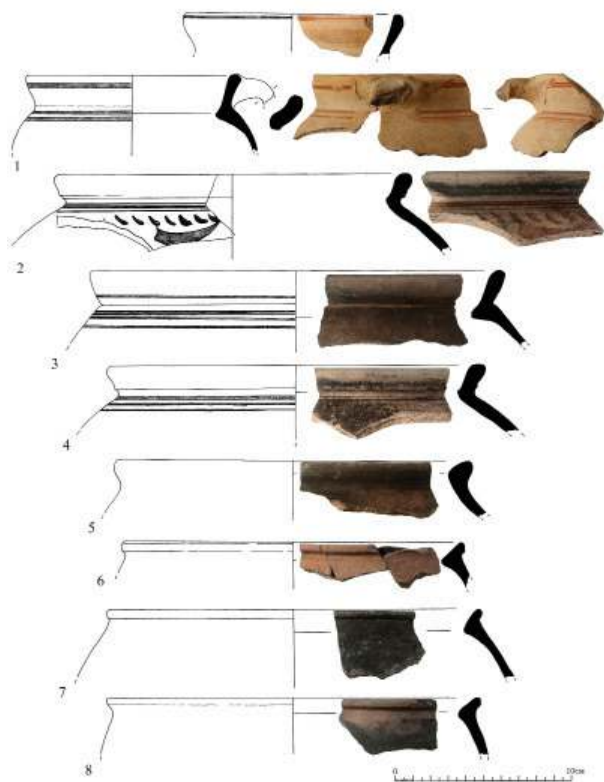

Рис. 8. Усадьба Рассоховатый-1. 1–8 – фрагменты белоглиняных сосудов

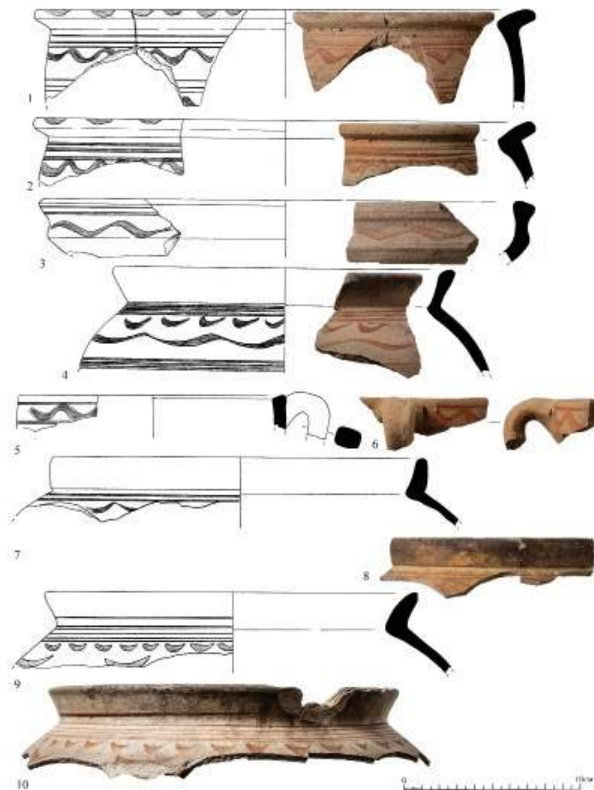

Рис. 9. Усадьба Рассоховатый-1. 1–10 – фрагменты белоглиняных сосудов

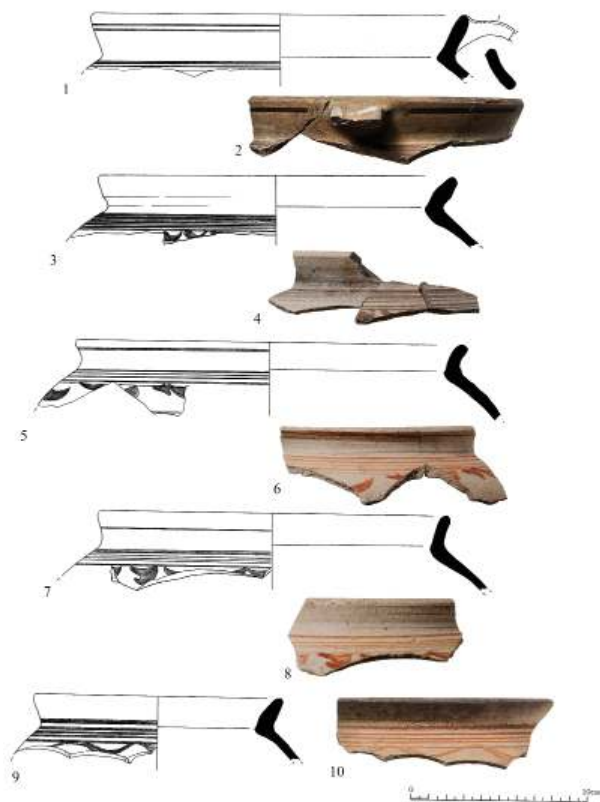

Рис. 10. Усадьба Рассохватый-1. 1–10 – фрагменты белоглиняных сосудов

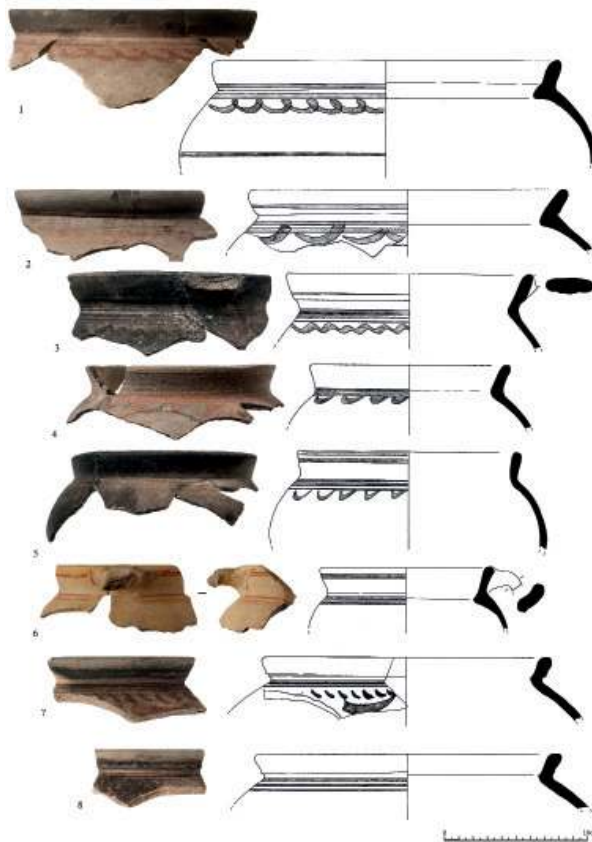

Рис. 12. Усадьба Рассохватый-1. 1–8 – фрагменты белоглиняных сосудов

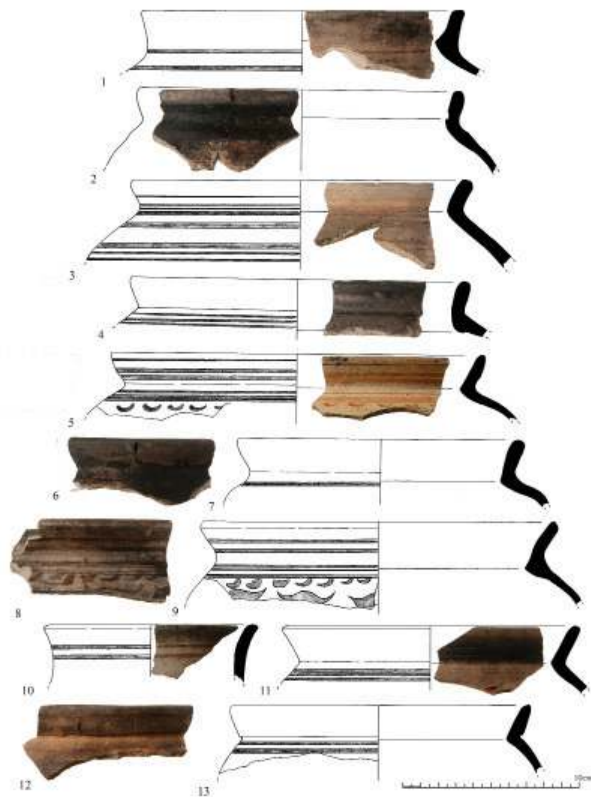

Рис. 11. Усадьба Рассохватый-1. 1–13 – фрагменты белоглиняных сосудов

Рис. 13. Усадьба Рассохватый-1. 1–13 – фрагменты белоглиняных сосудов

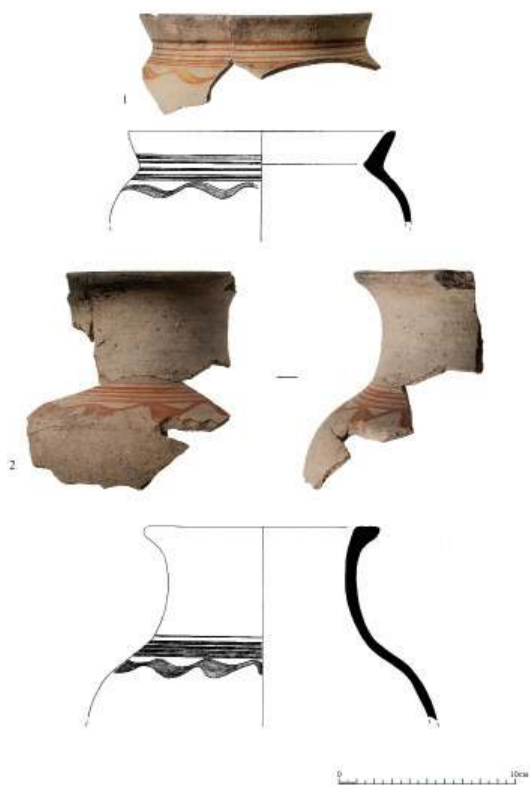

Рис. 14. Усадьба Рассохватый-1. 1, 2 – фрагменты белоглиняных сосудов

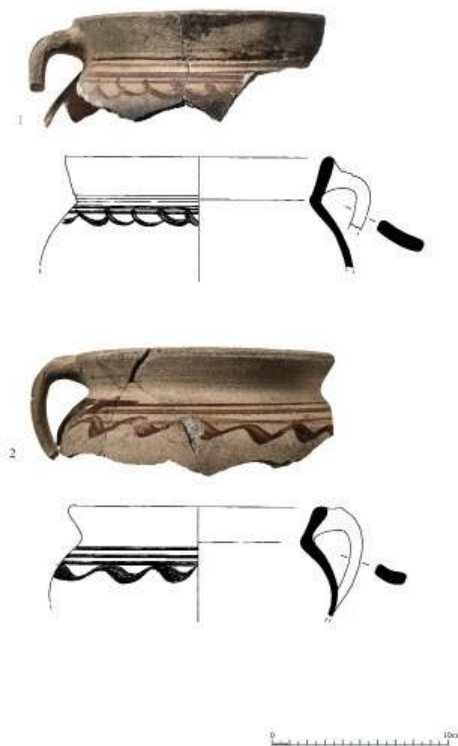

Рис. 16. Усадьба Рассохватый – 1. 1, 2 – фрагменты белоглиняных сосудов

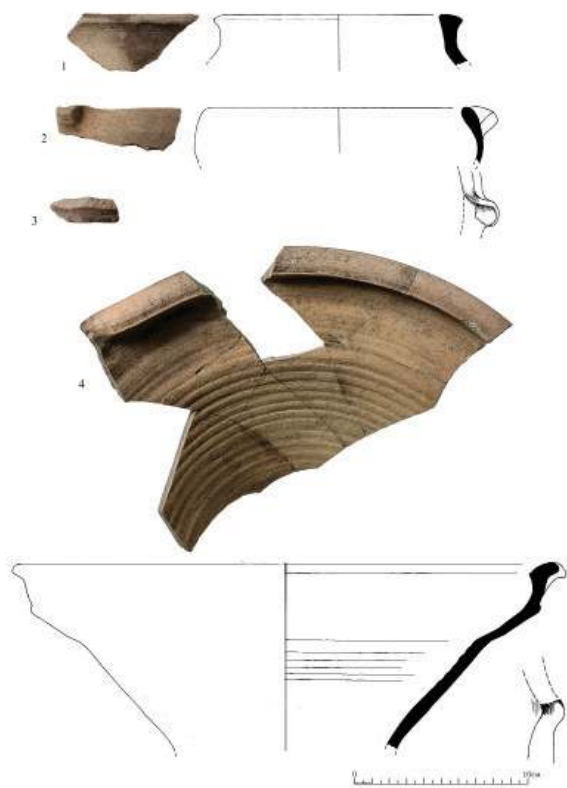

Рис. 15. Усадьба Рассохватый-1. 1–4 – фрагменты белоглиняных сосудов

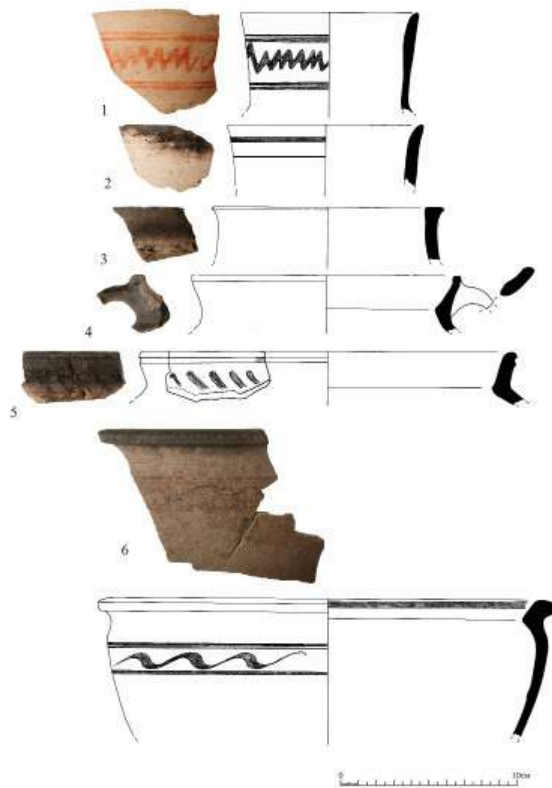

Рис. 17. Усадьба Рассохватый-1. 1–6 – фрагменты белоглиняных сосудов

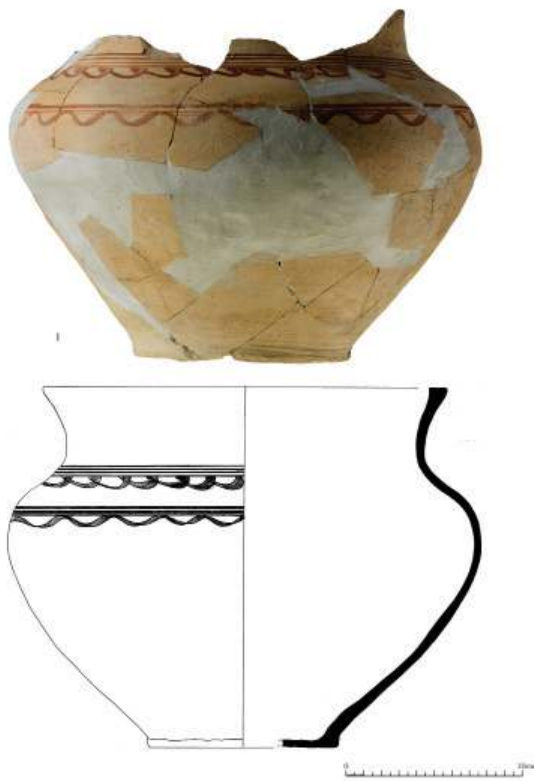

Рис. 18. Усадьба Рассохватый-1. 1 – белоглиняный сосуд

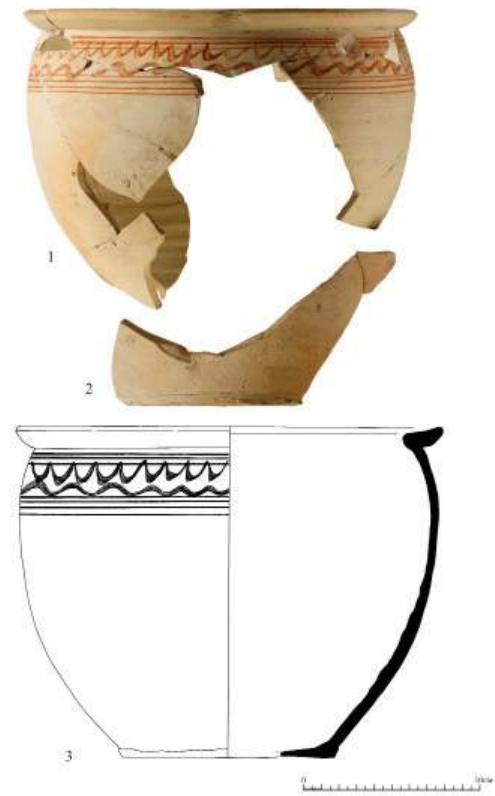

Рис. 20. Усадьба Рассохватый-1. 1-3 – белоглиняный сосуд

Рис. 19. Усадьба Рассохватый-1. 1 – белоглиняный сосуд

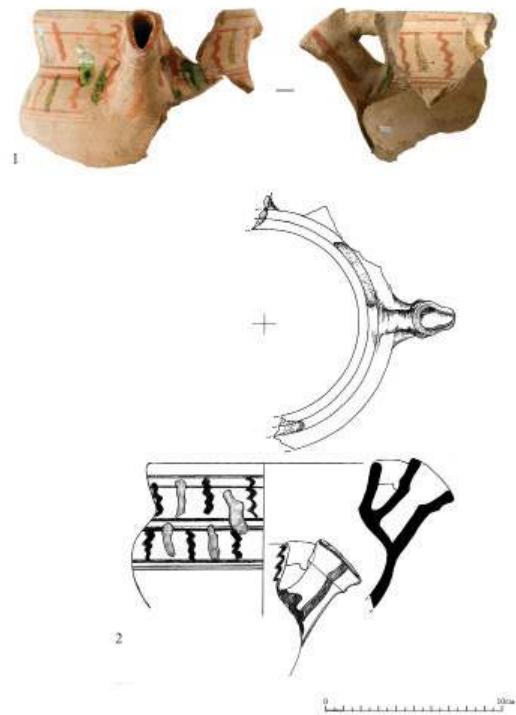

Рис. 21. Усадьба Рассохватый-1. 1, 2 – белоглиняный сосуд

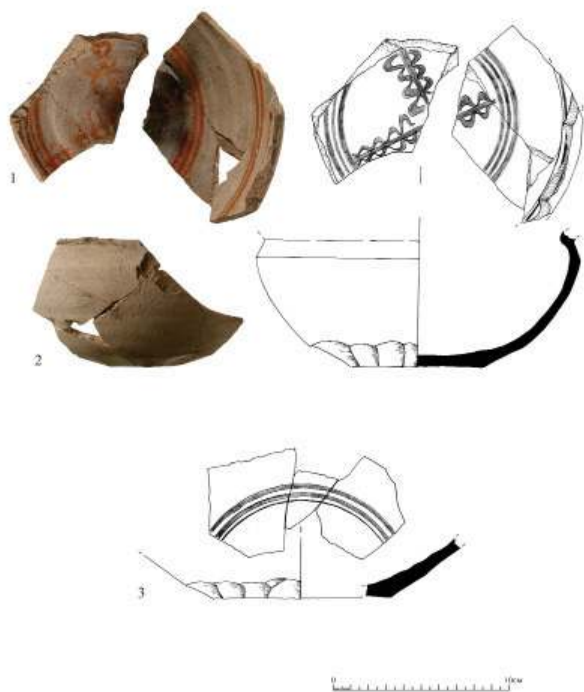

Рис. 22. Усадьба Рассохватый-1. 1–3 – фрагменты белоглиняных мисок

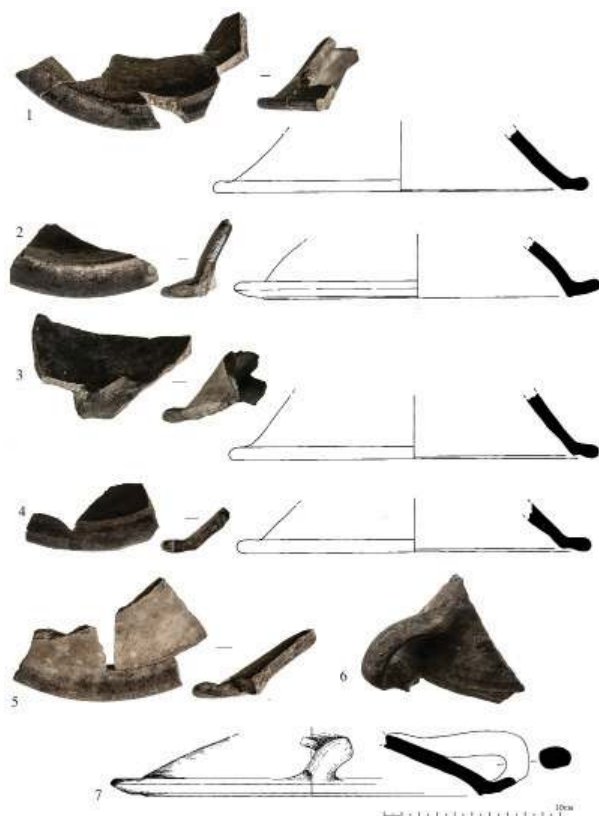

Рис. 24. Усадьба Рассохватый-1. 1–7 – белоглиняные крышки

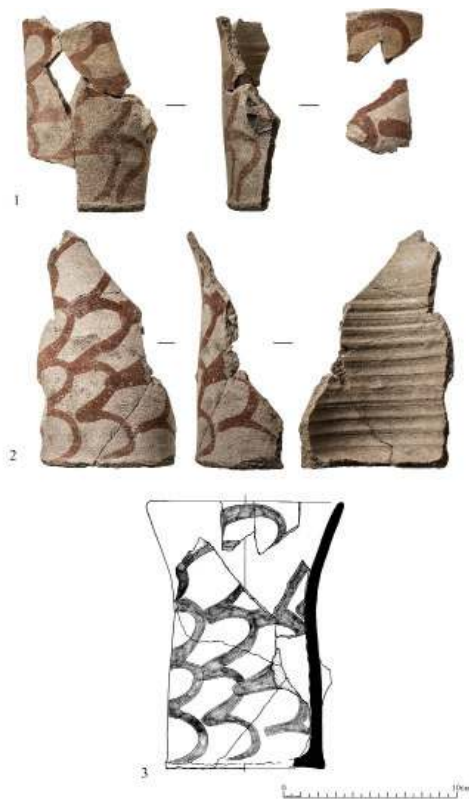

Рис. 23. Усадьба Рассохватый-1. 1–3 – белоглиняная кружка

Среди фрагментов керамики обращает внимание наличие довольно большого количества печных изразцов (рис. 25–27). Изразцы плоские, коробчатые белоглиняные, размерами $29,02 \times 0,13 \times 0,05$ м; высота румпы $0,05$ м. Глина на изломе розоватого цвета с бежевым ангобом. Лицевая часть изразцов украшена рельефным растительным орнаментом, заключённым в ступенчатую рамку. Внутренняя часть отдельных изразцов сохранила следы нагара. Стоит выделить фрагмент белоглиняного изразца, коробчатого с рельефным растительным орнаментом и частью надписи «...Д (...) ЦЬ» (рис. 26: 1, 3). Подобные белоглиняные печные изразцы изготавливались на Левобережной Украине на территории нынешней Сумской, Харьковской и Полтавских областей в XVII–XVIII вв. «Кафли» со схожим орнаментом встречены при раскопках на среднем течении Северского Донца (Кравченко, Мирошниченко, 2000. С. 41–43, рис. 1–3). Подобные печные изразцы, датируемые XVIII в., с Левобережной Украины описаны в монографии Ю. И. Лащука (1993. С. 42, 43). Схожие по качеству материала и орнаменту фрагменты изразцов найдены при раскопках у станции Старо-григорьевской (Скворцов, 2015б. С. 162, 169–202,

Рис. 25. Усадьба Рассохватый-1. 1–4 – белоглиняная печные изразцы

Рис. 27. Усадьба Рассохватый-1. 1, 2 – белоглиняный печной изразец

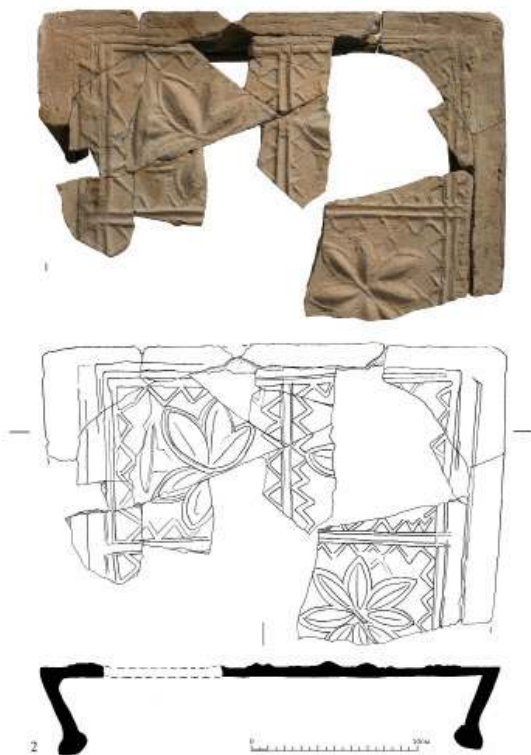

Рис. 26. Усадьба Рассохватый-1. 1, 2 – белоглиняный печной изразец

рис. 43: 3, 83). К отопительным сооружениям также относятся найденная в количестве 15 экземпляров печная красноглиняная обмазка и кирпичи. Красноглиняные обожженные кирпичи обнаружены двух типов. Тип 1: кирпич размерами $0,27 \times 0,13 \times 0,07$ м. Тип 2: кирпич размерами $0,19 \times 0,10 \times 0,05$ м. Кирпичи второго типа отличаются посредственным качеством и, вероятно, кустарного производства. По всей видимости, изразцовая печь в конце XVII – XVIII в. в данном регионе не считалась роскошью и пользовалась большой популярностью.

Еще одна категория археологического материала представлена изделиями из цветного металла – фрагментами медных колечек, накладок и пряжек (рис. 28: 2, 5, 8, 9), пуговицей (рис. 28: 1), фрагментами колокольчика (рис. 28: 4). Особо стоит выделить серебряную подвеску-медальон: круглая, плоская с рельефным изображением с обеих сторон. На одной стороне изображен стилизованный трехмачтовый корабль, на другой – профиль мужчины и надпись (не читается) (рис. 28: 6). Крестообразный свинцовый предмет (печать/пломба?) с рельефным изображением на обеих сторонах: креста на одной стороне, квадрата с четырьмя «лепестками» по

Рис. 28. Усадьба Рассоховатый-1. Изделия из цветного металла: 1 – пуговица, 2 – фрагмент колечка, 3 – фрагмент пломбы, 4 – фрагмент колокольчика, 5 – пряжка, 6 – медальон, 7, 8 – накладка, 9 – накладка рукояти ножа, 10 – ложка

сторонам на другой (рис. 28: 3); серебряная чайная ложка (рис. 28: 10).

Достаточно многочисленная категория археологических находок представлена изделиями из черного металла (рис. 29–35). Встречено большое количество кованых гвоздей различных размеров, в том числе небольших обувных гвоздиков, кованные костыли, скобы (жиковины), шплинты. Отдельную группу составляют инструменты: ножи различных размеров, в том числе складной (рис. 32: 5), зубило, пробойники, фрагмент серпа (рис. 30: 10), кованая игла (рис. 29: 3). Элементы конской упряжи представлены пряжками; особо стоит выделить деталь конской сбруи – П-образную пряжку с отверстиями на концах, один конец облман, на одном сохранилась инкрустация желтым металлом (рис. 33: 4). Найдены фрагменты подков (рис. 34: 3) и путной кованой цепи (рис. 31: 4). Среди прочих находок стоит выделить элементы дверной фурнитуры, такие как фрагменты петель и кованных дверных крюков. Отдельно стоит вы-

Рис. 29. Усадьба Рассоховатый-1. Изделия из черного металла: 1 – рыболовный крюк, 2, 4, 5, 10 – скобы, 3 – игла, 7, 8 – шильки, 9 – крюк

Рис. 30. Усадьба Рассоховатый-1. Изделия из черного металла: 1, 2, 5–9 – жиковины, 3 – крюк, 4 – кольцо, 10 – фрагмент серпа

Рис. 31. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из черного металла: 1 – замок, 2, 3, 5 – скобы, 4 – путная цепь, 6 – игла

Рис. 32. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из черного металла: 1, 2, 5, 8–10 – ножи, 3, 4, 6 – гвозди

Рис. 33. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из черного металла: 1–4 – пряжки

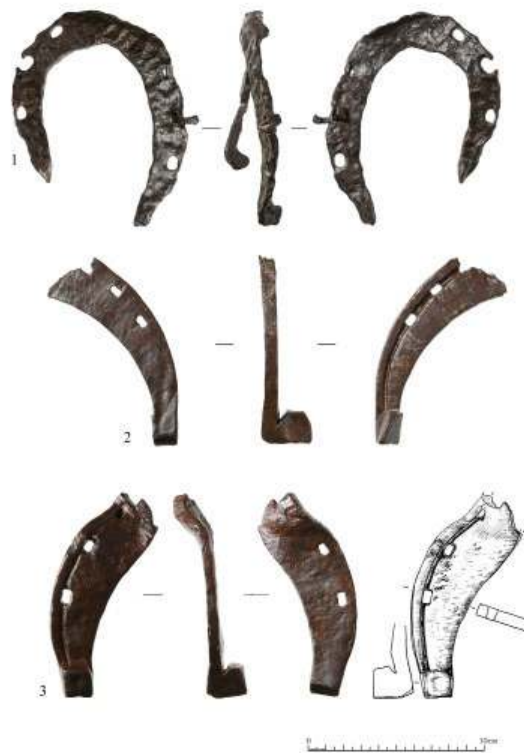

Рис. 34. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из черного металла: 1–3 – подковы

Рис. 35. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из черного металла: 1–6 – фрагменты котлов

делить железный врезной замок с личиной в виде маковки (рис. 31: 1). Стоит упомянуть о найденных фрагментах чугунных котлов (рис. 35: 1–6) и рыболовного железного крюка (рис. 29: 1).

Наряду с предметами из черного металла обнаружено довольно много стекла. Стекланные предметы представлены фрагментами бутылей, штофов, рюмок, оконного стекла и бусиной (рис. 36–38). Особенно стоит выделить фрагмент штофа, прозрачного зеленого стекла, с клеймом с надписью «ЛОЛДО[N]» (рис. 36: 6). Среди единичных находок стоит выделить фрагмент орнаментированной чашки красноглиняной «турецкой» курительной трубки, фрагмент стенки фаянсового сосуда и три каменных оселка из сланца (рис. 39). В пределах раскопанного участка собрана богатая фаунистическая коллекция. Она включает кости крупного рогатого скота, лошади, мелкого рогатого скота, свиньи и единичные кости собаки (Филиппенко, 2017. С. 13–17).

Исследованный памятник прекрасно датируется монетами (рис. 40). Подробный анализ монетных находок с поселения представлен в статье Горлова К. В. и Филиппенко Р. В. (2017. С. 221–230). Обна-

Рис. 36. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из стекла: 1, 4–6 – фрагменты сосудов, 2 – бусина, 3 – оконное стекло, 7, 8 – фрагменты бутылей

Рис. 37. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из стекла: 1–5 – фрагменты бутылей

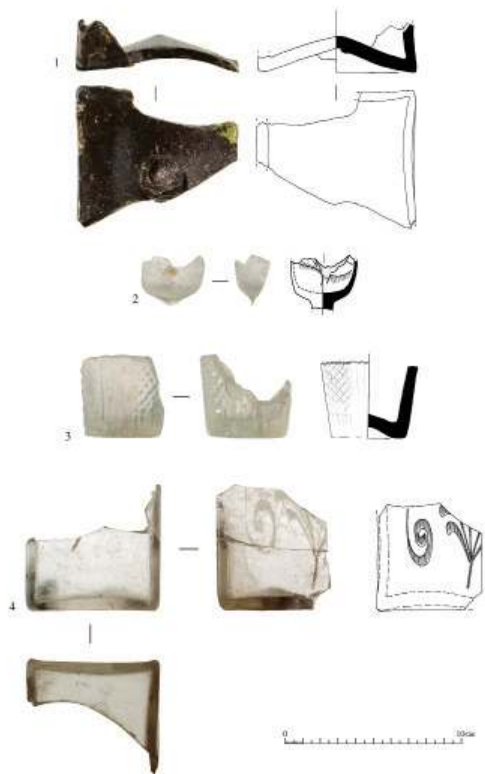

Рис. 38. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из стекла:
1, 4 – донце штофа, 2, 3 – рюмки

Рис. 39. Усадьба Рассохватый-1. Изделия из камня:
1–3 – оселки

Рис. 40. Усадьба Рассохватый-1. 1–12 – монеты

ружено 19 экземпляров в слое пахоты, три экземпляра в заполнении ямы 2 и три экземпляра в заполнении ямы 3. Нижняя дата на основании нумизматического материала относится, скорее всего, к 30-м гг. XVIII в. Монеты, найденные в закрытых комплексах (яма 2 1749–1760 гг., яма 3 1759–1760 гг.), датируют существование поселения 40-ми – началом 60-х гг. XVIII в. Отсутствие монет Петра III может объясняться их непродолжительной чеканкой и относительной редкостью. Но наличие только двух монет Екатерины II в слое пахоты со значительной временной оторванностью от основной серии и разрывам друг от друга на 21 год, скорее всего, говорит о прекращении существования поселения в границах участка в третьей и четвертой четвертях XVIII в. Точно можно сказать, что к концу XVIII в. поселение перестает существовать, что хорошо маркирует отсутствие монет мелких номиналов Павла I, которые чеканились в изобилии. В итоге, на основании «нумизматической» хронологии можно предложить две даты бытования поселения: широкую с 1730-х по 1780-е гг. и узкую с 1740-х по начало 1760 гг.

Таким образом, время бытования поселения у южной окраины урочища Рассохватый приходится

на середину XVIII в. Отсутствие более ранней и более поздней застройки сделало этот населенный пункт идеальным местом для проведения археологических исследований. Тем не менее историческая интерпретация этого позднейшего археологического комплекса может быть определена пока только в самых общих чертах. Ко времени составления подробных планов и полных податных списков в 80-х гг. XVIII в. усадьба на месте участка обследования прекратила свое существование. На материальную культуру Усадьбы Рассохватый оказало влияние как время существования поселения, так и его географическое положение. Расположение на границе Войска Донского, Украины и Русского государства обусловило то, что материальная культура Усадьбы Рассохватый практически не отличается от поселений этого же времени в обширном регионе Донецкого бассейна, что в целом отражает сложный процесс формирования населения на южной границе Русского государства в середине XVIII в.

Скворцов Н. Б., 2015а. Керамика в обряде казаков Старо-григорьевского городка // Известия ВГПУ. Волгоград. № 7.

Скворцов Н. Б., 2015б. Отчёт о проведении научно-исследовательских работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятник археологии) Старогригорьевский казачий городок в 2015 году // Архив ИА РАН.

Филиппенко Р. В. 2017. Отчёт о проведении в 2015 году раскопок на объектах археологического наследия: «Усадьба Рассохватый-1», «Одиночный курган у с. Колесниковка», «Курганный могильник Чикунова-П». Т. 2 // Архив ИА РАН.

Источники и литература

Горлов К. В., Филиппенко Р. В., 2017. Характеристика нумизматической коллекции, обнаруженной при раскопках поселения «Усадьба Рассохватый-1» // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.

Загоровский В. П., 1973. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж.

Загоровский В. П., 1992. Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж.

Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., 2000. Изразцы поселения Казачья Пристань // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.

Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., 2007. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань) // Святогірський альманах. Донецк.

Лашук Ю. П., 1993. Українські кахлі IX–XIX ст. Ужгород.

Розенфельд Р. Л. 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. М. (САИ. Вып. Е 1-39).

Междисциплинарные исследования

Монетный клад 40-х гг. XVII в. с территории Курского детинца¹

К. В. Горлов², Р. С. Веретюшкин

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-156-174

В ходе проведения археологических раскопок на территории детинца древнего Курска в 2016 г. был обнаружен клад русских серебряных монет (рис. 1; 2). Детинец располагается в историческом центре города и содержит напластования средневековья и нового времени. Исследования производились на участке реконструкции храма Воскресения Христова по ул. Луначарского, 4/1. На раскопе 12 был вскрыт участок культурного слоя памятника, располагавшийся вдоль юго-восточной стены церкви (рис. 3). В процессе расчистки культурных напластований, имеющих следы позднейших перекопов, на кв. 8В был обнаружен керамический сосуд с серебряными монетами. В силу потревоженного характера горизонта обнаружения клада достоверно связать его с каким-либо из изученных на раскопе 12 комплексов весьма проблематично. С точки зрения планиграфии и глубины залегания находка ближе всего располагалась к яме 8 – большому крепостному многоуровневому сооружению с сохранившимся котлованом подвального помещения размерами 5 × 5 м. В его заполнении было встречено большое количество керамики и вещевых находок XVII в., в том числе и монетных (находки № 149; 694; 333; 333а; 428; 498; 505; 528; 724; 591; 613; 787).

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: costik.gorlov@yandex.ru.

Изучение клада показало, что он состоит из 426 русских серебряных³ монет, представляющих эмиссии Ивана IV, Бориса Годунова, Владислава Жигимонтовича, периода шведской оккупации Новгорода, Второго земского ополчения и Михаила Федоровича (рис. 4).

К правлению Ивана IV принадлежит наиболее ранняя монета 1542–1547 гг., чеканенная на Новгородском денежном дворе (Каталог, № 1). Ее лицевая сторона несет изображение всадника в трехчастном венце и лигатуру ФС под ногами коня (Мельникова, 1989. С. 41).

Эмиссия Бориса Годунова представлена московской копеей 1599 г. с лигатурой М/о на аверсе (Каталог, № 2). Обе монеты отчеканены на основании трехрублевой монетной стопы с «уставным» весом 0,68 г (Мельникова, 1989. С. 29).

Присяга Москвы Владиславу Жигимонтовичу отразилась в составе депозита копеей 1611 г. (Каталог, № 3). Вес монет с именем польского королевича варьируется в широком диапазоне от 0,34 до 0,67 г (Мельникова, 1989. С. 116). Масса «курской» копейки соответствует этим рамкам.

Заключительный этап Смутного времени в составе клада представляет копейка Второго земского ополчения, чеканенная в Москве на Временном денежном дворе (Мельникова, 1989. С. 131, 132).

³ Количественно-качественный анализ металла монет не производился, но, поскольку все они отчеканены оригинальными штемпелями на денежных дворах, с большой долей уверенности можно утверждать, что сырьем для них служило серебро. В пользу этого свидетельствует и вес монет.

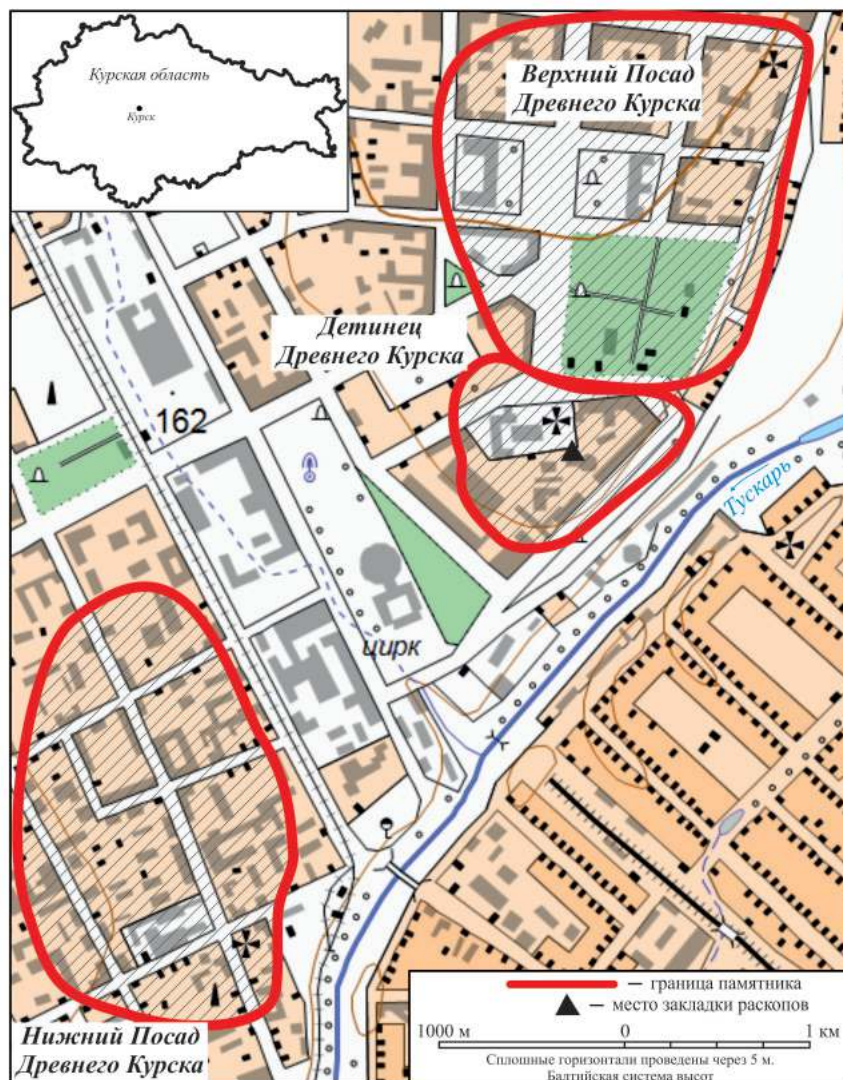

Рис. 1. Ситуационный план археологического комплекса «Древний Курск»

Рис. 2. Клад русских серебряных средневековых монет, обнаруженный в 2016 г. в Курске

Лицевая сторона денежного знака несет лигатуру М/о, а оборотная – имя последнего легитимного правителя из рода Рюриковичей Федора Ивановича (Каталог, № 4). Весовая норма таких монет тяготеет к 0,51–0,60 г (Мельникова, 1989. С. 125, 131). Масса копейки из клада меньше «уставных» показателей.

В занятом осенью 1612 г. шведскими войсками Новгороде возобновилась чеканка монет с использованием старых русских маточников и понижением веса (Зверев, 2013. С. 137). В составе клада этой эмиссии принадлежат две монеты (Каталог, № 5, 6). Для их чеканки использован лицевой маточник Лжедмитрия I с буквами НРГІ под всадником и оборотный с именем Василия Шуйского. С. В. Звереву удалось проследить и систематизировать этапы разрушения маточника

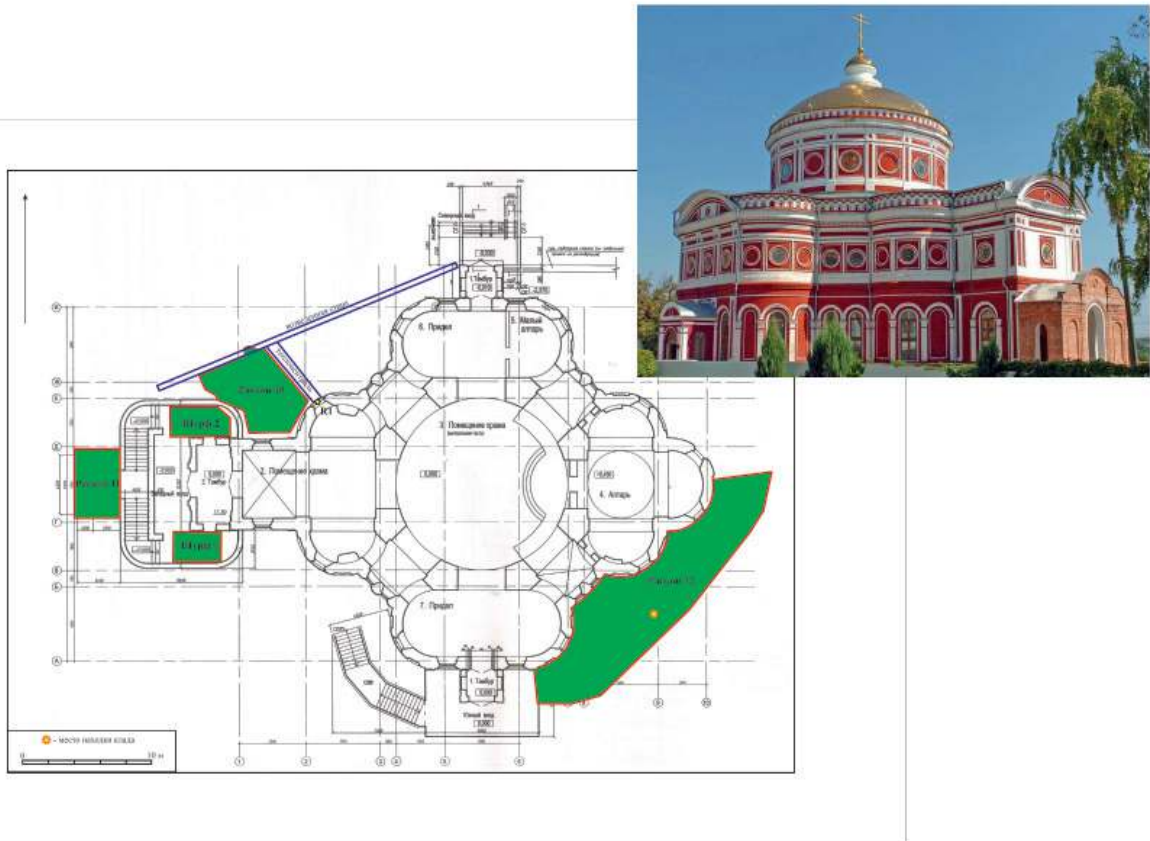

Рис. 3. Воскресенский храм г. Курска. Место обнаружения клада на схеме расположения раскопов

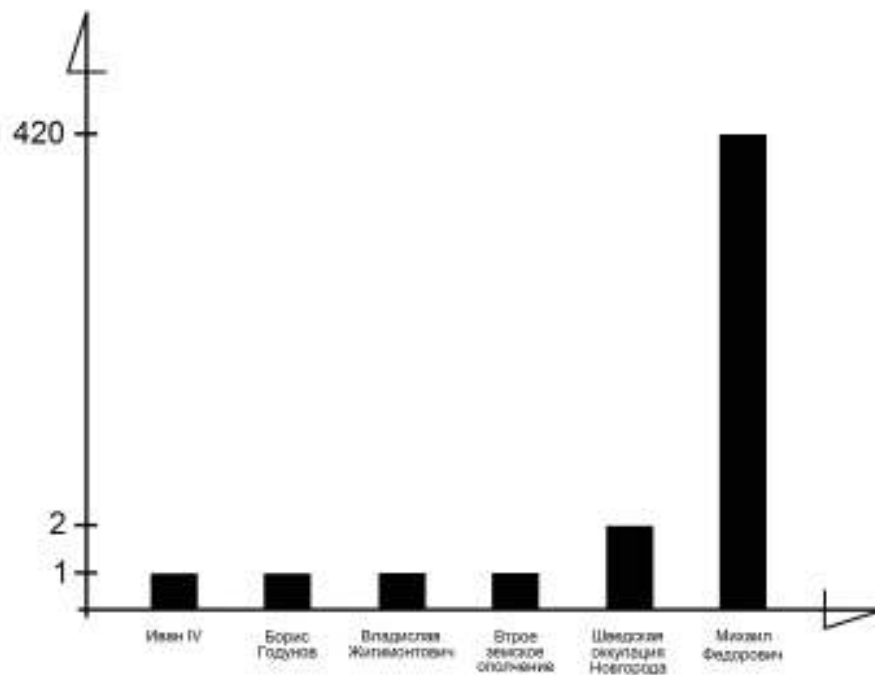

Рис. 4. Количественное распределение монет из состава курского клада по эмиссиям правителей

оборотной стороны (Зверев, 2013. С. 139, 141). Так, одна из копеек принадлежит к типу О2–2(Б). Определение второй монеты оказалось невозможным из-за непопадания атрибутивных элементов в границы монетного поля. Чеканились такие монеты на основании стопы до 130 рублей из 100 рублей «старых денег»⁴ при нормативном весе копейки 0,499 г и фактическом 0,48 г (Зверев, 2013. С. 141; Мельникова, 1989. С. 137).

Большинство монет из состава депозита отчеканено в годы правления Михаила Федоровича на Московском, Новгородском, Псковском и Ярославском денежных дворах (рис. 5). На основании изменения оформления монетного поля, эволюции веса монет,

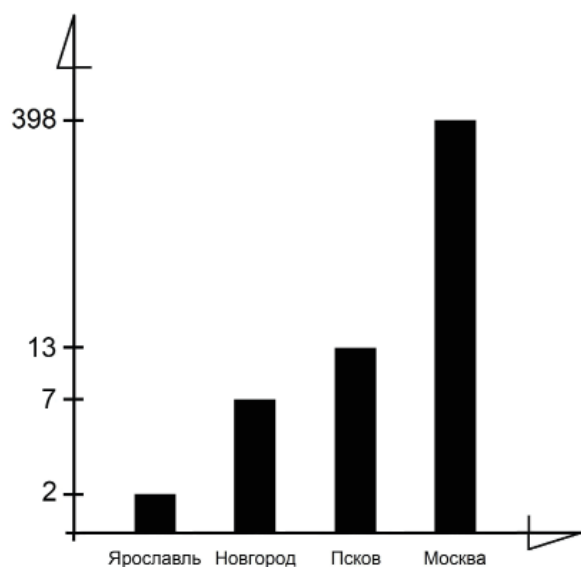

Рис. 5. Количественное распределение монет Михаила Федоровича по денежным дворам

периодов работы провинциальных денежных дворов А. С. Мельникова выделила в чеканке Михаила Федоровича пять этапов (Мельникова, 1989. С. 162). Позже в ее хронологическую систему С. В. Зверевым были внесены уточнения и детализированы процессы изменения монетной стопы (Зверев, 2000. С. 43–67; 2005. С. 219–252; 2014. С. 56–62).

Данные письменных источников и показатели веса самих монет указывают, что с 1613 по 1617 г. чеканка осуществлялась на основании стопы в четыре рубля из гривенки серебра при норматив-

⁴ В качестве серебряного сырья шведское правительство использовало русские монеты трехрублевой стопы, выкупая их у населения.

ном весе копейки в 0,512 г и фактическом 0,49⁵ г (Мельникова, 1989. С. 162, 163; Зверев, 2000. С. 45; 2005. С. 244). Из состава клада к этому этапу принадлежит 121 копейка, пик веса которых приходится на 0,49 г. Масса большой группы монет колеблется в пределах от 0,47 до 0,48 г (Каталог, № 7–91, 94–129; рис. 6; 7). Лицевые маточники, участвующие в работе с 1613 по 1617 г., характеризует разнообразие изображений всадника и вариаций обозначения денежного двора. Особого внимания заслуживает маточник № 5, выполненный на очень высоком художественном и техническом уровне. Связанным с ним монетам отводилась важная прокламативная функция презентации денег новой династии и возрожденной государственности (Мельникова, 1989. С. 162).

Период стабильной четырехрублевой стопы закончился в 1618 г. С этого времени по 1620 г. из гривенки серебра чеканили 4,10 рубля при нормативном весе копейки 0,499 г и фактическом 0,48 г (Мельникова, 1989. С. 167; Зверев, 2014. С. 58). В структуре клада этим временем датируются 20 копеек, вес большего количества которых колеблется от 0,45 до 0,48 г (Каталог, № 92, 130–138, 140–144, 163–165, 169, 176; рис. 8; 9). На этом этапе имя царя на оборотной стороне копеек получает форму МІХЯІЛО. Через ферт пишется отчество монарха ФЕДОРОВИЧ (Зверев, 2000. С. 53).

Следующая манипуляция с весом монет приходится на 1621 г. Теперь при стопе в 4,15 рубля из гривенки нормативный вес копейки составляет 0,493 г, а фактический 0,47 г (Зверев, 2014. С. 58, 59; Мельникова, 1989. С. 168, 169). Данное изменение в составе клада отражено 33 копейками, вес большинства которых составляет 0,46 г (Каталог, № 93, 139, 145–162, 166–168, 170–175, 177–180; рис. 10; 11). Понижение монетной стопы вновь сопровождалось изменением в написании имени государя (Зверев, 2000. С. 53). На копейках в первом слого вместо І стали писать И.

Новая монетная стопа вводится в 1626 г. и существует до 1629 г. Теперь из гривенки серебра чеканят 4,25 копеек с нормативным весом 0,482 г и фактическим 0,46 г (Мельникова, 1989. С. 174; Зверев, 2000. С. 44; 2014. С. 62). В составе депозита этим временем датируется 139 копеек, пик веса которых приходится на 0,45 г, при этом большая группа монет имеет массу 0,46–0,47 г (Каталог, № 181–314, 341–345; рис. 12; 13). Отчество царя на оборотной стороне копеек с 1625 г. начинают писать через фиту (Зверев, 2000. С. 53).

⁵ На 0,01–0,02 г меньше (Мельникова, 2005. С. 120).

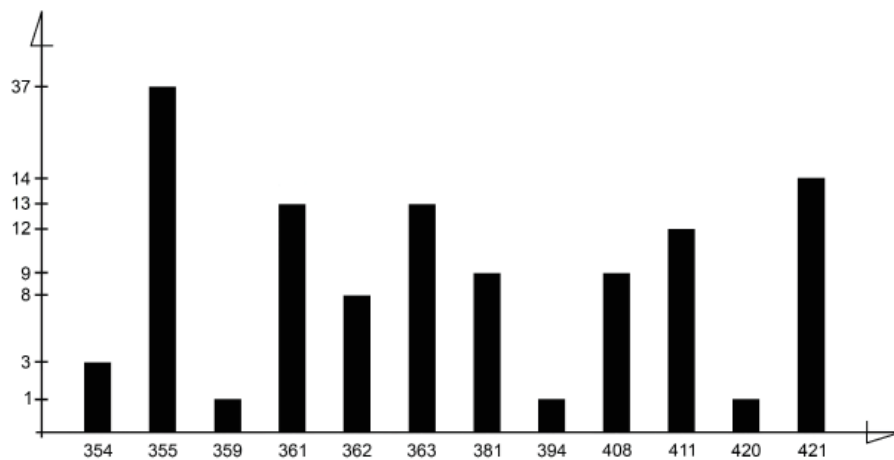

Рис. 6. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1613–1617 гг. по типам

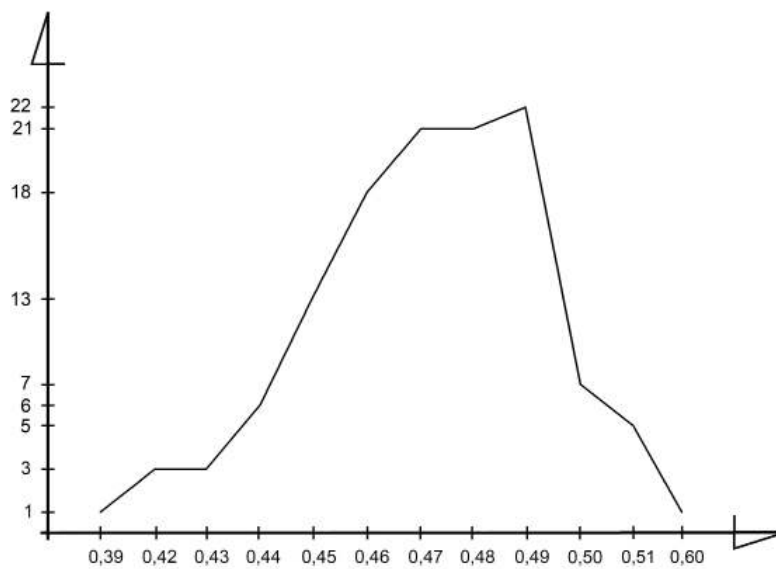

Рис. 7. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1613–1617 гг.

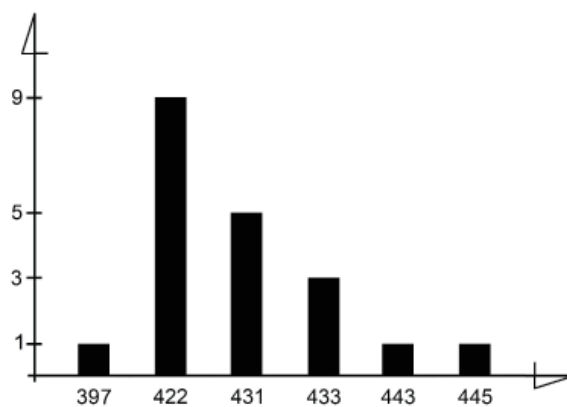

Рис. 8. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1618–1620 гг. по типам

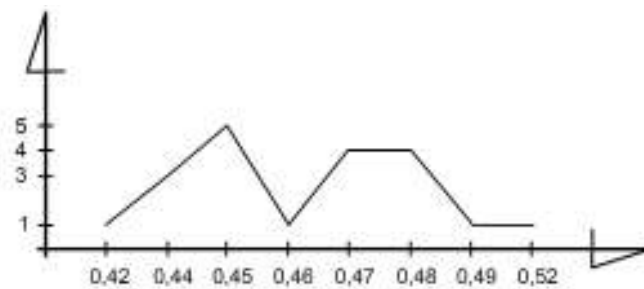

Рис. 9. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1618–1620 гг.

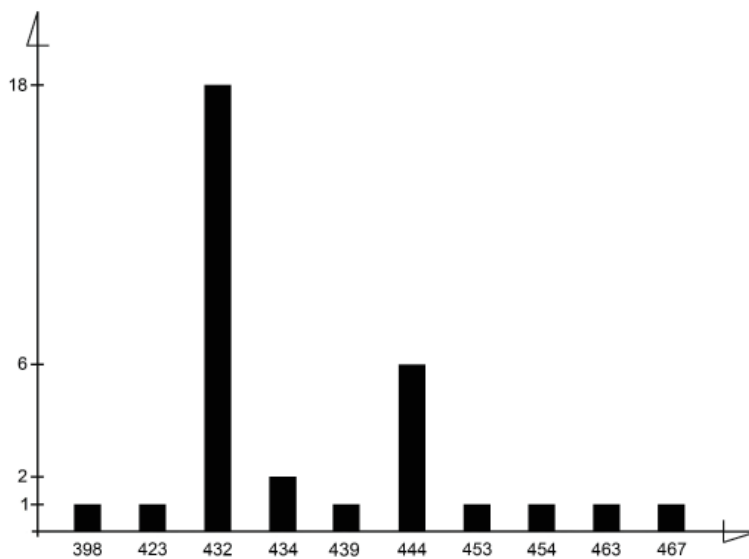

Рис. 10. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1621–1625 гг. по типам

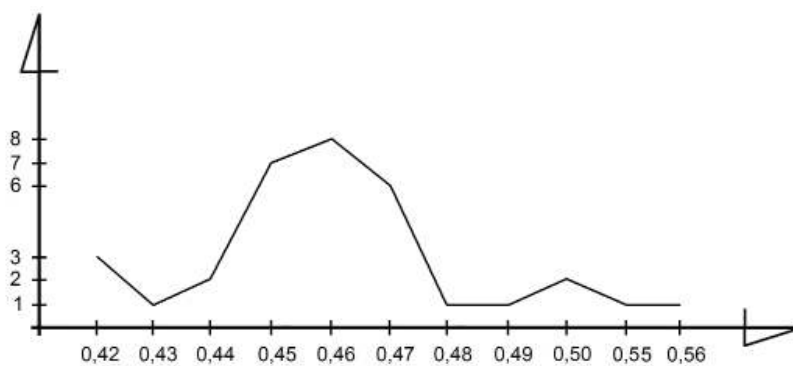

Рис. 11. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1621–1625 гг.

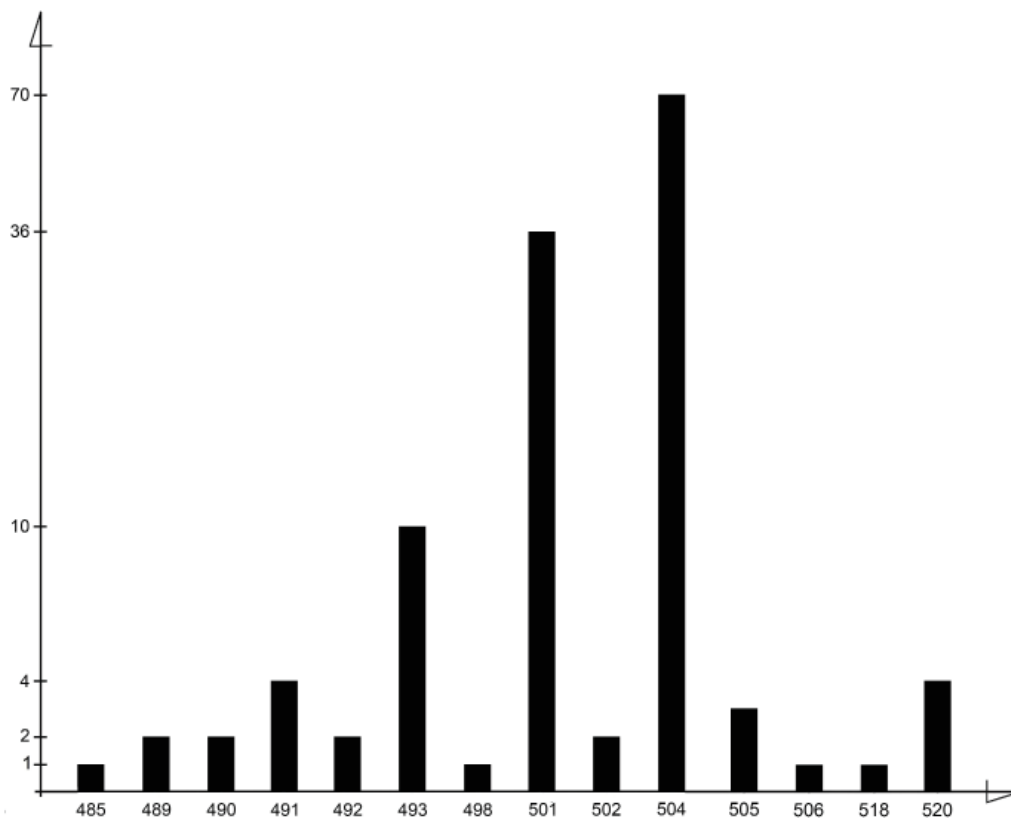

Рис. 12. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1626–1629 гг. по типам

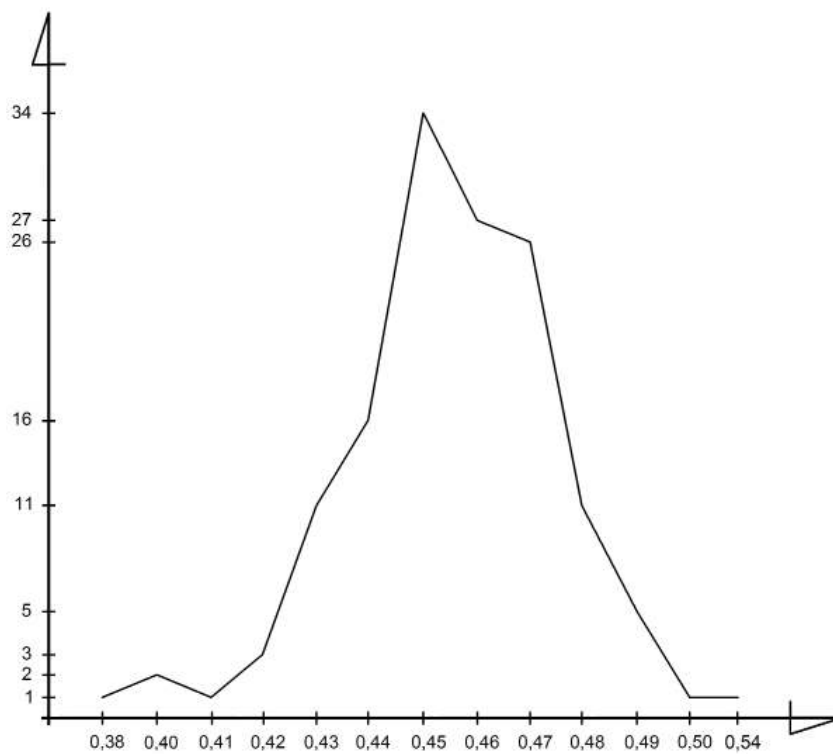

Рис. 13. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1626–1629 гг.

С этого времени на Московском денежном дворе завершаются операции, связанные с очисткой серебра. Вместо единообразной высокой 960 пробы количество драгоценного металла в сплаве варьируется в меньшую сторону (925, 916, 900, 875) и начинает совпадать с пробой талеров рубежа XVI–XVII вв. (Мельникова, 1989. С. 174; Будников, Волков, 2013. С. 136–139).

С 1630 по 1641 г. при чеканке монет ориентировались уже на стопу в 4,31 рубля из гривенки серебра и нормативную массу копейки 0,475 г (Зверев, 2014. С. 59). Фактический вес двуденежников в 30-е гг. XVII в. составлял 0,45 г (Мельникова, 1989. С. 178). На этот этап из состава клада приходится 60 монет, вес большинства которых составляет 0,45 г (Каталог, № 315–340, 346–379; рис. 14; 15). На оборотной стороне копеек происходит замена сокращенного написания титула KHS на полное KHASЬ (Зверев, 2000. С. 53). Имя царя пишется полностью МІХЯІЛЪ. Проба серебра денежных

изменение в написании имени царя (Зверев, 2000. С. 53). Теперь оно представлено в форме МІХЯІЛО.

После заключения Столбовского мира, с марта 1617 г. возобновляет работу Новгородский денежный двор. В составе курского клада зафиксировано семь новгородских монет, наиболее ранняя из которых датируется 1617 г. (Каталог, № 396–402). Копейка отчеканена при помощи старого лицевого маточника⁶, широко используемого шведами в годы оккупации Новгорода, и нового оборотного.

В последующее время в Новгороде изготавливаются новые маточники, на аверс которых наносятся лигатуры НГД, НОГ, НГ, указывающие на место чеканки монет. Ко времени прекращения новгородской чеканки наблюдается деградация маточников, рельефы на них становятся более схематичными и утрачивают некоторые детали (Мельникова, 1989. С. 181). Работа Новгородского двора была малопродуктивной. Небольшое

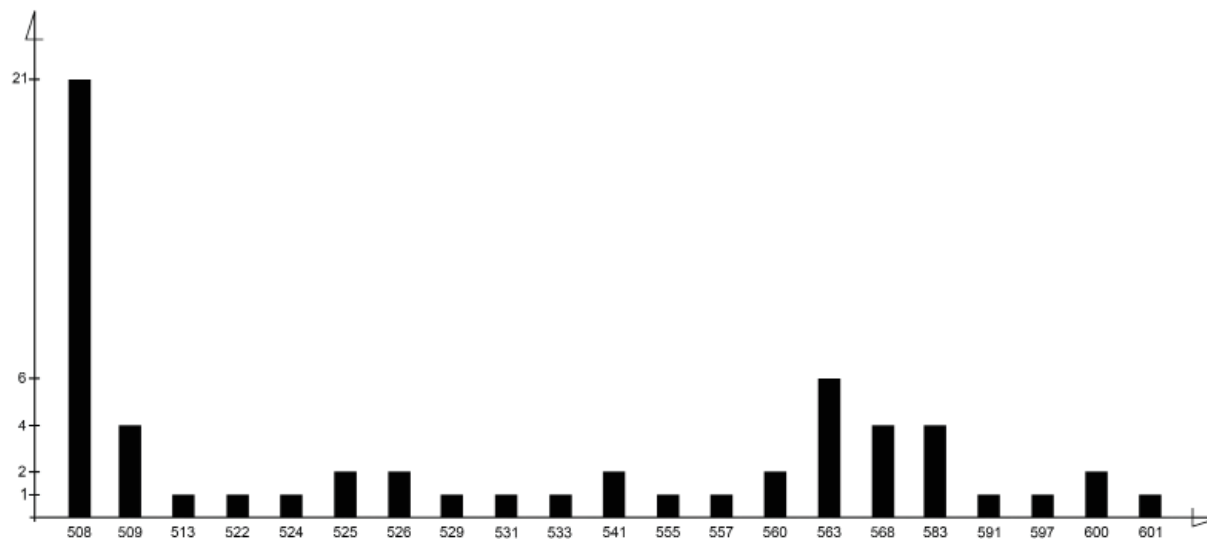

Рис. 14. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1630–1641 гг. по типам

знаков остается «талерной» (Мельникова, 1989. С. 178; Будников, Волков, 2013. С. 136–139).

Последнее понижение монетной стопы в период царствования Михаила Федоровича приходится на 1642 г. С этого времени чеканка монет происходит на основании стопы в 4,43 рубля из гривенки при нормативном весе копейки 0,42 г (Зверев, 2014. С. 59). К данному этапу в структуре клада принадлежат 16 копеек, вес большинства которых колеблется от 0,44 до 0,46 г (Каталог, № 380–395; рис. 16; 17). Понижение стопы снова повлекло

количество новгородских копеек не позволяет проследить эволюцию весовой нормы, которая в целом выдержана в пределах четырехрублевой стопы, хотя вес отдельных экземпляров очень неравен (Мельникова, 1989. С. 182). Результаты взвешивания монет из состава курского клада подтверждают это.

Работа Псковского денежного двора началась одновременно с Новгородским. Вначале для чеканки здесь использовался старый лицевой ма-

⁶ С буквами РНГ под ногами коня.

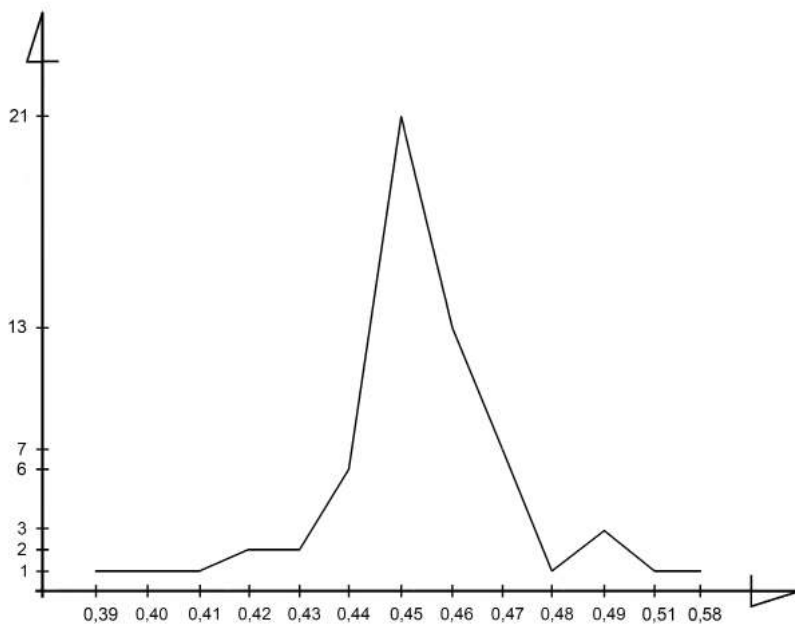

Рис. 15. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1630–1641 гг.

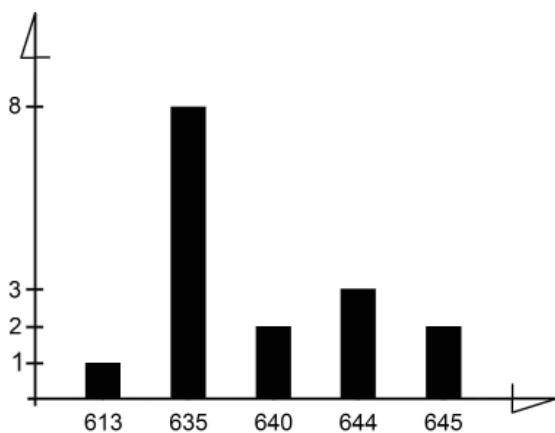

Рис. 16. Количественное распределение монет Михаила Федоровича 1642–1643 гг. по типам

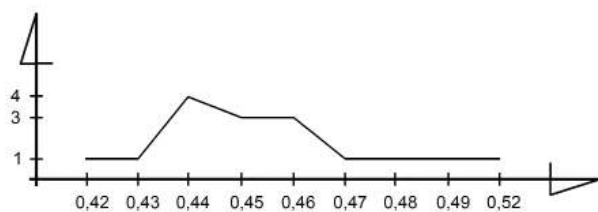

Рис. 17. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1642–1643 гг.

точный времени Бориса Годунова и новый оборотный. Весовая норма этих монет составляет 0,49 г (Мельникова, 1989. С. 182). В составе депозита зафиксировано 11 таких копеек (Каталог, № 403–413). Их вес отличается вариабельностью: так, с нормативным весом обнаружено только две копейки. Масса четырех монет превышает его. Масса еще пяти копеек меньше нормативного. Впоследствии на Псковском денежном дворе происходит понижение веса монет до 0,47–0,48 г. Копейки, отчеканенные по такой весовой норме, связаны с лицевым маточником, изготовленным для Лжедмитрия III (Мельникова, 1989. С. 182). В составе клада присутствуют только две монеты, принадлежащие к этим разновидностям (Каталог, № 414, 145). Вес одной копейки ниже, а другой – выше фактической нормы. Серебро, используемое в новгородской и псковской эмиссиях, оставалось 960 пробы (Мельникова, 1989. С. 182, 183). В первой половине 1627 г. во Псков и Новгород были посланы грамоты, что в дальнейшем там «денег делать не велено» (Зверев, 2005. С. 232).

В Ярославле в 1619–1620 гг.⁷ тайно была организована чеканка монет. Ярославские монеты копировали наиболее популярные типы московских копеек 1613–1626 гг. Весовая норма этих монет тяготеет к 0,42 г, а проба варьируется от 960 до 916, 900, 875 и

⁷ Нельзя исключать возобновление чеканки в Ярославле и в более раннее время (Гришин, Клецинов, 2001. С. 70; Прокопшин, 2004. С. 155, 156).

600 (Мельникова, 1989. С. 184, 186). В составе клада присутствуют две ярославские копейки (Каталог, № 416, 417). Одна из монет связана с «исподником» Московского двора № 6, а другая – № 13. Вес этих двуденежников несколько ниже нормативного.

Еще у девяти копеек из состава клада по причине плохого состояния сохранности возможно определение только одной из сторон (Каталог, № 416–426). Все они принадлежат к продукции Московского денежного двора периода правления Михаила Федоровича. Окончание формирования клада на основании дат чеканки младших монет произошло к середине 40-х гг. XVII в.

Обратимся к особенностям внутренней структуры депозита. Комплекс полностью состоит из монет номиналом копейка. Денежные знаки такой нарицательной стоимости традиционны для кладов длительного накопления. Именно копейкам, начиная с 60-х гг. XVI в., отдавался приоритет при чеканке. Более дефицитные полушки и деньги оставались в повседневном денежном обращении.

Большинство монет в составе клада принадлежит чеканке Михаила Федоровича. Более ранние денежные знаки присутствуют в виде незначительной примеси. Подобное распределение эмиссий типично для русских кладов, формировавшихся после 20-х гг. XVII в. (Волков, Прокопишин, 2004. С. 158–160; Рязанцева, 2009. С. 152–154; 2014. С. 54, 56). Одна из причин этого явления заключена в выкупе у населения тяжелых монет с «наддачей» в ходе перехода к четырехрублевой стопе. В 1620 г. из Пскова сообщали, что все «деньги старые переделаны до 128-го году» (Зверев, 2005. С. 232, 240). Вытеснению «старых» монет способствовала и чрезвычайно массовая чеканка в годы правления Михаила Федоровича.

Время наиболее интенсивной работы Московского двора с 1613 по 1617 г. в составе комплекса представлено суммой в один рубль 21 копейку. Период с 1617 по 1625 г. отражен только 52 копейками, что, вероятно, является следствием снижения объема чеканки в Москве в это время (Мельникова, 1989. С. 167, 169). С 1626 по 1629 г. тираж столичной эмиссии возрастает (Мельникова, 1989. С. 173). В структуре клада монеты, отчеканенные в это время, представляют сумму в один рубль 39 копеек. Масштаб московской чеканки в 30-е гг. XVII в. превосходит все предыдущие годы и может быть сравним только с 1613–1617 гг. (Мельникова, 1989. С. 178). Однако в составе клада это явление отражено всего лишь 56 копейками. На 1642–1643 гг. приходится только 16 монет.

Таким образом, можно заключить, что Курский клад является комплексом длительного накопления. Хронологический анализ распределения сумм показывает, что тезаврация основной части капитала произошла во второй половине 20-х гг. XVII в. Скорее всего, владельцем клада было одновременно получено около трех рублей из наиболее распространенных типов монет, находившихся на тот момент в обращении. В последующее время капитал дополнился незначительно⁸. Вес большинства монет из состава клада, отчеканенных в период стабильной четырехрублевой стопы, коррелирует с фактическими показателями в 0,49 г. На этапе с 1618 по 1620 г. из-за относительной малочисленности монет этого времени в составе клада удастся проследить только общую тенденцию понижения стопы. Здесь важно снижение до одного экземпляра копеек весом 0,49 г. Пик веса большинства монет 1621–1625 гг. из состава депозита на 0,01 г меньше фактической нормы (0,47 г). До одного экземпляра уменьшается количество монет массой 0,48 г, на которую на предыдущем этапе должен был приходиться фактический вес. Взвешивание монет 1626–1629 гг. вновь показало отставание на 0,01 г от «уставной» нормы (0,46 г). Однако в составе клада присутствует относительно большое число копеек, соответствующих как фактическим, так и нормативным критериям. Пик веса большинства монет 1630–1641 гг. соответствует фактической норме (0,45 г). По сравнению с предыдущим этапом здесь заметно понижается количество копеек массой 0,47 г. Слабовыраженный пик веса малочисленных монет 1642–1643 гг. приходится на 0,44 г. Вес большинства копеек колеблется между 0,44 и 0,46 г.

Весовые характеристики монет из состава клада в целом отражают этапы понижения монетной стопы с 1613 по 1645 гг. Обращает на себя внимание отставание в ряде случаев количественных пиков веса монет от фактических норм на 0,01 г, а от уставных на 0,03 г. Наравне с этим при каждом новом понижении монетной стопы наблюдается резкое снижение количества тех монет, на вес которых на предыдущем этапе приходился количественный пик. Таким образом, на локальном примере Курского клада прослеживается тенденция массовой чеканки монет ниже уставной и принятых фактических норм.

В денежном отношении сокрытая в кладах сумма составляет четыре рубля 26 копеек. Сравнение со

⁸ Это может объяснять факт минимального присутствия в составе клада «старых» монет, которые, как полагают исследователи, население целенаправленно откладывало (Векслер, Мельникова, 1999. С. 133, 134; Волков, Прокопишин, 2004. С. 160).

средними суммами, отложившимися в кладах времени правления Михаила Федоровича, позволяет отнести Курский клад к мелким капиталам. Относительно цен можно говорить, что в 1656 г. «...одна четверть ржи стоила рубль, пшеничной муки – около рубля; пуд говядины – 28 копеек, овца – 30–36 копеек, поросенок – 5–6 копеек, жирный гусь – 9–10 копеек. Пуд масла оценивался в рубль, пуд соли в 20 копеек, пуд вяленой трески – 80 копеек...», «...большая бочка пива стоила 3 рубля, а одна кружка пивного уксуса – 3 копейки...», «...пуд сахара обходился в 4–6 рублей...», «Дорогие ткани (бархат, камка, атлас) стоили около рубля за аршин» (Векслер, Мельникова, 1999. С. 136, 137).

В составе клада присутствуют три монеты с признаками вторичного использования в виде отверстий. Вероятно, эти копейки на определенном этапе использовались в качестве нашивок на одежду. Острые края отверстий позволяют говорить о том, что монеты не участвовали в денежном обращении после превращения их в элементы декора. Для помещения в клад они были целенаправленно удалены из убора. Такая ситуация могла произойти, например, в случае опасности, угрожавшей владельцу депозита.

Сосуд, в котором был обнаружен клад, имеет диаметр дна 6–6,5 см, диаметр максимального расширения 13 см, высоту максимального расширения 5,5 см. Верхняя часть емкости утрачена, после чего сосуд явно имел период вторичного использования (рис. 18). Об этом свидетельствуют следы затертости на обломанном крае кубышки. Внутренняя поверхность содержит плавные паль-

цевые вдавления от обработки поверхностей на гончарном круге. Внешняя поверхность тщательно обработана, лишена шероховатостей и технологических углублений. На уровне максимального расширения емкости фиксируется лощеный декор в виде многорядных прямых линий, нанесенных с шагом в 4–10 мм. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда имеют темно-серый окрас, как и внутренняя структура излома. Подобным образом характеризуются сосуды, обожженные в гончарном горне без доступа кислорода – так называемый восстановительный обжиг, обеспечивающий потемнение сосудов за счет восстановления на нем углерода из продуктов горения смолистых пород древесины. Общий профиль сохранившейся (нижней) части сосуда близок классическим чернолощеном кубышкам, известным по материалам Москвы XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 33, 97, табл. 11). Размерные характеристики сосуда указывают на принадлежность его к группе средних сосудов емкостью 0,75 л.

Таким образом, клад из Курского детинца входит в самую представительную группу депозитов, выпавших в годы правления Михаила Федоровича. Место находки комплекса позволяет отнести его к капиталу, принадлежавшему городскому жителю (возможно, связанному с функционированием Знаменского монастыря?). Особенности внутренней структуры клада указывают на его длительное формирование. Даты чеканки младших монет в контексте с копейками, несущими признаки вторичного использования, позволяют предположить, что капитал был в спешке сокрыт в результате военной угрозы и остался невостребованным.

Источники и литература

- Будников, А. В., Волков И. В., 2013. Об изменении пробы русских серебряных копеек в XVII в. // Семнадцатая всероссийская нумизматическая конференции: Тез. докл. (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.). М.
- Векслер А. Г., Мельникова А. С., 1999. Российская история в московских кладах. М.
- Волков И. В., Прокопишин В. П., 2004. Клад начала 1680-х гг. из с. Колошичье // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференции: Тез. докл. (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., 2001. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М.

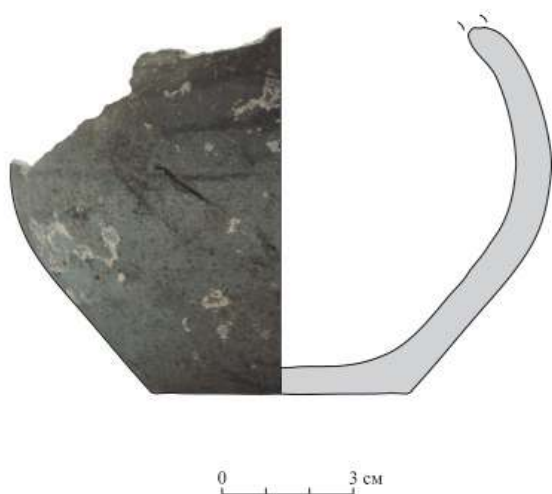

Рис. 18. Круговой сосуд, в котором был найден Курский клад серебряных монет

- Гришин И. В., Клешинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Зверев С. В., 2000. Изменения монетной стопы в русской чеканке XVII в. и их отражения в оформлении монет // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда. Вып. 7.
- Зверев С. В., 2005. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. XVII.
- Зверев С. В., 2013. К систематизации монет Новгородского денежного двора периода шведской оккупации 1611–1617 гг. // Нумизматические чтения 2013 г. ГИМ. (Москва, 19–20 ноября 2013 г.). М.
- Зверев С. В., 2014. Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Нумизматические чтения 2013 г. ГИМ (Москва, 24–25 ноября 2015 г.). М.
- Мельникова А. С. 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.
- Мельникова А. С., 2005. Нумизматические и письменные источники об эволюции весовой нормы монет в России XVII века // Тринадцатая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М.
- Прокопишин В. П., 2004. Клад монет конца второго десятилетия XVII в. из Владимирской области // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Рязанцева Т. В., 2009. Клад серебряных копеек из д. Куричьево Ярославского р-на Ярославской области // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.). М.
- Рязанцева Т. В., 2014. Клад середины XVII в. из деревни Сотьма Ярославской области // Нумизматические чтения ГИМ 2014 г. (Москва, 24–25 ноября 2014 г.). М.

Каталог

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
1	Иван IV	Копейка	Новгородский	1542–1547	ФС	5	1	0,480
2	Борис Годунов	"	Московский	1599	о М	160	1	0,645
3	Владислав Жигимонтович	"	"	1611	–	320	1	0,450
4	Втрое земское ополчение	"	"	Ноябрь 1612– январь 1613	о М	329	1	0,470
5	Шведская оккупация Новгорода	"	Новгородский	Март 1615 – февраль 1617	НРГ	333 О2-2(Б) ²	1	0,475
6	Шведская оккупация Новгорода	"	"	"	"	333	1	0,475
7–9	Михаил Федорович	"	Московский	1613–1617 ³	МОС/ КВА	354	3	0,480; 0,485; 0,505
10–46		"	"	"	"	355	37	0,390; 0,415; 0,430; 0,435; 0,440; 0,450 (2); 0,455 (4); 0,460 (3); 0,465 (3); 0,470 (3); 0,475 (2); 0,480 (5); 0,485 (2); 0,490 (6); 0,495; 0,510
47	"	"	"	"	"	359	1	0,500

¹ Для монет приведены ссылки на классификацию И. В. Гришина, В. Н. Клецинова и А. В. Храменкова (Гришин и др, 2015).

² Классификация С. В. Зверева (2013. С. 139).

³ Здесь и далее для монет Михаила Федоровича, отчеканенных на Московском денежном дворе, даты чеканки приведены на основании исследования С. В. Зверева (2000. С. 68, табл. 2).

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
48–60	"	"	"	"	"	361	13	0,425 (2); 0,450 (2); 0,455; 0,460 (2); 0,465 (2); 0,470; 0,475; 0,485; 0,500
61–68	"	"	"	"	"	362	8	0,440; 0,450; 0,460; 0,465; 0,475 (2); 0,480; 0,500
69–81	"	"	"	"	"	363	13	0,420; 0,435; 0,445; 0,450; 0,460; 0,470; 0,475; 0,480 (2); 0,490 (2); 0,495 (2)
82–90	"	"	"	"	МО/ СКВА	381	9	0,420; 0,440 (2); 0,450; 0,460; 0,465; 0,485 (2); 0,490
91	"	"	"	"	МО/ СКВА	394	1	0,470
92	"	"	"	1618–1620	"	397	1	0,440
93	"	"	"	1621–1625	"	398	1	0,420
94–102	"	"	"	1613–1617	МО	408	9	0,450 (2); 0,460; 0,465; 0,470; 0,480; 0,485; 0,490; 0,500
103–114	"	"	"	"	"	411	12	0,460; 0,465; 0,470 (2); 0,480 (3); 0,485; 0,490 (2); 0,510 (2)
115	"	"	"	"	М	420	1	0,460
116–129	"	"	"	"	"	421	14	0,445; 0,450 (2); 0,455; 0,460; 0,465 (2); 0,470; 0,480 (2); 0,485; 0,490; 0,595; 0,510

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
130–138	"	"	"	1618–1620	"	422	9	0,415; 0,440; 0,445 (2); 0,450; 0,460; 0,470; 0,475; 0,480
139	"	"	"	1621–1625	"	423	1	0,470
140–144	"	"	"	1618–1620	о М	431	5	0,440; 0,465; 0,470; 0,480; 0,485
145–162	"	"	"	1621–1625	"	432	18	0,420; 0,425; 0,435; 0,445; 0,450 (4); 0,455 (2); 0,460 (2); 0,470; 0,480; 0,490; 0,495; 0,545; 0,555
163–165	"	"	"	1618–1620	"	433	3	0,465; 0,480; 0,515
166, 167	"	"	"	1621–1625	"	434	2	0,420; 0,455
168	"	"	"	"	"	439	1	0,450
169	"	"	"	1618–1620	М	443	1	0,450
170–175	"	"	"	1621–1625	"	444	6	0,455; 0,465; 0,470 (3); 0,500
176	"	"	"	1618–1620	"	445	1	0,445
177	"	"	"	1621–1625	о М	453	1	0,440
178	"	"	"	"	"	454	1	0,450
179	"	"	"	"	"	463	1	0,455
180	"	"	"	"	"	467	1	0,460
181	"	"	"	1626–1629	"	485	1	0,460
182, 183	"	"	"	"	"	489	2	0,440; 0,460
184, 185	"	"	"	"	"	490	2	0,450; 0,475
186–189	"	"	"	"	"	491	4	0,470; 0,475; 0,480; 0,485

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
190, 191	"	"	"	"	"	492	2	0,455; 0,470
192–201	"	"	"	"	"	493	10	0,395; 0,420; 0,430; 0,440; 0,445; 0,450; 0,455; 0,460; 0,475 (2)
202	"	"	"	"	"	498	1	0,440
203–238	"	"	"	"	"	501	36	0,380; 0,430; 0,435 (5); 0,440; 0,445 (6); 0,450 (8); 0,455; 0,460 (5); 0,465 (6); 0,470 (2)
239, 240	"	"	"	"	"	502	2	0,435; 0,480
241–310	"	"	"	"	"	504	70	0,410; 0,415; 0,420; 0,425; 0,430 (8); 0,435 (3); 0,440 (3); 0,445 (7); 0,450 (8); 0,455 (6); 0,460 (6); 0,465 (6); 0,470 (9); 0,475 (4); 0,480; 0,485 (2); 0,490 (2); 0,500
311–313	"	"	"	"	"	505	3	0,540; 0,450; 0,455
314	"	"	"	"	"	506	1	0,460
315–335	"	"	"	1630–1641	"	508	21	0,400; 0,430; 0,435 (2); 0,440; 0,445 (2); 0,450 (4); 0,455 (2); 0,460 (2); 0,465; 0,470 (2); 0,485 (2); 0,580
336–339	"	"	"	"	"	509	4	0,420; 0,450; 0,460; 0,465

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
340	"	"	"	"	"	513	1	0,420
341	"	"	"	1626–1629	О Б о М	518	1	0,465
342–345	"	"	"	"	"	520	4	0,395; 0,450; 0,455; 0,460
346	"	"	"	1630–1641	"	522	1	0,385
347	"	"	"	"	"	524	1	0,450
348, 349	"	"	"	"	о М	525	2	0,435; 0,470
350, 351	"	"	"	"	"	526	2	0,455; 0,510
352	"	"	"	"	"	529	1	0,465
353	"	"	"	"	"	531	1	0,455
354	"	"	"	"	"	533	1	0,450
355, 356	"	"	"	"	К У МОС/ КВА	541	2	0,445; 0,460
357	"	"	"	"	К У о с МК	555	1	0,425
358	"	"	"	"	"	557	1	0,440
359, 360	"	"	"	"	"	560	2	0,460 (2)
361–366	"	"	"	"	о М	563	6	0,445 (2); 0,450 (2); 0,460; 0,465
367–370	"	"	"	"	"	568	4	0,445 (2); 0,450; 0,490
371–374	"	"	"	"	"	583		0,410; 0,440; 0,445; 0,475
375	"	"	"	"	"	591	1	0,445
376	"	"	"	"	"	597	1	0,450
377, 378	"	"	"	"	"	600	2	0,455; 0,460
379	"	"	"	"	"	601	1	0,445
380	"	"	"	1642–1644	"	613	1	0,455

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
381–388	"	"	"	"	"	635	8	0,420; 0,425; 0,435 (3); 0,440; 0,480; 0,490
389, 390	"	"	"	"	"	640	2	0,450; 0,455
391–393	"	"	"	"	"	644	3	0,445; 0,460; 0,470
394, 395	"	"	"	"	"	645	2	0,450; 0,515
396	"	"	Новгородский	1617–1627	НРГ	674	1	0,475
397	"	"	"	"	НГд	679	1	0,405
398	"	"	"	"	НОГ	684	1	0,450
399	"	"	"	"	"	685	1	0,455
400	"	"	"	"	НГ	689	1	0,470
401, 402	"	"	"	"	"	690	2	0,445; 0,470
403–413	"	"	Псковский	1617–1627	ПС	697	11	0,435; 0,445; 0,460 (2); 0,465 (2); 0,470; 0,485; 0,490; 0,495; 0,505
414	"	"	"	"	"	699	1	0,355
415	"	"	"	"	"	700	1	0,510
416	"	"	Ярославский	1619–1626 ⁴	МОС/ КВА	3162	1	0,380
417	"	"	"	"	о М	3265	1	0,350
418	"	"	Московский	–	о М	Л.с.–33 О.с.–?	1	0,460
419	"	"	"	"	МОС/ КВА	Л.с.–6 О.с.–?	1	0,420

⁴ Дата монет Ярославского денежного двора период эмиссии указан с долей условности.

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
420	"	"	"	"	–	Л.с.–? О.с.–17	1	0,490
421	"	"	"	"	"	Л.с.–? О.с.–13	1	0,455
422	"	"	"	"	"	Л.с.–? О.с.–24	1	0,220
423	"	"	"	"	"	Л.с.–? О.с.–13	1	0,470
424	"	"	"	"	о М	Л.с.–13 О.с.–?	1	0,450
425	"	"	"	"	–	Л.с.–? О.с.–?	1	0,470
426	"	"	"	"	"	Л.с.–? О.с.–?	1	0,450

Клад петровского времени из окрестностей Новой Ладogi: результаты комплексного исследования¹

К. В. Горлов², А. В. Плохов³, Л. М. Дмитренко, С. В. Хаврин, Н. Ф. Морозова

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-175-214

В мае 2009 г. в деревне Березье Волховского района Ленинградской области в ходе проведения земельных работ на глубине 1,5–2 м был обнаружен горшок, перекрытый берестой, в котором находилось 906 русских серебряных монет-чешуек (рис. 1; 2)⁴. Клад представлен эмиссиями Василия Ивановича Шуйского, Второго земского ополчения, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, совместного правления Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича, и единоличного правления Петра I.

К правлению Василия Ивановича Шуйского принадлежит одна копейка, чеканенная на Псковском денежном дворе в 1606 г. Еще одна копейка выпущена Вторым земским ополчением в Москве на Временном денежном дворе в 1613 г. (Мельникова, 1989. С. 131, 132). Обратная сторона денежного знака несет имя последнего легитимного правителя из рода Рюриковичей

Федора Ивановича. Обе монеты отчеканены на основании трехрублевой монетной стопы с нормативным весом в 0,68 г. Вес копеек из клада значительно отстает от уставных показателей, что может являться следствием чрезвычайно длительного периода их обращения⁵.

Правление Михаила Федоровича представлено 235 монетами⁶, чеканенными на Московском, Псковском и Новгородском денежных дворах. На основании изменения оформления монетного поля, эволюции веса монет, периодов работы провинциальных денежных дворов А. С. Мельникова выделила в чеканке Михаила Федоровича пять этапов (Мельникова, 1989. С. 162). Позже С. В. Зверевым в ее хронологическую систему были внесены уточнения и детализированы процессы изменения монетной стопы⁷ (Зверев, 2000. С. 43–67; 2005. С. 219–252; 2014. С. 56–62).

Данные письменных источников и показатели веса самих монет указывают, что с 1613 по 1617 г. чеканка осуществлялась на основании стопы в 4 рубля из гривенки серебра при нормативном весе копейки в 0,512 и фактическом 0,49 г (Мельникова, 1989. С. 162, 163; Зверев, 2000. С. 45; 2005. С. 244). Из состава клада к этому этапу принадлежит 41 копейка⁸, график весовой диаграммы которых своим пиком указывает на

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Темы № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»; № 0184-2018-0003 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: costik.gorlov@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

⁴ После обнаружения клад был полностью передан в Новоладожский историко-краеведческий музей.

⁵ Каталог, № 1, 2.

⁶ Точная атрибуция пяти копеек по причине плохой сохранности затруднительна. Они в равной степени могут принадлежать к эмиссии последних лет правления как Михаила Федоровича, так и к первым годам царствования Алексея Михайловича (Каталог, № 233–237).

⁷ Монеты Михаила Федоровича из состава клада ниже будут рассмотрены в контексте системы изменения монетной стопы, разработанной С. В. Зверевым.

⁸ Каталог, № 3–25, 28–30, 32–46.

Рис. 1. Карта с указанием места обнаружения клада русских серебряных монет петровского времени

Рис. 2. Клад русских серебряных монет петровского времени из Новой Ладоги

0,460 г, при этом вес большой группы монет колеблется в пределах от 0,470 до 0,490 г (рис. 3).

Период стабильной четырехрублевой стопы закончился в 1618 г. С этого времени и по 1620 г. из гривенки серебра чеканили 4,10 рубля при нормативном весе копейки 0,499 г и фактическом

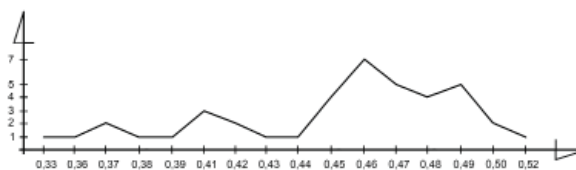

Рис. 3. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1613–1617 гг.

0,48 г (Мельникова, 1989. С. 167; Зверев, 2014. С. 58). В структуре клада к этому времени принадлежат шесть копеек⁹, вес основной массы которых колеблется в пределах от 0,380 до 0,470 г.

Следующая манипуляция с весом монет приходится на 1621 г. Теперь из гривенки чеканят 4,15 рубля при уставном весе копейки 0,493 г и фактическом 0,47 г (Мельникова, 1989. С. 168, 169; Зверев, 2014. С. 58, 59). В составе клада эта реформа отражена 11 копейками¹⁰, пик веса которых приходится на 0,46 г.

⁹ Каталог, № 31, 47–51.

¹⁰ Каталог, № 26, 27, 52–60.

Новая монетная стопа вводится в 1626 г. и существует до 1629 г. Теперь из гривенки серебра чеканят 4,25 рубля с нормативным весом двуденежника 0,482 г и фактическим 0,46 г (Мельникова, 1989. С. 174; Зверев, 2000. С. 44; 2014. С. 62). В составе депозита этим временем датируется 27 копеек¹¹, вес основной массы которых колеблется от 0,410 до 0,450 г (рис. 4).

Рис. 4. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1626–1629 гг.

С 1626 г. на Московском денежном дворе завершаются операции, связанные с очисткой серебра. Вместо единообразной высокой 960 пробы количество драгоценного металла в сплаве варьируется в меньшую сторону (925, 916, 900, 875) и начинает совпадать с пробой талеров рубежа XVI–XVII вв. (Мельникова, 1989. С. 174; Будников, Волков, 2013. С. 136–139).

С 1630 по 1641 г. при чеканке монет ориентировались уже на стопу в 4,31 рубля из гривенки серебра, нормативную массу копейки 0,475 и фактическую 0,45 г (Мельникова, 1989. С. 178; Зверев, 2014. С. 59). К этому этапу из состава клада принадлежат 44 копейки¹², пик веса которых приходится на 0,450 г (рис. 5).

Последнее понижение монетной стопы в период царствования Михаила Федоровича приходится на 1642 г. С этого времени чеканка монет осуществляется на основании стопы в 4,43 рубля из гривенки при нормативном весе копейки 0,463 г и фактическом 0,44 г (Зверев, 2014. С. 59, 60). Этим временем в структуре клада датируются 70 копеек¹³, вес которых дает два пика, падающих на 0,420 и 0,460 г (рис. 6).

Новгородский денежный двор в составе клада представлен тремя копейками¹⁴, ранняя из которых датируется 1617 г. и связана со старым лицевым маточником с буквами РНГГ под ногами коня, ко-

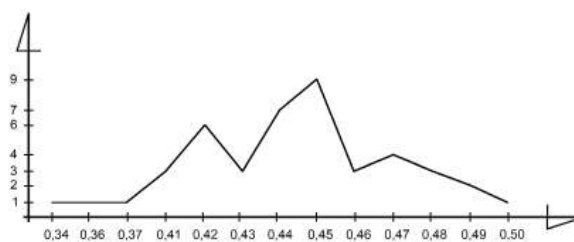

Рис. 5. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1630–1641 гг.

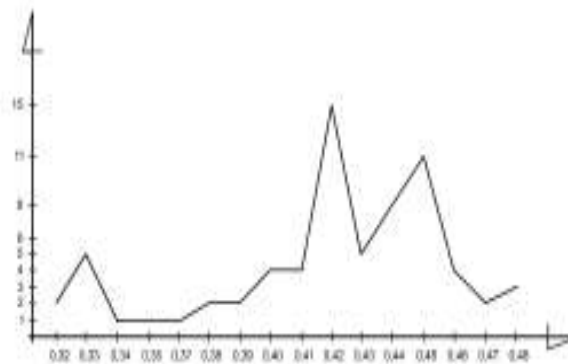

Рис. 6. Диаграмма веса копеек Михаила Федоровича 1642–1645 гг.

торый широко использовался в годы шведской оккупации Новгорода, и новым оборотным.

Работа Новгородского двора была малопродуктивной, что не позволяет пока проследить эволюцию весовой нормы местных монет. В целом их вес выдержан в пределах четырехрублевой стопы, хотя масса отдельных экземпляров очень неравна (Мельникова, 1989. С. 182). Результаты взвешивания монет из состава Новолодожского клада подтверждают это.

Псковский денежный двор также представлен тремя копейками¹⁵. Вначале для чеканки здесь использовался старый лицевой маточник времени Бориса Годунова и новый оборотный. Весовая норма этих монет составляет 0,49 г и впоследствии была понижена до 0,47–0,48 г (Мельникова, 1989. С. 182). Серебро, используемое в новгородской и псковской эмиссиях, оставалось 960 пробы (Мельникова, 1989. С. 182, 183). В первой половине 1627 г. в Псков и Новгород были посланы грамоты, что в дальнейшем там «денег делать не велено»¹⁶ (Зверев, 2005. С. 232).

¹¹ Каталог, № 61–81, 104–109.

¹² Каталог, № 82–103, 110, 112–118, 126–135, 137–140.

¹³ Каталог, № 111, 136, 141–201.

¹⁴ Каталог, № 202–204.

¹⁵ Каталог, № 205–207.

¹⁶ С этого времени чеканка серебряных проволочных монет осуществлялась только в Москве.

К правлению Алексея Михайловича относится 131 копейка¹⁷. Изначально выпуск этих монет осуществлялся на основании стопы 1642 г. А. С. Мельникова полагала, что около 1650 г. произошло понижение монетной стопы, после чего нормативный вес копеек составлял 0,48 г при фактическом 0,46 г. Эти мероприятия сопровождалась заметным улучшением качества рисунка монет (Мельникова, 1989. С. 209, 314; 1996. С. 94, 95).

Это мнение не принял С. В. Зверев, полагая, что с 1645 по 1663 г. выпуск монет продолжался на основании стопы 1642 г. (443 копейки из гривенки) с нормативным весом копейки 0,463 г (Зверев, 2000. С. 48, 49; 2005. С. 244, 246). По его представлению, в 1649–1650 гг. произошло возвращение к исходным нормам чеканки после излишне частого в конце 1640-х гг. выпуска монет по минимальному весу в пределах ремедиума. Вероятно, данные мероприятия проходили под влиянием принятого в 1649 г. Уложения (Мельникова, 1996. С. 94, 95; Зверев, 2005. С. 246).

Из состава Новоладожского клада 59 монет¹⁸ датируется 1545–1550(?) гг., вес большинства которых приходится на 0,430 г, что ниже нормативного на 0,03 г, а фактического на 0,01 г. При этом масса большей группы монет колеблется в пределах 0,420–0,440 г (рис. 7).

К отрезку 1650(?)–1655 гг. относятся 40 копеек, вес которых дает два пика, приходящихся на 0,45 и 0,47 г (рис. 8). Пик в 0,45 г как будто указывает на верность мнения С. В. Зверева, полагавшего, что такие монеты чеканились с нормативным весом в 0,463 г. Пик в 0,47 г свидетельствует в пользу версии А. С. Мельниковой. Следует заметить, что среди монет 1545–1550(?) гг. экземпляров с массой в 0,47 г встречено минимальное количество. На материале Новоладожского клада складывается впечатление, что эти две группы монет чеканились на основании различных весовых норм. Решение этого вопроса станет возможным при условии рассмотрения большей в количественном отношении выборки монет.

Объединение монет 1645–1655 гг. в одну группу дает необычный график весовой диаграммы с четырьмя пиками, три из которых приходится на 0,420, 0,440, 0,450 г и еще один на 0,470 г, противоречащий мнению С. В. Зверева, так как на ней фиксируется относительно большое отставание от уставного веса в 0,463 г (рис. 9).

¹⁷ Каталог, № 238–368.

¹⁸ Каталог, № 238–286, 338–343, 347–350.

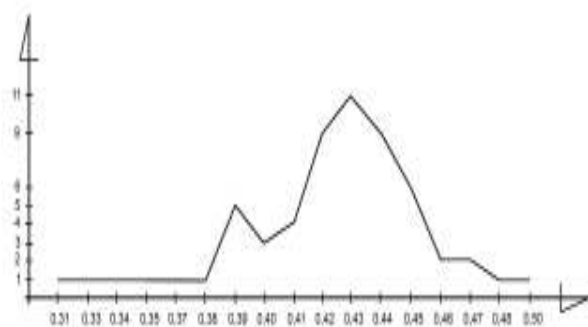

Рис. 7. Диаграмма веса копеек Алексея Михайловича 1545–1550(?) гг.

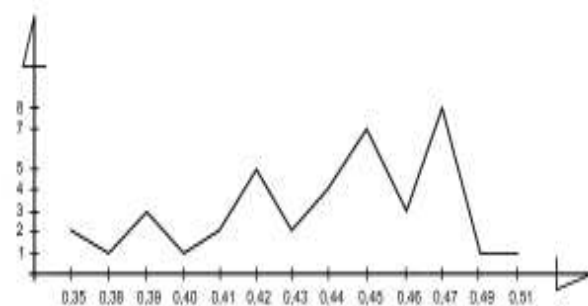

Рис. 8. Диаграмма веса копеек Алексея Михайловича 1650(?)–1655 гг.

После неудачной попытки введения в русское денежное обращение монет из меди чеканка серебряных копеек возобновилась 15 июля 1663 г. Вероятно, первые выпуски серебряных монет 1663 г. осуществлялись на основании старой монетной стопы и только после наступления 1 сентября 1663 г. нового года была принята норма 4,31 рубля из гривенки при уставном весе копеек 0,475 г (Янин, 1985. С. 155–161; Зверев, 2005. С. 59).

В составе клада обнаружено 18 копеек 1663–1676 гг.¹⁹, пик веса которых приходится на 0,450 г. При этом обращает на себя внимание группа монет с повышенной массой от 0,490 до 0,530 г, что в предыдущих группах не наблюдалось (рис. 10). Отсутствие в составе клада монет, связанных с лицевым маточником № 31, с которого начался третий этап чеканки, не позволяет выделить группы пореформенных монет с весовой нормой 1649–1650 гг.

В период правления Федора Алексеевича до 1681 г. чеканка монет продолжала осуществляться на основании старой стопы 4,31 рубля из гривенки

¹⁹ Каталог, № 320–337.

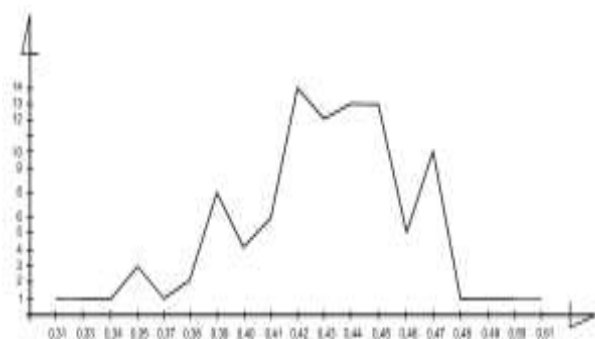

Рис. 9. Диаграмма веса копеек Алексея Михайловича 1645–1655 гг.

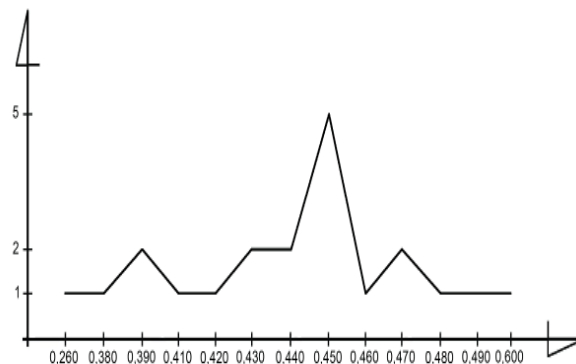

Рис. 11. Диаграмма веса копеек Федора Алексеевича 1676–1681 гг.

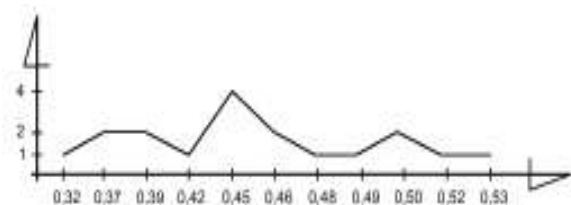

Рис. 10. Диаграмма веса копеек Алексея Михайловича 1663–1676 гг.

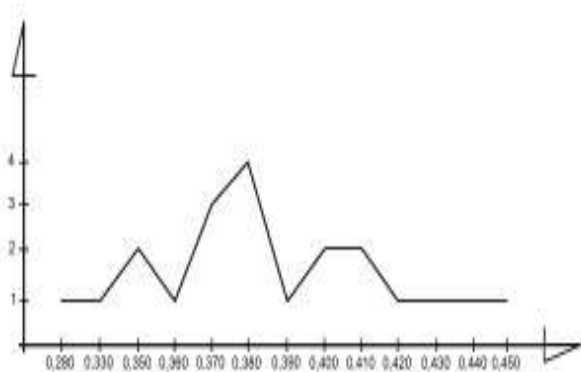

Рис. 12. Диаграмма веса копеек Федора Алексеевича 1681–1882 гг.

серебра (Зверев, 2005. С. 246). Из состава клада этим временем датируется 21 копейка²⁰, пик веса которых приходится на 0,450 г, как и в случае с монетами Алексея Михайловича 1663–1676 гг. (рис. 11).

Письменные источники указывают, что в 1681 г. монетная стопа была повышена, и из гривенки серебра стали чеканить 5,04 рубля при нормативном весе копейки 0,406 г и фактическом 0,39 г (Мельникова, 1989. С. 228, 229; Зверев, 2005. С. 247; 2014. С. 60, 62). К этому времени из состава клада относится 21 копейка²¹, вес основной массы которых приходится на 0,380 г (рис. 12).

Вероятно, чеканка легких монет была начата во второй неделе марта 1681 г. при помощи нового лицевого маточника № 9. В пользу этого говорит вес монет Федора Алексеевича из клада, найденного в Брянской области, в составе которого отсутствуют «легкие» монеты, а наиболее поздние принадлежат к типу № 1461²² (Гришин, Клещинов, 2007. С. 121) или типу 993 (Гришин и др., 2015. С. 144), образованному сочетанием маточников № 8 и 9. Вес монет Федора Алексеевича из Новолadoжского кла-

да практически без следов участия в денежном обращении подтверждает данный вывод.

Династическая ситуация в России в последней четверти XVII в. привела к тому, что на престоле оказались сразу два малолетних царя Иван V и Петр I, от имени каждого из которых с 1682 по 1696 г. осуществлялась эмиссия. Для таких монет использовались общие лицевые штемпели и индивидуальные оборотные, несшие отдельное имя каждого из царей. Чеканка монет происходила на основании стопы 1681 г. с нормативным весом копейки 0,406 г.

Из состава Новолadoжского клада к периоду совместного правления принадлежат 183 монеты²³, среди которых заметно преобладают экземпляры с именем Петра I (123 к 54). Пик диаграммы веса копеек Ивана V и Петра I приходится на 0,380 г, при этом масса большей группы монет колеблется в пределах от 0,390 до 0,400 г (рис. 13). Все монеты отличаются идеальным состоянием сохранности.

²⁰ Каталог, № 369–389.

²¹ Каталог, № 390–410.

²² Здесь и далее для монет приведены ссылки на классификацию И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (Гришин и др., 2015).

²³ Каталог, № 412–594.

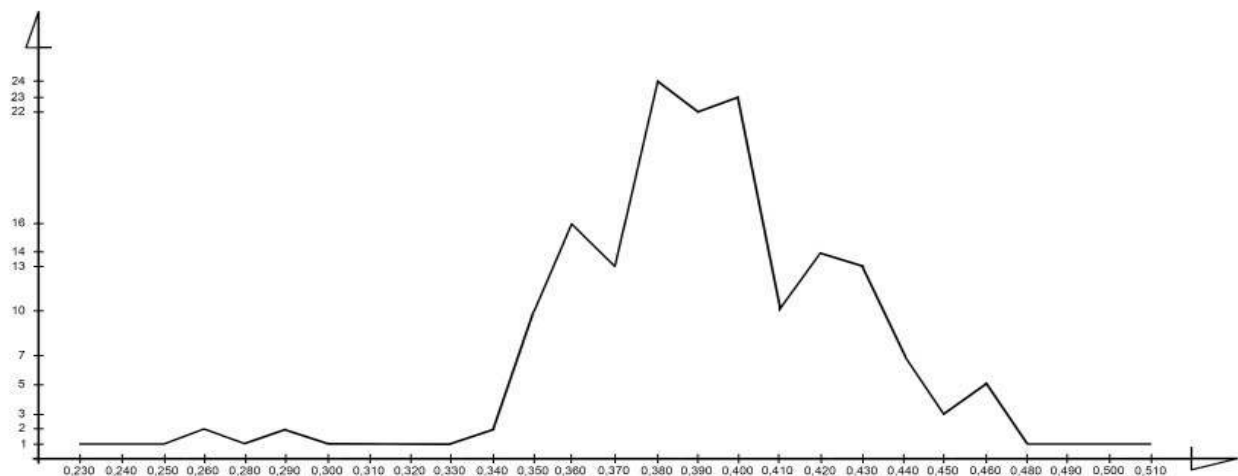

Рис. 13. Диаграмма веса копеек периода совместного правления Ивана V и Петра I с 1681 по 1696 г.

К единоличному правлению Петра I принадлежат 311 копеек²⁴, выпущенных на Старом денежном дворе в Москве. До 1698 г. чеканка продолжала осуществляться на основании старой стопы 1681 г. Из состава клада к этому времени принадлежат 26 копеек 1697 г.²⁵, пик веса которых приходится на 0,380 г, как в случае с монетами совместного правления (рис. 14)²⁶.

С начала 1698 г. произошло последнее для проволочных монет повышение стопы до 7,20 рублей из гривенки серебра при уставном весе копейки 0,284 г (Зверев, 2005. С. 247; 2015. С. 186). Из состава клада это событие отражают 285 копеек 1698–1700 гг.²⁷, вес основного количества которых приходится на 0,290–0,280 г. Масса большой группы монет колеблется в пределах от 0,260 до 0,270 г (рис. 15).

Группа младших монет указывает, что тезаврация комплекса произошла не позднее 1700 г. Косвенным образом в пользу этого свидетельствует отсутствие в его составе монет Нового денежного двора, строительство которого завершилось, вероятно, к концу 1700 г., а продукция «принята к расходу» в приказ Большой казны только в январе 1701 г. (Зверев, 2015. С. 187).

Одна копейка, отчеканенная на основании, вероятно, четырехрублевой стопы, полностью утратила

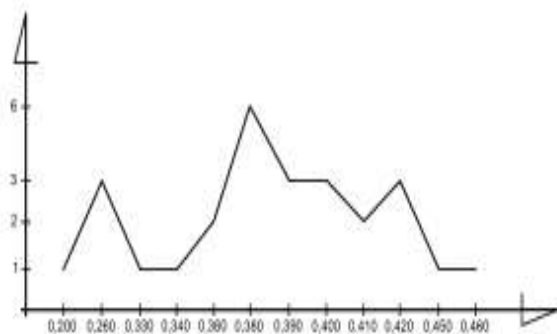

Рис. 14. Диаграмма веса копеек Петра I 1697 г.

рельефы обеих сторон и не может быть атрибутирована²⁸.

Клад имеет внутреннюю структуру, типичную для большинства депозитов рубежа XVII–XVIII вв. Преобладание в его составе двудежников объясняется тем, что именно этому номиналу отдавали предпочтение при чеканке, начиная со второй половины XVI в. Деньги и полушки выпускались в значительно меньшем объеме и, как правило, оставались в повседневном обращении, а в состав кладов попадали редко. Наличие в составе Новолодожского депозита только пяти денег подтверждает это. Присутствие здесь копеек Василия Шуйского и Второго земского ополчения следует рассматривать как рудимент. Денежные знаки, чеканенные на основании трехрублевой стопы, в минимальном количестве присутствуют уже в кладах конца правления Михаила Федоровича, что объясняется их активным вытеснением из денежного

²⁴ Каталог, № 595–905.

²⁵ Каталог, № 595–620.

²⁶ Загадочным остается отсутствие в составе комплекса копеек 1696 г., которые нельзя отнести к разряду редких.

²⁷ Каталог, № 621–905.

²⁸ Каталог, № 906.

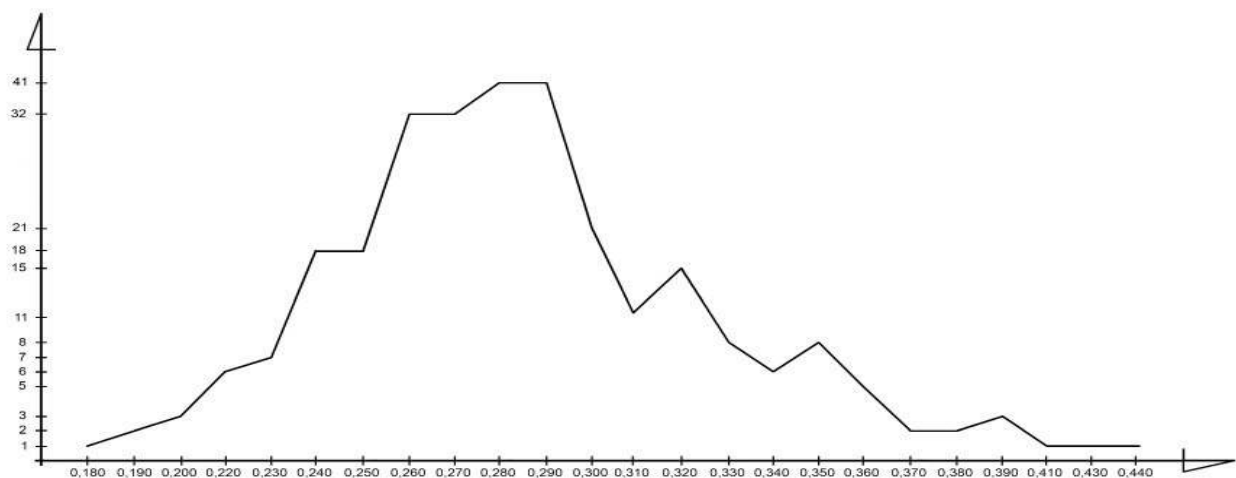

Рис. 15. Диаграмма веса копеек Петра I 1698–1700 гг.

обращения во втором десятилетии XVII в., когда они использовались в качестве основной сырьевой базы для монет четырехрублевой стопы.

Большое количество монет Михаила Федоровича в составе рассматриваемого комплекса объясняется высокой интенсивностью чеканки в годы его царствования. Основное количество копеек приходится на этап 1613–1617 гг., а также на 30-е гг. XVII в., что коррелирует с интенсивностью работы денежного двора. Значительная группа монет датируется 1642–1645 гг. Основная часть эмиссии Алексея Михайловича принадлежит к периоду 1645–1655 гг. Монет 1663–1676 гг. в составе клада значительно меньше. Такое количественное распределение типично для большинства депозитов второй половины XVII в. Объяснение этого явления заключается в неспособности государства вернуться к уровню чеканки, существовавшему до реформы 1655–1663 гг., что в свою очередь связано с подрывом экономики неудачными войнами (Максимов, 2013. С. 134).

Обращает на себя внимание значительное присутствие в составе Новолadoжского клада монет периода совместного правления Ивана V и Петра I, отличающихся хорошей сохранностью. Судя по всему, в денежном обращении они принимали минимальное участие.

Значительно преобладают в структуре депозита монеты единоличного правления Петра I, большинство которых датируется 1699–1700 гг. Вероятно, именно в это время происходило наиболее интенсивное накопление капитала владельцем клада. Также этому могло способствовать и повышение

продуктивности работы монетного двора в данное время (Максимов, 2003. С. 198). Практически все монеты единоличного правления имеют идеальную сохранность.

Новолadoжский клад относится к комплексам длительного накопления. Присутствие в нем большой группы монет 1699–1700 гг., возможно, указывает на время наибольшей интенсивности накопления капитала его владельцем. Депозит иллюстрирует картину денежного обращения в России рубежа XVII–XVIII в., показывая активное участие в нем монет середины XVII в.

Ручная техника чеканки монет предполагала отступление их веса от уставного как в большую, так и в меньшую сторону. При этом ремедиум в сторону понижения, как правило, составлял 0,02 г.

Пик веса монет Михаила Федоровича из состава клада показал заметно большее понижение, достигающее до 0,04 – 0,05 г. Только в группе 1630–1642 гг. зафиксирован привычный ремедиум в 0,02 г. Причина этого явления скорее всего заключается в длительном периоде обращения этих монет, который мог достигать до 80 лет. Диаграмма веса копеек Алексея Михайловича показывает отставание их массы от нормативного в 1645–1649 гг. на 0,03 г, в 1663–1676 гг. на 0,02 г. Весовые нормы периода 1650(?)–1655 гг. требует дальнейшего анализа. Вес большинства монет Федора Алексеевича 1676–1682 гг. отстает от нормативного на 0,03 г. Аналогичная ситуация прослеживается и в эмиссии совместного правления Ивана V и Петра I и единоличного правления Петра I периода стопы в 5,04 рубля из гривенки.

Масса основного количества копеек, чеканенных по стопе, введенной 28 августа 1698 г., имеет два пика, приходящиеся на 0,280 и на 0,290 г, что совпадает с уставными показателями и даже на 0,01 г превышает его²⁹. Вероятно, причина этого заключается в уменьшении размера монет, точный вес которых отслеживать становилось все сложнее.

Таким образом, вес основного количества монет Новоладожского клада 1645–1698 гг.³⁰ меньше нормативного на 0,03 г и принятого фактического на 0,01 г. Это при том, что монеты Федора Алексеича, совместного правления Ивана V и Петра I, и единоличного правления Петра I отличаются очень хорошей сохранностью.

Размер клада составляет девять рублей и одну денгю. Такая сумма типична для крестьянских кладов петровского времени, включавших, как правило, 6–10 рублей (Максимов, 2013. С. 135). Историческая топография места обнаружения депозита подтверждает это мнение. В письменных источниках данная местность начинает фигурировать с конца XIV в. в связи с переносом сюда Николо-Медведского монастыря. В дальнейшем монастырь упоминается в документах, связанных с описанием шведских военных набегов и остановок здесь иноземных купцов. Также известно, что с начала XVI в. здесь находилась деревня Белобородово, «что ныне Новая Ладога», житель которой, вероятно, и являлся обладателем клада. Березье впервые появляется на карте в 1745 г.³¹ (рис. 16).

Обращает на себя внимание присутствие в составе клада 19 монет с отверстиями, которые скорее всего использовались в качестве украшений женского костюма (рис. 17). При этом копейки со следами внеэкономического использования относятся к эмиссиям Василия Шуйского (1 ед.), Михаила Федоровича (11) и Алексея Михайловича (7 ед.), младшие монеты которого датируются 1650–1655 гг. Вероятно, именно в это время монеты были превращены в украшения. Принято считать, что денежные знаки со следами вторичного использования не могли вернуться в денежное обращение. Если это мнение верно, то можно предположить, что монеты были удалены из убора и помещены в состав клада в связи с каким-либо чрезвычайным событием.

Рис. 16. Фрагмент карты Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. с обозначением деревни Березье

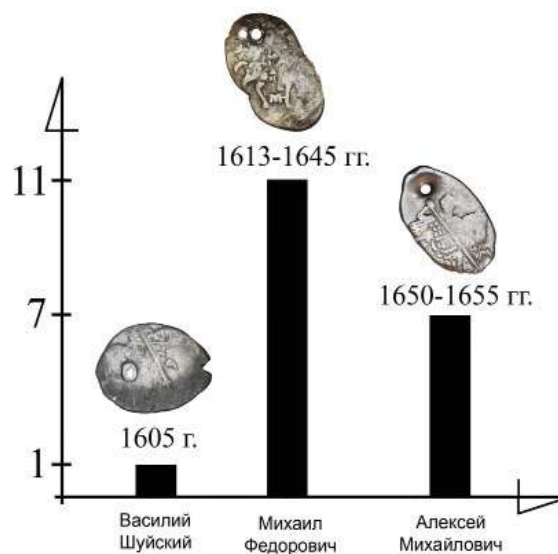

Рис. 17. Количественное распределение монет с отверстиями из состава клада по эмиссиям правителей

²⁹ Однако в последнем случае большая группа копеек имеет массу 0,410 г, что совпадает с уставной.

³⁰ За исключением этапа 1650(?)–1655 гг., который требует дальнейшего разбора.

³¹ Авторы выражают благодарность А. А. Селину за консультацию.

На части монет присутствует традиционный для монет чешуек производственный брак в виде чеканки только одной из сторон, а также двойного удара.

Клад найден в небольшом лепном горшке (рис. 18). Формовочная масса, из которой был сделан сосуд, состоит из ожелезненной (красножгущейся) глины с небольшим добавлением дресвы, величина зерен которой достигает 3,5 мм (в основном 1–2 мм) в поперечнике. Для использованного глиняного сырья характерны примеси естественного происхождения в виде значительного содержания бурого железняка и единичных включений известняка. Тулово горшка сконструировано из небольших жгутов (шириной 2–2,3 см), наложенных на внутренний край днища-начина. На внутренней поверхности на уровне плечика и в придонной части местами видны незаглаженные стыки жгутов. Толщина стенок варьирует от 3,8 до 5,6 мм на уровне шейки и до 8,7–9,8 мм на уровне придонной части. Толщина дна около 9 мм. Сосуд выполнен небрежно, в результате все параметры сосуда варьируются. Несколько отличается и профилировка изделия в разных местах. Высота сосуда составила 6,3–6,7 см. Венчик уплощенный, неодинаковой толщины и образует в плане неправильный круг, диаметром 8,0–8,4 см. Плечико выраженное, округлое. Диаметр на уровне наибольшего расширения сосуда достигает 9,8 см, диаметр дна – 7,8–8,4 см. Дно несколько вогнуто,

на его внешней поверхности частично сохранилась подсыпка из песка (размерность песка не превышает 1 мм). Внешняя поверхность стенок сосуда не очень ровная и несколько шероховата из-за выступающей мелкой примеси. На ней видны следы довольно грубого горизонтального заглаживания в области шейки и плечика, и местами вертикального на тулове горшка. Внутренняя поверхность тулова не подвергалась дополнительной обработке, о чем свидетельствуют множественные вдавления, оставшиеся на внутренней поверхности сосуда в процессе его формовки. Только на уровне шейки видны следы горизонтального заглаживания.

На одной из сторон сосуда, чуть выше его середины было сделано округлое отверстие размерами 1,8 × 2,2 см. В это отверстие был вставлен выгнутый вверх носик, длиной около 4 см и диаметром около 2,5 см, сформированный из куса широкой ленты, свернутой в трубочку с внутренним диаметром 0,9–1,1 см.

Сосуд подвергся неполному окислительному обжигу. Черепок трехслойный, его внешняя и внутренняя поверхности окрашены в коричневый, а внутренний слой в темно-серый цвет. Границы между слоями четкие. Декор отсутствует. На противоположной носику поверхности сосуда имеется пятно маслянистого нагара темно-коричневого цвета, спускающееся от венчика к донной части. Слабый нагар присутствует и на большей части внутренней поверхности. Есть он и внутри носика.

Сосуд сохранился не полностью. Верхняя часть больше, чем на половину высоты стенки, длиной равной приблизительно пятой части диаметра, отсутствует. Основание носика сильно повреждено и не имеет явной стыковки с туловом. Внешняя поверхность сосуда местами отслоилась. В стенке со стороны носика наблюдается множество трещин и расслоений. Значительное расслоением стенок и отмеченный маслянистый нагар, свидетельствует о многократном неравномерном нагревании сосуда, что, видимо, связано с его использованием до момента захоронения в нем монет.

Необходимо отметить, что монетные клады, относящиеся к позднему средневековью и новому времени, редко встречаются в горшковидных сосудах. Чаще в качестве вместилища использовались керамические емкости с более узким горлом (кувшины, кубышки, фляги) (Мец, 1949; Калинин, 1979; Бушлякова, Волков, 2010; Самошин, Черкасов, 2010).

Еще большей неожиданностью является нахождение монет Новолadoжского клада в лепном сосуде.

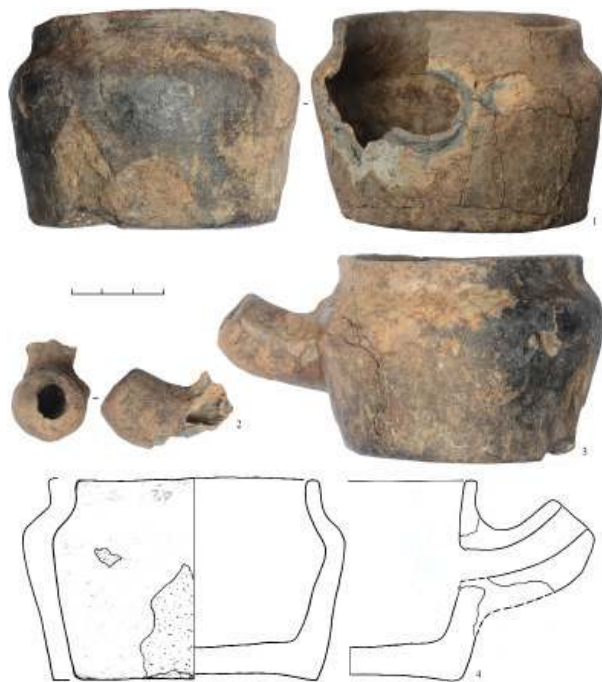

Рис. 18. Сосуд Новолadoжского клада

Сосуды, сделанные с помощью ручного гончарного круга появляются в торгово-ремесленных и военно-административных поселениях Поволжья (Старой Ладого, Рюриковом городище) в первой трети X в. Во второй половине этого столетия, с развитием гончарного производства, круговая керамика на Рюриковом городище и в Новгороде практически полностью вытесняет лепную (Носов и др., 2005. С. 74–121; Плохов, 2009). Вдали от ремесленных центров и крупных торговых путей лепная посуда перестает использоваться несколько позднее. В некоторых частях Новгородской земли такие горшки нередко находят в погребениях XI–XII вв. (Тухтина, 1993. С. 140–142; Торопов, 2003. С. 101; Соболев, 2010. С. 174, рис. 3: 4). В погребальных комплексах Юго-Восточного Приладожья, наиболее территориально близкого к Нижнему Поволжью, круговая посуда преобладает с середины XI в., а к началу XII в. полностью вытесняет лепную (Спиридонов, 1985. С. 204; 1986. С. 26–27; 1989. С. 312–315).

Первоначально, при знакомстве по фотографии с горшком из Березья возникло предположение, что в петровское время в качестве вместилища для монет использовали сосуд, происходящий из какого-то раннесредневекового памятника Поволжья. К тому же внешний вид сосуда (если не считать носика), его профилировка близки керамике из курганов Юго-Восточного Приладожья (Спиридонов, 1986. Рис. 1). В связи с этим предположением было решено попробовать определить дату горшка с помощью термолюминесцентного метода. После непосредственного знакомства с находкой, когда выяснилось, что сосуд имеет трубчатый носик, стало понятно, что он не может быть отнесен к раннему средневековью. Тем не менее, анализ был выполнен, но уже в большей степени для проверки точности естественнонаучного метода.

Термолюминесцентный метод датирования (Косолапов, 2015. С. 181–184; Craddock, 2009. P. 110–125) основан на способности глины с течением времени накапливать энергию ионизирующего излучения под воздействием космического излучения, а также радиоактивных примесей, содержащихся в глине (уран, торий, изотоп калия K^{40}), казалось бы, в незначительном количестве – несколько ppm (несколько частиц на миллион). Под воздействием α -, β - и γ -лучей, испускаемых в результате распада радиоактивных примесей глины и от космического излучения, в кристаллах кварца и полевого шпата происходит заполнение электронами так называемых ловушек (разрешённых энергетических уровней). Вероятность самопроизвольного выхода электрона из ловушки при нормальной температуре ничтожно

мала, поэтому количество запасённых электронов оказывается пропорциональным времени облучения и концентрации радиоактивных примесей.

При нагреве образца (до 400–500°C) электроны покидают ловушки и мигрируют внутри кристалла. Если при этом они встречаются с «дыркой» (дефект с избытком положительного заряда, равный по абсолютной величине заряду электрона), происходит рекомбинация, при этом излучается квант видимого света. Этот эффект называется термолюминесценцией, то есть свечение при нагревании. Чем больше времени прошло с момента последнего нагрева керамического вещества, тем большее свечение будет при новом нагревании. Обычные дозы внутреннего облучения для керамики составляют 0,3–0,7 рад/год. Погрешность определения возраста керамического изделия методом термолюминесцентного датирования при хороших условиях достигает 10 %.

Для проведения термолюминесцентного датирования был отобран образец керамической массы сосуда Новоладожского клада. Исследования полученного образца проводились в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе термолюминесцентного датирования Daybreak 1100. В результате проведённого исследования (январь–февраль 2018 года) было установлено, что обжиг сосуда был сделан 250–400 лет назад, то есть в интервале начала XVII – середины XVIII в., что совпадает с датой монетного клада.

Керамические сосуды, сделанные без применения гончарного круга, изредка встречаются на территории древнерусского государства в комплексах развитого средневековья. В частности, без использования гончарного круга, по мнению В. Ю. Ковалю, был изготовлен миниатюрный сосуд – кубышка, в которой в Тверской области был найден клад середины 30-х гг. XVII в. (Бушлякова, Волков, 2010. С. 24). В некоторых районах лесной зоны Восточной Европы у русского, белорусского и финно-угорского (коми-зырян) населения традиция изготовления лепной посуды просуществовала до XX в. (Орлов, 1968. Л. 37, табл. 10: 2; Бобринский, 1991. С. 20, 35; Чудова, 2001, С. 39–41). Формовка сосудов без использования гончарного круга отмечена этнографами и у русского населения Сибири, на территории от Зауралья до Забайкалья (Бирюков, 1924; Зеленин, 1927. С. 95, 96, 101; Бломквист, Гринкова, 1930. С. 181; Маслова, 1962. С. 15; Липинская, 1980. С. 40, рис. 1; Захарова, 1996. С. 154; Киреев, Кучуганова, 1998; Голендеев, 2005. С. 19; Мамонтова, 2011. С. 106).

Однако очевидно, что сосуд из Новой Ладogi не является фактом, свидетельствующим о непрерывном существовании традиции изготовления лепной посуды в Поволжье от раннего средневековья до эпохи Петра I. Здесь мы столкнулись со свидетельством явного упадка местного гончарного производства, связанного, по-видимому, с конкретной исторической причиной – с началом Северной войны. Надо сказать, что жители Нижнего Поволжья не впервые остались без местной профессионально сделанной керамики. Такая ситуация, по-видимому, наблюдалась и в конце правления Ивана Грозного. Согласно писцовой книге Водской пятины 1568–1569 гг., в Ладoge жило два гончара (Кирпичников, 2002), но один из горшечников умер в 1570 г. «после государьского розгрому» города, устроенного князем Петром Ивановичем Борятинским, а другой «пошел в нищих ... после государьского правезу» 1571 г. (Самоквасов, 1909. С. 304–306). Таким образом, сам факт находки лепного горшка с монетами петровского времени, заставляет осторожной относиться к датирующим возможностям такой керамики, особенно в случаях присутствия в комплексах единичных её обломков.

В археологических материалах позднего русского средневековья и нового времени сосуды с носиком встречаются довольно редко. Нам пока известно только два города, где найдена такая посуда – Моск-

ва и Псков (рис. 19). При раскопках в Москве встречены немногочисленные экземпляры красноглиняных горшков с «трубчатыми сливами», которые, по наблюдениям Р. Л. Розенфельда, по форме, орнаментации и обжигу аналогичны сосудам XV – начала XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 15, табл. 2: 3; Векслер и др., 2016. Илл. 177). Горшки с такими сливами представлены также среди московской чернолощеной и поливной посуды XVII–XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 38, 52, табл. 17: 21, 27, 28; Глазунова, 2009. С. 138, рис. 243: 6; Векслер и др., 2016. Илл. 103; 219; 335). М. Г. Рабинович предположил, что найденные в Москве сосуды со «сливом у горлышка», предназначались для «заквашивания молока или для отделения сливок» (Рабинович, 1964 С. 275). В Пскове сосуды с «трубчатым сливом» появляются в XVII в. (Кильдюшевский, 2002. С. 16, рис. 7: 20, 25).

В последние десятилетия в России проводятся масштабные раскопки городов и сельских поселений с напластованиями эпохи позднего средневековья и нового времени. К сожалению, керамика, собранная в результате этих работ, ещё недостаточно изучена и опубликована. К тому же довольно сложно во фрагментированных керамических коллекциях найти интересующий нас тип изделий. Возможно, что, по крайней мере, некоторые обломки сосудов с втульчатými носиками, встреченные в культурном слое XVI–XVII вв. Тульского кремля

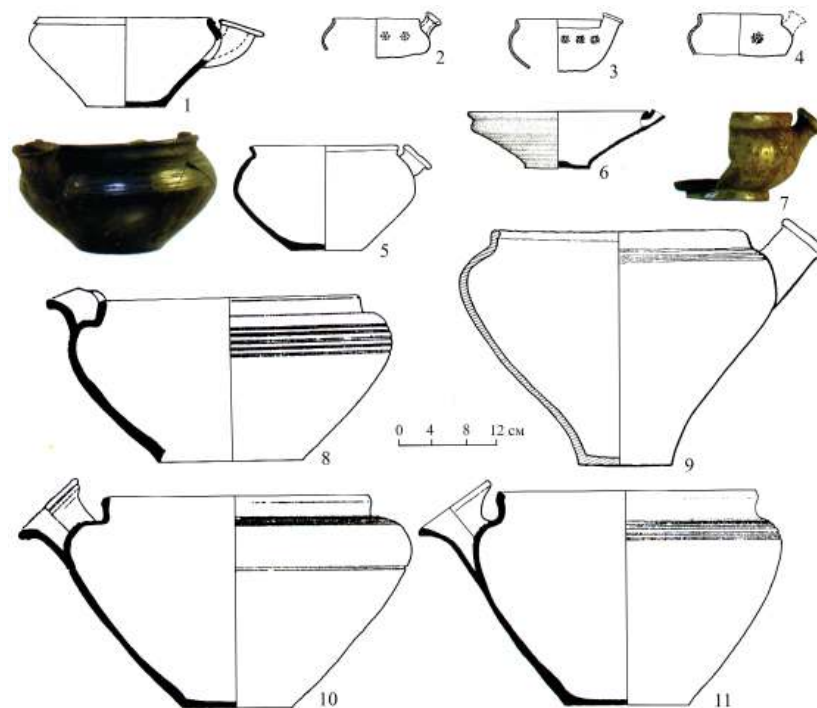

Рис. 19. Красноглиняные (1, 8–11), чернолощеное (5, 6) и поливные (2–4, 7) сосуды из археологических раскопок в Пскове (1) и Москве (2–11) (по Розенфельдту, 1968; Кильдюшевскому, 2002; Векслеру и др., 2016)

(Зацаринный и др., 2007. С. 161, рис. 31: 5), а также в отложениях XVIII – начала XIX в. Санкт-Петербурга (Михайлова, 2017. С. 311, рис. 1: 1, 2), атрибутированные исследователями как части ручной посуды, функционально близкой горшку из Березья.

Горшковидные сосуды с втульчатым носиком в месте наибольшего расширения представлены в этнографических коллекциях, собранных в конце XIX – XX в. на территории от Приладожья на западе до Забайкалья на востоке, от Поморья на севере до Среднего Поволжья на юге (рис. 20)³². В основном посуда такой формы характерна для традиционной русской культуры, но встречается у вепсов, карел, а также коми (зырян) (Чудова, 2001. С. 26).

В Ленинградской области оятские гончары делали приземистые (высотой 8,5–17,5 см) горшковидные сосуды с втульчатым носиком, с противоположной стороны от которого часто находится небольшая раструбовидная ручка (рис. 20: 2). Часть изделий украшена расписным орнаментом, нанесенным белой глиной и окисью марганца (Русское гончарное искусство, 1976. С. 24, № 149; Русское народное ткачество, 1976. С. 145, № 344; Народное искусство, 1984. С. 34, 37–38, № 136, 172, 173, 174; Народное искусство, 1985. С. 43, № 66, 67; СРГК, 1995. С. 26; Горб и др., 2011. С. 60, 61, илл. 22, 44, 72; Тихвинский музей, 2001. Илл. 46; Королькова, 2016. С. 17–19). Использовались они по-разному. В одних местностях русские и вепсы такую посуду называли «подойником» («липсирагенд») и доили в неё коз³³, в других – такие же сосуды («пöкащ») употребляли для сбивания масла, хранения и потребления молока, браги³⁴, тогда как в третьих («ендова», «е(я)ндовка», «ендовочка», «носак») – использовали для подачи на стол кваса, пива, браги, хотя могли и доить коз³⁵.

На юго-востоке Ленинградской области (Тихвинском уезде Новгородской губернии) гончарами с р. Явосьма изготавливались горшки с трубчатым

носиком высотой 11,5–22 см, которые русское население называло «носак»³⁶ и употребляло для сбивания масла (рис. 20: 3). В небольшом сосуде «носачке» высотой 8 см оно топилось³⁷. Вепсы крупные сосуды, называемые «пöкащ» (рис. 20: 1), использовали для молока, кваса, пива и браги³⁸ (Королькова, 2015. С. 5, 29, 31; Народное искусство, 1984. С. 34, № 137). Из д. Толсть Бокситогорского района Ленинградской области происходит небольшой (высотой 6,6 см) слабопрофилированный сосуд с носиком, изготовленный гончаром-карелом на ручном гончарном круге в середине XX в. Первоначально он использовался для топления масла, а в дальнейшем в качестве кадилницы³⁹. В собрании Загорского (Сергиево-Посадского) музея хранится кувшинчик-«масленник» высотой 8,5 см с рыльцем и петлевидной ручкой, расположенной в перпендикулярной от него плоскости, поступивший из Тихвинского уезда (Русское гончарное искусство, 1976. С. 24, № 145).

Довольно большое количество горшков с носиками высотой 16,5–23,5 см (рис. 20: 4, 6) собрано этнографами на юге и востоке Новгородской области (Боровичский, Демянский, Любытинский, Марёвский, Мошенской, Пестовский, Поддорский и Хвойнинский районы). В публикациях и музейной документации их называют «подойниками» (Хабрат, 1995. С. 239, 251, рис. 18а)⁴⁰. Сведений о функциональном использовании этих изделий почти нет имеется. Только про один сосуд есть информация, что последняя владелица использовала его для топления масла⁴¹. Необходимо отметить, что в Словаре русских народных говоров для Новгородской, Калининской, Московской и Архангельской областей говорится о «подойнике» как о глиняном сосуде с «носиком, в котором сбивают и топят масло» (СРНГ, 1994. С. 113). Наличие копоти, нагара, белого налета на поверхности большей части сосудов подтверждает такое использование, по крайней мере, части новгородских «подойников».

³² Фонды Российского этнографического музея. Благодарим О. Г. Баранову и О. В. Калинину за возможность ознакомиться с коллекциями Отделов этнографии русского народа и этнографии Северо-Запада и Прибалтики; фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Благодарим Л. В. Паршину за возможность ознакомиться с материалами музея народного деревянного зодчества «Витославицы»; фонды Вытегорского объединенного музея (<http://museum-vytegra.vlg.muzkult.ru/keramika/>).

³³ РЭМ, колл. 7352-38; 9911-83.

³⁴ РЭМ, колл. 11674-40; 12358-2.

³⁵ РЭМ, колл. 7867-4; 8417-174, 10361-223, 224.

³⁶ РЭМ, колл. 7573-53, 58. В Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей отмечено, что в «носаках» держали сметану и топили сало (СРГК, 1999. С. 43).

³⁷ РЭМ, колл. 7573-59.

³⁸ РЭМ, колл. 11763-21; 11825-16.

³⁹ РЭМ, колл. 11653-1. В Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей упоминается «носилька» – глиняный сосуд, «масленка с носиком» из Тихвинского района (СРГК, 1999. С. 48).

⁴⁰ РЭМ, колл. 8384-58, 59; НГОМЗ, КП 26495; 29483; 30776/1; 30870/39; 31980/19, 20; 33069/26; 33871/10; 36456/97; 36988/162, 163; 39563/162, 163; 44509/24; НВ 19845/56; 21629/63, 65.

⁴¹ НГОМЗ, КП 35863/100.

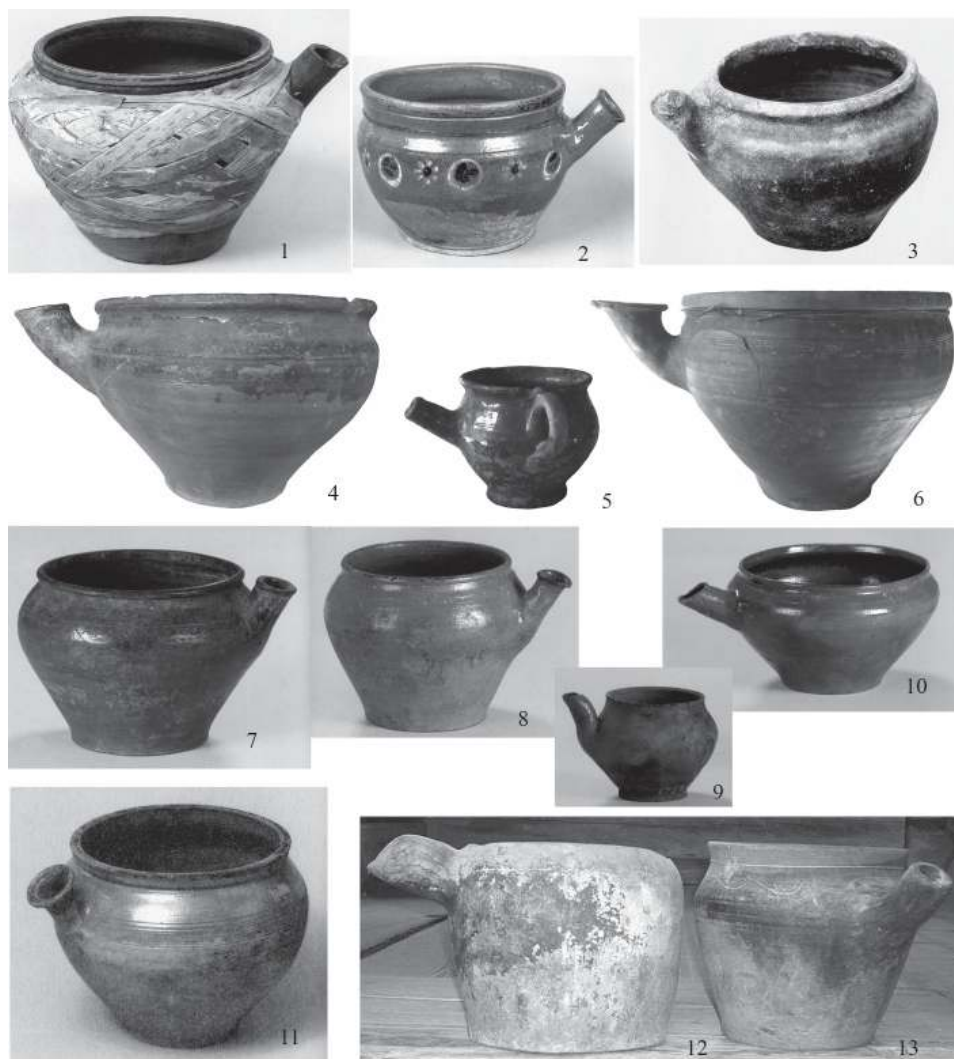

Рис. 20. Этнографические сосуды с носиками: 1–3 – Ленинградская область (по Корольковой, 2015; 2016); 4–6 – Новгородская область (фото А. В. Плохова); 7–10 – Пермский край (по Димухаметовой, 2010); 11 – Московская область (по Народное гончарство, 1995); 12, 13 – Иркутская область (по Голендееву, 2005). Без масштаба

В этнографических собраниях имеются также, происходящие из Новгородской области, небольшие «горшочки для масла» высотой 7,9–11,6 см с носиком и расположенной в перпендикулярной плоскости от него петлевидной ручкой (рис. 20: 5) (Русское гончарное искусство, 1976. С. 23, № 130)⁴², а также «масленка» высотой 13 см с трубчатым носиком без ручки⁴³. В Новгородском областном словаре упоминается «подояшка» – «небольшой горшочек с носиком для разогревания масла, сала и т.п.» (НОС, 1994. С. 47).

Словарь русских народных говоров отмечает существование в Псковской области «рылашек» –

горшков с носиком, в которых хранилось молоко (СРНГ, 2001. С. 308).

С территории Карелии происходит большое количество горшков с носиком (Народное искусство, 1979. С. 53, 54, № 8, 19, 23, 25)⁴⁴. Они имели названия «масленик», «на(о)сад(т)ка», «носач», «носовастик», «носоватик», «носоватка», «носовик», «носовичок», «носовочек», «носулька», «роговик», «роговатик», «роговатник», «роговица», «роговичка», «роговичок» (Куликовский, 1898. С. 100; СРНГ, 1985. С. 148; 1986. С. 287, 289;

⁴² НГОМЗ, КП 25155; 31980/9; 46653/41.

⁴³ НГОМЗ, КП 33069/12.

⁴⁴ Фонды Национального музея Республики Карелия. Благодарим за информацию М. М. Шахновича; фонды музея-заповедника «Кижы» (<http://kizhi.karelia.ru/collection/keramika/>).

2001. С. 124; СРГК, 1999. С. 43, 45, 46, 48; 2002. С. 536, 540; Дуров, 2011. С. 217, 254, 359). Сосуды, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Карелия, имели высоту 5,5–19,5 см. Все они употреблялись для переработки и хранения молочных продуктов.

Русское население Заонежья в такие сосуды («носоватики», «но(а)садки»), собирали, снятую с простокваши сметану, взбивали в них с помощью маленькой мутовки масло, сливая через носик образующуюся при этом пахту. В небольших горшках⁴⁵ масло перетапливалось с солью, а затем через носик сливалось в большие сосуды, где оно хранилось до скоромных дней. В небольших сосудах с носиком топленое масло также подавалось на стол (Логинов, 1993. С. 119, 124, рис. 13: 3).

В Архангельской области интересующие нас горшки называли «масленками», «носатиками», «носниками», «носовиками», «носоватиками», «носоватниками», «подойниками», «роговиками», «роговичками», «рогачами», «рожниками», «рыльниками», «рыльничками», «топниками» (Орлов, 1968. С. 46, 47, табл. 27–29; СРНГ, 1986. С. 289; 2015. С. 249, 250; Бровина, 2007. С. 139, илл. 23; Томашевская, 2011. С. 95, № 205; Балан и др., 2014. С. 243; 2018. С. 220, 221)⁴⁶. Известная высота этих сосудов 6,7–21,2 см. В этой посуде взбивали и топили в печи сливочное масло, изготавливали и хранили сметану, приготавливали сливки, а также перетапливали сало. Гончары Тимощельского гончарного промысла (Мезенский район Архангельской области) изготавливали горшки средних размеров со сливным носиком («роговики») в которых взбивали масло и изготавливали творог (Шумилов, 1990. С. 2). Из д. Село Каргапольского района происходят два «топника-ружника» – небольшие горшочки (высотой 6,5 и 7,5 см) с «рожком», служившие для топления масла⁴⁷. Для тех

же целей использовался более крупный сосуд с коротким носиком – «топник» из д. Дьяковская Вельского района. По данным этнографов, в подобного рода сосудах во время поста также «топили» масло и сметану⁴⁸.

Мастера Сомовского гончарного промысла (Верховажский район Вологодской области) в середине XX в. делали «рыльники» для «сбивания», «выделки масла» объемом 1–3 л (Сомовский промысел, 2003. С. 33, 54, 61). В горшках-«рыльниках» в Кадиковском уезде Вологодской губернии хранили сметану⁴⁹. Гончары Андомской округи (Вытегорский район Вологодской области) изготавливали «роговики», в которых сбивали масло (Мокина, 1997. С. 174, 177, 182). Таким же образом использовались «сосуды-роговики», имевшие «носик-слив трубчатой формы» в Закуштской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии (Ильина, 2000. С. 28). По данным Т. А. Ворониной, в Вологодской области в больших горшках с носиками топили масло. Они назывались «рыльниками», «роговиками»⁵⁰. При приготовлении пищи масло растапливали в маленьких сосудах⁵¹, которые имели разные форму и название⁵² («маслёнка», «масляник», «мазильница», «роговик», «рожанка», «топник», «топушка»). Есть среди них и горшочки с носиками (Воронина, 2001.

⁴⁸ РЭМ, колл. 12387-1.

⁴⁹ РЭМ, колл. 656-89. Согласно словарям русских говоров «рыльники» использовались для «сбивания масла, перетапливания масла сала и т.п.» (СВГ, 2002. С. 77; СРГК, 2002. С. 593). «Рыльник» высотой 13 см, попавший в фонды НГОМЗ (КП 47437/16), владелец использовал для дойки козы.

⁵⁰ В словаре П. А. Дилакторского отмечено, что в «роговиках» топили не только масло, но и сало (Дилакторский, 2006. С. 435). В Словаре вологодских говоров говорится, что в «роговиках», «роговичках», «рыльничках» топили масло и «мешали сметану», в «рогулях», «рылухах» топили сало, а «рожанки» использовали для процеживания молока и сбивания масла (СВГ, 2002. С. 60, 63). Один из «роговиков», поступивших в фонды РЭМ из Вытегорского района Вологодской области, использовался для хранения пива и кваса (колл. 11584-8). По-видимому, это его вторичная функция.

⁵¹ Согласно Словарю вологодских говоров в «маслёнках», «масляниках», «маслянках», представляющих собой глиняные сосуды с носиком, не только топили, но и хранили масло, а «топники» служили для «сбивания масла, вытапливания масла, сала и т.п.» (СВГ, 1989. С. 73; 2002. С. 76; 2005. С. 41).

⁵² В Словаре вологодских говоров отмечены также «топнички», «топнушки», «топушечки» (СВГ, 2005. С. 41, 42).

⁴⁵ На сайте музея Кижы подобные горшки названы «масленками». Является ли это местным обозначение этих сосудов, и насколько оно было распространено, нам не известно.

⁴⁶ Фонды Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (http://vm1.culture.ru/malyue_korely/catalog; <https://www.korely.ru/heritage/collections/data/keram/index.php>); РЭМ, колл. 519-6, 17; 3942-16; 7504-27; 12610-1; 12667-15; 12780-4, 10; 13127-31; 13175-33. Л. Э. Колмыковой опубликована «масленка» с уплощенной изогнутой ручкой, рыльцем и крышкой, происходящая из Котласского района Архангельской области (Русское гончарное искусство, 1976. С. 15, № 30).

⁴⁷ РЭМ, колл. 10870-22, 23.

С. 385, рис. 1в, 2в; Белозерская керамика, 2011. С. 39, № 84)⁵³. «Масленки» кроме трубчатого носика часто имели петлевидную ручку (Суров, 2002. С. 26–30, № 215, 216, 224, 232, 233, 241). Н. М. Лопатенко, рассматривая традиционную керамику Ерги, опубликовала сосуд с носиком под названием «подойник» (Лопатенко, 1993. С. 34). Глиняные «подойники» изготавливали также мастера Андомской разнотрестели (Мокина, 1997. С. 182). «Подойник» с длинным трубчатым носиком из Устюженского района Вологодской области хранится в собраниях Государственного Русского музея (Русское народное ткачество, 1976. С. 135, № 318). О бытовании Вологодской, Московской, Пермской губернии глиняных «подойников», несколько меньших размеров чем деревянные, «с маленькой горизонтальной ручкой и высоким втульчатим коротким рыльцем» писала Т. А. Воронина (1997. С. 406; 2001. С. 384)⁵⁴. По данным авторов «Каталога народной керамики Кирилловского района Вологодской области», «подойниками называют горшки с рыльцем в верхней части тулова», которые «предназначены для топления масла» (Каталог, 1998. С. 13). В Музее фресок Дионисия хранится 12 таких сосудов высотой 12–22 см, четыре из которых покрыты поливой, а два чернолощенные (Каталог, 1998. С. 13, 24, 30, 32, 33, 37, 40, 46, 47, 49, № 42, 95, 115, 133, 172, 173, 201, 268, 272, 278, 299, 300, табл. 34–38)⁵⁵. При этом, Н. А. Шмидт, которая исследовала в 1928 г. технику керамического производства на территории существовавшего тогда Андомского района Ленинградской области (юго-восточное Прионежье), зафиксировала изготовление «рогачей» – горшков с носиками, предназначенных для доения коров (Шмидт, 1928. Л. 13). В фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника

⁵³ В Вологодской земле представлены и «рыльники» небольшого размера (высотой 9–13,5 см) (Белозерская керамика, 2011. С. 35, 41, № 56, 102; Русское гончарное искусство, 1976. С. 14, № 16, 17), тогда как «топник» из д. Зарубино Кадниковского уезда Вологодской губернии имел высоту 19 см (РЭМ, колл. 300). У «рыльника» или «топника» из собраний РЭМ, приобретенного в Вологде, высота 15 см (РЭМ, колл. 3979-18), а у «топника» из Государственного Русского музея – 14,8 см (Русское народное ткачество, 1976. С. 127, № 292).

⁵⁴ Глиняные «подойники» («доильницы», «подойницы», «подонки») бытовали также в Архангельской, Костромской губерниях, Свердловской, Новгородской областях, Бурятии (СРНГ, 1972. С. 95; 1994. С. 113, 114).

⁵⁵ Три «подойника» высотой 18, 19,8 и 22,5 см из Кирилловского, Бабаевского и Череповецкого районов Вологодской области хранятся в НГОМЗ, КП 43616/129; 45759/105; 48050/15.

хранится три сосуда с трубчатыми носиками высотой 14,5, 23,3 и 25 см, происходящие из Кадуйского района Вологодской области, носящие в учетной документации название «горшок-розлив»⁵⁶. Имеется информация, что в самом маленьком сосуде топили масло, в среднем – отделяли сыворотку от творожной массы, а с помощью самого большого владелец цедил пиво⁵⁷.

В Тверской области, по данным Л. Э. Калмыковой, сосуды с «рыльцами» высотой 21–26,7 см назывались «дойниками»⁵⁸, «подойниками» и «растворниками». По каталогу 1976 г. «подойник» использовался для «растопки масла». О функции «дойников» исследовательница не сообщает, но судя по подписи под одним из рисунков – «дойник для масла», по крайней мере, некоторые сосуды использовались для приготовления или хранения этого продукта⁵⁹. В «растворниках» же топили сало (Русское гончарное искусство, 1976. С. 28, 35, № 187, 266; Калмыкова, 1995. С. 110, 124, 125, 138, ил. 71, 78; Воронина, 1997. С. 406)⁶⁰. От тверских карел в фонды Российского этнографического музея поступил горшок с цилиндрическим носиком («нокка пада») высотой 22,5 см, который использовался для топленного масла⁶¹, а в собрание Новгородского государственного объединенного музея-заповедника попал «подойник» с трубчатым носиком и петлеобразной ручкой⁶². Словари русских народных говоров отмечают существование в Тверской области «подоек» – горшков с «рыльцем» и «подояшек» – небольших горшочков с «рыльцем для сметаны, молока, растапливания масла и хранения его для ежедневного использования во время еды» (СРНГ, 1994. С. 127; ТСГТО, 2004. С. 66, 67).

В Костромском крае для приготовления топленного молока, сметаны, масла использовались топники («топники-урьльники») – сосуды горшкообразной формы высотой 10–21 см с коротким округлым

⁵⁶ НГОМЗ, КП 44007/125, 220, 236.

⁵⁷ В Словаре русских народных говоров упоминается бытование в Вологодской области «носничков» – глиняных сосудов с носиком (вместимостью до литра), используемых для молока (СРНГ, 1986. С. 289).

⁵⁸ «Дойник» высотой 21 см из Тверской области есть и в собрании РЭМ, колл. 1361-58.

⁵⁹ В каталоге 1976 г. этот сосуд опубликован, как происходящий из Дмитровского района Московской области (Русское гончарное искусство, 1976. С. 33, № 243).

⁶⁰ У некоторых тверских «дойников» на противоположной стороне от носика, на уровне плечика имеется маленькая петлевидная ручка (Калмыкова, 1995. Илл. 79).

⁶¹ РЭМ, колл. 10392-86.

⁶² НГОМЗ, НВ 21514/75.

рожком для слива внутри которого делалась «дырчатая перегородка» (Масалёва, 2013. С. 41, 61)⁶³.

Из Ярославской губернии в фонды Российского этнографического музея поступил чернолощечный «дойник» с носиком «раструбом»⁶⁴. В книге Т. В. Шевчук, посвященной традиционному гончарству Ярославской области, имеются фотографии ещё трех «дойников» (Шевчук, 2017. Илл. 3.31, 3.52, 3.99). Все они представляют собой горшки с носиками и расположенными с ними в одной плоскости маленькими петлевидными ручками. Следует сказать, что одно из значений слова «дойник», согласно Ярославскому областному словарю, – «глиняный (реже – металлический) сосуд для хранения масла и топленой сметаны» (ЯОС, 1985. С. 9). Т. В. Шевчук также опубликован редкий для этого региона экземпляр «топника» в виде маленького (высотой 6,1 см) горшка с длинным «трубчатым носиком и расположенной слева от него ручкой» (Шевчук, 2017. С. 91, илл. 2.175). Это изделие похоже на некоторые сосуды для масла из Новгородской области⁶⁵.

В Московской области в фондах Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника хранится сосуд с округлым длинным «рыльцем» высотой 13,5 см и шесть «дойников» высотой 19–23,5 см (рис. 20: 11), два из которых имеют не только носик, но и ручки (Народное гончарство, 1995. С. 19, 25, 71, 72, 77, 80, 91, 101, № 3, 22, 181, 198, 206, 237, 263, илл. 68, 71, 76; Русское гончарное искусство, 1976. С. 18, 30, 33, № 64, 70, 213, 214, 242, 243). О характере использования этих изделий составитель опубликованного каталога хранящейся в музее керамики Л. Э. Калмыкова, к сожалению, ничего не написала. Необходимо отметить, что согласно Словарю говоров Подмосковья, одно из значений слова «подойник» («подоіник», «падоіник») – «глиняный сосуд для сбивания и топления масла» (Войтенко, 1995. С. 375).

В Словаре русских народных говоров упомянуто бытование во Владимирской губернии (Муром)

«роговиков» – глиняных сосудов с «носиком для сбивания масла из сметаны» (СРНГ, 2001. С. 124). Рязанские гончары делали «доёнки» («дойники», «подойники», «удойники») – сосуды с «рыльцем» для доения, а также «роговики» («топники») – горшки с «рыльцем» для вытапливания масла (Фрумкин, 1991. С. 19, 21; Гилярова, Фрумкин, 1994. С. 135, 137). Мастера Хлудневского центра гончарного промысла (Калужская область) изготавливали «доёнки» – крупные на пять литров горшки с цилиндрическим носиком, в которые доили коров (Горшков, 2003. С. 25).

Из с. Баявка Кузатовского района Ульяновской области в собрание Российского этнографического музея поступил глиняный «дойник» с носиком высотой 21 см. Известно, что в него наливали сливки, ставили в истопленную печь на 2-3 часа, а затем слив образовавшийся отстой, сбивали из него масло в маслобойке⁶⁶. Из Кировской области в фонды Российского этнографического музея попало два глиняных сосуда с носиком высотой 15 и 18,5 см, называвшиеся «падоенка» и «подойница»⁶⁷. О первом известно, что он служил для «топления в печи молока, масла и т. д.». Из того же региона в музей привезены два горшка («носоватика»), имеющих высоту 16 и 18 см, использовавшиеся для перетапливания масла⁶⁸.

Сосуды разнообразных форм, имеющие втульчатые носики, представлены в этнографических керамических коллекциях, собранных в Пермском крае⁶⁹. В книге С. А. Димухаметовой, посвященной народной культуре русского старообрядческого населения Верхокамья, основанной на собраниях Пермского краевого музея, опубликовано два небольших горшочка (высотой 6,8 и 8,6 см), похожие на «масленики» или «топники» Русского Севера (рис. 20: 9), а также пять более крупных сосудов (высотой 12,5–19,5 см) (рис. 20: 7, 8, 10). Про один известно, что он «использовался в качестве «топника» для масла, при изготовлении домашнего уксуса, и т.д.» (Димухаметова, 2010. С. 149, 150, 159, 167, 168, № 195, 216, 237–241)⁷⁰. В собраниях Государственного исторического музея имеется по-

⁶³ В Словаре русских народных говоров отмечено бытование в Костромской области «роговиков» и «носиков», в которых «мешали» масло, «подойниц», в которых его топили, а также «сметанниц» – глиняной посуды с «рожком, в которой топят сметану в печи» (СРНГ, 1986. С. 289; 1994. С. 114; 2004. С. 369).

⁶⁴ РЭМ, колл. 97.

⁶⁵ Согласно Ярославскому областному словарю, одно из значений слова «топник» – это «глиняный горшок с рыльцем для топки масла». Тот же смысл у слов «топница», «топничка», «топничок», «топушка» (ЯОС, 1990. С. 110).

⁶⁶ РЭМ, колл. 7819-106; 8116-35.

⁶⁷ РЭМ, колл. 8586-30; 11095-25.

⁶⁸ РЭМ, колл. 11318-47; 11208-10. В собрании музея есть еще один горшок с коротким округлым носиком высотой 20,5 см из Ктровской области для топленного масла, РЭМ, колл. 11095-19.

⁶⁹ В фондах РЭМ имеется «дойник» высотой 20 см из этого региона, РЭМ, колл. 2897-2.

⁷⁰ Словарь русских народных говоров отмечает бытование в Пермской губернии «носатиков» – сосудов с «рожками» для топления масла (СРНГ, 1986. С. 287).

дойник горшкообразной формы с «рыльцем» «из черной, так называемой мореной глины, сделанный без гончарного круга и обожженный в домашней печи», поступивший из Пермской губернии (Беркович и др., 1959. С. 187).

Словари русских народных говоров отмечают бытование на Среднем Урале «насадок», «роговушек», «рожа(о)нок», «топничков», «топнушек» – глиняных сосудов с носиком, в которых топили масло, «подойниц» («подоенок»), в которых топили сало, а также «рогужечек», «рогулек», «рогушек» – горшочков с длинным носиком, из которого поили маленьких детей молоком (СРГСУ, 1984. С. 78, 79; СПГ, 2000. С. 568; 2002. С. 296–297; СРНГ, 2001. С. 125, 130, 157; 2015. С. 250; СРГЮП, 2012. С. 40).

На Алтае сосуды с носиком («рыльцем») или сливом, имеющие «репкообразную или цилиндрическую форму тулова», высотой от 8,5 до 21 см, назывались «топник», «маслотопник», «масляничек», «махотка». В этой посуде, которую О. С. Мамонтова сравнивает с северорусскими «горшками-рыльниками», топили молоко, масло, сало для свечей, томили сметану (Бломквист, Гринкова, 1930. С. 178, 187; Мамонтова, 2011. С. 107, рис. 3; 2012. С. 89, 90; Русская керамика, 2012. С. 10, илл. 15).

В Иркутской области горшкообразные сосуды с носиками – «подойники» (рис. 20: 12, 13), применялись при доении и переливания молока (Голендеев, 2005. С. 25; СРГП, 1988. С. 75). В Бурятии же, согласно Словарю русских народных говоров, «глиняные подойники делали для масла» (СРНГ, 1994. С. 113).

Итак, по этнографическим данным, в разных регионах сосуды с носиками имели разные названия, которые главным образом отражают основную особенность этого типа горшков – наличие носика («носка»), «рога», «рожка», «рыла», «рыльца» (табл. 1). Реже оно исходит из функции изделия – «масленик», «подойник» («дойник»), «топник» и т. п. Правда, довольно часто название не совпадает с его зафиксированным назначением. Особенно это касается «дойников» и «подойников», которые в большинстве регионов использовались не для дойки коров или коз. Главным образом интересующие нас сосуды служили для переработки молочных продуктов. Горшочки маленького размера, близкие по параметрам сосуду Новолadoжского клада, предназначались главным образом для вытапливания и разогревания небольшого количества масла. Следы маслянистого нагара на горшочке из Березья подтверждают вероятность именно такого его использования.

Таблица. 1. Названия сосудов с носиками в разных регионах России

Регион	Название
Карелия	масленик, но(а)сад(т)ка, носач, носовастик, носоватик, носоватка, носоватник, носовик, носовичок, роговатик, роговатник, роговик, роговица, роговичка, роговичок (Дуров, 2011. С. 217, 254, 359; Куликовский, 1898. С. 100; Логинов, 1993. С. 119, рис. 13: 3; Народное искусство, 1979. С. 54, № 19, 23, 25; СРГК, 1999. 43, 45, 46; 2002. С. 536, 540, 551; СРНГ, 1985. С. 148; 1986. С. 287, 289; 2001. С. 124)
Мурманская обл.	масленик, носовик, роговик (Меркурьев, 1979. С. 62, 84, 96, 134)
Архангельская обл.	масленик, носатик, носник, носоватик, носоватник, носовик, носовичок, рогач, роговик, роговичок, рожник, рожок, рыльник, рыльничек, подойник, топник, топникружник (Балан и др. 2014. С. 243; 2018: 220, 221; Бровина, 2007. С. 139, ил. 23; Подвысоцкий, 1885. С. 147; СРНГ, 1986. С. 289; 1994. С. 113; 2001. С. 124, 125, 153–155, 309; 2015. С. 249, 250; Томашевская, 2011. С. 95; Шумилов, 1990. С. 2; коллекционные описи РЭМ, колл. 519-6, 17; 8116-35; 10870-22, 23; 12387-1; 12667-15; 12780-4, 10; 13127-31; 13175-33)

Регион	Название
Вологодская обл.	маслёнка, маляник, носатик, носничок, подойник, рогованица, роговик, роговичок, рогуль, рогульник, рожанка, рылон, рылуха, рыльник, рыльничек, топник, топничок, топнушка, топушечка, топушка (Белозерская керамика, 2011. С. 35, 39, 41, 60, № 56, 84, 102, 249; Воронина, 2001. 384, 385, рис. 1в, 2в; Дилакторский, 2006. С. 435, 441, 447; Иваницкий, 1890. С. 15; Ильина, 2000. С. 17, 21, 28; Каталог, 1998. С. 13; Лопатенко, 1993. С. 34; СВГ, 1989. С. 73; 2002. С. 60, 61, 63, 77; 2005. С. 41, 42; СРГК, 2002. С. 593; СРНГ, 1986. С. 289; 2001. С. 309; 2015. С. 249, 250, 259; 2005. С. 41; Суров, 2002. С. 8, 9, 26–30, 48; Русское гончарное искусство, 1976. С. 14, № 16, 17; Русское народное ткачество, 1976. С. 127, 135, № 292, 318)
Ленинградская обл.	ендова, е(я)ндовка, ендовочка, масленик, носак, носулька, подойник («липсирагенд») (Горб и др., 2011. С. 60, 61, 67, илл. 22, 44, 72; Народное искусство, 1984. С. 34, 37, 38. № 136, 137, 172, 173, 174; Народное искусство, 1985. С. 43, № 66, 67; Русское гончарное искусство, 1976. С. 24, № 145, 149; Русское народное ткачество, 1976. С. 145, № 344; СРГК, 1995. С. 26; 1999. С. 43, 48)
Новгородская обл.	подойник, подояшка (НОС, 1994. 47; СРНГ, 1994. С. 113; Хабрат, 1995. С. 251)
Псковская обл.	рылашка (СРНГ, 2001. С. 308)
Тверская обл.	дойник, подойка, подойник, подояшка, растворник (Калмыкова, 1995. С. 110, 138, илл. 71, 78, 79; Русское гончарное искусство, 1976. С. 28, 35, № 187, 266; СРНГ, 1994. С. 113, 127; ТСГТО, 2004. С. 66, 67)
Ярославская обл.	дойник, топник, топница, топничка, топничок, топушка (Шевчук, 2017. С. 91, ил. 2.175; 3.31,52, 99; ЯОС, 1990. С. 110; коллекционные описи РЭМ, колл. 97)
Костромская обл.	носовик, подойница, роговик, сметанница, топник, топник-урьльник (Масалёва, 2013. С. 41, 62; СРНГ, 1986. С. 289; 1994. С. 114; 2004. С. 369)
Московская обл.	дойник (Народное гончарство, 1995. С. 19, 25, 71, 72, 77, 91, 101, № 3, 22, 181, 198, 237, 263; Русское гончарное искусство, 1976. С. 18, 30, № 64, 213, 214; СРНГ, 1994. С. 113)
Владимирская обл.	роговик (СРНГ, 2001. С. 124)
Калужская обл.	доёнка (Горшков, 2003. С. 25)
Рязанская обл.	доёнка (дойник, подойник, удойник), роговик (топник) (Фрумкин, 1991. С. 19, 21)

Регион	Название
Ульяновская обл.	дойник (коллекционные описи РЭМ, колл. 7819-106)
Кировская обл.	носоватик, падоенка, подойница (коллекционные описи РЭМ, колл. 8586-30; 11318-47; 11095-25; 11208-10)
Средний Урал (Пермский край, Свердловская обл.)	дойник, насадка, носатик, подойник, подоенка, подойница, роговушка, рогужечка, рогоулька, рогушка, рожа(о)нка, топничок, топнушка, топняк (коллекционные описи РЭМ, колл. 2897-2; СПГ, 2000. С. 568; 2002. С. 126, 296, 297; СРГСУ, 1984. С. 78, 79; СРГЮП, 2012. С. 40; СРНГ, 1986. С. 287, 1994. С. 114; 2001. С. 125, 130, 157)
Алтай	топник (Мамонтова, 2011. С.107, рис. 3; 2012. С. 89, 90; Русская керамика, 2012. С. 10, илл. 15; СРНГ, 2015. С. 249, 250)
Иркутская обл.	подойники (Голендеев, 2005. С. 25, 26; СРГП, 1988. С. 75)
Забайкалье	дойник, подойник (Болонев, 1984. Рис.1: а, б; Маслова, 1962. С. 19, 21, рис. 1: е; СРНГ, 1994. С. 113)

Таким образом, комплексное исследование монет, керамики, исторической топографии позволило сделать выводы об особенностях денежного обращения и характере гончарного производства в области Нижнего Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв., в переломной момент Российской истории.

Источники и литература

- Балан С. Б., Бровина Л. А., Веселовская Н. В., 2014. Этнографическая экспедиция А. А. Сошиной и В. И. Артамошкиной в Верхнетоемский район Архангельской области (1984). Дневник. Каталог предметов // Соловецкий сборник. Архангельск. Вып. 10.
- Балан С. Б., Бровина Л. А., Веселовская Н. В., 2018. Дневник экспедиции Соловецкого музея в Онежский и Приморский районы Архангельской области. Каталог музейных предметов // Соловецкий сборник. Архангельск. Вып. 14.
- Белозерская керамика, 2011. Белозерская керамика конца XIX – первой половины XX века. Каталог / Н. М. Лопатенко, Л. А. Кривчанская. Белозерск.
- Беркович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К., 1959. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель. М.
- Бирюков В., 1924. Современное производство глиняной посуды без гончарного круга // Шадринское научное хранилище. Январь. Шадринск.
- Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П., 1930. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л. (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17).
- Бобринский А. А., 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.
- Болонев Ф. Ф., 1984. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. Новосибирск.
- Бровина Л. А., 2007. Коллекция керамики Соловецкого музея-заповедника // Соловецкий сборник. Архангельск. Вып. 4.
- Будников А. В., Волков И. В., 2013. Об изменении пробы русских серебряных копеек в XVII в. // Семнадцатая всероссийская нумизматическая конференции. Тез. докл. (Москва, Пушкино, 22–26 апреля 2013 г.). М.
- Бушлякова В. А., Волков И. В., 2010. Тверские клады XVI – начала XVIII в. М.; Тверь. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного объединенного музея.

- Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.
- Войтенко А. Ф., 1995. Словарь говоров Подмосковья. 2-е изд. М.
- Воронина Т. А. 1997. Утварь (XII–XX века) // Русские. М. (серия «Народы и культуры»).
- Воронина Т. А., 2001. Пища и утварь // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.
- Гилярова Н. Н., Фрумкин А. К., 1994. Детский фольклор Рязанской области. Рязанская глиняная игрушка. Народные музыкальные инструменты России. Рязань. (Рязанский этнографический вестник).
- Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).
- Голендеев А. Н., 2005. Гончарный промысел в Иркутской губернии // Тальцы. Иркутск. № 3 (26).
- Горб Д. А., Рыжов А. Г., Рыжова И. П., 2011. Гончарство Оятского края. СПб.
- Горшков М. М., 2003. Хлудневский гончарный промысел // Живая старина. № 2.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., 2007. Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей (1645–1696 гг.). М.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Дилакторский П. А., 2006. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. (Памятники русского диалектного слова).
- Димухаметова С. А., 2010. Мир вещей русских крестьян XIX–XX века. Традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхотурья: из собрания Пермского краевого музея. Каталог. Пермь.
- Дуров И. М., 2011. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск.
- Захарова А. В., 1996. Русское гончарное производство Среднего Прииртышья в XVII–XX веках // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Иркутск. Ч. 2.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В. 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Материалы всероссийского семинара 18–20 ноября 2005 г. Тула. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы.
- Зверев С. В., 2000. Изменения монетной стопы в русской чеканке XVII в. и их отражения в оформлении монет // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда. № 7.
- Зверев С. В., 2005. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М. № XVII.
- Зверев С. В., 2014. Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Нумизматические чтения 2013 г. (Москва, ГИМ, 24–25 ноября 2015 г.). М.
- Зверев С. В., 2015. Службы гостей и членов Гостиной сотни на денежных дворах в конце XVII в. // Восемнадцатая всероссийская нумизматическая конференции. Тез. докл. (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.
- Зеленин Д. К., 1927. Примитивная техника гончарства «налепом» (au colombin) в Восточной Европе // Этнография. М.; Л. № 1-2.
- Иваницкий Н. А., 1890. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М. (Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXIX; Труды Этнографического отдела, т. XI, вып. I).
- Ильина Е. С., 2000. Закуштский гончарный промысел. Историко-этнографический очерк. Вологда. (Гончарные промыслы Вологодской области).
- Калинин В. А., 1979. Русская кладовая керамика в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л.

- Калмыкова Л. Э., 1995. Народное искусство Тверской земли. Тверь.
- Каталог, 1998. Каталог народной керамики Кирилловского района Вологодской области. (По материалам экспедиционных сборов 1993–1997 годов) / М. А. Алексеева, М. Н. Шаромазов. М.; Феррапонтово.
- Киреев С. М., Кучуганова Р. П., 1998. Лепные сосуды русского населения Горного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы III научно-практической конференции. Барнаул.
- Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Кирпичников А. Н., 2002. Ладога в третьей четверти XVI в. (первопубликация писцовых книги 1568 г.) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Королькова Л. В., 2015. Традиционная керамика Шугозерья. СПб.
- Королькова Л. В., 2016. Традиционная оятская керамика: свистулька и посуда. СПб.
- Косолапов А. И., 2015. Естественнонаучные методы в экспертизе произведений искусства. СПб.
- Куликовский Г. И., 1898. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.
- Липинская В. А., 1980. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М.
- Логинов К. К., 1993. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб.
- Лопатенко Н. М., 1993. Традиционная керамика Ерги. Вологда.
- Максимов А. В., 2003. Клад монет петровской эпохи // Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференции. Тез. докл. (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб.
- Максимов А. В., 2013. Клад петровского времени из Гаврилов-ямского района // Семнадцатая всероссийская нумизматическая конференции. Тез. докл. (Москва, Пушкино, 22–26 апреля 2013 г.). М.
- Мамонтова О. С., 2011. Северорусские традиции в гончарстве русского населения Алтая // Рябининские чтения - 2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск.
- Мамонтова О. С., 2012. Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 9 (124).
- Масалёва С. Д., 2013. Костромская глина. Гончарный промысел Костромского края. Конец XIX – начала XX вв. Кострома.
- Маслова Г. С., 1962. Гончарство русского населения Восточной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. М. № XXXVII.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.
- Мельникова А. С., 1996. Серебряные копейки Алексея Михайловича и Уложение 1649 г. // Четвертая всероссийская нумизматическая конференции (Дмитров, 22–26 апреля 1996 г.): Тез. докл. М.
- Меркурьев И. С., 1979. Живая речь кольских поморов. Мурманск.
- Мец Н. Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. № XXIV.
- Михайлова Е. Р., 2017. Белоглиняная керамика в Петербурге (предварительное сообщение) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 10.
- Мокина Г. Г., 1997. Гончарное производство Вытегорского района // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 1.
- Народное искусство, 1979. Народное искусство Карелии. Каталог выставки музея Кижы / А. Т. Беляев, Б. А. Гуцин. Петрозаводск.
- Народное гончарство, 1995. Народное гончарство Московской области XIX – начала XX века. Каталог / Л. Э. Калмыкова. М.
- Народное искусство, 1984. Народное искусство и художественные промыслы Ленинградской области. Каталог выставки / Д. А. Горб, И. И. Шангина. Л.

- Народное искусство, 1985. Народное искусство Ленинградской области из собрания Государственного Русского музея / М. А. Сорокина. Л.
- НОС, 1994. Новгородский областной словарь / А. В. Клевцова, В. П. Строгова. Новгород. Вып. 8: Побируха – Пральная.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья: Новые материалы и исследования. СПб. (Труды ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Орлов С. А. 1968. Утварь архангельских крестьян и способы ее изготовления. Дипломная работа студента Исторического факультета Московского государственного университета. М.
- Плохов А. В., 2009. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; М.; СПб.
- Подвысоцкий А., 1885. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.
- Рабинович М. Г., 1964. О Древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1-39).
- Русская керамика, 2012. Русская керамика Алтая из собраний музеев Алтайского края. Каталог / О. С. Мамонтова. Барнаул.
- Русское гончарное искусство, 1976. Русское гончарное искусство XIX – начала XX века. Каталог выставки из собрания Загорского музея / Л. Э. Калмыкова. М.
- Русское народное ткачество, 1976. Русское народное ткачество и керамика. Каталог выставки из собрания Государственного Русского музея / Н. С. Григорьева, Э. А. Корсун. Л.
- Самоквасов Д. Я., 1909. Архивный материал. Новоткрытые документы помещтно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М. Т. II.
- Самошин С. И., Черкасов В. В., 2010. Кладовая керамика Коломны и Коломенского района XV–XVIII вв. (из фондов Коломенского краеведческого музея) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 6.
- СВГ, 1989. Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / ред. Т. Г. Паниковская. Вологда. Вып.: К – М.
- СВГ, 2002. Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / ред. Л. Ю. Зорина, Т. Г. Паниковская. Вологда. Вып. 9: Р – С.
- СВГ, 2005. Словарь вологодских говоров / ред. Л. Ю. Зорина. Вологда. Вып. 11: Т – Х.
- Соболев В. Ю., 2010. Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск-ХI (Плюсский район Псковской области) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.
- Сомовский промысел, 2003. Сомовский гончарный промысел / Т. Горбатова. Верховажье.
- СПГ, 2000. Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь. Вып. 1: (А – Н).
- СПГ, 2002. Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь. Вып. 2: (О – Я).
- Спиридонов А. М., 1985. Керамический материал из Оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линева) // Кочуркина С. И., Линева А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск.
- Спиридонов А. М., 1986. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // Славяно-русские древности М. (КСИА. № 187).
- Спиридонов А. М., 1989. Керамика приладожской курганной культуры // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск.
- СРГК, 1995. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб. Вып. 2: (дрожевик – косячок).
- СРГК, 1999. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А. С. Герд. СПб. Вып. 4: (необрытний – подузорник).
- СРГК, 2002. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А. С. Герд. СПб. Вып. 5: (подузорье – свильнуть).

- СРГП, 1988. Словарь русских говоров Прибайкалья / ред. Ю. И. Кашевская. Иркутск. Вып. 3: О–Р.
- СРГСУ, 1984. Словарь русских говоров Среднего Урала. Учебное пособие / ред. А. К. Матвеев. Свердловск. Т. V: Пристановье – Скалянка.
- СРГЮП, 2012. Словарь русских говоров Южного Прикамья / ред. И. А. Подюков. Пермь. Вып. III: (ра – ять).
- СРНГ, 1972. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. Л. Вып. 8: Дер – Ерепеничься.
- СРНГ, 1985. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. Л. Вып. 20: Накучкать – Негоразд.
- СРНГ, 1986. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. Л. Вып. 21: Негораздый – Обвива.
- СРНГ, 1994. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. Вып. 28: Подель – Покороче.
- СРНГ, 2001. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. Вып. 35: Реветь – Рящик.
- СРНГ, 2004. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. СПб. Вып. 38: Скинать – Сметушка.
- СРНГ, 2015. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Сороколетов. Изд. второе. СПб. Вып. 44: Телепай – Транба.
- Суров М. В., 2002. Вологодчина: Неизведанная давность. Вологда.
- Тихвинский музей, 2001. Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей. Путеводитель-каталог: этнографические коллекции и предметы религиозного назначения / Д. А. Горб, И. П. Рыжова. СПб.
- ТСГТО, 2004. Тематический словарь говоров Тверской области / ред. Т. В. Кириллова. Тверь. Вып. 3.
- Томашевская О. В., 2011. Емецкие гончары // Наследие Холмогорской земли XVI – начала XX века в музеях Архангельской области. Каталог. М.
- Торопов С. Е., 2003. Некоторые вопросы изучения керамики из древнерусских могильников XI–XII веков в центральных районах Новгородской земли // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2002. Великий Новгород.
- Тухтина Н. В., 1993. Курганный могильник XI–XII вв. Кобожа II // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Труды ГИМ. Вып. 82).
- Фрумкин А. Н., 1991. Рязанская глиняная игрушка: из истории промысла. Гончары Рязанской области. Словарь терминов. Рязань. (Рязанский этнографический вестник).
- Хабрат Ю., 1995. Керамика и керамическое производство западных и центральных уездов Новгородской губернии (конец XIX – первая треть XX века) // Українське гончарство. Національний культурологічний щорічник. Кн.2 за рік 1994. Опішне. (Матеріали до літопису українського гончарства. Серія «Етномистецтвознавчі розвідки». Вип. 6).
- Шевчук Т. В., 2017. Традиционное гончарство Ярославской области XIX–XX вв. М.
- Шмидт Н. А., 1928. Техника гончарства «налепом» в Андомском районе Ленинградской области // Архив Государственного этнографического музея. Ф. 2. Оп. 2. Д. 144.
- Шумилов М. А., 1990. Тимошелевский гончарный промысел 19 – нач. 20 в. // <http://gonchar29.narod.ru/page44.html> (Дата обращения: 27.03.2018 г.).
- Чудова Т. И., 2001. Гончарство коми (зырян) во второй половине XIX – первой половине XX веков. Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар.
- Янин В. Л., 1985. К истории денежной реформы Алексея Михайловича // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. № XVII.
- ЯОС, 1985. Ярославский областной словарь: Учебное пособие. Дикаряться – Иштык / ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль.
- ЯОС, 1990. Ярославский областной словарь: Учебное пособие. С – Тятя / ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль.
- Craddock P., 2009. Scientific investigation of copies, fakes and forgeries. Oxford; Burlington.

Каталог

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
1	Василий Шуйский	Копейка	Псковский	1606	ПС	288	1	0,395
2	Второе земское ополчение	"	Московский	Ноябрь 1612–январь 1613	о М	329	1	0,430
3	Михаил Федорович	"	"	1613–1617	МОС/КВА	354	1	0,380
4–12	"	"	"	"	"	355	9	0,405; 0,420; 0,445; 0,450 (2); 0,460; 0,465 (2); 0,495
13, 14	"	"	"	"	"	361	2	0,365; 0,410
15–19	"	"	"	"	"	362	5	0,435; 0,450; 0,455; 0,460; 0,515
20–25	"	"	"	"	"	363	6	0,355; 0,390; 0,470 (2); 0,480 (2)
26	"	"	"	1621–1625	"	367	1	0,455
27	"	"	"	"	"	372	1	0,330
28, 29	"	"	"	1613–1617	МО/СКВА	381	2	0,430; 0,490
30	"	"	"	"	МО/СКВА	390	1	0,330
31	"	"	"	1618–1620	"	397	1	0,470
32–35	"	"	"	1613–1617	МО	408	4	0,470; 0,485 (2); 0,490
36–39	"	"	"	"	"	411	4	0,460; 0,480; 0,490; 0,495
40	"	"	"	"	"	412	1	0,410
41–46	"	"	"	"	М	421	6	0,365; 0,420; 0,455 (2); 0,460; 0,475

¹ Для монет приведены ссылки на классификацию И. В. Гришина, В. Н. Клецинова и А. В. Храменкова (Гришин и др., 2015).

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
47–49	"	"	"	1618–1620	"	422	3	0,380; 0,420; 0,430
50	"	"	"	"	о М	429	1	0,450
51	"	"	"	"	"	431	1	0,450
52–56	"	"	"	1621–1625	"	432	5	0,375; 0,420; 0,445; 0,455; 0,460
57	"	"	"	"	"	435	1	0,430
58	"	"	"	"	"	436	1	0,465
59	"	"	"	"	"	466	1	0,490
60	"	"	"	"	"	467	1	0,430
61	"	"	"	1626–1629	"	489	1	0,505
62	"	"	"	"	"	491	1	0,405
63, 64	"	"	"	"	"	492	2	0,320; 0,420
65–69	"	"	"	"	"	493	5	0,335; 0,375; 0,455; 0,465; 0,495
70	"	"	"	"	"	499	1	0,480
71–81	"	"	"	"	"	501	11	0,435; 0,400; 0,405; 0,410; 0,420; 0,430; 0,440 (2); 0,445 (2); 0,530
82–91	"	"	"	1630–1641	"	504	10	0,340; 0,410; 0,420; 0,430 (2); 0,445 (2); 0,450; 0,455; 0,475
92–100	"	"	"	"	"	508	9	0,405; 0,420; 0,435; 0,440; 0,445; 0,460; 0,465; 0,470; 0,490
101, 102	"	"	"	"	"	509	2	0,420; 0,440

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
103	"	"	"	"	"	515	1	0,370
104–109	"	"	"	1626–1629	О Б о М	520	6	0,420; 0,425; 0,430; 0,460; 0,465; 0,485
110	"	"	"	1630–1641	"	524	1	0,410
111	"	"	"	1642–1644	К У МОС/КВА	538	1	0,420
112–115	"	"	"	1630–1641	"	545	4	0,440; 0,445; 0,470; 0,490
116–118	"	"	"	"	"	546	3	0,415; 0,440; 0,500
119–125	"	"	"	1642–1644	"	551	7	0,380; 0,390; 0,415; 0,435; 0,445; 0,460; 0,475
126	"	"	"	1630–1641	К У ОС/МК	558	1	0,450
127	"	"	"	"	"	560	1	0,475
128	"	"	"	"	о М	563	1	0,465
129, 130	"	"	"	"	"	568	2	0,435; 0,460
131	"	"	"	"	"	583	1	0,420
132–134	"	"	"	"	"	590	3	0,355; 0,450 (2)
135	"	"	"	"	"	591	1	0,450
136	"	"	"	1642–1644	"	594	1	0,555
137	"	"	"	1630–1641	"	597	1	0,475
138–140	"	"	"	"	"	600	3	0,415; 0,425; 0,435
141, 142	"	"	"	1642–1644	"	612	2	0,420; 0,415
143	"	"	"	"	"	613	1	0,390
144	"	"	"	"	"	623	1	0,315

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
145–148	"	"	"	"	"	626	4	0,400; 0,410; 0,430; 0,480
149–151	"	"	"	"	"	628	3	0,415; 0,435; 0,445
152, 153	"	"	"	"	"	630	2	0,370; 0,470
154–158	"	"	"	"	"	631	5	0,410; 0,420; 0,440; 0,445; 0,475
159–169	"	"	"	"	"	635	11	0,330; 0,335; 0,400; 0,420 (2); 0,430; 0,435; 0,445; 0,450; 0,460 (2)
170, 171	"	"	"	"	"	641	2	0,420; 0,430
172, 173	"	"	"	"	"	643	2	0,325; 0,420
174–183	"	"	"	"	"	644	10	0,400 (2); 0,405; 0,410; 0,420 (2); 0,430; 0,450; 0,460; 0,470
184	"	"	"	1645	"	648	1	0,415
185–190	"	"	"	"	"	649	6	0,325; 0,415; 0,420; 0,430; 0,445 (2)
191	"	"	"	"	"	650	1	0,445
192–194	"	"	"	"	"	651	3	0,350; 0,380; 0,445
195	"	"	"	"	"	653	1	0,420
196	"	"	"	"	"	659	1	0,440
197, 198	"	"	"	"	"	663	2	0,440 (2)
199	"	"	"	"	"	664	1	0,315
200	"	"	"	"	"	665	1	0,440
201	"	"	"	"	"	668	1	0,445

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
202	"	"	Новгородский	1617–1627	НРГІ	674	1	0,465
203	"	"	"	"	Н РКЕ	676	1	0,380
204	"	"	"	"	НГ	690	1	0,455
205	"	"	Псковский	1617–1627	ПС	697	1	0,460
206	"	"	"	"	"	698	1	0,475
207	"	"	"	"	"	700	1	0,460
208	"	"	Московский	1613–1645	МОС/КВА	Л. с.: 6 О. с.: неопр	1	0,400
209	"	"	"	"	МОС/КВА	Л. с.: 8 О. с.: неопр	1	0,480
210	"	"	"	"	о М	Л. с.: 22 О. с.: неопр	1	0,400
211–213	"	"	"	"	о М	Л. с.: 24 О. с.: –	3	0,420; 0,430; 0,530
214	"	"	"	"	о М	Л. с.: 34 О. с.: неопр	1	0,415
215	"	"	"	"	о М	Л. с.: 36 О. с.: неопр	1	0,445
216	"	"	"	"	?	Л. с.: – О. с.: 15	1	0,460
217, 218	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 24	2	0,380; 0,455
219	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 27	1	0,335
220, 221	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 37	2	0,395; 0,425
222	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 44	1	0,420
223	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 50	1	0,445
224	"	"	"	"	?	Л. с.: –		

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 51	1	0,440
225	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 54	1	0,430
226, 227	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 56	2	0,400; 0,425
228–232	"	"	"	"	"	?	5	0,345; 0,440; 0,445; 0,450; 0,460
233–237	Михаил Федорович или Алексей Михайлович	"	Московский	1645–1654	о М	?	5	0,390; 0,460; 0,410; 0,390; 0,410
238–243	Алексей Михайлович	"	"	1645–1650(?)	"	758	6	0,330; 0,415; 0,420; 0,425; 0,435; 0,440
244	"	"	"	"	"	762	1	0,430
245	"	"	"	"	"	766	1	0,405
246	"	"	"	"	"	769	1	0,420
247	"	"	"	"	"	774	1	0,400
248, 249	"	"	"	"	"	776	2	0,420; 0,445
250–252	"	"	"	"	"	778	3	0,410; 0,420; 0,430
253	"	"	"	"	"	781	1	0,425
254–260	"	"	"	"	"	782	7	0,385; 0,410; 0,420; 0,430; 0,435; 0,450; 0,470
261	"	"	"	"	"	783	1	0,350
262–270	"	"	"	"	"	788	9	0,340; 0,390; 0,420; 0,430; 0,435; 0,445; 0,450; 0,465; 0,475

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
271–274	"	"	"	"	"	793	4	0,390; 0,425; 0,440; 0,500
275–278	"	"	"	"	"	804	4	0,390; 0,425 (2); 0,455
279, 280	"	"	"	"	"	805	2	0,410; 0,455
281	"	"	"	"	"	806	1	0,440
282–284	"	"	"	"	"	809	3	0,430; 0,435; 0,420
285, 286	"	"	"	"	"	811	2	0,400; 0,450
287	"	"	"	1650(?)–1655	"	836	1	0,345
288, 289	"	"	"	"	"	839	2	0,430; 0,445
290	"	"	"	"	"	840	1	0,395
291–294	"	"	"	"	"	848	4	0,420; 0,445; 0,450; 0,470
295–302	"	"	"	"	"	850	8	0,415; 0,450; 0,455; 0,465 (2); 0,470; 0,490; 0,510
303–308	"	"	"	"	"	851	6	0,350; 0,390; 0,410; 0,430; 0,440; 0,445
309	"	"	"	"	"	853	1	0,470
310–313	"	"	"	"	"	854	4	0,410; 0,440; 0,445; 0,470
314, 315	"	"	"	"	"	856	2	0,375; 0,390
316	"	"	"	"	"	861	1	0,445
317	"	"	"	"	"	867	1	0,465
318	"	"	"	"	"	868	1	0,420
319	"	"	"	"	"	869	1	0,415

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифференц	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
320	"	"	"	1663–1676	"	888	1	0,370
321, 322	"	"	"	"	"	900	2	0,420; 0,500
323	"	"	"	"	"	906	1	0,445
324, 325	"	"	"	"	"	908	2	0,390; 0,460
326–328	"	"	"	"	"	909	3	0,525; 0,320; 0,445
329	"	"	"	"	"	911	1	0,480
330–332	"	"	"	"	"	912	3	0,385; 0,450; 0,490
333	"	"	"	"	"	918	1	0,365
334	"	"	"	"	"	922	1	0,495
335, 336	"	"	"	"	"	923	2	0,450; 0,460
337	"	"	"	"	"	924	1	0,515
338	"	"	"	1645–1650(?)	"	Л. с.: 6 О. с.: –	1	0,440
339	"	"	"	"	"	Л. с.: 7 О. с.: –	1	0,430
340	"	"	"	"	"	Л. с.: 13 О. с.: неопр	1	0,365
341	"	"	"	"	"	Л. с.: 18 О. с.: неопр	1	0,400
342, 343	"	"	"	"	"	Л. с.: 20 О. с.: неопр	2	0,420; 0,390
344	"	"	"	1650(?)–1655	"	Л. с.: 22 О. с.: неопр	1	0,390
345	"	"	"	"	"	Л. с.: 24 О. с.: неопр	1	0,455
346	"	"	"	"	"	Л. с.: 25 О. с.: неопр	1	0,435
347	"	"	"	1645–1650(?)	?	Л. с.: неопр О. с.: 7	1	0,310

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
348	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 9	1	0,440
349	"	"	"	"	"	Л. с.: – О. с.: 9	1	0,445
350	"	"	"	"	"	Л. с.: – О. с.: 12	1	0,375
351, 352	"	"	"	1645–1676	"	Л. с.: неопр О. с.: 20	2	0,420; 0,440
353	"	"	"	1650–1655	"	Л. с.: – О. с.: 26 (?)	1	0,455
354–356	"	"	"	"	"	Л. с.: неопр О. с.: 30	3	0,420; 0,440; 0,470
357	"	"	"	1650–1676	"	Л. с.: неопр О. с.: 31	1	0,430
358	"	"	"	"	"	Л. с.: – О. с.: 35	1	0,390
359–368	"	"	"	1645–1676	"	?	10	0,275; 0,310; 0,355; 0,370; 0,380; 0,395; 0,410; 0,415; 0,430; 0,445
369	Федор Алексеевич	"	"	1676–1880	о М	954	1	0,465
370	"	"	"	"	"	956	1	0,430
371–373	"	"	"	"	"	957	3	0,410; 0,455; 0,475
374–376	"	"	"	"	"	958	3	0,450 (3)
377, 378	"	"	"	"	"	959	2	0,375; 0,490
379	"	"	"	"	"	963	1	0,450
380	"	"	"	"	"	964	1	0,425
381	"	"	"	"	"	965	1	0,450
382, 383	"	"	"	"	"	966	2	0,385; 0,420

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
384	"	"	"	"	"	967	1	0,260
385	"	"	"	"	"	970	1	0,390
386	"	"	"	"	"	975	1	0,505
387	"	"	"	"	"	982	1	0,470
388	"	"	"	"	"	983	1	0,435
389	"	"	"	"	"	992	1	0,440
390, 391	"	"	"	1681–1682	"	997	2	0,380; 0,390
392, 393	"	"	"	"	"	998	2	0,345; 0,375
394	"	"	"	"	"	999	1	0,405
395	"	"	"	"	"	1004	1	0,420
396	"	"	"	"	"	1006	1	0,275
397, 398	"	"	"	"	"	1013	2	0,375; 0,445
399	"	"	"	"	"	1014	1	0,440
400–407	"	"	"	"	"	1016	8	0,330; 0,355; 0,365; 0,370 (2); 0,380; 0,400; 0,425
408–410	"	"	"	"	"	1020	3	0, 350; 0,400; 0,405
411	"	Деньга	"	"	"	1026	1	0,205
412	Совместное правление Ивана V и Петра I. С именем Ивана V	Копейка	"	1682 –1696	о М	1031	1	0,400
413–416	"	"	"	"	"	1034	4	0,375; 0,385; 0,400; 0,415
417	"	"	"	"	"	1035	1	0,455
418	"	"	"	"	"	1036	1	0,400

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
419, 420	"	"	"	"	"	1038	2	0,400; 0,415
421	"	"	"	"	"	1039	1	0,425
422–425	"	"	"	"	"	1041	4	0,320; 0,370; 0,400; 0,425
426, 427	"	"	"	"	"	1044	2	0,380; 0,400
428, 429	"	"	"	"	"	1045	2	0,380; 0,500
430, 431	"	"	"	"	"	1049	2	0,360; 0,415
432	"	"	"	"	"	1050	1	0,400
433	"	"	"	"	"	1051	1	0,370
434, 435	"	"	"	"	"	1053	2	0,410; 0,425
436	"	"	"	"	"	1056	1	0,390
437	"	"	"	"	"	1058	1	0,410
438, 439	"	"	"	"	"	1068	2	0,380; 0,390
440– 443	"	"	"	"	"	1069	4	0,350; 0,360; 0,380; 0,430
444	"	"	"	"	"	1070	1	0,390
445, 446	"	"	"	"	"	1071	2	0,360; 0,460
447, 448	"	"	"	"	"	1072	2	0,350; 0,400
449	"	"	"	"	"	1073	1	0,350
450, 451	"	"	"	"	"	1076	2	0,375; 0,380
452–455	"	"	"	"	"	1077	4	0,370; 0,380; 0,420; 0,445
456–459	"	"	"	"	"	1080	4	0,250; 0,360; 0,365; 0,390
460– 464	"	"	"	"	"	1087	5	0,330; 0,385 (2); 0,390; 0,425

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
465	"	"	"	"	РО СІЯ	1090	1	0,340
466–470	С именем Петра I	"	"	"	"	1093	5	0,380 (2); 0,425 (2); 0,460
471–475	"	"	"	"	"	1095	5	0,350; 0,385; 0,400; 0,410; 0,425
476–480	"	"	"	"	"	1097	5	0,360; 0,370; ,385; 0,410; 0,490
481	"	"	"	"	"	1098	1	0,415
482, 483	"	"	"	"	"	1101	2	0,355; 0,380
484	"	"	"	"	"	1103	1	0,505
485	"	"	"	"	"	1105	1	0,380
486–491	"	"	"	"	"	1107	6	0,240; 0,365; 0,380 (2); 0,385; 0,390
492	"	"	"	"	"	1108	1	0,415
493–500	"	"	"	"	"	1109	8	0,345 (2); 0,350; 0,365; 0,380; 0,400; 0,430; 0,445
501–511	"	"	"	"	"	1111	11	0,255; 0,370; 0,380; 0,385; 0,400 (2); 0,410; 0,415; 0,420; 0,430; 0,435
512–517	"	"	"	"	"	1113	6	0,360; 0,385 (2); 0,395; 0,400; 0,460
518	"	"	"	"	"	1114	1	0,415
519	"	"	"	"	"	1115	1	0,400
520–526	"	"	"	"	"	1116	7	0,290; 0,345; 0,360; 0,375; 0,400 (2); 0,475

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
527–531	"	"	"	"	"	1118	5	0,380 (2); 0,410 (2); 0,415
532	"	"	"	"	"	1119	1	0,380
533	"	"	"	"	"	1120	1	0,230
534–538	"	"	"	"	"	1121	5	0,360 (2); 0,380; 0,405; 0,445
539–543	"	"	"	"	"	1122	5	0,280; 0,360; 0,400; 0,410; 0,435
544, 545	"	"	"	"	"	1124	2	0,355; 0,380
546–548	"	"	"	"	"	1125	3	0,400; 0,410; 0,430
549–552	"	"	"	"	"	1126	4	0,255; 0,360; 0,380; 0,435
553–564	"	"	"	"	"	1128	12	0,360 (3); 0,375; 0,385 (4); 0,390 (2); 0,395; 0,420
565–567	"	"	"	"	"	1138	3	0,365; 0,390; 0,435
568	"	"	"	"	"	1139	1	0,335
569–578	"	"	"	"	РО СІЯ	1141	10	0,285; 0,295; 0,310; 0,365 (2); 0,415 (2); 0,425; 0,435; 0,440
579	"	"	"	"	"	1142	1	0,440
580–583	"	"	"	"	"	1143	4	0,375; 0,385; 0,395; 0,425
584–586	С именем Ивана V	Деньга	"	"	"	1149	3	0,170; 0,190; 0,205
587	С именем Петра I	"	"	"	"	1153	1	0,195

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
588, 589	?	Копейка	"	"	о М	Л.с.: 17 О.с.: –	2	0,345; 0,370
590–592	"	"	"	"		Л.с.: 18 О.с.: –	3	0,350; 0,400; 0,460
593	"	"	"	"	РО СІЯ	Л.с.: 25 О.с.: –	1	0,420
594	"		63			Подделка	1	0,300
595, 596	Петр I	Копейка	Старый (Москва)	1697	СЕ	1157	2	0,260; 0,445
597	"	"	"	"	"	1158	1	0,375
598	"	"	"	"	"	1159	1	0,400
599, 600	"	"	"	"	"	1160	2	0,375; 0,400
601–603	"	"	"	"	"	1163	3	0,325; 0,375 (2)
604	"	"	"	"	"	1164	1	0,410
605–607	"	"	"	"	"	1166	3	0,385; 0,410; 0,415
608	"	"	"	"	"	1167	1	0,385
609–616	"	"	"	"	"	1168	8	0,200; 0,340; 0,355; 0,375; 0,390; 0,395; 0,415; 0,455
617–619	"	"	"	"	"	1169	3	0,360; 0,380; 0,415
620	"	"	"	"	"	1170	1	0,260
621–623	"	"	"	1698	СS	1171	3	0,215; 0,245; 0,255
624	"	"	"	"	"	1172	1	0,390
625	"	"	"	"	"	1173	1	0,240
626–632	"	"	"	"	"	1174	7	0,230; 0,255; 0,290; 0,320; 0,335 (2); 0,390

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
633–635	"	"	"	"	"	1175	3	0,280; 0,285; 0,290
636–639	"	"	"	"	"	1176	4	0,255; 0,290 (2); 0,315
640, 641	"	"	"	"	"	1177	2	0,340 (2)
642	"	"	"	"	"	1178	1	0,365
643–659	"	"	"	"	"	1179	17	0,225; 0,255; 0,260; 0,280; 0,300 (3); 0,315; 0,325; 0,330; 0,340; 0,345; 0,350; 0,360; 0,265; 0,370; 0,375
660–689	"	"	"	1699	СЗ	1182	30	0,190; 0,240; 0,250 (2); 0,255 (2); 0,260; 0,265; 0,270 (2); 0,275 (2); 0,280 (6); 0,285 (4); 0,290 (2); 0,300; 0,305; 0,320; 0,325; 0,335; 0,355
690–693	"	"	"	"	"	1183	4	0,265; 0,270; 0,280; 0,290

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
694–797	"	"	"	"	"	1184	104	0,195; 0,200 (2); 0,220; 0,225; 0,230 (2); 0,235 (4); 0,240 (6); 0,245 (4); 0,250 (7); 0,255; (2); 0,260 (7); 0,265 (6); 0,270 (8); 0,275 (5); 0,280 (10); 0,285 (9); 0,290 (8); 0,295 (2); 0,300 (3); 0,305 (3); 0,310; 0,315 (2); 0,320 (6); 0,345; 0,350; 0,360; 0,385
798	"	"	"	"	"	1185	1	0,280
799–807	"	"	"	1700	СН	1186	9	0,225; 0,255; 0,260 (3); 0,280 (2); 0,330; 0,425
808–836	"	"	"	"	"	1187	29	0,180; 0,190; 0,235; 0,235; 0,240; 0,255 (3); 0,265 (4); 0,270 (2); 0,280 (3); 0,300 (4); 0,305 (2); 0,315; 0,325; 0,343; 0,345; 0,255; 0,380
837–881	"	"	"	"	"	1188	45	0,215 (2); 0,220; 0,230; 0,235; 0,245; 0,250 (2); 0,255 (3); 0,260; 0,265; 0,270 (2); 0,275 (3); 0,280 (4); 0,285 (2); 0,290 (8); 0,300 (6); 0,305; 0,320; 0,325 (2); 0,330; 0,345; 0,440

№ п/п	Правитель	Номинал	Денежный двор	Дата чеканки, гг.	Дифферент	Тип ¹	Кол-во	Вес, г
882, 883	"	"	"	"	"	1190	2	0,240; 0,265
884	"	"	"	"	"	1191	1	0,320
885–893	"	"	"	"	"	1193	9	0,240; 0,245; 0,350; 0,255; 0,260; 0,300 (2); 0,310; 0,360
894–899	"	"	"	"	"	1198	6	0,220; 0,255; 0,270; 0,290 (2); 0,305
900	"	"	"	"	"	1201	1	0,355
901	"	"	"	"	"	1202	1	0,275
902–904	"	"	"	"	"	Л. с.: 9 О. с.: –	3	0,270; 0,280; 0,310
905	Петр I					?	1	0,410
906	Неопределима						1	0,420

Новые данные о реставрационно-строительных работах на памятнике наскального искусства Томская писаница в конце 1960-х – середине 1970-х гг.¹

К. В. Конончук², А. Ф. Покровская³

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-215-218

Томская писаница – памятник наскального искусства, расположенный в Яшкинском районе Кемеровской области, в 50 км к северо-западу от г. Кемерово, на правом берегу р. Томи. Значимое место в истории Томской писаницы занимает первая в Сибири попытка реставрации скальной поверхности с изображениями (Дэвлет, 2002. С. 123). Большинство исследователей считает, что данные реставрационные работы состоялись во второй половине 1960-х – 1970-е гг., тогда сохранением памятника занимался коллектив энтузиастов, возглавляемый А. И. Мартыновым. В научных публикациях этот период освещен фрагментарно и противоречиво, что обусловлено отсутствием достоверных источников информации (Конончук, 2016. С. 260).

Цель статьи – на основании архивных документов установить время проведения, форму организации, состав участников и характер реставрационных мероприятий, предпринятых на Томской писанице в конце 1960-х – середине 1970-х гг. Источниковую базу исследования составляют документы из научного архива музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» (далее – КМАЭЭ) Кемеровского

государственного университета (далее – КемГУ). Анализируемые в статье материалы распределены по двум архивным делам. Дело № 340 объединяет планы и отчеты Лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного педагогического института (далее – КГПИ) за период с 1966 по 1970 гг. В деле № 559 собрана отчетная документация по хоздоговорным темам «Курган-1» и «Курган-2», реализованным в 1975 и 1976 гг.

Документы, обнаруженные в научном архиве КМАЭЭ, позволяют достоверно установить период проведения реставрационных работ на Томской писанице. В отчете Лаборатории археологических исследований КГПИ за 1968 г. сообщается, что: «Лаборатория заключила соглашение с Яшкинским райотделом культуры на выполнение хоздоговорной работы по реставрации Томской писаницы. В октябре 1968 г. были проведены первые работы по реставрации» (НА КМАЭЭ, Д. 340). Эта информация хронологически совпадает с опубликованным А. М. Кулемзиным в газете «Молодой учитель» от 4 декабря 1968 г. сообщением: «...Лаборатория археологических исследований нашего института, руководимая доцентом кандидатом исторических наук А. И. Мартыновым, начала реставрацию и оформление писаниц» (Кулемзин, 1968).

Начатая в 1968 г. реставрация была продолжена в 1969 и 1970 гг. Архивные документы содержат лаконичные сообщения об этих мероприятиях. Первоначально работы предполагалось проводить в течение апреля и мая, однако в последствии реставрацию перенесли на август 1969 г. (НА КМАЭЭ, Д. 340). Вероятно, такое развитие событий связано с ежегодным весенним паводком, перекрывающим доступ к Томской писанице.

Сообщения о реставрационных работах на Томской писанице, проведенных в середине 1970-х гг.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: konstantinkonon@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: aspaf@mail.ru.

содержатся в ряде публикаций (Егоров, 1997. С. 114; Агеева, 2004. С. 27; Агеева, Кочанович, 2005). Наиболее информативной является статья В. Н. Егорова. По сообщению исследователя, в 1974–1975 гг., сотрудниками лаборатории археологических исследований и рабочей группой КемГУ по хоздоговорной теме «Курган-1» проведены следующие мероприятия: «...заделаны трещины, выбоины, сбитые участки поверхности, сняты портящие памятник надписи и отреставрированы несколько десятков разрушенных древних рисунков» (Егоров, 1997. С. 114).

В. Н. Егоров не указал на источник приведенных в его публикации данных, однако, материалы из научного архива КМАЭЭ подтверждают достоверность опубликованной информации. Установлено, что в период 1974–1976 гг. на Томской писанице работали экспедиции в рамках хоздоговорных тем «Курган», «Курган-1», «Курган-2» (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Подготовительные работы по проведению хоздоговорной темы «Курган» начались в конце осени 1973 г. В течение 1974 г. было выполнено два этапа мероприятий, предусмотренных календарным планом, третий этап завершили в период с 1 марта по 1 июля 1975 г. Параллельно в январе 1975 г. началась реализация хоздоговорной темы «Курган-1». Уже к 26 июня 1975 г. участники экспедиции осуществили порядка 50–65 % от общего объема планируемых мероприятий. Однако, судя по рукописным дополнениям к приказам № 662 (от 11 июля 1975 г.) и № 682 (от 16 июля 1975 г.), работы на Томской писанице проводились вплоть до конца августа 1975 г. (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Предварительный план экспедиции по хоздоговорной теме «Курган-2» предполагал проведение большей части реставрационных мероприятий в летние месяцы 1976 г., работы, связанные с обустройством территории вокруг памятника, переносились на осень того же года. Более точные сроки можно установить, исходя из представления к приказу о создании научной экспедиции в 1976 г. В документе время ее работы ограничено периодом с 25 июня по 20 сентября 1976 г. (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Форма организации реставрационных работ в 1960–1970-х гг. предполагала заключение хоздоговоров между Лабораторией археологических исследований КПИ и региональными органами власти. В период с 1968 по 1970 гг. заказчиками выступали как областные (Кемеровский облисполком), так и районные (Яшкинский райотдел культуры) подразделения (НА КМАЭЭ, Д. 340).

Начиная с 1973 г., в качестве единственного заказчика выступает Областное Управление культуры Кемеровского облисполкома, исполнителем именуется КемГУ⁴. Документы сохранили данные об объеме финансирования экспедиционных работ, например, в 1975 г. он составил порядка 14000 рублей. Средства, вероятно, поступали из разных источников. Об этом свидетельствует упоминание в документах такой организации как «Общество охраны памятников». Эта структура занималась организацией и финансированием реставрационных работ на Томской писанице. Примечательно, что ученым секретарем «Общества охраны памятников» являлся руководитель реставрации 1960–1970-х гг. А. И. Мартынов (НА КМАЭЭ, Д. 340; Д. 559).

Для проведения реставрационно-строительных мероприятий по хоздоговорным темам ежегодно формировались экспедиции. В состав экспедиций конца 1960-х гг. входили археологи, музейные работники, студенты. Поименно эти лица перечислены руководителем работ А. И. Мартыновым (Мартынова, Покровская, 2000. С. 58–60).

Исчерпывающие данные о составе и структуре экспедиций середины 1970-х гг. содержатся в документах из научного архива КМАЭЭ. Научным руководителем хоздоговорной темы «Курган-1» (и вероятно «Курган») являлся А. И. Мартынов. Возглавлял полевые работы начальник экспедиции Ю. М. Бородкин, должность заместителя занимал Э. И. Биглер, обязанности научного сотрудника выполняла Г. С. Мартынова. Также в состав отряда вошли лаборанты и рабочие, всего 21 человек: В. Н. Лемешев, М. Н. Куприянов, В. А. Трофимов, В. Н. Бобков, В. Н. Нехорошева, С. К. Ковянин, Т. Н. Якупова, И. М. Шведова, Н. И. Стебельская, М. В. Селеверстова, В. Н. Казьмин, В. Н. Бондарин, В. Я. Кумсков, Д. Э. Ланг, С. А. Яницкий, Л. С. Антонович, Н. Н. Михайловский, Р. А. Голков, В. А. Коробейникова, Д. Г. Савинов, Ю. В. Ефремов (НА КМАЭЭ, Д. 559).

При проведении экспедиции в рамках хоздоговорной темы «Курган-2» оказалось задействовано меньшее число участников. Должность руководителя темы занял старший научный сотрудник кафедры археологии КемГУ Ю. М. Бородкин, его заместителем

⁴ Кемеровский государственный университет был открыт 1 января 1974 г. в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 22.02.1973 г. № 122, Постановлением Совета министров РСФСР от 02.03.1973 года № 112 и Приказом Минвуза РСФСР от 06.04.1973 года № 136 на базе Кемеровского государственного педагогического института (История университета, 2018).

был назначен младший научный сотрудник кафедры археологии КемГУ Н. М. Зиняков. Также в состав экспедиции включили шесть студентов 4-го курса исторического факультета КемГУ: В. М. Лемешева, В. А. Ананина, А. П. Шура, А. Н. Яковлева, Н. В. Глушкова, М. Н. Куприянова) и двух лаборантов, С. К. Ковякина и Э. И. Биглера (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Привлечение к работе экспедиций середины 1970-х гг. столь значительного количества участников было обусловлено масштабом поставленных задач, направленных на проведение «строительно-реставрационных работ и благоустройство «Томской писаницы»» (НА КМАЭЭ, Д. 559). Наиболее трудоемкими и дорогостоящими стали мероприятия по благоустройству территории вокруг Томской писаницы. В частности, в период с 1974 по 1976 гг. была возведена бетонная лестница, которая до сих пор обеспечивает доступ к памятнику. Параллельно со строительством лестницы расчищалась площадка для стоянки автотранспорта и обустривались места для отдыха посетителей (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Отдельные этапы строительных работ недостаточно подробно освещены в публикуемой документации. Например, в документах имеется информация о сооружении «водоотводного канала» (НА КМАЭЭ, Д. 559). Упоминание подобной конструкции есть также на страницах монографии Е. Г. Дэвлет (2002. С. 104). Возможно, что уже в середине 1970-х гг. рассматривался и реализовывался комплекс мер по превентивной консервации памятника, предусматривающий отведение от плоскостей потоков талых и дождевых вод. Однако, в связи с крайней лаконичностью и отрывочностью сведений достоверно идентифицировать это сооружение пока сложно.

Таким образом, в середине 1970-х гг. вокруг Томской писаницы была создана инфраструктура, способствующая активному использованию памятника в туристических целях. Соответственно возросла антропогенная нагрузка на петроглифы. Дополнительным подтверждением этого тезиса служит документ из научного архива музея-заповедника «Томская Писаница», в котором имеется информация о том, что Кемеровское бюро путешествий и экскурсий уже на протяжении 10 лет (сам документ датирован 1988 г.) проводит экскурсии на Томскую писаницу, за 1987 г. в этом направлении обслужено 900 человек (АМЗТП, Ф. 2, Оп. 1, Д. 35., с. 116).

Отдельные проекты середины 1970-х гг. свидетельствуют о том, что у руководителей хозяй-

ственных тем существовало представление о рисках, вызванных увеличением антропогенной нагрузки на памятник. Так, в 1975 г. была сооружена горизонтальная бетонная «стела для автографов» (НА КМАЭЭ, Д. 559), призванная отвлечь случайных посетителей от оставления надписей на плоскостях Томской писаницы. Данная конструкция до сих пор лежит на территории музея-заповедника «Томская Писаница», к сожалению, ее популярность у потенциальных «вандалов» оказалась крайне низкой. Просветительские цели преследовали и запланированные на 1976 г. работы, связанные с созданием стационарной стендовой выставки «Сокровища Томских писаниц» и установкой щита с изображением плана-схемы «историко-археологического заповедника» «Писаные скалы» (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Методы реставрационных работ 1960–1970-х гг., связанные с непосредственным контактом с изобразительной поверхностью Томской писаницы, подробно описаны в историографии. Установлено, что в этот период производилось механическое удаление посетительских надписей при помощи скампеля и электронаждака (Мартынова, Покровская, 2000. С. 58–60; Русакова, 2004. С. 142; Конончук, 2016. С. 261 сл.). Документальное подтверждение этого факта приведено И. В. Ковтуном, опубликовавшим фотографии конца 1960-х гг., на которых запечатлен процесс работы электроинструментом (Ковтун, 2013. С. 281). Нам удалось обнаружить документ, иллюстрирующий подготовку к проведению данных мероприятий. Это список оборудования, необходимого Лаборатории археологии КГПИ в 1968 г. В документе в числе приоритетных позиций значится электростанция и компрессорная установка, необходимые для проведения работ электроинструментами (НА КМАЭЭ, Д. 340). Широкое применение данного контактного метода зафиксировано и для периода середины 1970-х гг., в документации, сопровождающей хозяйственные темы, неоднократно встречается пункт «снятие портящих памятник надписей» (НА КМАЭЭ, Д. 559).

Другой контактный метод реставрации конца 1960-х – середины 1970-х гг. предусматривал нанесение на отдельные участки Томской писаницы специального укрепляющего состава на основе эпоксидной смолы (Мартынова, Покровская, 2000. С. 49, 50; Агеева, Кочанович, 2005. С. 15–20; Конончук, 2016. С. 261 сл.). Анализируемые документы не содержат описания подобных работ, но в них встречаются упоминания отдельных видов реставрационных мероприятий, таких как: «реставрация рисунков», «реставрация испорченных мест», «частичная реставрация ценных изображений» (НА КМАЭЭ, Д. 340,

559). Достоверно идентифицировать приведенные выше фразы пока невозможно.

Таким образом, установлено, что строительно-реставрационные работы осуществлялись на Томской писанице в течение, как минимум, шести полевых сезонов с 1968 по 1970 гг. и с 1974 по 1976 гг. Все мероприятия согласовывались с региональными органами управления и научными учреждениями. Для их проведения привлекались существенные для того времени материально-технические средства и людские ресурсы. Работы велись по двум основным направлениям. В рамках первого направления плоскости Томской писаницы были подвергнуты масштабным неапробированным и необратимым реставрационным вмешательствам. Второе направление предусматривало создание вокруг памятника инфраструктуры, способной превратить Томскую писаницу в объект туристического показа. Результаты работ данного периода оцениваются в публикациях в основном негативно, однако стоит учитывать, что реставрация памятника наскального искусства проводилась впервые и носила во многом экспериментальный характер.

Источники и литература

- Агеева Э. Н., 2004. Исследования и некоторые консервационные работы на «Томской писанице» // Новые подходы к изучению, сохранению и устойчивому управлению природным и культурным наследием Сармишсая. Навои.
- Агеева Э. Н., Кочанович А. В., 2005. Исследования и консервация памятников наскального искусства // Современный подход. Исследования и консервация культурного наследия. Материалы научно-практической конференции (ГосНИИР, 12–14 октября 2004 г.). М.
- Дэвлет Е. Г., 2002. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.
- Егоров В. Н., 1997. На пути к музеефикации (Э. И. Биглеру посвящается) // Наскальное искусство Азии. Кемерово. Вып. 2.
- История университета. Электронный ресурс <https://kemsu.ru/university/history/>
- Ковтун И. В., 2013. Краткая история разрушения Томской писаницы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул.
- Конончук К. В., 2016. Первые шаги направления. Реставрационные мероприятия на Томской писанице в 1960–1970-е гг. История и оценка // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово.
- Кулемзин А. М., 1968. Первая в Сибири база международного туризма // Молодой учитель. Кемерово.
- Мартынова Г. С., Покровская А. Ф., 2000. Исследователи Томской писаницы. Кемерово.
- Русакова И. Д., 2004. Музей-заповедник «Томская писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы.
- Архивные материалы*
- Документы по теме «Курган» // Научный архив КМАЭЭ. Д. № 559.
- Отзыв о генеральной схеме развития государственного музея-заповедника «Томская писаница» // Научный архив МЗТП. Ф. 2, Оп. 1, Д. 35.
- Полевые отчеты о работе лаборатории и планы с 1966 по 1970 гг. // Научный архив КМАЭЭ. Д. № 340.

Деревянные обувные колодки в раннесредневековой Ладоге и использование колодок в средневековье¹

А. В. Курбатов²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-219-236

Введение

Археологическая коллекция материалов Старой Ладоги, хранящаяся в фондах Государственного Эрмитажа, содержит не менее трех деревянных «обувных колодок», найденных в раннесредневековых слоях Земляного городища в 1930-е – 1950-е гг. (Старая Ладога, 2003. Кат. № 45, 46). Первым определил предметы С. Н. Орлов в своей диссертации «Деревянные изделия Старой Ладоги» (Орлов, 1954). Один предмет вырезан из ели и имел вытянутую овальную форму длиной 20 см и был плоско-выпуклым в сечении, на плоской стороне вырезана (ножом?) буква «К» (рис. 1). Второй предмет комментировала Е. И. Оятева, усомнившаяся в правильности атрибуции: «Вероятнее всего, эта плашка не была сапожной колодкой. Ее конфигурация не соответствует форме ни одного из восьми узконосых, плотно охватывающих ногу башмаков из Старой Ладоги. Кроме того, эта «колодка» явно отличается от известных бесспорных находок деревянных колодок из ранних слоев средневековых русских и польских городов (Гродно, Новгород, Псков, Ополе, Гданьск), форма которых более соответствует и староладожской обуви» (Оятева, 1965. С. 52).

Внимательное сопоставление рисунков и описаний показывает, что в Государственном Эрмитаже

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

хранится не менее трех колодок, поскольку в каталоге 2003 г. под № 45 отмечена «сапожная колодка (женская или детская)» из вяза длиной 17,5 см и вторая под № 46 – «сапожная колодка с орнаментом» длиной 20 см. В описании Е. И. Оятевой указаны другие размеры. Видимо, поэтому составители каталога уклончиво написали «многочисленные находки сапожных колодок» (Старая Ладога, 2003. С. 137).

Аргумент Е. И. Оятевой, в целом, справедлив и сегодня, когда количество и география таких находок сильно расширились. Её оценка подкрепляется тем, что «колодки» не выделены на Земляном городище в раскопах Е. А. Рябина 1973–1985 гг. (Рябинин, 1999. С. 180–191) и А. Н. Кирпичникова в 1991–2013 гг.

Но есть некая правомерность аргумента С. Н. Орлова о соответствии овальной формы «колодки» поршневидной обуви. Такая однодетальная обувь, стянутая ремнем по всему верхнему краю, в дальнейшем широко бытовала только в древнерусских землях, а в западных городах не получила распространения. Поэтому там не могли быть найдены колодки для неё. Профессиональное обувное ремесло в ранних центрах Европы, синхронных ладожскому поселению, не везде ещё полностью сложилось, что показывает многообразие форм кроя, вариативность крепления обуви на стопе и декора изделий (Курбатов, 2008. С. 126–129). Разные подходы к конструированию обуви могли диктовать мастерам использование колодок различных форм.

В целом же аргументы «за» или «против» для ладожских предметов надо искать в объяснении конкретного использования обувных колодок. Это в 1959 г. С. А. Изюмова изложила в работе, где на материалах Неревского раскопа она рас-

Рис. 1. Старая Ладога. Земляное городище.
Деревянная колодка (Русь и Балтика, 2006. № 154)

крыла деятельность кожевников в Новгороде – крупнейшем средневековом торгово-ремесленном центре Северной Руси (Изюмова, 1959. С. 198–199). Позднее эту статью включили в обобщающую работу по истории средневековой Руси, основанную на достижениях отечественной археологии, в раздел техники кожевенного ремесла (Колчин, 1985. С. 269–270).

В Новгороде выделены два вида колодок: однодетальные колодки-«правила» и составные затяжные (рис. 2). Оба вида предметов, без каких-либо сомнений, отнесены к приспособлениям для пошива обуви, а их нахождение в слое в комплексе с инструментами и отходами от раскроя позволяет называть постройки и усадьбы местами работы и проживания мастеров-обувщиков (Колчин, Янин, 1982. С. 119).

Научная проблематика

Простоту и ясность объяснений С. А. Изюмовой и Б. А. Колчина подтверждало частое нахождение колодок в комплексах, содержащих материальные признаки работы мастеров-обувщиков. Поэтому их приняли все археологи, обращавшиеся к теме средневекового кожевенного ремесла в русских городах (Загоруйский, 1982. С. 166; Тарасов, 1989. С. 166–170; Осипов, 2006. С. 37).

Накопление новых археологических материалов по кожевенно-обувному ремеслу и разработка этой темы автором дали повод для сомнений. Сегодня очевидно, что выводы С. А. Изюмовой небезупречны в плане методики, так как они основывались на этнографическом материале. Технические приемы работы обувщиков с X по XIX в. много раз менялись коренным образом, что было связано, прежде всего, с изменениями в технике пошива. Последнее отражается в многообразии конкретных форм и конструкций обуви (Курбатов, 2012а. С. 39–43).

Для объяснения использования деревянных колодок в средневековом обувном ремесле следует найти ответы на ряд вопросов.

1) Можно ли связывать местонахождение колодок с мастерскими сапожников? Сегодня появились основания для сомнений в однозначности такой

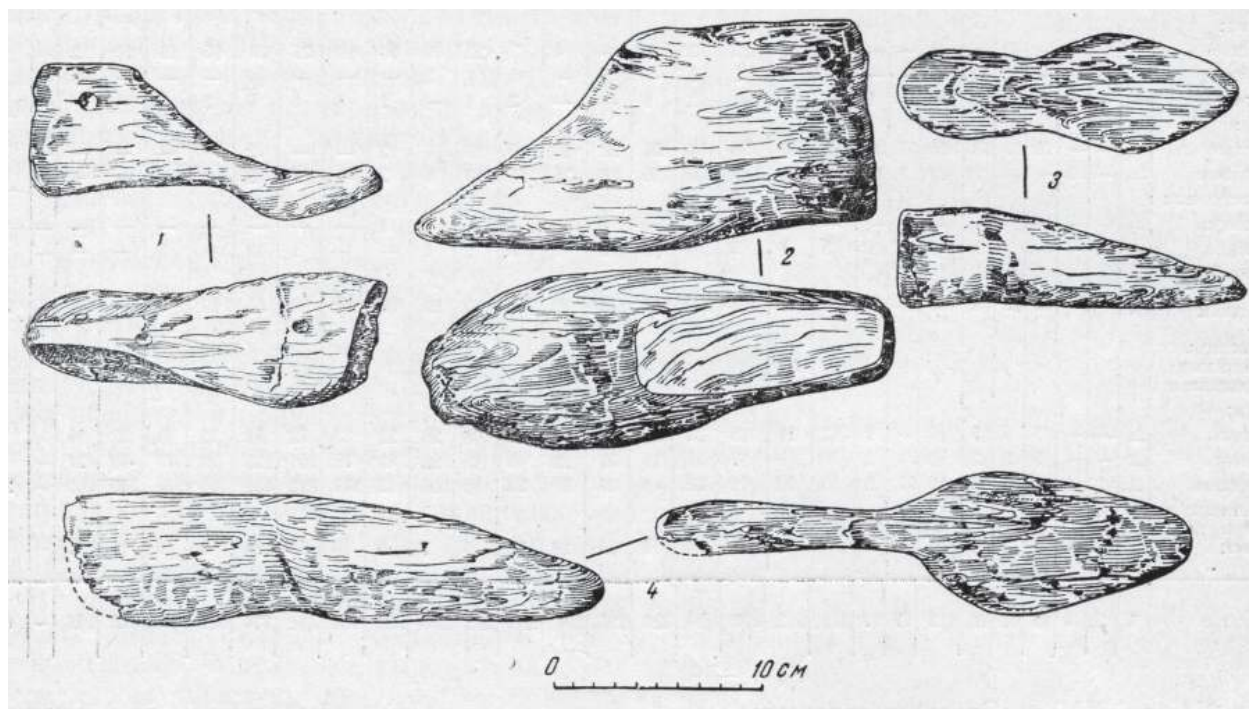

Рис. 2. Новгород. Колодки (Изюмова, 1959. Рис. 1)

связи. Например, в средневековом Белоозере, где основные слои с органикой относятся к XII – середине XIII в. и предполагается пошив обуви, сапожные колодки не найдены (Голубева, 1973). Также не найдены колодки в мастерской обувщика первой половины XVI в. в Ивангородской крепости или на других участках крепости (Курбагов, 2017. С. 243). Хотя в статье В. П. Петренко (1991. С. 68) упомянуты находки колодок, но в коллекции они не обнаружены.

Показательный пример дает Новгород, где найдено наибольшее число предметов. За первые 50 лет раскопок в Новгороде встречено более 185 колодок-«правил» и семь составных (затяжных) колодок (Колчин, Янин, 1982. С. 76), хотя ранее С. А. Изюмова называла большее количество – около 200 (Изюмова, 1959. С. 198). Снижение общего числа колодок на фоне почти ежегодных новых находок можно объяснять сомнениями в атрибуции ряда вещей.

В Новгороде колодки встречены не во всех открытых мастерских. Даже в скоплении сапожных и кожевенных мастерских на Неревском раскопе не все пошивочные комплексы, судя по описаниям, имели в составе находок колодки (Колчин, 1956. С. 62, 68, 74, 102, 104, 108; Засурцев, 1963. С. 74, 137). Кроме того, Б. А. Колчин проанализировал 102 колодки из Неревского раскопа (97 простых и пять составных) и отметил неравномерность их распределения в слоях. К X и XI в. относятся по две колодки, к XII в. – шесть, в слоях XIII в. найдено 28 колодок, в слоях XIV в. – уже 49, а в слоях XV в. – 15 (Колчин, 1968. С. 12, 13, 19, 20). Такое распределение, среди прочего, связано с сохранностью органических материалов в каждом слое и интенсивностью жизнедеятельности в разное время.

Интересны материалы и других участков. Так, колодки не встречены: 1) в раскопе 1938 г. у Спасской башни Новгородского кремля, где открыты два кожевенных комплекса XVI в., один из которых – сапожная мастерская (Строков и др., 1939. С. 10); 2) на Козьмодемьянском раскопе, где огромное скопление обрезков кожи (около 22 тыс. единиц) маркирует мастерскую кожевника в слоях второй половины XI – первой половины XII в. (Хорошев, 1982. С. 247–250).

В других случаях длительно работавшие мастерские дают единичные находки колодок, что не согласуется с их использованием при пошиве каждой пары обуви. На Посольском раскопе 1999 г., разбитом недалеко от раскопа А. В. Арциховского 1932–1937 гг. «на Славне», открыты усадебные

комплексы XIV в., в которых долгое время жили и работали кожевники-обувщики. На фоне больших скоплений кожаных обрезков здесь встречена только одна колодка (Тарабардина, 2000. С. 27–29; 2004. С. 244).

На Нутном раскопе 1979–1981 гг. были открыты 24 яруса застройки и мостовых. Здесь, на боярских усадьбах существовала большая кожевенная мастерская, где сапожники, рукавичники, сумочники, калитники и ременники традиционно работали в XIII–XV вв. Количество одних обувных деталей исчисляется тысячами, но колодка найдена только одна (Янин и др., 1981. С. 39; Колчин, Янин, 1982. С. 50; Гайдуков, 1992. С. 110).

На Никитинском раскопе (Плотницкий конец) производство обуви и других изделий из кожи прослежено с 10-х гг. XIV до середины XV в. Индикатором этого служат скопления кожи и инструментов – сапожных шильев и молотков-гвоздодеров. Судя по описаниям в ежегодных сообщениях, здесь найдены в 2002 г. «деревянные сапожные колодки» (Дубровин, 2003. С. 16). В то же время в монографии, написанной по материалам всего раскопа, колодки не отмечены (Дубровин, 2010. Прил. 3: Каталог). В данном случае интересен вывод В. К. Сингха (2008. С. 167, 171), что нельзя говорить о бывших здесь «специализированных крупномасштабных сапожных мастерских», несмотря на большие скопления обрезков кожи на усадьбах.

Следует упомянуть и материалы Троицких раскопов. На Троицком IX раскопе в 1990 г. на одной из усадеб Черницыной улицы, в слоях конца XII – первой половины XIII в. встречен комплекс находок, отражающий высокоспециализированное ремесленное производство «по изготовлению кожаных изделий, среди которых преобладали составные подошвы..., но также множество полуфабрикатов, заготовок и тысячи мелких обрезков кожи». Здесь «обнаружено огромное количество обрезков кожи (тысячи фрагментов), более 100 ажурных туфель, несколько сотен подошв... При обилии туфель представлены и другие виды обуви – сапог и поршней. Кроме обуви, массовой находкой являются ножны (31 экз.), ...детали мячей и прокладки» (Янин и др., 1992. С. 3, 8). На Троицком XI раскопе, в слоях 60-х гг. XII – 80-х гг. XIV в., отмечено необычно большое скопление массовых кожаных предметов (около 104 тыс. ед. или 60 % от общего числа массового материала), что предполагает существование здесь сапожной мастерской (Янин и др., 1997. С. 6). Колодки не были упомянуты в первых публикациях, но отмечены в диссертации Д. О. Осипова: на Троиц-

ком IX раскопе – шесть предметов, а на Троицком XI – только два (Осипов, 2012. Табл. 6).

С другой стороны, колодки встречены там, где занятие кожевенно-обувным делом не было очевидным. Например, в Старой Руссе на Пятницком раскопе в 2003 г. деревянные колодки найдены на уровне IV яруса застройки, датируемого второй половиной XIV – началом XV в. (Торопова и др., 2004. С. 31). Здесь же в слоях первой четверти XIV в. в 2005 г. найдена ещё одна колодка (Торопова и др., 2006. С. 29).

2) Необходимо ли «оббивать» пошитую обувь на колодке? Эту операцию древнерусских сапожников, вслед за С. А. Изюмовой, считают необходимой и другие исследователи. При описании работы сапожников в древнем Смоленске М. Ю. Полонская уточняла: «Вначале сапог сшивали, затем в него вставляли колодку и, обивая молотком, придавали форму и расправляли швы (правили)» (Полонская, 1991. С. 115). Ранее Г. В. Штыхов объяснил находки 10 колодок на Верхнем Замке Полоцка в слоях и комплексах XII–XIV вв.: «Основным назначением этих колодок было распрямление на них выворотной обуви, тщательное её околачивание» (Штыхов, 1975. С. 76, рис. 46: 8, 9, 12–14).

Сегодня можно говорить, что представление археологов о том, что древнерусский сапожник «оббивал» пошитую обувь на колодке, стало следствием неверного взгляда С. А. Изюмовой на длительную неизменность технических приемов в кожевенно-обувном ремесле вплоть до XIX – начала XX в. Следствием этого был и логический посыл о принципиальной возможности реконструировать ремесло Древней Руси на основе кустарной техники Нового времени (Курбатов, 2012б. С. 166–170).

Описание работы сапожников-кустарей в XIX – начале XX в. показывает, что «оббивание» готовой обуви связано с конструкцией обуви, в которой каждая подошва имела 2-3 и больше слоев, которые «сбивали» вместе с деталями верха деревянными шпеньками или железными гвоздями. При этом шпеньки и гвозди на подошву набивали последовательно по всему периметру, и к тому моменту, когда мастер завершал набивку, часть этих деталей уже выступала наружу из-за мелкого сотрясения всей подошвы при работе. Поэтому по окончании набивки мастер проверял работу и выступающие гвозди (шпеньки) снова забивал, уплотняя соединение деталей в конструкции, т.е. «оббивал» обувь. Но такое действие было лишним для средневековой обуви, в которой не было гвоздей/шпеньков, многослойных подошв и

каблуков. «Оббивание» же швов для их разглаживания, как думают некоторые археологи, могло привести к разрыву швов нитью.

3) Использование простых и затяжных колодок. Отечественные археологи разделяют колодки по форме и конструкции на простые однодетальные колодки-«правила», на которых околачивали и расправляли сшитую обувь, и составные со снимаемым верхом-подъемом, соединенным с низом колодки шипом (рис. 2). Б. А. Колчин писал, что последние служили моделью при пошиве обуви, «как и в настоящее время. На этих колодках затягивали верха и прикрепляли подошву» (Колчин, 1985. С. 270).

В свое время Ю. П. Зыбин скептически оценил выделение составных колодок в средневековых слоях. В рецензии на статью С. А. Изюмовой он отметил, что автор не смогла доказать появление способа формования обуви с затяжкой на колодке в XI–XVI вв., а имеющиеся данные показывают, что примерно до XVII в. древнерусская обувь производилась без затяжки и формовалась на правилах. Общую оценку работы С. А. Изюмовой рецензент выразил так: «К сожалению... С. А. Изюмова показала себя мало сведущей в области производства обуви. Почему-то считается, что в этой весьма своеобразной и очень древней технологии и особенно конструкции обуви можно обладать самыми ничтожными специальными знаниями для того, чтобы взяться за их исследование» (Зыбин, 1965. С. 284, 285).

Мнение Ю. П. Зыбина согласуется с известными сегодня письменными и археологическими данными. Подошвы со следами затяжки краев верха отмечены только в комплексах конца XVI – начала XVII в., например, в Ивангородской крепости, где они оставлены носителями западноевропейской культуры. После захвата крепости в 1581 г. там почти постоянно, с коротким перерывом находился шведский гарнизон, и западные формы изделий составили весь спектр предметов материальной культуры. В Новгороде составные колодки были найдены в слоях 8-го и 15–17-го ярусов, датируемых на основании порубочных дат дерева периодами 1369–1382 гг. и 1177–1224 гг. (Колчин, 1968. С. 10, 19). А это значительно более древние слои, чем те технические приемы изготовления обуви, для которых они могли использоваться.

В работах С. А. Изюмовой и Б. А. Колчина показаны образцы составных колодок. В первой работе это верхняя часть составной колодки с высоким подъемом (рис. 2: 1), которая накладывалась на нижнюю деталь без сочленения выступами. Та-

кой предмет находит аналогии в изобразительных материалах не ранее XVIII в. И. Турнау приводит рисунки всех стадий производства обуви во Франции в середине XVIII в., где есть и подобные составные колодки (рис. 3). Верхняя деталь составной колодки в работе Б. А. Колчина (рис. 4) имеет треугольный выступ для крепления на особом вырезе в нижней половине (Колчин, 1968. Табл. 5: 7). Такие колодки использовались в промышленном пошиве обуви конца XIX–XX вв. (рис. 5).

Надо полагать, что составные колодки оказались на уровне средневековых слоев Неревского раскопа в составе позднейших мусорных выбросов в ямах, не фиксируемых как перекопы. Вероятность этого подтверждают находки в средневековых слоях железных обувных подковок. Согласно последним исследованиям подковки появляются на подошвах

русской обуви только во второй половине XVI в. (Векслер и др., 1997. С. 114 сл.). Опыт планиграфии железных подковок в Тверском кремле показал, что места их обнаружения соответствуют границам котлована каменного здания конца XVIII – XIX в. (Курбатов, 2004. С. 66).

4) Техника пошива средневековой обуви на колодке. Слои XIII–XIV вв. в древнерусских городах дают большую группу тонких кожаных обувных подошв со сквозными вертикальными сшивными отверстиями по всему краю. Эти детали отражают определенную технику пошива обуви, имевшей подошвы из 2-3 слоев тонкой кожи. На них, по длинной оси, равномерно расположены 2-3 небольших овальных отверстия от деревянных шпеньков (рис. 6). На колодках с хорошей сохранностью нижней стороны – «следа» –

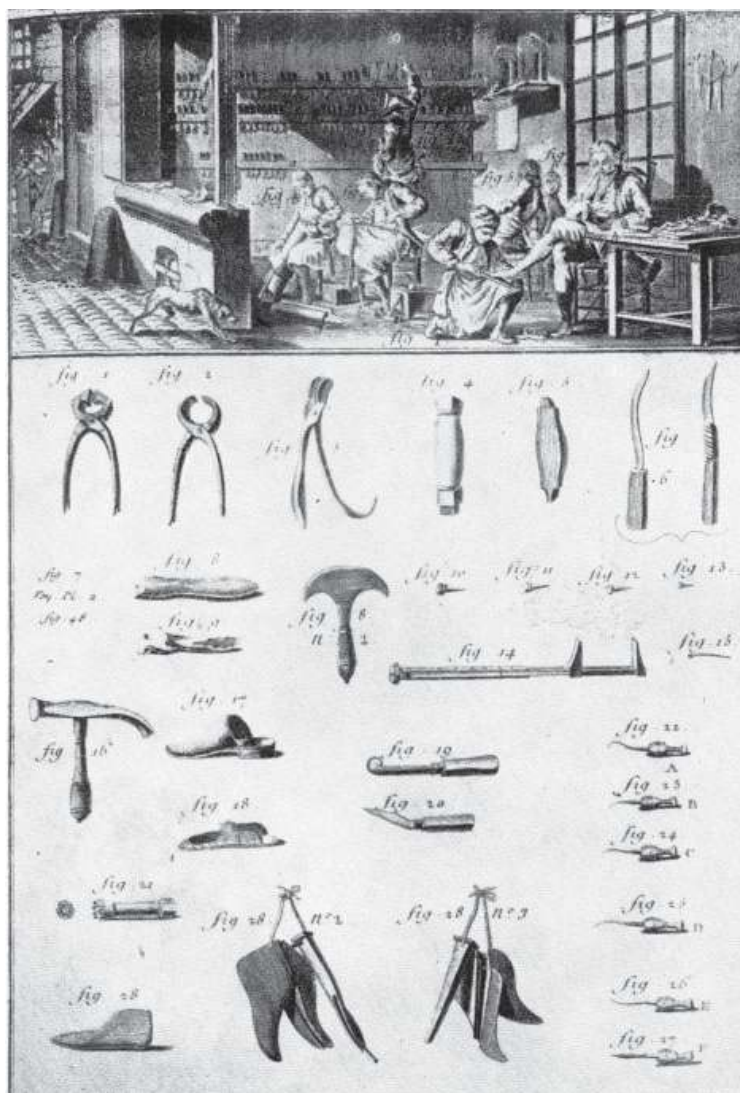

Рис. 3. Инструменты для пошива обуви французской мастерской XVIII в. (Turnau, 1983. Rys. 32)

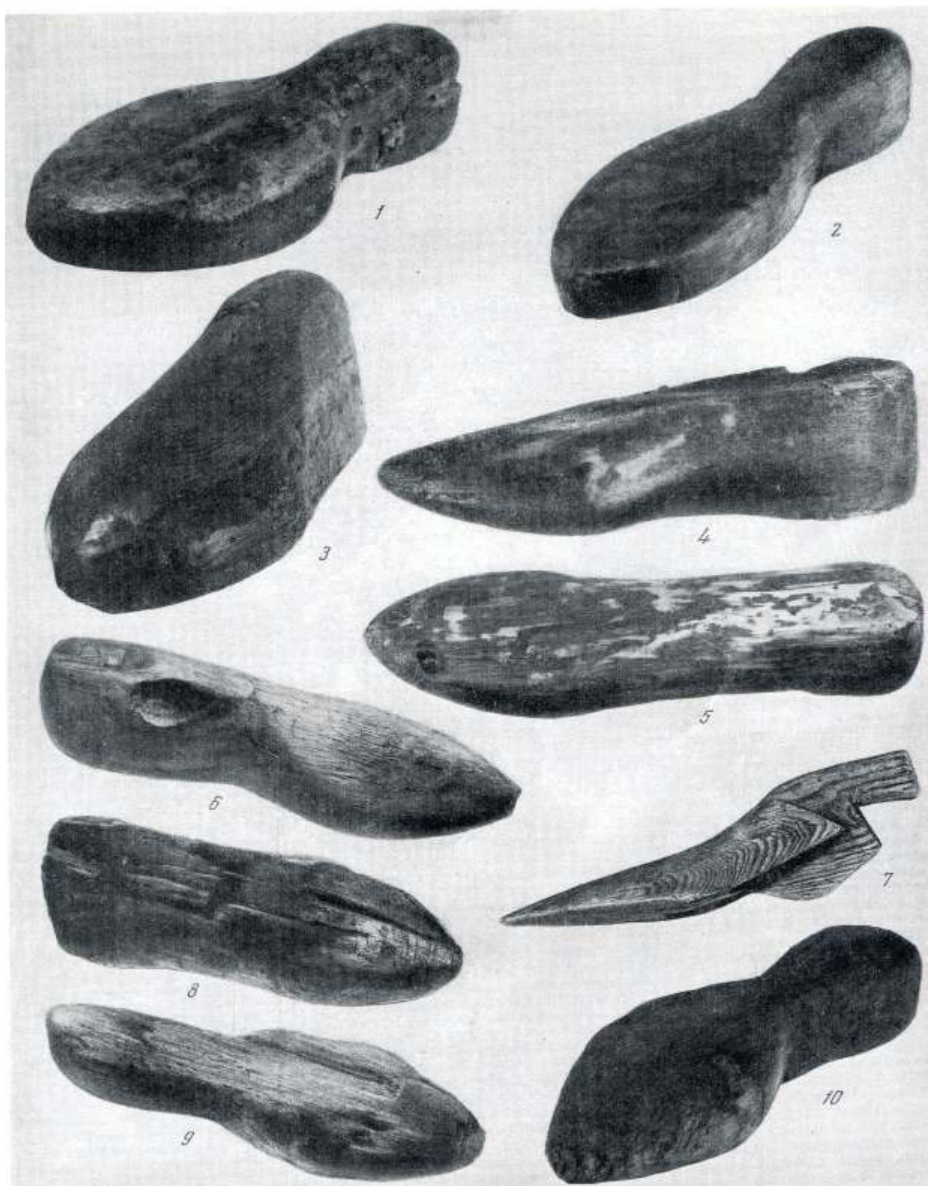

Рис. 4. Новгород, сапожные колодки (Колчин, 1968. Табл. 5)

сохраняются и отверстия от деревянных шпеньков, а иногда даже обломки таких шпеньков. Этот факт помогает реконструировать всю технику пошива. Вначале сборки обуви все детали подошвы прикладывались к нижней части деревянной колодки, соответствующей плантарной поверхности стопы, и закреплялись на ней шпеньками. После чего колодку переворачивали и устанавливали на ровное твердое основание (раскroечную доску?), на котором в слоях подошвы по всему краю делали отверстия для последующего сшивания, т.е. «тачали швы». Затем сверху накладывали головку и задник обуви и сшивали их с подошвой. Такая обувь – мягкие сапоги – была характерна для русских городов в XIII–XIV вв. и даже в первой по-

ловине XV в., например, в Орешке. Подобная техника соединения нескольких слоев подошвы на колодке присутствовала в западноевропейской обуви XIV – первой половины XVI в. и прослежена в г. Турку, Финляндия. В тех случаях, где хорошо прослеживается контекст находок, они относятся к слоям XIV–XV вв. (Kostet et al., 2004. S. 70–74; Harjula, 2008. S. 138–140).

Со времени перехода на иную технику пошива обуви в русских городах во второй половине XV в. необходимость в колодках для сшивания обуви должна была исчезнуть. Однако это не однозначно. В русских городах Сибири XVI–XVIII вв. деревянные колодки продолжают встречаться.

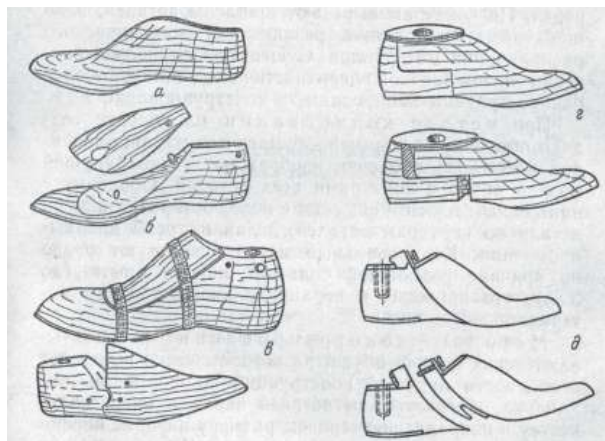

Рис. 5. Затяжные обувные колодки в советском обувном производстве: а – без выпиленного клина; б – с выпиленным клином; в – сочлененная; г – раздвижная; д – разъемная (Иванов и др., 1990. Рис. 17)

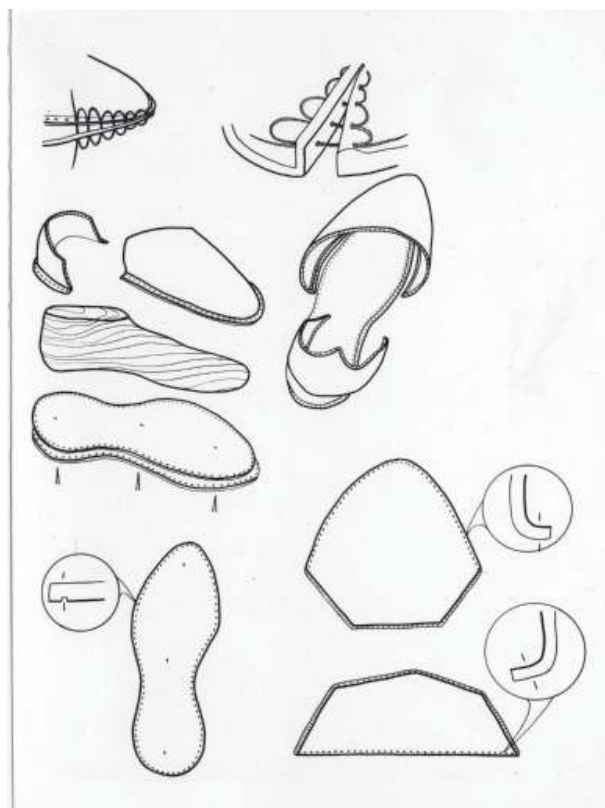

Рис. 6. Тверской кремль. Детали обуви (Курбатов, 2004. Рис. 28б)

5) Назначение знаков на колодках. В материалах русских и западноевропейских средневековых городов встречены деревянные колодки с вырезанными на них знаками собственности. Но остается спор-

ным отнесение знаков к изготовителям обуви или её владельцам.

На одной из колодок, найденной на Ярославовом Дворище Новгорода в 1947 г. вырезана надпись «МНЕЗИ», а на другой – буква «Р» (Изюмова, 1959. С. 198–199). По мнению А. В. Арциховского, надпись надо считать именем или прозвищем заказчицы (рис. 7). Форма букв соответствует стилю XIII–XIV вв. (Арциховский, 1949. С. 122). Позднее анализ надписи сделал М. Н. Тихомиров и отнес её к XV в. (Арциховский, Тихомиров, 1953. С. 48). Также на одной колодке из Чебоксар дважды прорезан знак в виде буквы «О» – возможная метка заказчика обуви (Краснов, Каховский, 1978. С. 117).

В странах Западной Европы также встречались знаки на колодках. В Венгрии шесть деревянных колодок найдены при раскопках женского монастыря в Márianostra-Toronyalja и датируются XVI в. (Miklos,

Рис. 7. Колодка с надписью (Арциховский, Тихомиров, 1953. Вклейка на с. 48, 49)

1997. S. 130–135, abb. 22, 23). На боковой стороне носка одного предмета вырезан прямоугольник, разделенный диагональными линиями на четыре треугольника, в каждом из которых вырезан небольшой треугольник. Такой же треугольник вырезан рядом с прямоугольным знаком. В Национальном музее в Копенгагене хранится набор инструментов сапожника XVII в. В его составе имеется обувная колодка со знаком (крест в круге) на боковой поверхности у пятки (Christian IV, 1988. Kat. № 951). В г. Висмар (Северная Германия) 16 колодок найдены в заполнении латрины XIV–XV вв. (Schäfer, Patzelt, 1992. S. 48, 49, fig. 3–5). На них встречаются по два вырезанных знака. Знаки на боковой стороне исследователи относят к товарному знаку мастеров. А знаки на верхней стороне, которые могли быть разными, считают личными знаками клиентов, поскольку колодка вырезана для обуви конкретного человека. На

этом основании эстонский исследователь Андрус Тваури считает знак на тартуской колодке также знаком клиента (Tvauri, 2008. S. 144 – 147, fig. 12). Колодка с процарапанным квадратом найдена в Штральзунде, Германия (Brüggemann, 2009. S. 460–473). В Грейфсвальде найдены 12 колодок сходного вида в слоях второй половины XIII в. Многие из них несут знаки собственности на верхней стороне на «пятке». Серия деревянных колодок второй половиной XIII в., в том числе со знаками, найдена во Фрейбурге (Kaute, 1998. S. 131–136, abb. 1–3). Набор колодок с вырезанными знаками найден и в г. Росток (рис. 8).

Рис. 8. Колодки с надписями. Германия, г. Росток (Muslow, 2006. Abb. 5)

По кратким замечаниям исследователей видно, что нет единого мнения о принадлежности знаков на колодках. Со своей стороны выскажем следующее соображение. При пошиве каждой пары обуви для разных заказчиков мастер, видимо, должен был каждый раз вырезать новые колодки, отвечавшие особенностям стопы заказчиков. После пошива эти колодки уже были не нужны мастеру-обувщику, и он отдавал их заказчику вместе с обувью. Нужно ли было при этом маркировать своим знаком колодку, а не саму обувь, остается неясным. В то же время заказчик носил обувь длительное время и каждый раз использовал колодки для сушки обуви. В этом случае пометить колодку, показывающую обладателя обуви, более оправдано.

Известны более определенные знаки собственности обувщиков, вырезанные на разных предметах. Это изображение обувной(?) колодки на накладке деревянного двустороннего гребня с Козьмодемьянского II раскопа (2005 г.) в Новгороде. Находка связана со срубом 6, который датирован последним десятилетием XIII в. Возле него найдено много

обрывков кожаных изделий и обрезков кожи, а внутри – две обувные колодки и упоминаемый гребень с изображением колодки или туфли(?). Предполагается, что постройка служила жильем и мастерской сапожнику, а настил, примыкающий к срубам, был местом его работы в теплое время года (Степанов и др., 2006. С. 23, рис. 4: 4). Абрис деревянной колодки или подошвы вырезан на одном из новгородских берестяных поплавок. Фотография предмета, без аннотации, приведена в альбоме «Древний Новгород» 1985 г. (Колчин и др., 1985. С. 162). Если считать, что знаки на поплавках указывали на владельцев сетей, то знак подошвы – на принадлежность ее сапожнику. Ещё одно изображение абриса колодки сверху и сбоку встречено на поверхности деревянной крышки или донца какой-то емкости XIV в. при раскопках исторического центра Стокгольма – Хелгеандсхолмен (Dahlbäck, 1983. S. 246, fig. 223, 224).

Выводы

Попытка дать ответ на частный вопрос, касающийся проблематики древнерусского городского ремесла, приводит к неожиданным выводам. Аксиоматичный взгляд на использование деревянных колодок древнерусскими сапожниками, не имеющий видимых противоречий, при ближайшем рассмотрении оказывается не совсем верным. Определенные просчеты в ранней полевой практике городской археологии, а также неверный методический подход к интерпретации открытых археологических комплексов привели к ряду мелких и частных ошибочных выводов, сочетание которых приводит к существенному искажению картины средневекового кожевенно-обувного ремесла на Руси, а также влияет на понимание быта и «стиля» обывательской жизнедеятельности горожан. В данном случае «камнем преткновения» стали обувные колодки. Предлагаемый здесь автором взгляд, изложенный в развернутом виде и с дополнительной аргументацией, ранее был предложен в краткой форме (Курбатов, 2009. С. 294–296).

Наиболее широко известно использование колодок в средневековье и новое время в различных регионах Западной и Северной Европы. По мнению историков, колодки служили для пошива на них кожаной обуви или берестяных лаптей и для «оббивания» готовой обуви. Однако хронологическая и географическая широта употребления колодок заставляет усомниться в столь узком использовании вещей на протяжении многих столетий и в разных регионах Евразии.

По мнению армянского исследователя древней обуви А. С. Армагяна, обувные колодки появляются

вместе с появлением выворотной кожаной обуви, т.е. сшитой наружными швами в положении бахтармой вверх, специально с намерением после шивания быть вывернутой. Носимая вывернутой, обувь имеет швы внутри, что предохраняет их от быстрого истирания. По мнению исследователя, такие колодки существовали уже в древней Армении и делались из дерева или обожженной глины. В Государственном историческом музее Армении хранится пара таких колодок, обозначенных как случайная находка из села Аринч (Ереван) (Армагян, 1978. С. 29). Еще одна деревянная колодка встречена в подземных склепах с раннесредневековыми погребениями в Фергане, датированных V–VIII вв. (рис. 9).

Рис. 9. Фергана. Могильник Мунчактепе. VII–VIII вв. Склеп № 5. Деревянная обувная колодка (Ткани и одежда раннесредневековой Ферганы, 2010. Рис. на с. 142)

Среди самых ранних обувных колодок можно назвать две каменные колодки, найденные на неолитическом поселении Саразм в Туркменистане, существовавшем в общих хронологических рамках 3500–2000 гг. до н.э. На предметах сохранились следы жирной заполировки от кожи. Размеры изделий соответствуют 36 и 42 современным размерам обуви. Исследователь памятника А. Раззоков отметил: «наличие двух колодок показывает, что жители умели изготавливать обувь различного фасона. Колодки с более высокой пяточной частью, видимо, использовали для пошива низкой обуви с высоким голенищем, а с более низкой пяткой – для изготовления обуви без голенища, по-видимому, коротких ботинок или туфель. Возможно, это свидетельствует о наличии у саразмийцев сезонной обуви» (Раззоков, 2008. С. 25, 42, 79).

Деревянные колодки, видимо, широко использовались во времена Римской империи. Они встречены на римских поселениях: в Майнце (Görfrieh, 1986. S. 16, abb. 15) и в военном лагере-кастелле Зальбург (Saalburg), время существования которого ограничено 83–260 гг., где найдена серия таких вещей (Busch, 1965. S. 173, 174).

В древнерусских городах колодки неоднократно находили – в Орешке, Смоленске, Пскове, Мангазее, Твери, Гродно, Витебске, Полоцке, Давид-Городке, Берестье, Пинске, Минске. В этом отношении резко выделяется средневековый Новгород, где уже в начале 1980-х гг. насчитывали более 185 колодок-«правил» и семи составных (Колчин, Янин, 1982. С. 76). Прорисовки колодок из Новгорода и Пскова, выполнены автором в конце 1980-х гг. помогут лучше представить индивидуальность и стандарты форм находок (рис. 10–17).

Европа. В Западной и Северной Европе колодки также представляют обыденную, хотя и малочисленную группу предметов во многих городах с хорошей сохранностью органики. Они известны в ряде польских городов: единичные предметы в Ополе в слоях X–XII вв. (Holubowicz, 1956. S. 132, rys. 47) и на Волыни в слоях IX в. (Wojtasik, 1963. S. 169, 171, rys. 4). К началу 1980-х гг. в Гданьске были найдены шесть колодок, из которых пять деревянные и одна из коры. Самая ранняя датируется первой половиной XI в., а другие – XII–XIII в. Позднее в Гданьске колодки были встречены в заполнении лагины XV–XVI в. (Paner, 1998. S. 190, rys. 7). В Щецине колодки найдены в слое

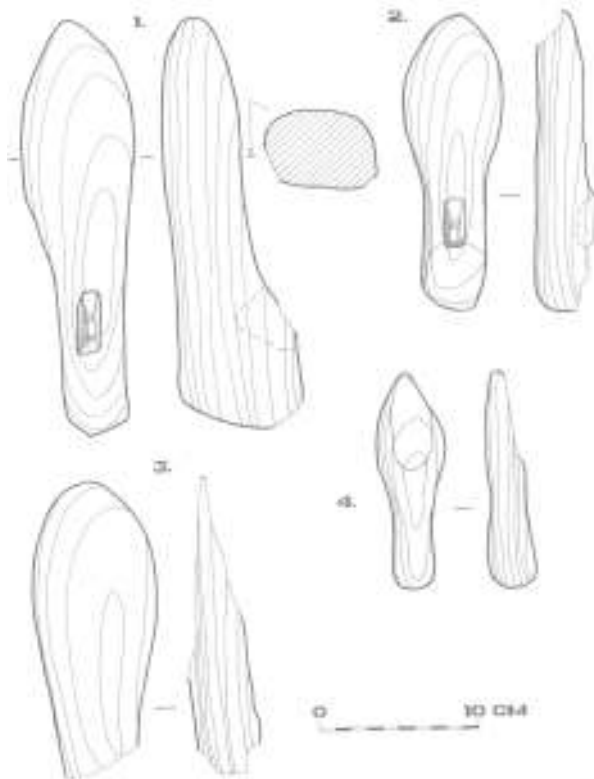

Рис. 10. Новгород. Обувные колодки Троицкого и Неревского (4) раскопов

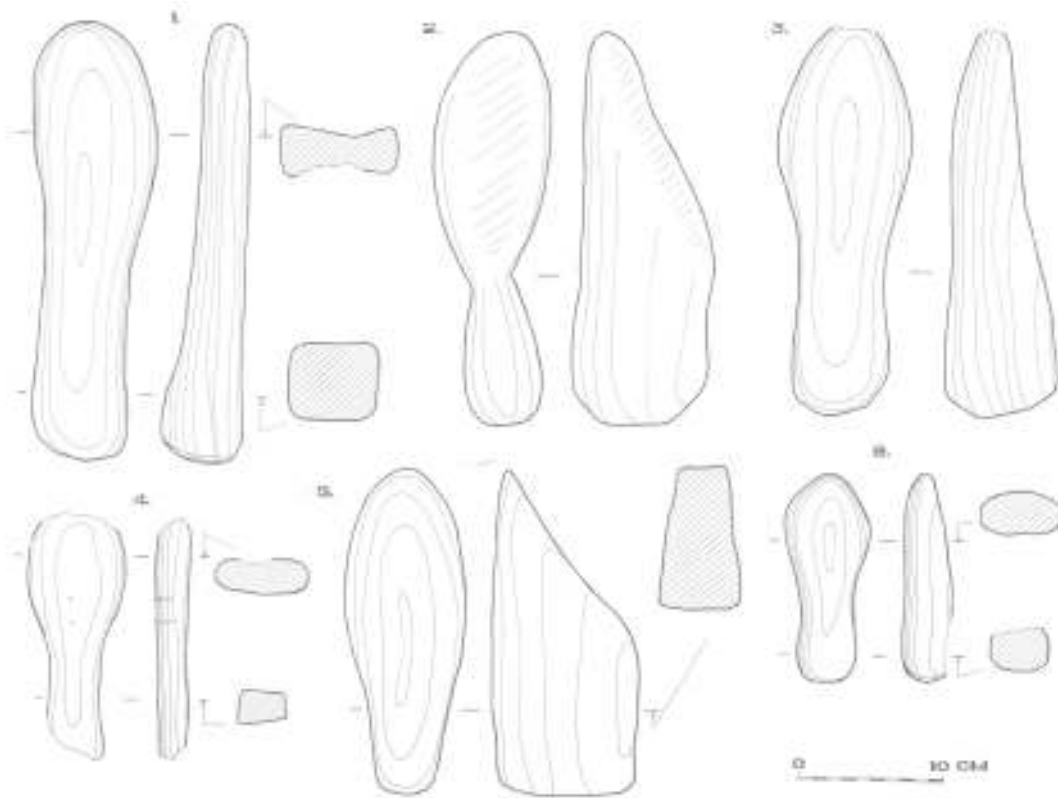

Рис. 11. Новгород. Неревский раскоп. Обувные колодки

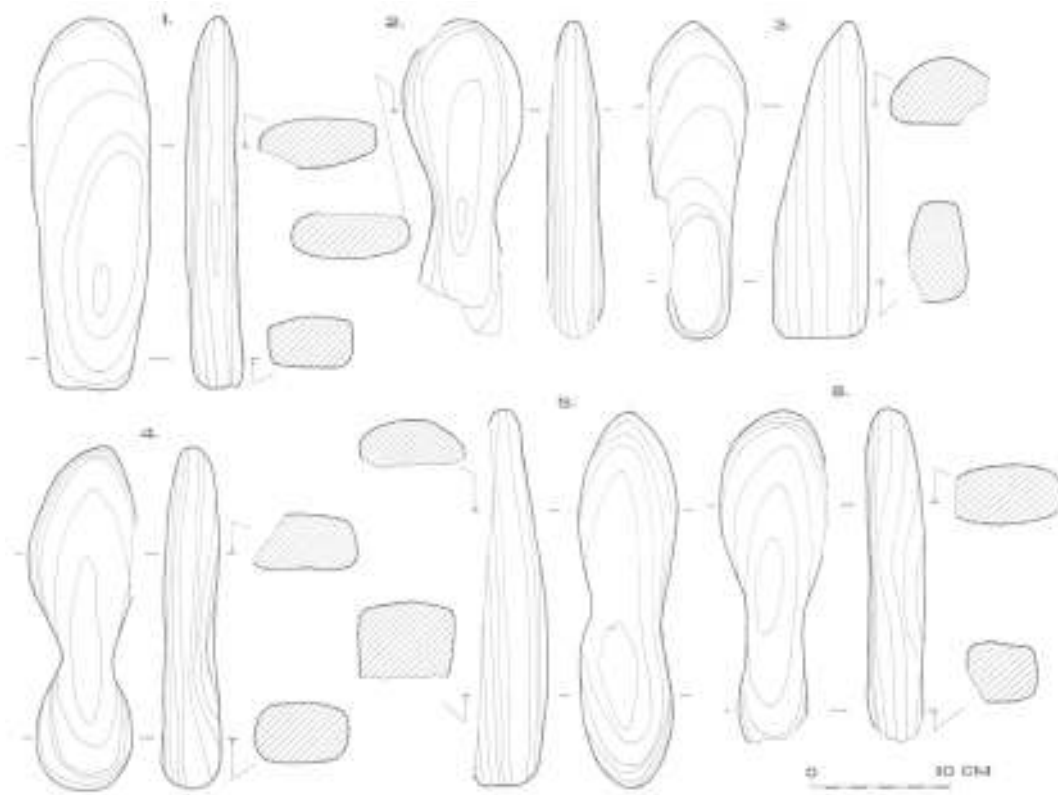

Рис. 12. Новгород. Обувные колодки Неревского и Кировского 1974 г. (5) раскопов

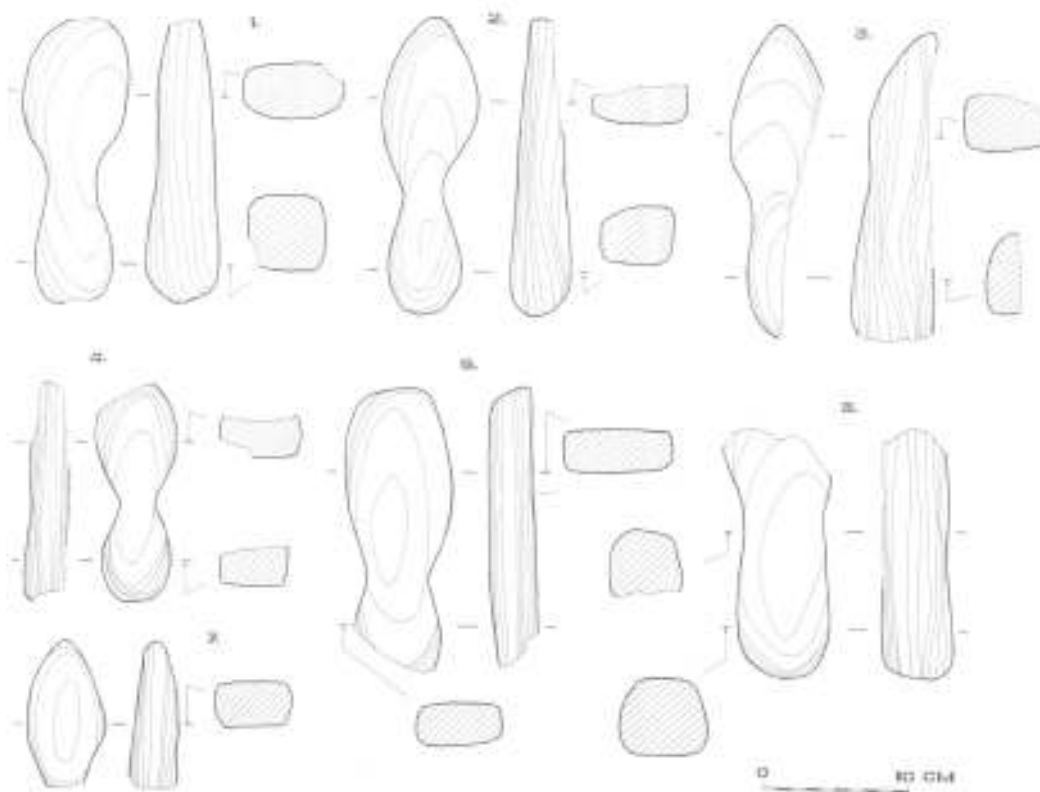

Рис. 13. Новгород. Обувные колодки Неревского и Кировского 1972 г. (4, 7) раскопов

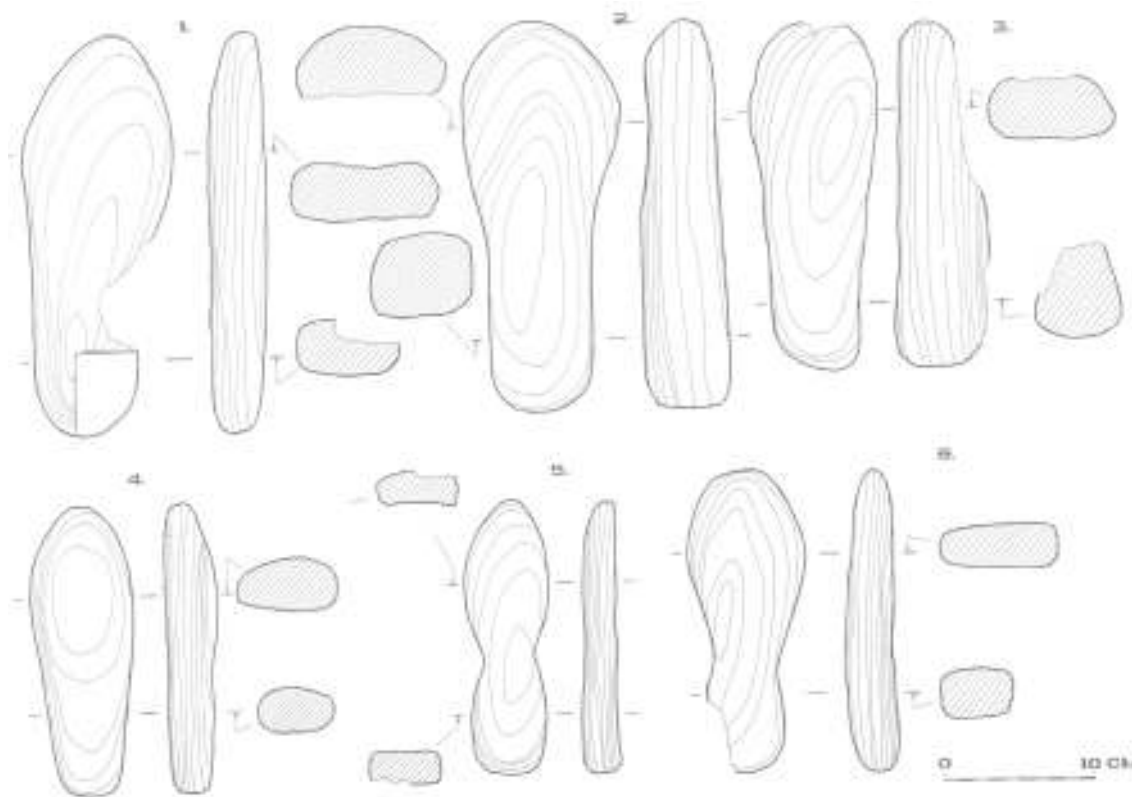

Рис. 14. Новгород. Обувные колодки Неревского раскопа

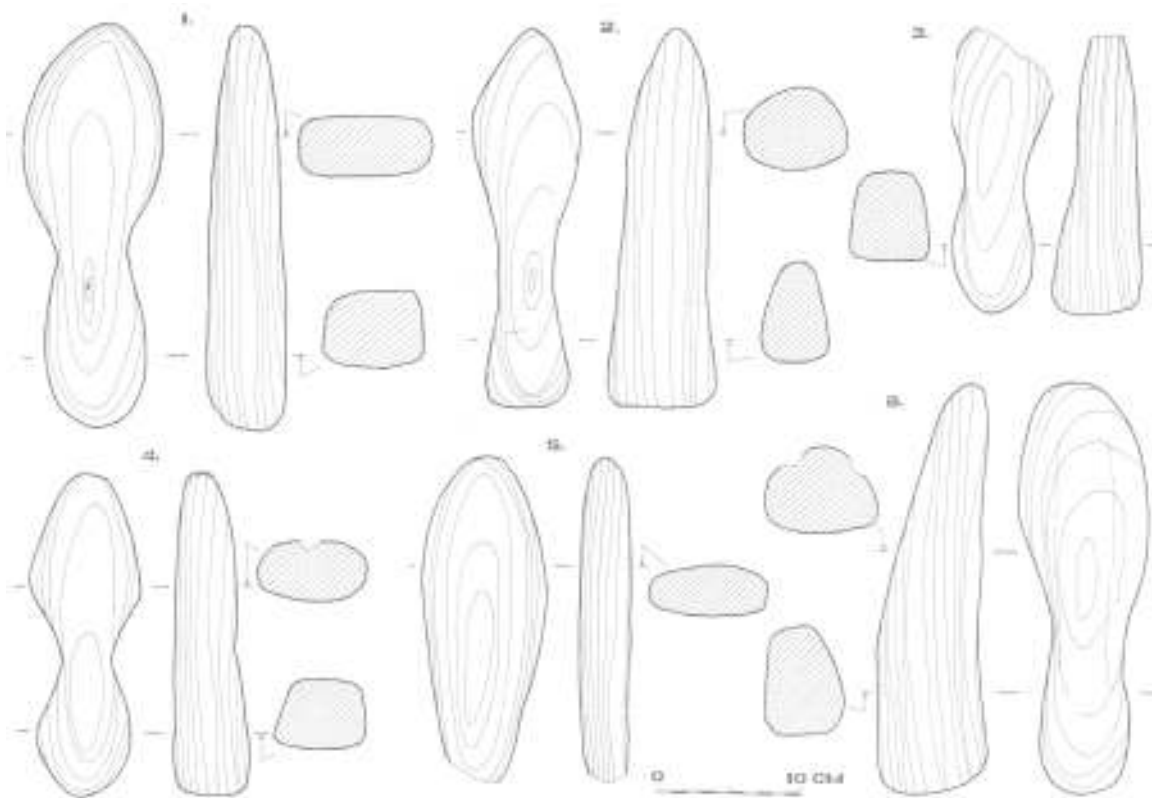

Рис. 15. Новгород. Обувные колодки Неревского раскопа

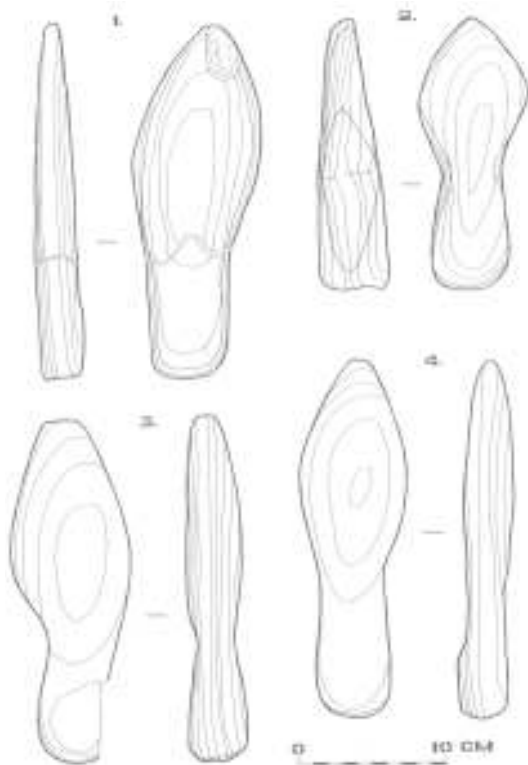

Рис. 16. Псков. Обувные колодки из раскопов на ул. Ленина

начала X в. (Kowalska, 2007. S. 443, fig. 8) и в слоях XIV–XV вв. (Gutkowska-Rychlewska, 1967. S. 33–41). Три колодки из сборов в Кракове датируются XV в. (Gutkowska-Rychlewska, 1967. S. 33, fig. 35). Кроме того, опубликована одна находка из Эльблонга.

В Венгрии шесть колодок найдены при раскопках женского монастыря XVI в. (Miklos, 1997. S. 130–135, abb. 22, 23).

Колодки хорошо известны в разных ганзейских городах ареала Балтийского и Северного морей: в Висмаре, Грейфсвальде (12 предметов), Штральзунде (Schäfer, Patzelt, 1992. S. 48, 49, fig. 3–5; Brüggemann, 2009. S. 457–476, abb. 190: 4; Kaute, 1998. S. 131–134, abb. 1–3) и одна находка в Любеке (Ullemeyer, Tidow, 1978. Taf. 17: 4). В Шлезвиге колодки отмечены в слоях XI–XIV в. (Schnack, 1992. S. 34, 35, abb. 9), еще четыре колодки происходят из предшественника Шлезвига – раннесредневекового Хедебу (Groenman-van Waateringe, 1984. Abb. 5). В Фрейбурге нашли серию деревянных колодок второй половины XIII в., в том числе со знаками (Kaute, 1998. S. 131–136).

Страны Балтии. В Тарту в 2007 г. исследовались сортиры-латрины. В одной из них, датируемой XV –

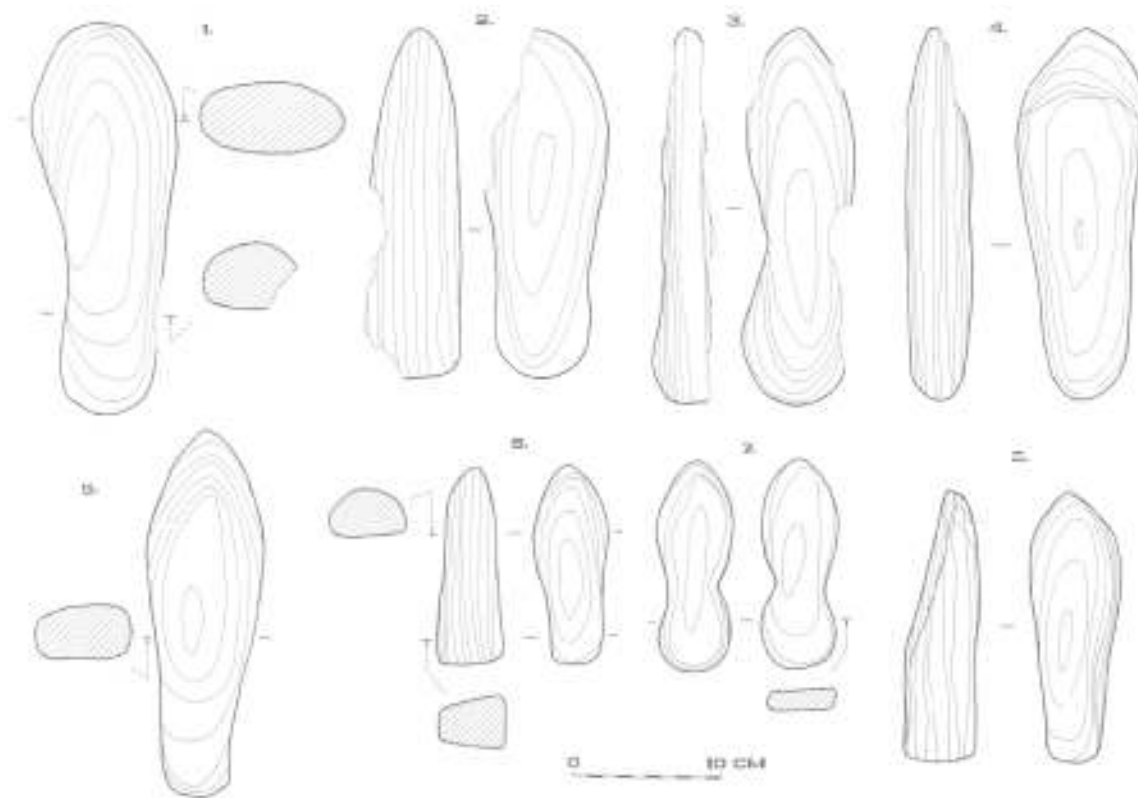

Рис. 17. Псков. Обувные колодки из разных раскопов

первой половиной XVI в., найдена колодка длиной 27 см и высотой 9,5 см. На её верхней стороне вырезан знак собственности – равнобедренный треугольник, разделенный на две равные части линией, проходящей через одну из вершин (Sarv, 2006. Fig. 5; Tvauri, 2008. Fig. 12). Из эстонских городов еще одна колодка со знаками происходит из Таллинна из слоев XIII–XIV вв. На ней вырезаны два знака, которые посчитали знаками ремесленника и владельца (Heinloo, 2014. Fig. 14). На Нижнем Замке Вильнюса колодка найдена в слоях XIII–XV вв. (Kaminskaitė, 2007. S. 199, 200, pav. 2).

Страны Скандинавии. Один предмет найден в слое XIV в. в Стокгольме (Dahlbäck, 1983. Fig. 192). В Осло деревянная колодка встречена на Ослогейт 6 в слоях XIII–XIV вв. (Keller, Schia, 1994. S. 75). В Бергене четыре колодки найдены в слоях первой половины XII в. (Øye, 2006. S. 609, fig. 10). Деревянная колодка с модельно заостренным носком встречена на поселении в Гренландии, где относится к комплексам, датированным очень широко – серединой XIV – серединой XIX в. (Berglund, 2000. S. 302, fig. 22.10). Она более всего напоминает аналогичный предмет из Мангазеи. В Турку сегодня известны семь колодок из средневековых слоев (Harjula, 2008. S. 138–140, fig. 107).

Две колодки из Åbo Akademi из слоев XIV–XV вв. не имели других индикаторов сапожного дела. На подошвенной стороне имеется несколько отверстий от деревянных шпенок, показывающих как колодка была использована. Предполагается, что отверстия для шпенок показывают фиксирование подошвы на колодке деревянными шпенками или железными гвоздями. Отверстия на подошвах также отмечены в материалах из Aboa Vetus. На одной подошве деревянный шпенок сохранился.

Письменные данные. Средневековые русские письменные источники и этнографические материалы отражают широкое и длительное употребление колодок при пошиве обуви. В Новгородской Кормчей 1282 г. они названы «коюга»: «швец покажет ученику ... како коюгоу дръжяще, шити сапогы». В источниках XVI–XVII вв. фигурируют уже привычные русские названия «колодки», хотя само слово имело разные значения – сапожная колодка, деревянный каблук и род деревянной сандали. Их также называли просто «деревом», и это слово сохраняется для обозначения колодок для кожаной обуви и для плетения лаптей в XIX–XX вв. (Словарь русских народных говоров, 1972 С. 7, 11, 12, 15). Известны кривые и прямые колодки, т.е. подходящие для одной ноги и для

обуви обеих ног, а также подтверждается и то, что колодки покупали для готовых сапог. Для XIX–XX вв. известны специальные термины, например «бахильное дерево» – колодка для шитья кожаных сапог домашнего изготовления – и «вытяжка» – деревянная колодка для растягивания кожи. В ряде губерний тогда же бытовал особый инструмент «ладило» – скобель для отделки колодок, а также повсеместно применяли составные колодки для формования валенок и голенищ сапог (Словарь русского языка, 1980. С. 27, 246, 247, 400; 1995. С. 29; 1996а. С. 276; 1996б. С. 62; Словарь русского языка XVIII в., 1998. С. 100; Словарь русских народных говоров, 1980. С. 230; 1991. С. 90 – 92; Архангельский областной словарь, 1980. С. 132; Псковский областной словарь, 1984. С. 87). Слово «правило» известно из документов с конца XVII – начала XVIII в. как приспособление для вытягивания, натягивания, распрямления полотнища из ткани, кожи или меха, а также применяемое сапожниками при шитье обуви (Словарь русского языка, 1992. С. 106).

Анализ всей суммы письменных, археологических и этнографических материалов позволяет выделять пять вариантов использования колодок.

Вариант 1. При пошиве мягкой выворотной обуви с однослойной подошвой и верхом, после выворачивания сшитой модели на лицевую сторону возникает необходимость её расправления – растяжки. Вставленная на некоторое время внутрь деревянная колодка равномерно растягивает все соединения и саму кожу, способствует правильной и равномерной её усадке. Но это именно растяжка обуви, тогда как «оббивание» её здесь не может быть эффективным, и даже следует считать вредным для сохранности швов.

Вариант 2. В комплексах конца XIII – XIV в. русских городов большую группу обуви представляют сапоги, в которых подошвы составлены из 2-3 слоев тонкой кожи, которые сшиты с деталями верха со сквозным вертикальным так называемым сандальным швом. По длинной оси подошв равномерно расположены два или три овальных отверстия от деревянных шпеньков, соединявших несколько слоев кожи, закрепленной на деревянной колодке. На колодках с хорошо сохранившейся нижней стороной – «следом» видны отверстия от деревянных шпеньков, а иногда их обломки. Этот факт помогает реконструировать технику пошива. На «след» колодки деревянными шпеньками крепили блок из 2-3 тонких подошв и, перевернув колодку, накладывали на нее детали верха и сшивали их с подошвой сквозным швом.

Такие мягкие сапоги с многослойной подошвой были характерны для русских городов в XIII–XIV вв. и даже в первой половине XV в.

Вариант 3 определяет ежедневную потребность высушивать обувь после хождения по влажной почве и в сырую погоду. Средневековых записей об этом обыденном действии не найдено, но есть изображение горожанина XIII в., греющего ноги и сушащего обувь возле печи, выложенной изразцами (рис. 18).

Рис. 18. Манускрипт из Вюрцбурга, 1250-е гг. Изображение горожанина, греющего ноги и сушащего обувь (Majantie, 2010. Fig. 9)

Интересный объект недавно открыт на Конюшенном дворе в Ростове Великом на территории земляной крепости XVII в. Здесь сохранился максимально большой культурный слой, содержащий много горизонтов с хорошей сохранностью органических материалов. В раскопе, который ведется с 2001 г., площадью около 1000 кв. м, на уровне 6-го строительного горизонта, датированного второй половиной XV в., на усадьбе «Б», на площади постройки 8 встречены, среди прочего, следующие находки: «плетеное изделие, выполненное из сложенных вместе лыковой и кожаной полос – возможно, часть лаптя, подобного известным из раскопок в московском Зарядье» (Самойлович, 2007. С. 23). В обзоре находок отмечены: «Кожаные изделия представлены многочисленными фрагментами обуви, среди которой можно отметить пару детских туфель, стоявших на печке в постройке 10...».

Из раскопок 1968–1973 гг. в Мангазее происходят 11 колодок, и ещё шесть предметов найдены в 2001–2007 гг. (Курбатов, Овсянников, 1999. С. 270; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 84, 85). Анализ кожевенных материалов показал, что профессионального пошива обуви в Мангазее, видимо, не было, но присутствовали её ремонт и перешив. Основным видом ремонта были замена подошв и пришивание подметок, для чего околачивание обуви было бы малоэффективно. Но жизнедеятельность в приполярной зоне требовала постоянной заботы о высушивании обуви. При высыхании кожа деформируется и сжимается, изменяя форму изделий. Для равномерного «усыхания» кожи внутрь обуви необходимо вставлять колодку.

Сушка обуви на колодках была необходима практически везде и вероятно использовалась повсеместно. Именно поэтому обувь продавали вместе с колодками или специально резали колодки к продаваемой обуви. В этом и причина большого числа находимых колодок на тех усадьбах средневековых городов, где пошива обуви не отмечено. В приходно-расходной книге Казенного приказа читаем: «[1614] Сапожного ряду Федоску Оксентьеву за четверы колодки 4 д. Куплены в рындины сапоги» (Словарь русского языка, 1996а. С. 276). Этот вариант использования колодок надо считать наиболее востребованным для всех эпох, что доказывают находки на памятниках неолита, римского времени, средневековья и нового времени.

Вариант 4. Использование колодок при формировании верха при затяжной операции и сшивании его с низом. Затяжной метод предполагает равномерное натягивание переднего обреза головки на края подошвы с закреплением первого на втором. В известных экземплярах затяжной обуви конца XVI – XVIII в. мы видим частое крепление подметок и каблуков деревянными шпеньками. Для набойки шпеньков нужны деревянные колодки и приспособления, которые обеспечивали непроницаемость острия шпеньков на внутреннюю сторону подошвы. Такими могли быть железные пластины-«ведьмы». Возле Педагогического института в Пскове вместе с такими железными пластинами была найдена и деревянная обувная колодка. Название её – «набивень» – сохранилось по записям середины XIX в. (Словарь русских народных говоров, 1983. С. 115).

Вариант 5. Использование деревянных колодок при плетении лаптей. Археологические находки таких предметов единичны и их атрибуцию надо считать особой исследовательской трактовкой. А. Л. Монгайт писал, что в Переяславле-Рязанс-

ком в домонгольских слоях найдена деревянная колодка для плетения лаптей, у которых нижняя часть была обита кожей (Монгайт, 1961. С. 182, рис. 73: 3). В Чебоксарах «найжены шесть целых сапожных колодок и одна колодка для плетения лаптей ... Характерной для нее чертой является возвышение в передней части, повторяющее форму носка лаптя. Длина колодки 19,5 см, высота в передней части 4,5 см, в задней 2,8 см. На этой колодке могли изготавливаться лапти русского типа» (Краснов, Каховский, 1978. С. 117, рис. 51). По общей датировке пластов обувные колодки датированы XV в., а колодка для плетения лаптей – XVI в. (Краснов, Каховский, 1978. С. 16, табл. 2).

Возвращаясь к теме работы мы готовы предложить свое решение вопроса о назначении трех ладожских деревянных предметов, названных «обувными колодками». Необычная для большинства таких предметов форма ладожских находок – плоско-выпуклая в сечении и овальная в плане – исключает их использование для растягивания обуви. Наиболее вероятным могло быть их применение в качестве поплавков для ставных сетей. Для таких предметов характерно и наличие меток-знаков владельца сети, что мы видим и на ладожских «колодках».

Не все находки так называемых обувных колодок надо считать таковыми. Так, вызывает сильное сомнение находка 1998 г. в Москве (рис. 19) на территории Старого Гостиного двора, в слое XV в., на раскопе V. Аналогии ей неизвестны, но факт обнаружения вместе со специфическими сапожными ножами, шильями, иглами, оселками позволил атрибутировать предмет как колодку-«каюгу».

Рис. 19. Москва. Сучковатый брусок, принимаемый за обувную колодку (Осипов, Никитин, 2002.

Рис. на с. 20)

Источники и литература

- Армагян А. С., 1978. Обувь древней Армении. Ереван.
- Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1.
- Арциховский А. В., 1949. Новгородская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVII.
- Арциховский А. В., Тихомиров М. Н., 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Голубева Л. А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Дубровин Г. Е., 2003. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2002 г. // ННЗИА. Новгород. Вып. 17.
- Дубровин Г. Е., 2010. Никитинский раскоп в Новгороде. М.
- Загорюльский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
- Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. М. (МИА. Вып. 123).
- Зыбин Ю. П., 1965. Рец. на статью С.А.Изюмовой «К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого», МИА, № 65 // СА. № 2.
- Иванов М. Н., Шакланов И. Г., Панасенко В. А., 1990. Товароведение обувных товаров. М.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. М. Вып. 65.
- Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. М. № 55.
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. М. Вып. Е1-55.
- Колчин Б. А., 1985. Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село. Серия: Археология СССР. М.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С., 1985. Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Альбом. М.
- Краснов Ю. А., Каховский В. Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.
- Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А. В., 2008. Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 2.
- Курбатов А. В., 2009. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5: Русское время.
- Курбатов А. В., 2012а. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Курбатов А. В., 2012б. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. № 18.
- Курбатов А. В., 2017. Кожевенные мастерские в средневековой России // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Орлов С. Н., 1954. Деревянные изделия Старой Ладоги VII–X вв. (По материалам Староладожской археологической экспедиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Осипов Д. О., Никитин А. А., 2002. След в истории. Московская обувь XII–XX вв. Каталог выставки. М.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 7.
- Осипов Д. О. 2012. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (Комплексное исследование). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

- Оятева Е. И. 1965 Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 7.
- Петренко В. П., 1991. Исследование Ивангорода // КСИА. М. Вып.205.
- Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: к истории древнерусского города. М.
- Псковский областной словарь. Л., 1984. Вып. 6.
- Раззоков А., 2008. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе.
- Русь и Балтика в эпоху викингов. Археологические коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. 2006.
- Рябинин Е. А., 1999. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. М. Т. 9.
- Сингх В. К., 2008. Ремесленные мастерские на усадьбах Плотницкого конца (по усадьбам Никитинского раскопа) // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 22.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16.
- Словарь русских народных говоров. Л. 1983. Вып. 19.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1991. Вып. 26.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. Вып. 18.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1996а. Вып. 22.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1996б. Вып. 23.
- Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1998. Вып. 10.
- Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб. 2003.
- Степанов А. М., Петров М. И., Тарабардина О. А., Покровская Л. В., 2006. Исследования на Козьмодемьянском-II раскопе в Новгороде // ННЗИА. Великий Новгород. Вып.20.
- Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К., 1939. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. // НИС. Новгород. Вып. 5.
- Ткани и одежда раннесредневековой Ферганы / Ред. Б. Х. Матбабаев. Токио. 2010.
- Тарабардина О. А., 2000. Работы на Посольском раскопе в Новгороде в 1999 г. // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 14.
- Тарабардина О. А., 2004. Посольский раскоп 1999 г. в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // Новгородские археологические чтения - 2. Новгород.
- Тарасов С. В., 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) // Памятники науки и техники. 1987–1988 гг. М.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Антропова Я. В., Самойлов К. Г., Хохлов И. В., 2004 Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе и у д. Новое Рыдино Крестецкого района Новгородской области в 2003 г. // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 18.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Колосницын П. П., Мясникова С. В., 2006. Исследования на Пятницком раскопе в Старой Руссе в 2005 г. // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 20.
- Хорошев А. С., 1982. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., 1981. Новгородская экспедиция // АО 1980. М.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н., Дубровин Г. Е., Яременко Е. В., Тарабардина О. А., 1992. Работы Новгородской экспедиции в 1991 г. // ННЗИА. Новгород. Вып. 6.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н., 1997. Работы

- Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 11.
- Berglund J., 2000. The farm beneath the sand // Vikings. The North Atlantic saga. Washington; London.
- Brüggemann S., 2009. Stralsuind, Hansestadt // BMV. 2008. Jahr. 56.
- Busch A.-L., 1965. Die römerzeitlichen Schuh- und Lederfunde der Kastelle Saalburg, Zugmantel und Kleiner Feldberg // Saalburg-Jahrbuch. Berlin. Bd. XXII.
- Christian IV and Europe. The 19th Art Exhibition of the Council of Europe. Denmark 1988. Catalogue. Copenhagen, 1988.
- Dahlbäck G., 1983. Helgeandsholmen: 1000 år i Stockholms ström. Stockholm.
- Göpfrich J., 1986. Römische Lederfunde aus Mainz // Saalburg. Mainz. Jahr. 42.
- Groenman-van Waateringe W., 1984. Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bd. 21.
- Gutkowska-Rychlewska M., 1967. Patynki z Pyrzyce na tle mody obuwia średniowiecznego // Rozprawy i Sprawozdania. Muzeum Narodowego w Krakowie. Krakow. T. IX.
- Harjula J., 2008. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku (Suomen Keskiajan Arkeologian Seura, 4).
- Heinloo E., 2014. Archaeological investigations in the inner courtyard of the Puppet Theatre «Nuku»// Archaeological fieldwork in Estonia. 2013. Tallinn.
- Hołubowicz W., 1956. Opole w wiekach X–XII. Katowice.
- Kaminskaitė I., 2007. XIII–XVII a. mediniai dirbiniai Vilniaus žemutiėje pilyje // Vilniaus žemutinė pilis XIV a. – XIX a. pradžioje. 2005 – 2006 m. tyrimai. Vilnius.
- Kaute P., 1998. Schuhleisten und Spielbrett aus Greifswald // Archäologische Berichten aus Mecklenburg-Vorpommern. 1998. Band 5.
- Keller K.-F., Schia E., 1994. The Medieval Town in Oslo. A reconstruction. Oslo.
- Kostet Ju., Pihlman A., Puhakka M., 2004. Griffin: Middle Ages in the Middle of Turku. Turku (Turku Provincial Museum. 5).
- Kowalska A. B., 2007. Shoemaking in Medieval Wolin and Szczecin // Offa. Neumünster. № 61/62, 2004/05.
- Miklos Zs., 1997. Die Holzfunde aus dem brunnen des spätmittelalterlichen paulinerklosters von Márianostra-Toronyalja // AAASH. T. 49.
- Muslow R., 2006. Archäologische Nachweise zum mittelalterlichen Handwerk in Rostock // Das Handwerk: Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum V. Lübeck.
- Majantie K., 2010. Mnotia, mukavuutta ja mielipiteitä // AMAF. XVII.
- Øye I., 2006. Crafts in Bergen from the 12 to the 18 century // Das Handwerk: Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum V. Lübeck.
- Paner H., 1998. Problematyka badań nad średniowiecznym Gdańskiem w świetle prac archeologicznych prowadzonych w latach 1987–1997 // Gdańsk średniowieczny w świetle najnowszych badań archeologicznych i historycznych. Gdańsk.
- Sarv K., 2006. Nahaleide Narva linnas Suur tn 22–26 toimunud arheoloogilistelt kaevamistelt // Narva museum toimetised. Linnas ja linnuses. Uurimusi Narva Ajaloost. № 6. Narva; Tartu.
- Schäfer H., Patzelt C., 1992. Schuhleisten und andere Funde aus einem Rostocker Schacht des 14./15. Jahrhunderts // Wismarer Studien zur Archäologie und Geschichte. Wismar. № 2.
- Schnack C. von, 1992. Die mittelalterlichen Schuhe aus Schleswig. Ausgrabung Schild 1971–1975 // Ausgrabungen in Schleswig. Neumünster. Berichte und Studien 10.
- Turnau I., 1983. Polskie skornictwo. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Tvauri A., 2008. Archaeological investigations in Tartu, Ülikooli street // Archaeological fieldwork in Estonia. 2007. Tallinn.
- Ullemeyer R., Tidow K., 1978. Textil- und Lederfunde aus der Lübecker Innenstadt // LSAK. Bd. 1.
- Wojtasik J., 1963. Rzemiosło szewskie we wczesnośredniowiecznym Wolinie // Z otchłani wieków. Warszawa. R. 29, z. 3.

Реставрация кладовой керамики начала XVIII в. из Новой Ладogi¹

Н. С. Курганов²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-237-240

В марте 2017 г. для проведения реставрационных работ из Новолдожского историко-краеведческого музея в лабораторию консервации и реставрации поступил керамический сосуд, в котором был обнаружен монетный клад петровского времени. Результаты изучения клада, включающие анализ монетного состава, указание основных метрических данных сосуда, описание техники изготовления этого лепного сосуда, которая необычна для петровского времени, и его назначение в крестьянском быту, а также датирование методом термолюминисценции, представлены в данном сборнике (см. статью Горлова К. В. и др.).

Описание сосуда, состояние сохранности

Сосуд частично сохранился в виде трех фрагментов, которые не собирались в целую форму (рис 1). Первый, самый крупный из них, являлся основной частью тулова сосуда, второй и третий – это небольшие фрагменты, один из которых был с отверстием, и, как стало ясно при изучении аналогий, являлся трубчатым носиком. На сломе керамики видны внутренние трещины и расслоения. На внешней поверхности сосуда присутствуют отслоения. Также со стороны утраченного носика присутствуют многочисленные трещины, в большей степени у основания сосуда, но также

и у венчика. Некоторые из трещин подвижны (рис. 2). На краю донца, с внешней стороны присутствует скол, вероятно являющийся следом от удара лопаты или кирки в момент обнаружении клада. На внутренней стороне стенок сосуда и внутри носика присутствует налет темного цвета. Можно предположить, что это потемневшие от времени остатки вещества, которое могло находиться в сосуде: молочных продуктов, масла и т.п. Вместе с сосудом находились кусочки бересты, которой он был накрыт.

Для археологической керамики, которая длительное время пребывала в почве, иногда свойственно повышенное содержание солей. Впоследствии при высыхании находок это ведет к кристаллизации солей и появлению светлого налета на поверхности, если же кристаллизация происходит внутри черепка, то может произойти его растрескивание. Но в данном случае ни на поверхности сосуда, ни на сломе черепка признаков засоленности замечено не было. Растрескивание этого сосуда связано с неполным обжигом, из-за которого создались неравномерности внутри керамической массы, черепок внутри оказался менее обожженным, чем снаружи. Далее при попадании влаги внутрь черепка и ее последующем, возможно неоднократном, замерзании произошло растрескивание по границам неравномерностей внутри стенок плохо обожженного черепка.

Сосуд в таком состоянии не мог экспонироваться, не было уверенности и в его сохранности для поколений будущих исследователей. Было принято решение о необходимости проведения работ по его консервации: стабилизации, укрепления керамики, установки фрагментов с четко читаемыми границами сломов на свои места. Затем при реконструкции положения фрагментов по

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: nikolai.kurganov@gmail.com.

Рис. 1. Сосуд из Новой Ладогги до реставрации

Рис. 2. Трещины внутри стенок черепка (сверху) и на поверхности сосуда в районе крепления носика (снизу)

месту сломов предполагалось подтвердить или опровергнуть форму сосуда, предложенную на основании найденных исторических аналогий.

Перед проведением реставрационных работ, до введения современных материалов в структуру старой керамики были взяты пробы на исследование методом термолюминисценции. Пробы отбирались из небольших кусочков, осыпавшихся с кромок черепков.

Работы по реставрации

Первоначально было проведено укрепление трещин внутри и на поверхности стенок горшка. Трещины укреплялись методом инъектирования (рис. 3). Был использован раствор акриловой смолы марки Paraloid B72 концентрации 5 % в ацетоне. Выбор материала был не случайным. Наряду с широко распространенным использованием различных материалов для склейки и пропитки керамики, отечественные реставраторы отдают предпочтение акриловым полимерам (Андреева и др., 1999). Составы на основе смолы именно этой торговой марки активно используются специалистами из других стран как для склейки, так и для укрепления археологической керамики (Koob, 1986; Podany et al., 2001) и реставрации других археологических экспонатов (Cronyn, 1992; Sease, 1994). Излишки смолы удалялись тампоном, смоченным в ацетоне. Следующим этапом после высыхания укрепляющего состава была склейка фрагментов. В качестве адгезива была использована смола той же марки в концентрации 40 % с добавлением коллоидного диоксида кремния в качестве загустителя. При склейке фрагментов два из них четко стыковались между собой. Третий, представляющий носик, не имел значительных стыков по кромкам, которые могли бы хорошо его зафиксировать по излому вместе с основной частью горшка. Но по формовке керамики, следы на которой явно показывали место крепления носика к тулову сосуда, по его размеру и форме скола месторасположение носика было точно определено. Важно, что и аналоги, и реконструкция по расположению черепков полностью согласовывались друг с другом.

После обсуждения с главным хранителем Новоладожского историко-краеведческого музея и специалистами, изучавшими клад и керамику, было принято решение о реконструкции и восполне-

Рис. 3. Процесс реставрации. Инъектирование трещин

нии утрат сосуда. Значимым аргументом явилось то, что планировалось экспонировать монетный клад вместе с ёмкостью, в которой он находился. Для наглядного понимания сосуда, конечно, необходима была его реставрация с элементами реконструкции. Сложность возникала в том, что необходимо зафиксировать носик в требуемом положении при минимальном касании кромок, которого недостаточно для клеевого соединения достаточной прочности. Эта проблема была решена путем распространённой практики при реставрации керамики: утраченный фрагмент был восполнен мастикой, которая позволила придать достаточную механическую прочность и зафиксировать носик в необходимом положении (рис. 4). Утраты черепка были восполнены по месту после укрепления хрупких кромок керамики и создания на них буфера 40 % раствором Paraloid B72 в ацетоне. Для работы была использована композиция на основе гипсополимерной мастики с добавлением минерального пигмента. Утраты были восполнены без заступа на оригинальную поверхность лицевой и внутренней стороны сосуда, касаясь исключительно кромки керамики. Плоскость воссозданного фрагмента была выполнена на 1 мм ниже плоскости оригинальной керамики, для того чтобы дополнительно подчеркнуть границу старинной керамики и реставрационного дополнения. Затем была проведена тонировка восполненной утраты в цвет на полтона темнее тела сосуда. Тонировка была выполнена акварельной краской и затем закреплена 2 % раствором Paraloid B72 в смеси ацетон-этанол. Завершающая тонировка позволила создать цельный образ памятника, в котором реставрационные дополнения не выделяются, но при этом благодаря подчеркнутой границе и разнице в тонах заметны при внимательном рассмотрении (рис. 5).

Рис. 4. Процесс реставрации. Крепление носика сосуда и восполнение утраченного фрагмента

Рис. 5. Сосуд после реставрации

Стоит отметить, что при всем проведенном комплексе реставрационных работ были сохранены следы использования горшка до помещения в него монет, к которым относится нагар на внутренней поверхности сосуда и внутри носика. Также вместе с сосудом были сохранены фрагменты бересты, которые были использованы для накрывания сосуда с монетами.

Заклучение

Необходимость восполнения утрат в случаях с археологической керамикой является, дискуссионным вопросом. Так и должно быть в каждом случае, в работе над каждым предметом. Подход к восполнению утрат может быть различным, но он должен быть ограничен, а его использование должно иметь под собой основания. На примере конкретного случая видно, как восполнение утраты обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это функциональная необходимость, поскольку мастиковка позволила установить на места фрагменты, нуждающиеся в дополнительной фиксации, помимо склейки. Во-вторых, это позволило создать понимание цельного образа сложного предмета. И, наконец, можно упомянуть и об эстетической составляющей, благодаря которой предмет приобрел экспозиционный облик.

В апреле 2017 г. после реставрации сосуд был передан в Новоладожский историко-краеведческий музей, в фондах которого он хранится в настоящее время вместе с монетной частью клада и берестой. Реставрация сосуда позволила представить его вместе с кладом из 906 монет на выставке «Добро-

совестный товар», проходившей летом 2018 г. в музее-заповеднике Старая Ладога.

Источники и литература

- Андреева Л. Н., Антонян А. С., Барабанова Т. И., 1999. Реставрация музейной керамики: Методические рекомендации. М.
- Cronyn J. M., 1992. The Elements of Archaeological Conservation. London.
- Koob S. P., 1968. The use of Paraloid B-72 as an adhesive: Its application for archaeological ceramics and other materials // Studies in Conservation. Abingdon. № 31.
- Podany J., Garland K. M., Freeman W. R., Rogers J., 2001. Paraloid B-72 as a Structural Adhesive and as a Barrier Within Structural Adhesive Bonds: Evaluations of Strength and Reversibility // Journal of the American Institute for Conservation. Abingdon. № 40(1).
- Sease C. A., 1994. Conservation Manual for the Field Archaeologist. Institute of Archaeology, University of California.

Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С. А. Дубинского¹

С. А. Семенов²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-241-247

При подготовке публикации результатов небольших разведочных работ, проведенных ООА ИИМК в 2017 г. на Левашовском мемориальном кладбище³ под Санкт-Петербургом неожиданно в Википедии была найдена информация о том, что здесь, на специальном секретном полигоне НКВД захоронен «историк и археолог» С. А. Дубинский (https://ru.wikipedia.org/wiki/Левашовское_мемориальное_кладбище). Не упомянуть в статье, посвященной обследованию территории Левашовской пустоши под возведение часовни-памятника «Всех Святых в земле Санкт-Петербургской просиявших», о своем коллеге, сотруднике ГАИМК в 1934–1937 гг. С. А. Дубинском было нельзя. Однако полученные в процессе поиска материалы поставили под сомнение достоверность изложенных в Википедии сведений о предполагаемом месте его погребения.

В Рукописном отделе Научного архива ИИМК хранится личное дело сотрудника ГАИМК С. А. Дубинского и его «Трудовой список», которые и легли в основу данной заметки об основных этапах его профессионального пути, начало кото-

рому было положено в Санкт-Петербурге в 1909 г., а завершение в Ленинграде в 1937 г. (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192; РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 5, д. 97)⁴.

Сергей Антонович Дубинский родился 13 (25) октября 1884 г. в селе Наройках Бельского уезда Гродненской губернии в семье сельского священника. По наставлению отца он закончил духовное училище, а затем, в 1905 г. духовную семинарию в Вильне. Однако дальнейшую свою судьбу он не связывает с церковью, «разочаровавшись в религии» под воздействием революционных событий в России начала XX в. «Выдержав большую борьбу с отцом», осенью 1905 г. С. А. Дубинский становится студентом-медиком Юрьевского университета (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 16). Как писал С. А. Дубинский: «События 1905 г. захватили меня, жадно глотал речи ораторов, брошюры, прокламации и, хотя не отважился вступить в какую-либо партию, обычно поддерживал и голосовал за РСДРП». За участие в демонстрации был арестован на полтора дня.

После временного закрытия университета из-за студенческих волнений уехал к своему отцу в местечко Семятицы, где также принимал активное участие в деятельности местной ячейки РСДРП, составлял прокламации, печатал их на гектографе, «распространял нелегальщину» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 16об.). За свою деятельность «как красный» был на учете у полиции и под слежкой. Осенью 1906 г. С. А. Дубинский возвращается в Юрьевский университет и до осени 1907 г. продолжает учиться на медицинском факультете, когда по причине ухудшения зрения переходит

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

³ См. статью данного сборника: С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Е. К. Блохин «Исследования на территории музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре и на Левашовском мемориальном кладбище в 2017 г.».

⁴ Выражаю искреннюю благодарность сотруднику научного архива ИИМК Е. В. Бобровской за помощь в подготовке материалов статьи.

на историко-филологический факультет. При этом все это время он «примыкал к РСДРП». В 1908 г., С. А. Дубинский переводится на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в котором «постановка дела была серьезнее», чем в Юрьеве. Из-за больших нагрузок и плохого здоровья на первых государственных экзаменах «сорвался» и затем некоторое время лечился (РОНА ИИМК. Ф 2, оп. 3, д. 192. Л. 16об., 17).

В Санкт-Петербургском университете происходило становление Сергея Антоновича как профессионального археолога. Все началось с того, что с осени 1909 г. на историко-филологическом факультете он начал слушать лекции по русским древностям сотрудника Императорской Археологической комиссии А. А. Спицына. В 1910 г. С. А. Дубинский становится слушателем курсов А. А. Спицына в учрежденном на факультете в виде отделения исторического семинария Археологическом кабинете (Тихонов, 2003. С. 75). Как отмечал в своей биографии Сергей Антонович, «я зачислился туда, сильно занялся археологией, ушел в нее почти целиком» (РОНА ИИМК. Ф 2, оп. 3, д. 192. Л. 17). Учебные фонды (книги, археологические предметы и пр.) Археологический кабинет формировался за счет пожертвований учреждений и частных лиц. Из отчета о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. известно, что С. А. Дубинским для Кабинета в 1911 г. пожертвовано 12 предметов, главным образом свинцовые пломбы, собранные им на Дрогичинском городище. В 1912 г. пожертвованы еще три предмета, вероятно черепки керамических сосудов, собранные им у д. Огородники Бельского уезда Гродненской губернии (Тихонов, 2003. Приложение № 9. С. 243; РОНА ИИМК, 1912. Л. 2).

Помимо лекций важной частью занятий Археологического кабинета были и полевые учебные раскопки. Первый выезд состоялся в мае 1910 г. в Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии, где были произведены учебные «опытные» раскопки у д. Малый Удрай и Замосье. А. А. Спицын каждому из студентов выделил один или два кургана, на которых они производили раскопки, делали чертежи, а затем самостоятельно составляли отчеты (РОНА ИИМК. Ф. 5, д. 214; Длужневская и др., 2009. С. 891). В этих работах принимал участие и С. А. Дубинский. В курганной группе Малый Удрай им был исследован курган № 5, а у д. Замосье – курганы № 2 и 12 (Спицын, 1914. С. 85, 90). Дубинский был среди тех, кто наиболее профессионально выполнил раскопки и подготовил отчет (Медведева, Соболев, 2013. С. 349, 350–352). Будучи студентом Санкт-Петербургского

университета, С. А. Дубинский, как он лично отмечал в автобиографии, с 1910 по 1914 г. по Открытым листам Археологической Комиссии проводил еще и самостоятельные археологические исследования у себя на родине в Бельском уезде Гродненской губернии (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 17; Тихонов, 2003. С. 78. Приложение № 9. С. 243). Летом 1910 г. С. А. Дубинский раскапывает 13 «каменных могил» при д. Рогавка Семятичской волости Бельского уезда, а также два кургана у д. Бацки Ближние, осматривает городище у г. Дрогичин и «пепелище» – плоскую гору со следами древних поселений у д. Огородники. В отчете о раскопках помимо подробного описания каждой могилы присутствуют профессионально подготовленные карты и планы погребений (РОНА ИИМК, 1910. Л. 108–115).

В 1911 г. ИАК выдает С. А. Дубинскому Открытый лист на раскопки в пределах Бельского и Брестского уездов Гродненской губернии. На основании Открытого листа С. А. Дубинский в южной части Бельского уезда проводит раскопки курганных групп при д. Цецели (рис. 1), Клюково, Бацки Ближние и Бацки Дальние Семятичской волости, и при д. Ляхи и Козлики Кленикской волости в северной части уезда. Также осматривает ряд городищ и урочищ Бельского уезда. Особое внимание уделяется городищу Дрогичин, где его привлекают свинцовые пломбы, в большом количестве находимые на нижней, первой террасе реки у подножия замковой горы. У местного жителя г. Дрогичина Феликса Коханского он приобретает 440 экземпляров свинцовых пломб по цене от «2 до 5 коп. за штуку», что подтверждено распиской последнего. Однако, в описи находок отчета фигур-

Рис. 1. С. А. Дубинский (крайний справа) на кургане № 10 у д. Цецели Бельского уезда Гродненской Губернии в 1911 г. (РОНА ИИМК, 1911. Л. 134-6)

ирует цифра 450 пломб. Возможно, 10 из них были найдены самим Дубинским. В Брестском уезде раскопок С. А. Дубинским не производилось (РОНА ИИМК, 1911. Л. 113–133).

В 1912 г. ИАК вновь выдала С. А. Дубинскому Открытый Лист на продолжение исследований в Бельском уезде, однако, как следует из его заявления в Комиссию, раскопок он «по нездоровью не производил», а собранные на пепелище(?) при д. Огородники черепки переданы им в Археологический кабинет при Императорском Санкт-Петербургском университете (РОНА ИИМК, 1912. Л. 2). Занимался ли С. А. Дубинский археологическими изысканиями в Гродненской губернии в 1913 г. не известно. Открытый Лист ему в этом году ИАК не выдавала. В 1914 г. С. А. Дубинский проводит работы по последнему Открытому листу, выданному ИАК. С 20 по 27 июля (по ст. стилю) у д. Пилипки Пасынковской волости Бельского уезда Гродненской губернии он раскапывает поля урн в урочище Золотницкий песчаник. Отчета по этим исследованиям в архиве ИИМК нет, что, вероятно, связано с началом Первой мировой войны, только «Перечень предметов древности», найденных С. А. Дубинским во время раскопок. Всего в списке предметов шесть инвентарных номера, среди которых выкупленный у крестьян «каменный молоток» (РОНА ИИМК, 1914. Л. 12–22). Позднее он вспоминал об этих студенческих временах и отмечал, что «принадлежал к первому выпуску археологов из университета» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 17).

В Петербурге С. А. Дубинский входил также и в студенческий белорусский Гродненский научный кружок, где был одним из постоянных докладчиков и членом правления. Устав «Гродненского» кружка предполагал не только историческое и статистическое изучение губернии, но также и изучение геологии, флоры и фауны (Баринов, 2015. С. 182, 183). В кружке Сергей Антонович делал доклады о своих археологических раскопках, о дрогичинских свинцовых пломбах (Тихонов, 2003. С. 81).

Весной 1914 г. С. А. Дубинский окончил Петербургский университет с Дипломом I-й степени. С этого момента начинается этап его педагогической деятельности. В 1914–1915 гг. он преподаватель истории в старших классах частной женской гимназии в Вильне. После оккупации Вильны немецкими войсками эвакуируется в г. Белебей Уфимской губернии. Здесь с ноября 1915 г. до сентября 1921 г. работает преподавателем истории, русского языка и законовещения в реальном училище и в единой трудовой школе. С осени 1916 г.

преподавал латинский язык в 8 классе женской гимназии, затем историю, а с осени 1917 по 1919 г. в гимназии был первым выборным председателем Совета. С мая 1920 г. являлся председателем Уездной Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности («Уграмчека») (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 17, 17об.)

В конце 1921 г. С. А. Дубинский как белорус по происхождению был переведен на работу в Белорусскую ССР, где более полугодом пребывал в должности члена Центрального Комитета по ликвидации безграмотности и главного инструктора школ ликбеза по Минску. В 1922 г. он уходит с этой работы и возвращается к учительству. В течение трех лет, с 1922 по 1925 гг. Сергей Антонович преподает обществоведение и русский язык в двух вечерних школах для взрослых и рабочей молодежи (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 17об, 18).

С 1924 г. С. А. Дубинский принимает участие в деятельности возрожденного в Минске Общества истории и древностей, а в 1925 г. переходит на «чисто научную работу» в организованную при Институте Белорусской культуры (Инбелкульт) в Минске историко-археологическую комиссию. Комиссия вела подготовку к созданию археологической карты Белоруссии, занимались раскопками и охраной памятников. С 1925 по 1928 г. Сергей Антонович был на положении «молодого исследователя» (аспиранта), а с осени 1928 г. уже научного работника (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 18). С. А. Дубинский был участником Первого съезда исследователей белорусской археологии и археологии, проходившего в Минске в январе 1926 г., и, вероятно, Второго Всебелорусского краеведческого съезда в феврале 1927 г. (Алексеев, 1990. С. 242, 244; Вяргей, 1992. С. 8).

В соответствии с планами Инбелкульта с 1926 г. Сергей Антонович приступил к раскопкам известного Банцеровского городища железного века под Минском, которое он исследовал несколько лет (1926–1928 гг.). На этом памятнике он открыл новую археологическую культуру, которая вошла в науку под названием банцеровской культуры (Каробушкина, 1986. С. 24). В 1927 г. С. А. Дубинский включен в штатный состав организованной при Инбелкульте самостоятельной Археологической комиссии, переименованной в 1928 г. в Кафедру археологии (Вяргей, 1984. С. 7; Вяргей, 1992. С. 9). Первейшей задачей комиссии стала создание археологической карты БССР и Смоленщины, подготовка каталога памятников. С 1928 г. по плану комиссии С. А. Дубинский вместе с А. Н. Лявданским руководит обследованиями па-

мятников железного века, а также городища в Витебске, курганов в Заславле, Витебской и Полоцкой округах, затем курганов в Бабруйском, Мозырском и Минском округах.

В 1929 г. Дубинский становится сотрудником археологической комиссии Белорусской АН сменившей Инбелкульт, а в 1930 г. – сотрудником секции археологии Института истории АН БССР, продолжая исследования памятников раннего железного века и эпохи средневековья. В 1930 г. Сергей Антонович раскопал два городища у д. Германы и Черкасы недалеко от Орши. В 1933 г. в Минске отдельным изданием Белорусской АН выходит «Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін» на 240 страницах, над которой С. А. Дубинский работал в течение девяти(?) лет (Каробушкина, 1986. С. 24). Всего им было опубликовано 10 научных статей и работ.

Летом 1930 г. в связи с ликвидацией «белорусского национал-демократизма» он был арестован ГПУ БССР по сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси» и пробыл под арестом свыше трех месяцев (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 18; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубинский>). Накануне годовщины Октябрьской революции С. А. Дубинский был освобожден и восстановлен на работе в Академии. В январе 1931 г. Комиссией по чистке аппарата Белорусской АН С. А. Дубинскому объявлен выговор без формулировки причин с занесением в личное дело. В частной беседе председатель Комиссии объяснил это действие, что так «надо было». Однако, по данным автобиографии, «надемы снова пытались ошельмовать» его, в результате чего 21 февраля 1933 г. С. А. Дубинский был уволен с работы из Института истории АН БССР с формулировкой «как неразоружившийся надем», замененную 22 марта того же года на другую – «за идеологическую невыдержанность в своей работе» (в печатных работах) (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 18об; Ф. 2, оп. 5, д. 97. Л. 4об). Через некоторое время несколько членов комиссии по чистке, виновные в «наговорах» на С. А. Дубинского, сами были обвинены в руководстве «боевым центром террористической шпионской организации в пользу Польши» и «получили полное возмездие» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 18об). После увольнения С. А. Дубинский уезжает из БССР. Непосредственно перед тем, как переехать в Ленинград, он находился в г. Бежецк Калининской (Тверской) области (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 2).

В апреле 1934 г. С. А. Дубинский в Ленинграде был принят на работу в ГАИМК. В заявлении он

просил дать ему возможность реализовать себя в «здоровой научной атмосфере ГАИМК», желательно в области «библиографической» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 2). Однако, в соответствии с распоряжением № 220 от 19.04.1934 г., подписанным и.о. председателя Академии Ф. В. Кипарисовым, С. А. Дубинский был зачислен старшим научным сотрудником Сектора полевых исследований с 16 апреля с окладом 225 рублей в месяц (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 1). На личном заявлении в Президиум ГАИМК от Дубинского Сергея Антоновича о принятии на работу, находится рекомендация, подписанная известным археологом В. И. Равдоникасом: «Уверен, что С. А. Дубинский был бы полезным сотрудником для Академии и если нет особых препятствий – его следует взять на работу в Академию» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 2).

С конца июня С. А. Дубинский командирован в составе пяти научных сотрудников под руководством П. Н. Третьякова в Волжскую новостроечную экспедицию для «производства научных изысканий в зоне работ Средволгоярстроя» (строительства Ярославской ГЭС). В задачу экспедиции входили разведки и раскопки памятников в зоне стройплощадки Ярославля–Тутаево, у с. Норского, местности по р. Нерехте и Волге, отводимых под разработку карьеров, «жилстроительства» и т.п. (РОНА ИИМК, 1934. Д. 165. Л. 14, 33, 38). Работы полевого отряда были начаты 6 июля, однако С. А. Дубинский прибыл в Ярославль позднее остальных, только 11-го числа (РОНА ИИМК, 1934. Д. 168. Л. 4). Экспедиция провела раскопки селища у с. Устье (рис. 2), курганов у с. Воздвиженье, городища около пос. Песочного (рис. 3) и д. Березняки. В экспедиции С. А. Дубинский (на этот момент ему было полных 49 лет) как старший научный сотрудник был вторым по должности человеком после начальника П. Н. Третьякова, с окладом 400 рублей в месяц (РОНА ИИМК, 1934. Д. 166. Л. 1). Помимо выполнения поручений П. Н. Третьякова, ведения раскопок и разведок С. А. Дубинский выполнял еще и функцию фотографа. Однако, вероятно по причине известных еще со студенчества проблем со зрением, это дело у него получалось не всегда хорошо. В своем письме в ГАИМК от 2 августа П. Н. Третьяков писал: «Веду раскопку городища около п. Песочного большими масштабами. ... Плохо одно: Дубинский не фотограф, а кустарь одиночка. Пока что из числа проявленных пластин удовлетворительные не более 50 %, а 25 % вовсе погибли. Он и на фокус не наводит и вообще не может снимать в обстановке большой работы» (РОНА ИИМК, 1934. Д. 166. Л. 27). Тем не менее, С. А. Дубинский продолжал

Рис. 2. Сотрудники Волгоярстройской экспедиции ГАИМК 1934 г. с. Устье. (С. А. Дубинский в центре, П. Н. Третьяков предпоследний справа) (ФОНА ИИМК. Колл. 0 1088-56)

Рис. 3. С. А. Дубинский (крайний слева, рядом П. Н. Третьяков) в Волгоярстройской экспедиции ГАИМК 1934 г. у п. Песочное Рыбинского района Ивановской области (ФОНА ИИМК. Колл. 0 1089-45)

фотофиксацию полевых работ, а в Ярославле по заданию П. Н. Третьякова фотографировал вещи из раскопок А. А. Спицина, который ранее исследовал городище у д. Березняки. Экспедиция закончила свои исследования в конце августа и 22 числа сотрудники выехали в Ленинград.

С 1 ноября 1934 по 1 января 1935 г. С. А. Дубинский находился в двухмесячном отпуске (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 11, 12). Однако, вскоре после выхода на работу и по ликвидации Сектора полевых исследований он был уволен из Академии с 25 января 1935 г. «с выдачей выходного пособия за 12 рабочих дней» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 14). Несмотря на возникшие трудности, С. А. Дубинский

держится за Академию и, как он сам отмечал, в течение почти всего 1935 г. «занимался сдельными работами преимущественно по заказам ГАИМК» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 19). В октябре 1935 г. С. Дубинский просит принять его на работу в одно из подразделений ГАИМК – Институт истории феодального общества, однако ему отказано с резолюцией директора ИИФО С. М. Дубровского (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 15). Упорство С. А. Дубинского не проходит даром, и 2 декабря он зачисляется во вспомогательное учреждение ГАИМК – в архив старшим архивистом с окладом 225 рублей с испытательным сроком в один месяц (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 23).

Свидетельства деятельности С. А. Дубинского в ГАИМК этого периода сохранились, например, в архивных делах. Так, в деле ИАК 1911 г., посвященного работам студентов Археологического кружка А. А. Спицина, есть запись от 15 января 1936 г. за подписью заведующего архивом С. А. Дубинского: «Всего в деле сто девяносто шесть (196) пронумерованных (заново, после проверки ошибочной нумерации) листов» (РОНА ИИМК, 1911. Л. 196). То, что в 1936 г. он был уже заведующим архива свидетельствуют и внутренние распоряжения ГАИМК, например, о выходе «Заведующего архивом» из отпуска (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 27). Не совсем ясно, где и как он проводил свой 36 дневный отпуск в июле–августе 1936 г. В заявлении С. А. Дубинский указывал, что собирается принять участие в работах Государственного музея этнографии и взять Открытый лист на раскопки в «Западной области» (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 30). Однако, медицинская справка о желудочном заболевании, дающая ему оправдание двухдневного опоздания из отпуска, привезена из г. Бежецк Калининской (Тверской) области (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 28). По сведениям белорусского археолога Г. Н. Семянчука в 1936 г. Сергей Дубинский вместе с Александром Лявданским и Александром Каваленей проводил обследование археологических памятников Посожья (Семянчук, 2010)⁵. Вероятно, часть своего отпуска С. А. Дубинский все же посвятил исследованиям в «западной области», оказавшимися последними его работами на территории Белоруссии.

Весной 1937 г. встал вопрос о присвоении С. А. Дубинскому должности старшего научного сотрудника. С положительной рекомендацией выступил профессор М. И. Артамонов, ставший в конце

⁵ Выражаю признательность А. Е. Мусину за предоставленные материалы книги Г. Н. Семянчука (2010).

1937 г. заведующим сектором дофеодальной Европы ИИМК АН СССР. М. И. Артамонов отмечал, что исследования С. А. Дубинского в Белоруссии и особенно раскопки Банцеровского городища представляют собой большое научное значение. Исходя из большого опыта археологических исследований С. А. Дубинского, большого числа публикаций, а также важности проводимой научной обработки архива ГАИМК, М. И. Артамонов полагал бесспорное право Сергея Антоновича на звание старшего научного сотрудника (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 32).

В полевой сезон 1937 г. С. А. Дубинский, вероятно, планировал принять участие во Владимиро-Суздальской экспедиции Н. Н. Воронина. Однако, распоряжением по ГАИМК за № 72 от 26 июня «старший научный сотрудник С. А. Дубинский» из экспедиции был по какой-то причине исключен... (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 34).

В работах белорусских археологов и историков фигурирует дата и причина смерти С. А. Дубинского – арест, а затем и расстрел, произведенный 27 августа 1937 г. (Каробушкина, 1986. С. 25; Варгей, 1992. С. 63; Семянчук, 2010). Эти сведения указаны и в Википедии (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Дубинский>).

Вероятно, Сергея Дубинского арестовали между 5 и 19 августа 1937 г. В его личном деле сотрудника ГАИМК хранится распоряжение от 20.08.1937 г. о том, то Заведующий архивом С. А. Дубинский считается отчисленным из Академии с 19.08.1937 г. (РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 3, д. 192). Волна репрессий в соответствии с приказом наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» началась с 5 августа. Одновременно развернулась и массовая операция против «шпионов и диверсантов». Арестовывали состоявших на учете в НКВД по анкетным данным: за предыдущие преследования, за политическое прошлое, за социальное происхождение, по национальному признаку (Разумов, 2012. С. 1, 3).

Наши поиски сведений о С. А. Дубинском в центральном архиве ФСБ не увенчались успехом: его дело там отсутствует⁶. 27 августа 1937 в Ленинграде считаются расстрелянными две женщины по приговорам Военного трибунала и 100 человек по приговорам Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР

⁶ Выражаю искреннюю благодарность руководителю Центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке А. Я. Разумову за помощь в поиске информации о судьбе С. А. Дубинского.

(Список «Поляки» № 1). Но С. А. Дубинского среди них нет, как нет вообще в списке расстрелянных в Ленинграде в 1937–1938 гг. Нет С. А. Дубинского и в списках Ленинградского мортиролога (Книгах памяти) центра Возвращённые имена (<http://visz.nlr.ru/person>; <http://visz.nlr.ru/person/book/t1/5/100>), нет в списках сайта Левашовская пустошь фонда Иофе (<https://lev.mapofmemory.org/>). В действительности имена захороненных на Левашовской пустоши неизвестны, кроме 10 человек, расстрелянных в 1950 и 1954 г. (<https://lev.mapofmemory.org/>).

Ситуация проявилась после нашего обращения к белорусским коллегам. По сведениям известного историка и археолога А. А. Метельского⁷, он лично в конце 1980-х гг. видел восстановленное после войны дело в КГБ БССР, по которому С. А. Дубинский и еще 12 человек (в том числе археологи А. Коваленя и А. Лявданский) проходили по обвинению в связи с «Польской организацией войсковой», которая «планировала свержение советской власти». Напротив фамилии Дубинского в деле стоит отметка красным карандашом ВМН (высшая мера наказания) и дата приведения приговора 27 августа 1937 г. «Польский след» в его деле и преследования в целом могли быть связаны как с местом рождения в местечке Наройки Бельского уезда, отошедшего в 1920 г. к Польше (Семянчук, 2010), а также, как полагал и сам С. А. Дубинский, его происхождением. По этому же обвинению «Польская организация войсковая» был арестован и расстрелян родной брат С. А. Дубинского. В автобиографии, написанной в 1935 г. Сергей Антонович сообщал, что «в семье у него только жена, детей нет, родители и брат уже умерли» (РОНА ИИМК, Ф. 2, оп. 3, д. 192. Л. 19). Однако из ЦА ФСБ прислали справку, как утверждается, о его родном брате Дубинском Константине Антоновиче, родившемся в 1895 г. в местечке Семяниччи (Семятицы) и в 1937 г. работавшем бухгалтером в конторе Сибпушнины в Томской области. Он был арестован 25 июля, приговорен к высшей мере наказания 18 октября, и приговор приведен в исполнение 8 декабря 1937 г. Репрессии против поляков проводились в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций «Польской военной организации».

Следует полагать, что после ареста в Ленинграде С. А. Дубинского перевозят в Минск к остальным обвиняемым, где это дело было открыто или возоб-

⁷ Выражаю искреннюю благодарность старшему научному сотруднику Института истории Национальной Академии наук Беларуси А. А. Метельскому за предоставленную информацию о деле С. А. Дубинского в КГБ БССР.

новлено, по данным А. А. Метельского, в январе 1937 г. Вероятнее всего, приговор был приведен в исполнение в Минске. На окраине Минска есть лесное урочище Куропаты. В Белоруссии полагают, что это аналогичное Левашовской пустоши место массовых захоронений репрессированных в 1930–1940-х гг. Здесь в память о расстрелянных белорусских археологах С. Дубинского, А. Ковалени и А. Лявданского поставлен мемориальный крест (Семянчук, 2010).

Источники и литература

- Алексеев Л. В., 1990. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е годы XX вв. // СА. № 4.
- Баринов Д. А., 2015. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-петербургского университета (1884–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Вергей В. С., 1984. Развитие археологической науки в БССР (1919–1939 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Вяргей В. С., 1992. Археологічная навука у Беларускай ССР, 1919–1941 гг. Мінск.
- Длужневская Г. В., Медведева М. В., Платонова Н. И., Мусин А. Е., 2009. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.
- Карбушкіна Т. М., 1986. Археалаг С. А. Дубінскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. № 4 (68).
- Разумов А. Я., 2012. Левашовское мемориальное кладбище. СПб. (4-е издание).
- Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2013. Раскопки у д. Замосье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). Москва; Псков.
- РОНА ИИМК, 1910. Ф. 1, д. 79. Дело ИАК о раскопках члена Комиссии А. Спицына в С.Петербургской, Новгородской, Тверской. На 149 листах.
- РОНА ИИМК, 1911. Ф. 1, д. 89. Дело ИАК о раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в 1911 г.
- РОНА ИИМК, 1912. Ф. 1, д. 164. Дело ИАК о раскопках С. А. Дубинского в Гродненской губернии в 1912 г.
- РОНА ИИМК, 1914. Ф. 1, д. 295. Дело ИАК о раскопках С. А. Дубинского в Гродненской губернии».
- РОНА ИИМК, 1934. Ф. 2, оп. 1, д. 165. Переписка Комитета ГАИМК по новостройкам с Средволгостроем об организации в 1934 году Волгоярстройской и Камской экспедиций.
- РОНА ИИМК, 1934. Ф. 2, оп. 1, д. 166. Средволгоярстройская экспедиция в 1934 г. Переписка по организации экспедиции, донесения, описи находок и фотоснимков и общий отчет о работе экспедиции между Ярославлем и Рыбинском.
- РОНА ИИМК, 1934. Ф. 2, оп. 1, д. 168. Материалы полевой документации. Дневник и полевая опись. Дневник Средневожской экспедиции ГАИМК.
- РОНА ИИМК, Ф. 2, оп. 3, д. 192. Личное дело С. А. Дубинского.
- РОНА ИИМК. Ф. 2, оп. 5, д. 97. Трудовой список. Дубинский Сергей Антонович.
- РОНА ИИМК. Ф. 5, д. 214. А. А. Спицын. Отчет о раскопках в Удрай-Замосье Лужского у. Ленингр. губ.: Александрова, С Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова, Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г.
- Семянчук Г. Н. 2010. Пасьляслоуе // С. А. Дубінскі «Бібліографія па археалёгіі Беларусі і сумежных краін». Спадчына археалага. Беласток.
- Спицын А. А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // ИАК. Вып. 53.
- Тихонов И. Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском Университете. Историографические очерки. СПб.

Исследования мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики на поселении Йылгынлы-депе в Туркменистане¹

Н. Ф. Соловьева²

DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-248-262

Уже 23 сезона продолжают раскопки энеолитического поселения Йылгынлы-депе – многослойного археологического памятника типа телля, площадью около 14 га и высотой около 14 м, расположенного в подгорной полосе Копетдага примерно в 240 км по прямой на юго-восток от Ашхабада и в 110 км на северо-восток от Мешхеда (Соловьева 2008. С. 7–13). Время функционирования поселка примерно полторы – две тысячи лет: от начала – середины V тыс. до н.э. до рубежа IV – III тыс. до н.э. (Соловьева, 2014а. С. 31, 32). Возникшее в раннем энеолите (Намазга-I), поселение достигло максимальных размеров в пору развитого энеолита (Намазга-II), а к началу позднего энеолита (Намазга-III) постепенно опустело (Березкин, Соловьева, 1998. С. 86).

Традиционный для первобытной сырцовый архитектуры прием многократного возведения новых домов на месте намеренно разрушенных прежних сформировал культурный слой поселения, включающий примерно 20 строительных горизонтов. Стратиграфия культурных напластований с самого начала археологических работ на памятнике изучалась под руководством автора статьи на стратиграфическом раскопе 3, площадью около 370 кв. м, заложенном в юго-западной части холма (Solovyova, 2000. P. 453–464). К 2014 г. здесь были завершены исследования слоев периода Намазга-II,

включавшие шесть строительных горизонтов с остатками архитектуры шести домохозяйств эпохи развитого энеолита (Соловьева, 2015. С. 76, 77).

В результате раскопок указанных строительных горизонтов была изучена исключительно редкая в археологии пирамида домохозяйств со святилищами, которые возводились одно над другим на протяжении около полутысячи лет. Раскопки позволили автору детально исследовать домохозяйства эпохи развитого энеолита, выявить традиции и инновации строительных приемов, проследить культурно-хронологические аналогии и выдвинуть тезис о том, что обитатели поселения веками четко разграничивали места для проведения обрядовых действий, рабочее, жилое и хозяйственное пространство домохозяйства: на протяжении шести строительных горизонтов культурные и жилые помещения, парадные, хозяйственные и производственные дворы располагались над соответствующими помещениями и дворами предыдущего домохозяйства (Соловьева, 2014б. С. 161–193). Жители прекрасно знали, как будет использоваться помещение, еще при закладке фундамента, не говоря уже о внутренней отделке помещений.

Изучение архитектуры периода Намазга-II на стратиграфическом раскопе 3 Йылгынлы-депе свидетельствует о том, что обитатели поселка не только методично соблюдали устоявшиеся многовековые традиции домостроительства и накопили большой опыт в строительстве сырцовых домов, но и уделяли огромное внимание художественному оформлению интерьеров, что ставит Йылгынлы-депе в один ряд с анатолийским Чатал-Хеюком (Соловьева, 1998. С. 124–130).

В процессе исследования самого нижнего в описанной пирамиде домохозяйства VI строительного

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (Тема № 0184-2018-0005 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

горизонта было найдено большое количество фрагментов керамики, орнамент на которой характерен для периода позднего Намазга-I (эпохи раннего энеолита), что давало исследователям шанс обнаружения в нижележащих слоях архитектуры этого мало исследованного периода, и, соответственно, необходимость продолжения археологических исследований залегающих ниже строительных горизонтов Йылгынлы-депе представляла особую значимость.

Структура и архитектура поселений раннего энеолита на территории Туркменистана и восточного Ирана практически не изучена. Почти все памятники Геокюрского оазиса были исследованы в 60–70-х гг. прошлого столетия при помощи небольших шурфов с использованием методики, соответствующей состоянию среднеазиатской археологии того времени. Данных, полученных при таких раскопках, недостаточно для решения столь важных проблем археологии как реконструкция хозяйственных систем и идеологических представлений членов древних обществ, развитие культур от эпохи раннего энеолита к эпохе ранней бронзы Средней Азии, поэтому исследование слоев раннего энеолита Йылгынлы-депе представляло особую значимость.

В 2014, 2015 и 2018 гг. сотрудники ИИМК РАН исследовали слои VII строительного горизонта на раскопе 3, содержащие остатки архитектуры периода Намазга-I. Сразу под основаниями стен домохозяйства со святилищем VI горизонта были выявлены остатки стен более раннего комплекса строений, имевшего совершенно другие размеры и ориентацию в пространстве. По мере расчистки стало очевидно, что исследуемый комплекс имел и совершенно другое функциональное назначение, чем построенное прямо на его развалинах домохозяйство. Характер заполнения комплекса и обнаруженные в нем находки свидетельствовали о том, что строения создавались и использовались для производственных нужд. Так, был обнаружен уникальный комплекс – специализированная мастерская по изготовлению мелкой глиняной пластики эпохи раннего энеолита (рубеж V – IV тыс. до н.э.) (Соловьева, 2015. С. 76–89).

Весь комплекс дважды подвергался капитальным ремонтам, поэтому в описании архитектуры, на чертежах и при характеристике находок выделено три периода: период строительства и самый ранний этап бытования комплекса – горизонт VII-Б (от постройки до первого капитального ремонта), следующий период бытования комплекса (между капитальными ремонтами) – горизонт VII-А и,

собственно, горизонт VII (последний этап после второго капитального ремонта до прекращения функционирования комплекса). В пределах горизонта VII-А выделен поздний этап, когда произошли некоторые более значительные, чем обычный косметический ремонт, переделки, поэтому на чертежах и в описании этап бытования комплекса после этих переделок выделен в горизонт VII-А поздний.

Комплекс мастерской включал: большую комнату-мастерскую (помещение 86), где ремесленники занимались лепкой поделок, смежную с ней комнату неясного функционального назначения (помещение 92), наполненную пеплом ёмкость для сушки вылепленных изделий и комнату с печью для их обжига (помещение 100). С востока перед входом в мастерскую был двор (обозначенный на разных этапах бытования как помещения 109, 110, 111 в горизонте VII-Б; помещения 103 и 105 в горизонте VII-А; помещение 94 в горизонте VII), соединявший мастерскую с еще одним помещением с печью для обжига поделок (помещение 113).

На момент написания статьи из всех строений комплекса самого раннего этапа функционирования – горизонта VII-Б – полностью исследованы лишь помещения 100 и 113; в помещениях 86 и 110 заложены разведочные траншеи, остальные помещения не вскрывались. Помещения 86, 100 и 113, вероятнее всего, были построены и использовались жителями с самого начала. Большой двор между мастерской (помещение 86) и комнатой с печью (помещение 113) на этом этапе был поделен на три части (помещения 109, 110 и 111) (рис. 1; 2).

Проверочная траншея, сделанная вдоль общей с помещением 100 стены в комнате, в которой занимались лепкой поделок (помещение 86), позволила выявить некоторые строительные приемы, применяемые жителями поселка. Так, стены мастерской (или, как минимум, одна северная стена) имели некое подобие фундамента: из плотной тяжелой глины выложены основания, которые были чуть шире самих стен. После кладки фундаментов стен на поверхность комнаты был уложен слой глины в виде сырцовой платформы (пока неясно, застилал ли этот слой всю поверхность помещения). Затем были возведены стены помещения и торец обжигательной печи в помещении 100. Внутри помещения 86 к северной стене был пристроен пилон необычной конструкции, проследить которую удалось только после снятия свиты слоев штукатурки: на высоте около 70 см на стене по обе стороны от пилона, вплотную к нему, имелись фигурные детали в виде налепов. Восстановить форму налепов не представляется возможным,

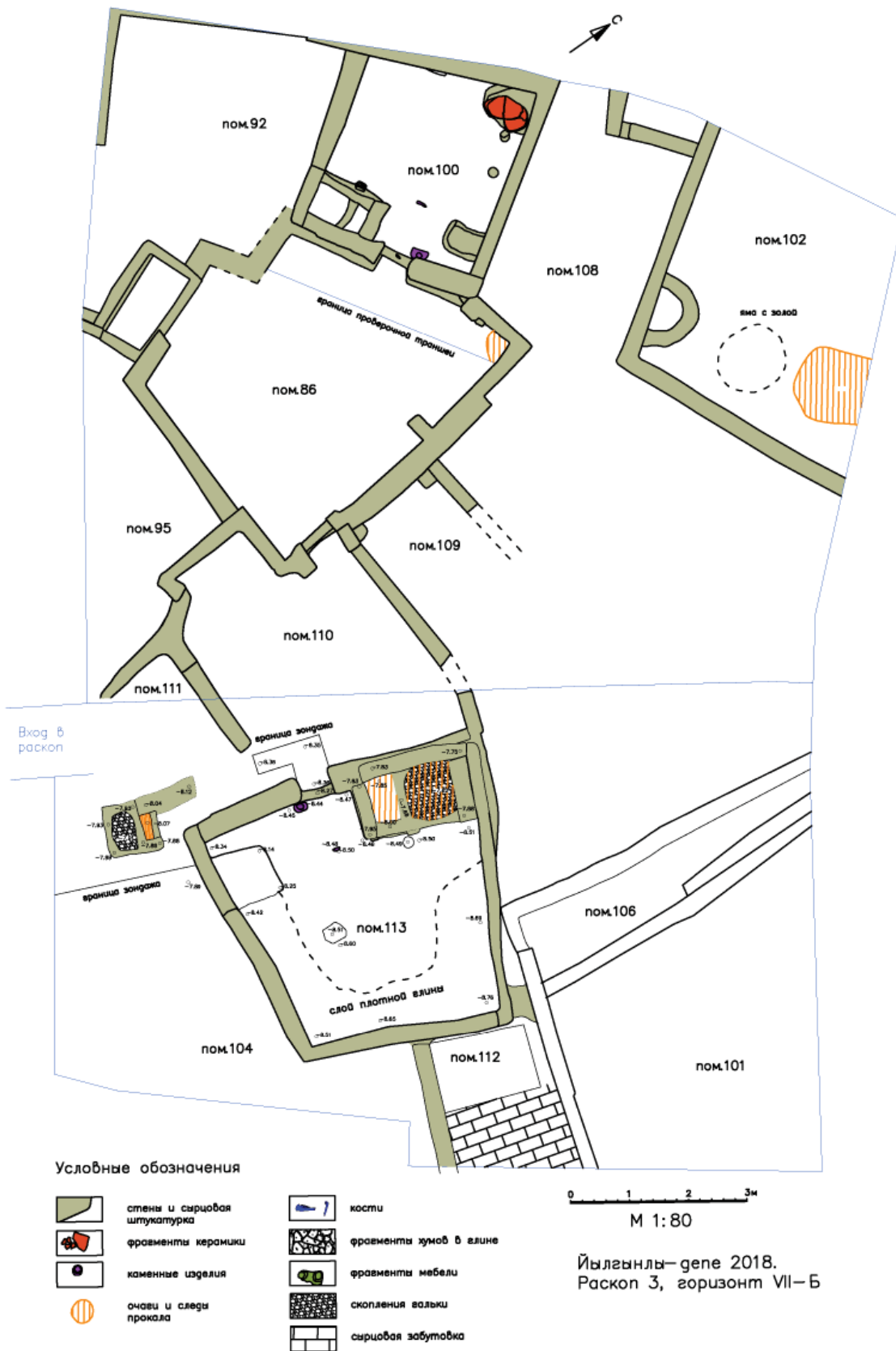

Рис. 1. Поселение Йылгынлы-депе. Раскоп 3. План строений горизонта VII-Б

Рис. 2. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Строения горизонта VII-Б. Вид с юго-запада

они были утрачены еще в процессе ремонта помещения. В северо-восточном углу помещения 86 довольно долгое время разводили огонь. Проход из помещения 86 в помещение 100 с самого начала был сделан в северной стене. Помещения 86 и 92, возможно, были разгорожены стеной.

С северной стороны к мастерской было пристроено помещение 100 – маленькая (менее 10 кв. м) комната с двухчастной печью, в которой проводили обжиг поделок (рис. 2). Комната прекрасно сохранилась, поэтому есть возможность описать ее интерьер. Пол и стены были выкрашены в черный цвет. Вход в помещение 100 с высоким валикообразным порогом закрывался дверью на вращающейся оси: каменный подпятник для оси двери был установлен внутри комнаты справа от входа с самого начала функционирования помещения (рис. 3). Чуть позднее порог увеличили, а пол вместе с порогом еще раз обмазали глиной и выкрасили в черный цвет. Примерно в 1 м от порога, напротив входа в пол помещения вертикально на половину высоты был вмонтирован тонкий плоский камень.

Слева от входа, внутри комнаты в южном углу вплотную к юго-восточной и юго-западной стенам находилась двухчастная печь для обжига поделок. Части указанных стен служили, соответственно, задней и правой торцевой стенами самой печи (специально для печи были сложены лишь фа-

сад и левая торцевая стена). Печь сохранилась в высоту примерно на 1 м. Свод (вероятнее всего, куполообразный) располагался выше: его обрушившиеся обломки были найдены внутри печи. Вертикальная дугообразная глиняная перегородка делила внутреннее пространство печи на две неравные части: меньшую левую часть занимало отделение для топлива, правая предназначалась для обжига поделок, где была найдена глиняная фигурка животного (рис. 4). На фасаде и левой торцевой поверхности печи сохранились следы черной краски. Фасад был украшен двумя налипшими выкрашенными в белый цвет фигурными деталями:

Рис. 3. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Порог в помещении 100

Рис. 4. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Двухчастная печь для обжига поделок из глины в помещении 100

ближе к левому углу был вылеплен прямоугольный в сечении сужающийся в середине пилястр с небольшим валикообразным перехватом, высотой около 30 см. По центру фасада, зрительно разделяя его на две части, был сделан еще один пилястр, уникальной сложной конструкции, высотой более 40 см и шириной более 17 см (рис. 5). Пилястр состоял из трех деталей в виде полуцилиндров разной высоты, плотно стоящих друг на друге. Нижний, самый короткий полуцилиндр не касался пола помещения, на него опирался второй самый высокий, на котором, в свою очередь, располагался верхний полуцилиндр среднего размера. Пилястр был выкрашен в белый цвет. Края всех трех деталей скруглены таким образом, что создается зрительное восприятие всей конструкции как антропоморфного существа. Справа и слева от этого пилястра на фасаде печи сделаны два отверстия, по форме напоминающие перевернутую букву U – устья печи: через левое закладывали дрова в топку,

Рис. 5. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Рельефный налпной декор на фасаде печи в помещении 100

через правое – подготовленные для обжига мелкие поделки из глины: фигурки животных, фишки, антропоморфные статуэтки (рис. 6). Под основаниями устьев поперек фасада вылеплены (по одному с каждой стороны от пилястра) два горизонтальных выпуклых валика ладьевидной формы (правый расположен несколько выше левого). Верхние края валиков такие плоские, что сам валик мог служить полкой перед устьями. На валиках есть следы белой краски. Углубления под валиками, как и весь фасад печи, выкрашены в черный цвет. Валики зрительно воспринимаются как единое целое с центральным пилястром, это впечатление усиливает белый цвет на фоне черного фасада. На фасаде печки сверху над левым маленьким пилястром, судя по направлению штукатурки, было еще какое-то налпное украшение, но оно не сохранилось.

Справа от входа в помещение в полуметре от восточного угла вплотную к северо-восточной стене комнаты на полу стояла конструкция из глины. По форме конструкция напоминает неглубокий овальный вазон или раковину с округлым невысоким бортиком на высоком глиняном постаменте. Постамент уже и короче чаши. Снаружи вся конструкция вместе с постаментом была выкрашена в черный цвет. Во внутреннюю поверхность чаши вмазаны фрагменты стенок расписных сосудов (рис. 7).

В северном углу комнаты была сооружена ещё одна конструкция. На полу на боку лежал огромный (до 100 л емкостью) расписной керамический сосуд для хранения – хум, заполненный золой и пеплом, вероятнее всего, извлекаемыми из печи. Для устойчивости под коническую часть хума были подложены небольшие камни. Судя по

Рис. 6. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 100. Устья печи после расчистки и снятия декора

Рис. 7. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Глиняная конструкция в помещении 100

Рис. 9. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 100. Цилиндрические основания глиняных колонн

сохранившейся части, хум был обложен фрагментами еще одного хума и затем обмазан толстым слоем глины. Сверху слой глины был плотно примазан к северо-восточной и северо-западной стенам помещения, а с юго-западной стороны по внешней поверхности хума спускался до полу. Как выглядел фасад этой необычной конструкции осталось невыясненным ввиду его полной утраты (рис. 8). Между хумом и овальной конструкцией на полу у северо-восточной стены сохранились нижние части глиняных цилиндрических оснований (колонн?). Боковые поверхности цилиндров вместе с полом помещения многократно промазывались и окрашивались в черный цвет (рис. 9).

Из мастерской (помещение 86) через двор (помещение 110) можно было попасть в еще одну комнату с обжигательной печью (помещение 113). Комната площадью чуть более 16 кв. м имела трапециевидную форму и была ориентирована уг-

лами по сторонам света. Дверной проем сделан в самой длинной северо-западной стене комнаты. Проем имел невысокий (около 15 см) овальный в сечении глиняный порог. Вход в комнату закрывался дверью на вращающейся оси: справа от проема со стороны комнаты сохранился каменный подпятник. Подпятник был полностью, за исключением лунки для оси, гладко промазан тонким слоем глины вместе с полом и выкрашен черной краской. Глиняная промазка пола с черной краской через порог спускалась на поверхность двора (помещение 110), что однозначно свидетельствует о одновременном существовании обоих помещений и их связи между собой (рис. 10).

Черная краска с пола узкой, около 5 см в высоту, полосой поднималась на все стены комнаты, зрительно создавая эффект плитуса. Выше плитуса поверх штукатурки все стены, кроме северо-западной, были выкрашены в белый цвет на всю

Рис. 8. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 100. Хум в северном углу в процессе расчистки

Рис. 10. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 113. Дверной проем с порогом и вкопанный в пол помещения камень

сохранившуюся высоту. Северо-западная стена была полностью черной. На дальней стене напротив входа на высоте около 70 см горизонтально в ряд расположены пять небольших круглых углублений, о назначении которых судить затруднительно (рис. 11).

В пол помещения прямо напротив входа, на расстоянии около метра вертикально, на половину высоты вкопан небольшой плоский камень. Как и в помещении 100, камень был установлен на этом месте с самого начала функционирования помещения, о чем свидетельствуют ненарушенные промазки пола, плотно примазанные к камню (рис. 10). Вполне вероятно, что впущенные в пол помещений 100 и 113 камни являются ничем иным, как заменителями каменных статуй, вкапываемых в пол святилищ, исследованных на Ыылгылы-депе в вышележащих горизонтах и описанных автором (Соловьева, 2005).

Примерно в полутора метрах за камнем, ближе к юго-западной стене помещения, на полу из глины и обломков керамики было сформовано возвышение, сохранившееся на высоту не более 12 см. Возвышение первоначально, вероятно, имело в плане форму неправильного многоугольника. Вся конструкция была сооружена одновременно с выравниванием пола при создании внутреннего убранства помещения и также одновременно с полом покрывалась черной краской, о чем свидетельствуют ее многочисленные слои на боковых поверхностях конструкции. Как конструкция завершалась вверху, судить невозможно (рис. 10).

Справа от входа вплотную к юго-западной стене комнаты, на полу стояло прямоугольное в плане сооружение из глины, передняя и правая боковые поверхности которого были оштукатурены и выкрашены в черный цвет. Пространство внутри

сооружения ко времени написания статьи не вскрыто, поэтому говорить о его конструкции и назначении пока преждевременно.

Слева от входа, занимая весь северный угол комнаты, построена большая, площадью 2,5 кв. м, прямоугольная в плане двухчастная печь (рис. 12). Конструкция, детали украшения фасада и назначение печи аналогично печи в помещении 100. Задней стенкой печке служила северо-западная стена помещения. Левая и правая боковые стенки сложены из коротких толстых кирпичей, лицевая стенка гораздо тоньше. Все стенки печи были тщательно оштукатурены и выкрашены также, как и стены комнаты: тонкий черный плитус прямо у пола, выше белый цвет. В печи имелись две камеры: топочная и обжигательная, разделенные невысокой овальной перегородкой (рис. 13). Под топку расположен чуть ниже пода обжигательной камеры. Поверхность пода топки тщательно заглажена и очень сильно прокалена. Под обжигательной камеры выложен галькой среднего размера, поверх которой нанесена гладкая глиняная обмазка. Печь в помещении 113 сохранилась хуже, чем печь в помещении 100, однако по аналогии можно заключить, что перегородка между камерами не достигала свода, и жар из топки проникал в обжигательную камеру. Топливо и поделки закладывали в печь через устья. Судить о форме устьев невозможно, поскольку, кроме следов нижних поверхностей, от них ничего не сохранилось. Фасад печи, также, как и фасад печи в помещении 100, украшен наклепными рельефными деталями, которые не несут никакой функциональной нагрузки (рис. 14). Примерно по центру фасада сделан пилястр, аналогичный центральному пилястру на печи в помещении 100, из трех полуцилиндров разной высоты со скругленными концами, плотно стоящих друг на друге и выкрашенных в белый цвет (верхний полуцилиндр сохранился плохо).

Рис. 11. Поселение Ыылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 113

Рис. 12. Поселение Ыылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 113

Рис. 13. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 113. Печь для обжига глиняных поделок

Рис. 14. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-Б. Помещение 113. Фасад печи с рельефным напольным декором

Ближе к левому углу печи на фасаде вылеплен узкий тонкий прямоугольный в сечении пилястр, сужающийся книзу и не достигающий пола. Пилястры соединены горизонтальным ладьевидным валиком, расположенным прямо под устьем топки. На валиках и пилястрах отчетливо видны следы белой краски. Возможно, правый край фасада печи тоже был как-то украшен, судя по направлению волокон штукатурки.

На полу перед печью почти по центру лежал тонкий диск из очень плохо обожженной глины (рис. 14). Никаких других деталей интерьера в комнате не было. На полу натоптан слой пепла, бытовой мусор отсутствует. Позднее, возможно, с целью выравнивания сильно накренившейся к юго-востоку поверхности пола, вдоль стен по периметру комнаты был неравномерно уложен слой тяжелой мокрой глины: у юго-восточной стены слой был мощнее, к северо-западу истончался. Возможно, первоначально слой играл роль суфы, поскольку

на его поверхности в разных местах сохранились пятна очень черной глянцевой краски. Однако, при последующем ремонте поверхность слоя была сильно повреждена.

По прошествии некоторого времени обитатели поселка провели первый капитальный ремонт комплекса мастерской с перестройкой некоторых стен и подъемом уровня полов и дворовых поверхностей³. На этом этапе функционирования к комплексу мастерской, безусловно, относятся помещения 86, 92, 100, 103, 105 и 113. Поскольку на момент написания статьи все помещения полностью изучены, у автора есть возможность описать их интерьер (рис. 15).

Северная и западная стены мастерской (помещение 86) были сооружены лишь на четверть своей длины. К западной стене пристроена заглубленная в пол примерно на 35–40 см прямоугольная конструкция из сырцовых кирпичей – ёмкость для просушки поделок, доверху заполненная золой и пеплом (рис. 16). Стенки и пол ёмкости в процессе функционирования слегка прокалились, что свидетельствует в пользу того, что зола и пепел насыпались в ёмкость горячими. При разборке заполнения ёмкости в ней было обнаружено много целых, поломанных и бракованных поделок и огромное количество (более 300 единиц) бесформенных глиняных комочков – заготовок для поделок.

Стены комнаты оштукатурены, пол неоднократно промазывался глиной и покрывался черной краской. Такая отделка интерьера предполагает наличие перекрытия, поскольку, в противном случае, и штукатурка, и глиняное напольное покрытие страдали бы от осадков.

В центре помещения 86 расчищено большое горелое пятно, а в северо-восточном углу – место для складирования глины, из которой лепили поделки. Склад выглядел следующим образом: весь угол прямо от стен был выложен очень большими фрагментами крупных тарных сосудов-хумов, на этом слое лежала глина для поделок, сверху глину перекрывал еще слой стенок хумов, на котором снова хранилась глина. Всего удалось зафиксировать три таких слоя.

Как на этом этапе функционирования попадали в мастерскую из двора пока, до разборки стен комплекса, выяснить не удалось, но есть основания полагать, что проход существовал на том же месте,

³ Этап функционирования комплекса после ремонта на чертежах и в описании обозначен как горизонт VII-А.

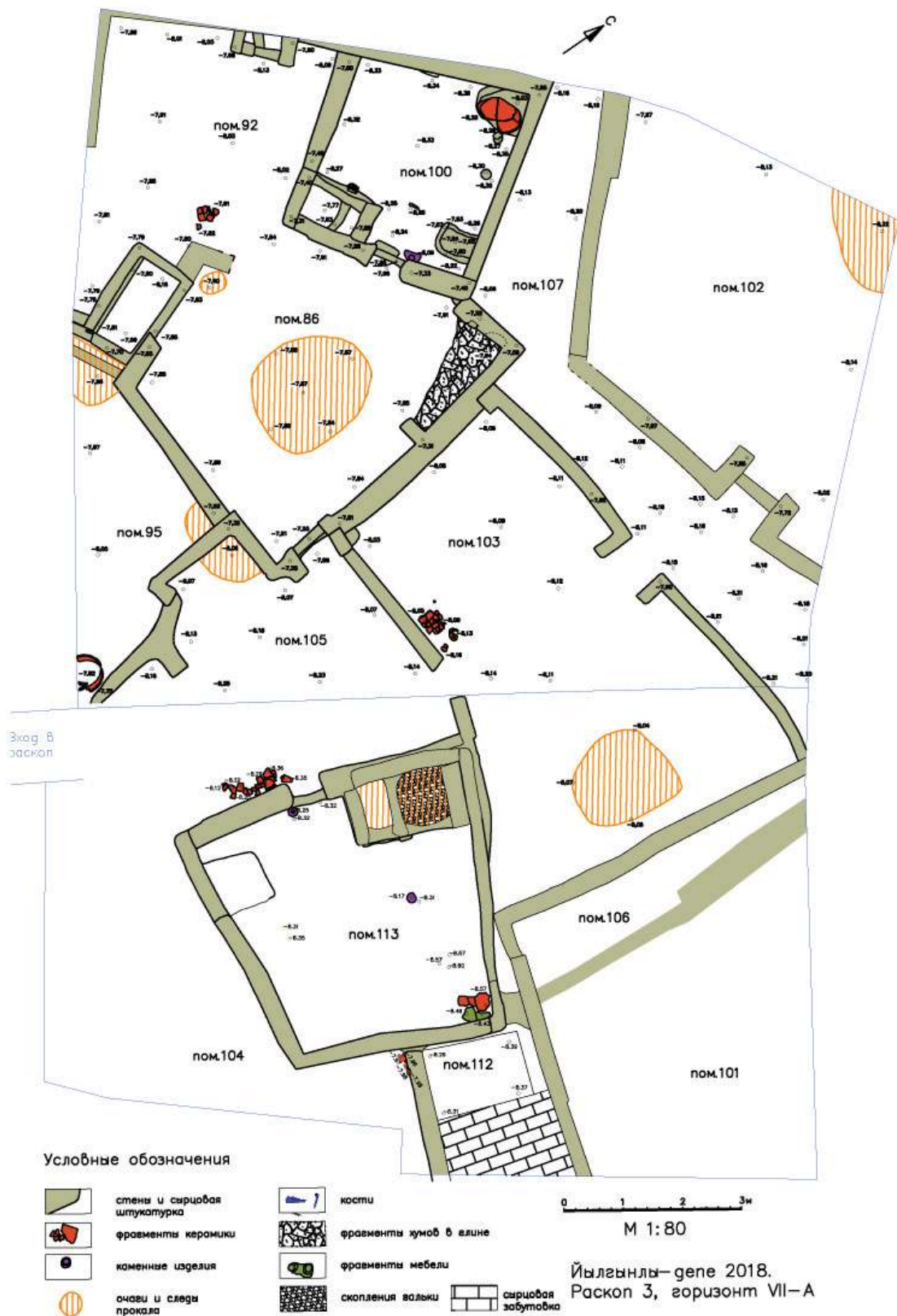

Рис. 15. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. План строений горизонта VII-A

Рис. 16. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 86. Емкость для сушки глиняных поделок

Рис. 17. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 100

где и в более поздний период – в восточной стене, ближе к юго-восточному углу, но был заложен при перестройке стены.

Проход в помещение 92, по-прежнему, находился на месте северо-западного угла мастерской. Помещение 92 также являлось частью комплекса мастерской. Люди, находившиеся в этой комнате, имели доступ и в мастерскую, и к ёмкости для просушки, а через мастерскую могли попасть в комнату с печью. Сохранившийся интерьер помещения не дает представления о его функциональном назначении: у северо-западного борта на полу была сложена из сырцовых кирпичей прямоугольная конструкция, внутреннее пространство которой поделено на две части. На полу помещения 92 сохранились остатки мощения из битой керамики, много фрагментов сосудов, обломков глиняных поделок и несколько ножек и фрагментов столешниц глиняных и терракотовых столиков⁴.

В маленькой комнате с печью для обжига (помещение 100) никаких существенных перестроек сделано не было, только повышен уровень пола, перестроен порог и заново окрашены пол, стены и печь. Порог во время ремонта был укреплен еще одним валиком такой же высоты, что на раннем этапе, но более коротким справа, чтобы сохранить возможность использования подпятника и не переносить дверь (рис. 17). Пол многократно промазывался глиной и окрашивался в черный цвет, под промазками найдены фрагменты крупных сосудов (рис. 18). На полу валялся сломанный и перевернутый глиняный столик квадратной формы на низких фигурных ножках (рис. 19). Детали еще,

⁴ Этот тип мебели никогда прежде не встречался ни на Ыылгынлы-депе, ни на соседних памятниках.

Рис. 18. Поселение Ыылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 100. Фрагменты крупных тарных сосудов-хумов на полу

как минимум, двух столиков были брошены у порога .

Во время ремонта в центр большой комнаты с обжигательной печью (помещение 113) между плотным глиняным слоем был досыпан принесенный откуда-то мусорный слой, поверх которого насыпан тонкий выравнивающий слой чистой глины, сверху которого промазан и выкрашен в черный цвет новый пол. Пол плавно подходил к печке, прямоугольному сооружению у юго-западной стены, вкопанному в поверхность камню и к порогу. Конструкция в центре комнаты и старый подпятник были скрыты под новым полом. На место старого подпятника поставили другой маленький, кривой, подложив под него несколько черепков (рис. 20). В восточный угол комнаты на пол поставили большой сосуд-хум (или его часть), в который сложили обломки черного глиняного столика на ножках и пряслице (рис. 21). Примерно в центре помещения, ближе к северо-восточной стене на полу найдена перевернутая рабочей поверхностью вниз каменная ступа.

Рис. 19. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 100. Обломки глиняного столика на ножках

Рис. 20. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 113. Вход с порогом

Рис. 21. Поселение Йылгылы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-А. Помещение 113. Обломки хума и глиняного столика в восточном углу

Двор между мастерской и помещением 113, разделенный на раннем этапе тонкой стенкой на две части (помещения 110 и 111), объединили в один (помещение 105), почти полностью разобрав перегородку. На западном участке, где стена двора П-образно изогнута, расчищено очажное пятно, на котором разложены каменные орудия и фрагменты керамики. Из этого двора через проход в северо-восточной стене можно было попасть в большой двор (помещение 103), через который мастера могли выйти на улицу (помещение 107). О принадлежности двора комплексу мастерской судить затруднительно.

Спустя некоторое время жители снова устроили ремонт практически во всех помещениях комплекса с повышением уровня полов (рис. 22)⁵. В восточной стене помещения 86, ближе к юго-восточному углу был сделан выход во двор. Он имел аморфное крыльцо из сырцовых кирпичей. Доверху заполненную пеплом ёмкость для просушки поделок заложили обломками хумов. Над северным углом ёмкости сложили маленькую дугообразную стенку, протянув её в северном направлении, но сохранив неширокий проход в помещение 92. На полу в центре комнаты на большом горелом пятне были расчищены хаотично положенные в один слой на узкое ребро, довольно плотно друг к другу, сырцовые кирпичи. Между ними было найдено большое количество комочков сырой глины, смятых заготовок и бракованных изделий, что позволяет предположить, что именно здесь и было рабочее место, где сидели ремесленники и лепили поделки. Вполне вероятно и то, что каждый мастер приносил свои кирпичи, устанавливал их на свободном месте, поэтому у конструкции нет единой формы.

В помещении 92 под новыми промазками пола скрыта прямоугольная конструкция у северо-западной стены. В помещении 100 перед печью соорудили узкое короткое крыльцо (рис. 23). Двойной овальный порог вместе с подпятником и вкопанным в пол камнем скрыли под новым полом. От порога сохранился лишь один невысокий овал (рис. 24). Хум с пеплом еще раз обмазали толстым слоем глины с саманом. Помещение 113 перестало существовать: в нем сломали свод печи, сохранившиеся ее остатки скрыли под глиняной промазкой. Саму комнату засыпали слоем принесенного мусора так, что видны остались только юго-восточная и часть юго-западной стен.

⁵ На чертежах и в описании этап бытования комплекса после этого ремонта обозначен как горизонт VII-А поздний.

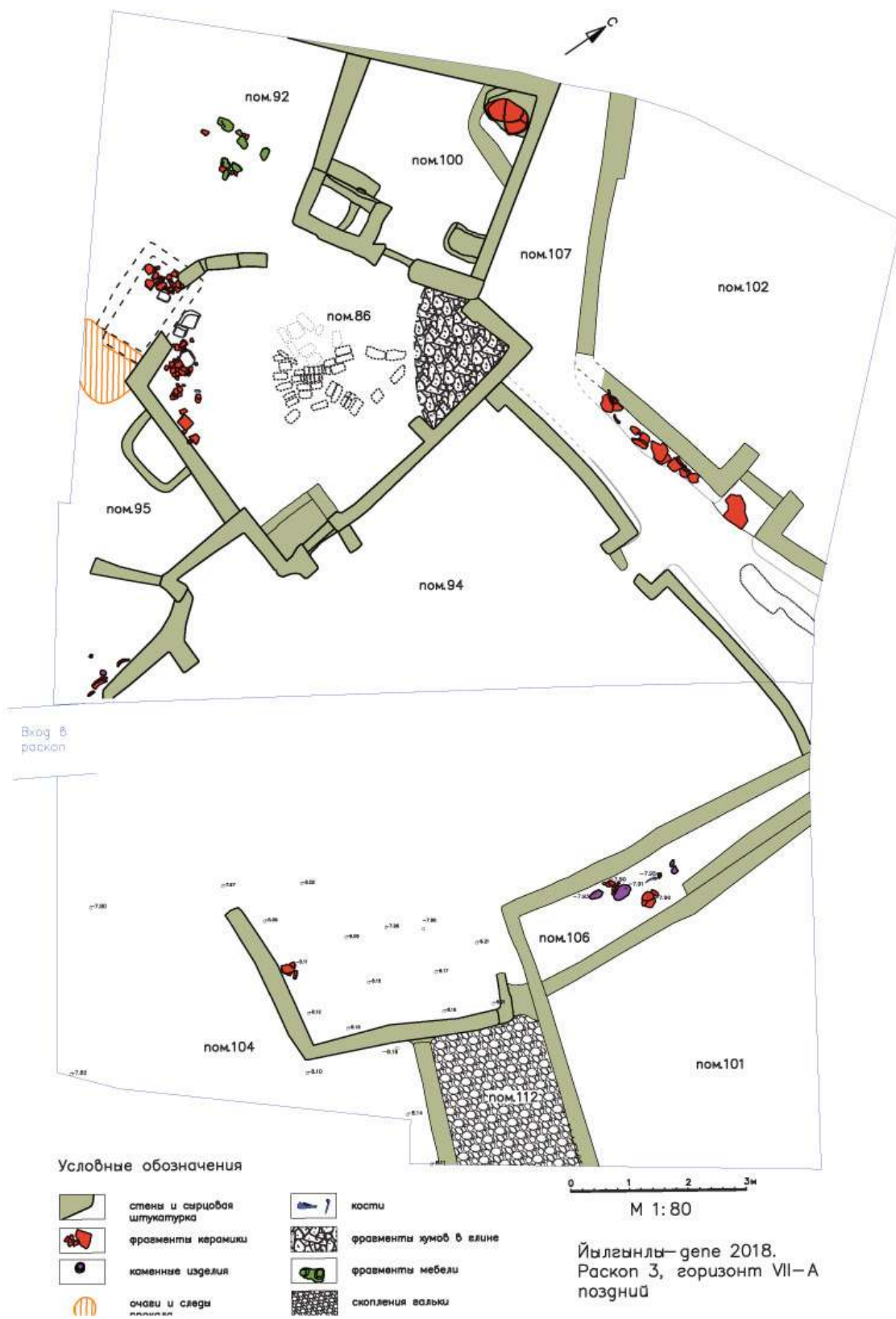

Рис. 22. Поселение Йул'гынлы-депе. Раскоп 3. План строений позднего этапа горизонта VII-A

Рис. 23. Поселение Ёылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-A поздний. Помещение 100. Крыльцо перед печью

Рис. 24. Поселение Ёылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII-A поздний. Помещение 100. Вход

Два двора (помещения 103 и 105), скрыв перегородку между ними, и участок, который занимало помещение 113, объединили в один большой двор (помещение 94), из которого сохранили выход на улицу к другим строениям поселка.

По прошествии какого-то периода времени практически во всех помещениях и дворе комплекса был снова проведен большой ремонт со значительным повышением уровня поверхности (рис. 25)⁶. Верхние части стен помещения 86 разобрали, сохранив на высоту примерно на 0,5 м. Вместо разобранных частей кирпичных стен на сохранившихся основаниях возвели новые, сложенные из глиняной массы, смешанной с мусором и угольками. Такие стены не могли выдержать тяжести перекрытия, и, вероятно, они были невысоким забором. В пользу того, что мастерская стала открытым участком свидетельствует и наличие

натечных слоев на поверхности. Выход из мастерской во двор оформили овальным порогом, скрыв крыльцо из сырцовых кирпичей под новой поверхностью. Стену между помещениями 86 и 95 сместили значительно севернее, протянув её от угла Г-образной стенки, которую построили в помещении 92, отгородив угол (помещение 99), в направлении юго-восточного угла мастерской, оставив проход из мастерской в помещение 95 (рис. 26).

Новый пол в помещении 100 скрыв крыльцо перед печью, хум и весь постамент овальной конструкции справа от входа, сохранилась лишь ее чаша, были разобраны и колонны. Печь продолжали использовать, повысив уровни подов в обеих камерах (рис. 27). Проход в мастерскую больше не имел порога, а позднее, когда помещение прекратило свое существование, прямо в проходе, как бы «запечатывая» его, был установлен большой расписной горшок (рис. 28).

Значительные изменения произошли во дворе перед мастерской (помещение 94). Стена, отгораживающая двор от улицы, была полностью разобрана, из-за чего двор стал общим с соседними строениями. Поверхность двора в П-образном закутке замостили битой керамикой, а в угол поставили крупный кухонный сосуд.

На полах и в заполнении помещений комплекса мастерской на всех этапах его бытования, в емкости для сушки и в печи найдено большое количество (более 2000 ед.) заготовок поделок, бракованных поделок, целых и сломанных готовых изделий мелкой глиняной пластики и находок, которые могли использоваться в качестве орудий труда при работе с глиной. Среди общего числа находок обнаружено более 200 поделок из стенок керамики (которые могли использоваться в качестве инструментов), десятки шариков, фишек, фигурок животных, антропоморфных фигурок, пряслиц и наверший. Заготовки и бракованные изделия составляют около 1000 единиц, из которых 327 глиняных комочков и заготовок найдены только в сушилке. Такое количество изделий мелкой глиняной пластики значительно превосходит нужды одной семьи, а, следовательно, есть основания говорить о производстве поделок для нужд других членов общины поселка, то есть о разделении труда, а это уже требует внесения корректировок в наши знания о социальной структуре примитивного общества эпохи раннего энеолита Туркменистана.

Открытие комплекса специализированной мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики периода Намазга I (датировка комплекса – рубеж

⁶ На чертежах и в описании этап бытования комплекса после этого ремонта обозначен как горизонт VII.

Рис. 25. Йылгынлы-депе. Раскоп 3. План строений горизонта VII

Рис. 26. Йылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII.
Помещение 86

Рис. 27. Йылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII.
Помещение 100. Печь

Рис. 28. Йылгынлы-депе. Раскоп 3. Горизонт VII.
Помещение 100. Керамический сосуд в проходе

скопления поделок. Участки их нахождения по совокупности материалов назывались мастерскими, но все они не представляют собой единого комплекса строений и относятся к более позднему времени. Завершение раскопок мастерской, которое планируется в следующем полевом сезоне, даст возможность исследователям полностью изучить строительство, функционирование, архитектуру и связь уникального комплекса с соседними домохозяйствами поселка.

Источники и литература

Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф., 1998. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. № 5.

Соловьева Н. Ф., 1998. Стенопись Йылгынлы-депе // АВ. СПб. № 5.

Соловьева Н. Ф., 2005. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, СПб.

Соловьева Н. Ф., 2008. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.

Соловьева Н. Ф., 2014а. «Танцовщица» середины IV тыс. до н.э. – уникальная терракота из раскопок Йылгынлы-депе (юго-восточный Туркменистан) // Записки ИИМК РАН. № 9.

Соловьева Н. Ф., 2014. Архитектура ритуальных комплексов Йылгынлы-депе // Искусство и архитектура Туркменистана. Научные сообщения. Ашхабад. № 3.

Соловьева Н. Ф., 2015. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах // Записки ИИМК РАН. № 12.

Solovyova N. F., 2000. The Wall-Painting of Ilgynly Tepe // South Asian Archaeology 1997: Proceedings of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists (Rome, 7–17 July 1997). Rome.

V–IV тыс. до н.э.), безусловно, стало сенсацией для всей среднеазиатской археологии. Никогда прежде археологам не удавалось найти столь раннего комплекса такой сложности и сохранности. Были отдельные находки развалов печей, ям и

Список сокращений

- АО – Археологические открытия. М.
АВ – Археологические Вести. СПб.
АДСВ – Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
БС – Боспорский сборник. М.
ВВ – Военный вестник. М.
ИАК – Императорская археологическая комиссия. СПб.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
НИС – Новгородский исторический сборник. Великий Новгород.
ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
ПИФК – Проблемы истории, философии, культуры. М.; Магнитогорск.
РА – Российская археология. М.
РОНА ИИМК – Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН.
РЭМ – Российский этнографический музей, СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
ТПАИ – Теория и практика археологических исследований. Барнаул.
ФОНА ИИМК – Фотографический отдел научного архива ИИМК РАН.
AAASH – Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
АМАФ – Archaeologia Medii Aevi Finlandiae. Turku.
ВСН – Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
ВМВ – Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin.
СМҮА – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

Список авторов

- Е. К. Блохин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Р. С. Веретюшкин – Курский государственный университет, Научно-исследовательский институт археологии юго-востока Руси
- Д. В. Герасимов – Музей антропологии и этнографии им. П. Великого (Кунсткамера)
- Е. Н. Гончарова – Государственное автономное учреждение культуры Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера»
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Л. М. Дмитренко – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера)
- Ю. Н. Есин – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- Е. Р. Кириллов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Конончук – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. В. Косорукова – Череповецкий государственный университет, кафедра истории и философии
- А. В. Курбагов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. С. Курганов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. П. Лазаретов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Р. Михайлова – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Н. Ф. Морозова – Новолодожский историко-краеведческий музей
- Д. Н. Мурзенков – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- В. Л. Мыц – Государственный Эрмитаж
- А. В. Плохов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ф. Покровская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Поляков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. С. Роплекар – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. Р. Садыков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Ю. Соболев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. В. Стасюк – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. И. Тарасов – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Е. С. Ткач – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. А. Федоров – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Р. В. Филиппенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. В. Хаврин – Государственный Эрмитаж
- К. В. Шмелев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- М. М. Шахнович – Национальный музей Республики Карелия

Golfe de Cronstadt

Port des Galeres

Isle de Basile

La

partie de l'Isle Ronde

Corps de Garde

Parschka R.

Monka R.

Quartier

duchaia R.

